

Энциклопедия тайн и сенсаций

ТАЙНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПЕРЕВОРОТОВ И РЕВОЛЮЦИЙ

Энциклопедия
тайн и сенсаций

ТАЙНЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПЕРЕВОРОТОВ
И
РЕВОЛЮЦИЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТАЙН И СЕНСАЦИЙ

**ТАЙНЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ
И РЕВОЛЮЦИЙ**

**МИНСК
ЛИТЕРАТУРА
1998**

Серия основана в 1996 году

Автор-составитель *Г. Ц. Малаховская*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража без письменного разрешения издателя будет преследоваться в судебном порядке.

Т 14 Тайны государственных переворотов и революций /
Авт.-сост. Г. Ц. Малаховская. — Мн.: Литература, 1998. —
608 с. — (Энциклопедия тайн и сенсаций).

ISBN 985-437-399-1.

Как известно, история человечества — это история войн, заговоров и переворотов. Жажда власти всегда сопряжена с тяжчайшими преступлениями. И, как бы ни старались последователи марксистской теории убедить нас, что главную роль в истории играет не личность, опыт многих стран свидетельствует об обратном...

Перед нами встают образы провокаторов, тиранов, диктаторов и полководцев. Среди них — Юзеф Пилсудский, Франсиско Франко, Аугусто Пиночет, Шарль де Голль, Имре Надь, Евно Азеф, Радослав Островский, Лаврентий Берия, император Бокассы. Деяния одних заставляли содрогнуться мир, другими восхищалось все человечество. Что движет ими? Некая высшая сила или тайные пружины человеческой психики? В книге «Тайны государственных переворотов и революций» автор пытается приоткрыть завесу над этой загадкой...

Т 343030000

ISBN 985-437-399-1

© Литература, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ЦАРЕУБИЙСТВО	6
ОТРЕЧЕНИЕ	6
ВОЗМЕЗДИЕ	20
ТРАГЕДИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ	24
РАССТРЕЛ В ПЕРМИ И АЛАПАЕВСКЕ	31
ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ К ДОКУМЕНТАМ АРХИВА СЛЕДОВАТЕЛЯ Н. СОКОЛОВА	33
ЧАСТЬ II. ПРОВОКАТОРЫ	38
ЧЛЕНЫ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»	38
АЗЕФ	41
ГАПОН	54
МАЛИНОВСКИЙ	60
ТАЙНА СТАЛИНА	64
ОСТРОВСКИЙ	66
ИМРЕ НАДЬ	75
ЧАСТЬ III. РЕЙХСМАРКИ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА	81
СКОЛЬКО СТОИЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	81
УБИЙСТВО ГРАФА МИРБАХА	90
ЧАСТЬ IV. О ЗОЛОТЕ	103
ЗОЛОТОЙ ЗАПАС РОССИИ	103
ЗОЛОТО ИСПАНИИ	106
ЗОЛОТО АЛБАНИИ	109
ЧАСТЬ V. ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ	113
НЕСТОР МАХНО	113

РАССТРЕЛ ТУХАЧЕВСКОГО	123
ИОНЕ АНТОНЕСКУ	136
САДДАМ ХУСЕЙН ПРОТИВ КУРДОВ	143
112 ДНЕЙ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИЯ	148
РАЗГРОМ СТАЛИНСКОЙ ГВАРДИИ	160
ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ	168
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЧАУШЕСКУ	187
ДЭН СЯОПИН	196

ЧАСТЬ VI. КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА 210

ВЕНГРИЯ, 1956	210
ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1968	218
АФГАНИСТАН, 1979	232
ВОЙНА В КОРЕЕ 1950—1953 ГОДОВ	251
НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА	274
АВГУСТ, 1991	284

ЧАСТЬ VII. ТИРАНЫ И ДИКТАТОРЫ 335

ИДИ АМИН	335
ЖАН-БЕДЕЛЬ БОКАССА	350
ФРАНСИСКО ФРАНКО БОАМОНДЕ	363
ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ	380
ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ЭФИОПИИ	400
АУГУСТО ПИНОЧЕТ	404

ЧАСТЬ VIII. СУДЬБЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ . . 416

УБИЙСТВО ТРОЦКОГО	416
БЕЖЕНКА ИЗ ГДР	438
ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧИЛИ И УБИЙСТВО ЛЕТЕЛЬЕРА	459

ЧАСТЬ IX. «БЕЛАЯ» СМЕРТЬ 488

МЕДЕЛЬИНСКИЙ КАРТЕЛЬ	488
БОЛИВИЯ, 1986	491

НИКАРАГУАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	499
НА ЗЕМЛЕ АФГАНИСТАНА	521
НА ПУТИ В БЕЛЫЙ ДОМ	531
ЧАСТЬ X. ЖЕНЩИНЫ В ИХ ЖИЗНИ	538
АДОЛЬФ ГИТЛЕР	538
ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ	549
ХУАН ДОМИНГО ПЕРОН	551
ФРАНСИСКО ФРАНКО	554
ЛЕВ ТРОЦКИЙ	558
БЕНИТО МУССОЛИНИ	562
ДЖОН КЕННЕДИ	567
ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА МАО	577
ТРИ СЕСТРЫ	580
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	583

ЧАСТЬ I

ЦАРЕУБИЙСТВО

ОТРЕЧЕНИЕ

В 304-летней истории правления династии Романовых отречение от престола ее последнего представителя официально произошло за пять коротких февральских дней 1917 года. Еще 26 февраля при получении первых сообщений о волнениях в Петрограде император в своей могилевской ставке царственно повелевает «завтра же прекратить в столице беспорядки». А через каких-нибудь 89 часов, 2 марта в Пскове он уже обескураженно заявляет о своей готовности отречься от престола!

Если учесть, что большую часть этого 89-часового срока царь провел в разъездах между Могилевом и Петроградом по железной дороге, то напрашивается вывод: перелом в его сознании произошел еще быстрее, всего за 8 часов пребывания в Пскове в ставке главнокомандующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского...

Что же случилось в Пскове за эти 8 часов?

Первые сообщения о волнениях в Петрограде были получены в могилевской ставке 26 февраля в 1.40 утра. В 9.20 Николай II телеграфировал царице, что выедет в Петроград утром 28 февраля, а в 22.00 повелел командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову прекратить волнения в столице. В 21.40 пришла те-

леграмма от председателя Государственной думы Родзянко, который просил императора дать согласие на создание так называемого ответственного правительства, назначаемого не царем, как раньше, а Государственной думой. На это царь в ночь на 27 февраля ответил распоряжением о роспуске Думы.

На следующий день 27 февраля начальник штаба Николая II генерал М. В. Алексеев просил императора пересмотреть свой отказ и дать согласие на образование ответственного правительства во главе с Родзянко или князем Львовым. Снова ответив отказом, царь днем велел главнокомандующим Западным и Северным фронтами срочно отправить в Петроград по два кавалерийских и пехотных полка, а также по пулеметной команде. Во главе этих частей он поставил генерала Н. И. Иванова, который в ночь на 28 февраля должен был отправиться из Могилева в столицу с Георгиевским батальоном.

Императорский поезд вышел из Могилева на восток в 5 часов утра 28 февраля, как раз в то время, когда в Петрограде уже был создан Временный комитет Государственной думы, взявший власть в свои руки. Проехав Вязьму, Ржев и Торжок, поезд в 21.00 подошел в Лихославлю и повернул на Бологое, чтобы через Малую Вишеру, Любань и Тосно утром 1 марта прибыть в Царское Село. Но все получилось иначе...

В Малой Вишере в 3 часа утра Николаю сообщили, что в Петрограде есть «какое-то Временное правительство» и что Любань и Тосно уже заняты восставшими войсками. Слегка обеспокоенный этими досадными помехами, царь прика-

зал возвращаться назад в Бологое, а оттуда через станцию Дно следовать в Псков, где находилась ставка главнокомандующего Северным фронтом генерала Рузского.

Когда 1 марта 1917 года в 19.05 императорский поезд подошел к платформе станции Псков, ему навстречу вышел сам главнокомандующий. «Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых калошах, — вспоминал один из царских приближенных. — Он был в форме Генерального штаба. Лицо у него бледное, болезненное, и глаза из-под очков смотрели неприветливо». Император немедленно пригласил его к себе в вагон. После рапорта и краткого обмена мнениями Рузский испросил у царя аудиенцию для важного доклада по поручению генерала Алексеева.

Об этой аудиенции, состоявшейся в 22.00, известно только по позднейшим показаниям самого Рузского. Предупредив, что будет говорить о вопросах не войны, а государственного управления, генерал начал просить царя как можно быстрее дать согласие на... создание ответственного правительства!

«Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения», — вспоминал потом Рузский.

Более полутора часов генерал Рузский убеждал, спорил, доказывал и в конце концов вырвал у царя согласие на формирование ответственного правительства во главе с Родзянко. Выйдя на четверть часа, чтобы телеграфировать об этом председателю Госдумы, он снова вернулся в царский вагон: ему следовало еще добиться отмены приказа, предписывающего генералу Ива-

нову идти с войсками на Петроград. На этот раз дело пошло быстрее. 2 марта в 0.20 он вышел от царя с телеграммой для Иванова: «Прошу до моего приезда и доклада никаких мер не принимать»...

Но, как выяснилось, страшный психологический прессинг на императора на этом не закончился. 2 марта в 10.15 Рузский явился в царский вагон, но вместо ожидаемых Николаем II сведений о народном ликовании по поводу дарованного стране ответственного правительства он предъявил царю новое неслыханное требование: отречься от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича!

Оказывается, ночью 2 марта генерал вел трехчасовые переговоры с Родзянко, и тот сообщил ему об аресте царских министров и назначении Временного правительства. Об этих переговорах одновременно стало известно в могилевской ставке, так что к 7.30 утра, когда Родзянко закончил обмен телеграммами с Рузским, генерал Алексеев уже знал о новом требовании и заранее запросил главнокомандующих фронтами и флотами.

В 9.00 утра от Алексеева вышел на телеграфную связь с начальником штаба Северного фронта Ю. Н. Даниловым генерал Лукомский. Он просил Данилова довести до сведения Рузского о необходимости усилить нажим на Николая II и во что бы то ни стало добиться согласия на отречение. Но Рузского, похоже, не надо было ни в чем убеждать. Явившись в царский вагон в 10.15, он положил перед императором запись своих ночных переговоров с Родзянко, а потом сообщил

ему о том, что мятежники захватили в свои руки дворец в Царском Селе и царскую семью (что не соответствовало действительности!).

Царь был потрясен, и как раз в этот момент Рузскому принесли телеграмму от главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, спешившего заявить, что, по его мнению, продолжать боевые действия можно только при условии, если Николай II отречется от престола в пользу сына.

— Мне надо подумать, — сказал император и отпустил Рузского.

Когда в 14.00 царь снова вызвал к себе генерала, тот явился с двумя помощниками, генералами Даниловым и Саввичем, которые также принялись убеждать Николая в необходимости отречения. Рузский сообщил новые известия, полученные из ставки. Оказывается, в Петрограде поспешил явиться в Думу с предложением своих услуг собственный его величества конвой; вверил себя в распоряжение Думы двоюродный брат царя великий князь Кирилл Владимирович; на сторону Временного правительства перешел главнокомандующий Московского военного округа генерал Мрозовский. Пока царь знакомился с этими удручающими новостями, подоспели ответы главнокомандующих фронтами и флотами: все они единодушно поддержали требование об отречении. А многолетний соратник царя, его начальник штаба генерал Алексеев одобрил мнение главнокомандующих...

— Я решился, — сказал Николай. — Я отказываюсь от престола.

Он перекрестился. Перекрестились и генералы.

«Благодарю вас за доблестную и верную службу», — император подошел к Рузскому и поцеловал его. После этого он написал две телеграммы об отречении: одну — Родзянко, другую — Алексееву. Было 3 часа дня 2 марта 1917 года.

Новый свет на загадочное поведение Рузского и некоторых других генералов, вовлеченных в дело об отречении, проливает интересное историческое расследование, проведенное инженером Алексеем Широкоградом.

К началу первой мировой войны в российской правящей верхушке установились весьма сложные и запутанные отношения. Хотя официально были и министры, и совет министров, и даже премьер, царь любил решать важнейшие вопросы, не обсуждая их ни с правительством, ни с министром, в ведении которого находилась данная проблема. Так, в июле 1905 года, катаясь на яхте с германским императором Вильгельмом II, Николай подписал Биорский договор, фактически разрушавший союз с Францией и менявший соотношение сил в Европе. Только через пятнадцать дней он сообщил об этом шаге министру иностранных дел, а премьер узнал о нем еще позже. В результате явно невыгодный для России договор еле удалось денонсировать. Не менее вопиющий случай произошел в 1911 году, когда военный министр Сухомлинов убедил царя упразднить русские западные крепости. Премьеру стало известно об этом, когда крепости были разрушены на 90%, так что их потом пришлось экстренно восстанавливать.

Серьезной проблемой в русском царствующем доме являлся и вопрос о наследовании престола.

Царица родила подряд четырех дочерей, а по законам империи престол передавался исключительно по мужской линии, поэтому наследником был объявлен родной брат царя Михаил. Николай недолюбливал брата и постарался отстранить его от государственных дел. В 1900 году, когда Николай заболел и врачи не исключали летальный исход, группа вельмож с благословения властолюбивой Александры Федоровны составила заговор: в случае смерти императора короновать пятилетнюю царевну Татьяну, назначив регентшей царицу. К счастью, Николай выздоровел, а в июне 1904 года родился наследник Алексей; но, увы, это счастливое событие оказалось омраченным тяжелым наследственным заболеванием — гемофилией. В 1915—1916 годах у Николая появились сильнейшие сердечные боли, причинившие его окружению немало беспокойств. Случись с царем смертельный приступ — и кто бы оказался на престоле? Неуравновешенная царица с больным сыном? Ведь Михаил Александрович к этому времени практически выбыл из игры: он сам не стремился к власти, да и брак с дважды разведенной дочерью адвоката свел его шансы на престол почти к нулю.

В этих условиях в высших кругах России усилилась борьба за власть. Наиболее активно действовали четыре группировки, условно могущие быть названными «распутинской», «великокняжеской», «масонской» и «генеральской». Они были, конечно, неформальными, и никакой бюрократической документации в них не велось. Из всех только «распутинская» основывала свои планы на продлении царство-

вания Николая II, остальные три работали на его свержение.

О Распутине сейчас написано много, но мы остановимся на бесспорных документах — письмах императрицы царю. Они изобилуют запросами по самым разнообразным военно-политическим проблемам, которые никак не могли быть интересны малограмотному «старцу». Похоже, Распутин находился под влиянием каких-то очень умных, но ненавидевших Россию людей. Кто же были кукловоды Распутина? Его личный секретарь Аарон Симанович? Банкир Рубинштейн? Манасевич-Мануилов? Вряд ли. Скорее, это только агенты-связники.

Действия этих кукловодов (их в тогдашней прессе именовали «темными силами») столь явно и преступали в деятельности Распутина, что вызвали бурю возмущения даже в высших эшелонах власти и в известной мере легализовали деятельность заговорщиков, которые могли планировать переворот под предлогом устранения Распутина. В сущности, весь романовский клан, включая императрицу-мать, выступил против Распутина, и к 1916 году отношения Александры Федоровны с семьей мужа накалились до предела. Дошло даже до того, что мать великого князя Кирилла Владимировича, беседуя с председателем Государственной думы М. В. Родзянко, как-то обронила: «Надо ее уничтожить!» — «Кого?» — спросил Родзянко. — «Императрицу!».

«Великокняжеская» группировка находилась в постоянном контакте с «генеральской» и «масонской». Так, в середине декабря 1916 года ти-

флисский городской голова вел переговоры о военном перевороте с великим князем Николаем Николаевичем, командовавшим Кавказской армией. Великий князь, сделав ряд оговорок, высказался все-таки в пользу этого заговора, направленного против Николая II.

Убийство Распутина 17 декабря 1916 года во дворце родственника царя князя Юсупова, в котором, кроме самого хозяина, участвовали великий князь Дмитрий Павлович и лидер монархистов Пуришкевич, подробно описано в той версии, которую хотели преподнести убийцы. Ситуация же была несколько иной. Главные цели заговора гораздо шире, чем просто убийство Распутина.

О его масштабах свидетельствует и перехваченное письмо княгини Юсуповой, адресованное великой княгине Ксении Александровне с сожалением, что в тот день (17 декабря) «не довели дела до конца и не убрали всех, кого следует...».

Николай, получив телеграмму Александры об исчезновении Распутина, бросил ставку в Могилеве и экстренно приехал в Царское Село. По видимому, царю удалось подавить заговор «великокняжеской» группировки. Из Петрограда началась массовая высылка... великих князей: Дмитрий Павлович отправился на персидский фронт, Николай Михайлович — в свое имение Грушевку в Херсонской губернии, Кирилл Владимировича командировали в Мурманск, Бориса Владимировича — на Кавказ...

Наиболее таинственной была «масонская» группировка, в которую, помимо самих вольных каменщиков, условно включим и контролируе-

мые ими политические партии. Масоны тщательно скрывали свою деятельность как от полиции, так и от левых организаций. Все, что противоречило требованиям строгой конспирации, было изгнано из обихода русских лож; так, например, упразднилось ведение протоколов заседаний и вообще любое письменное делопроизводство. Масонские одеяния и украшения после «реформы 1908—1909 годов» также были исключены. Формально масоны называли своей целью объединение «всех прогрессивных элементов в борьбе против самодержавия» и считали свою организацию вне- и надпартийной. В руководство «масонской» группировки входили лидеры конституционных демократов, социал-революционеров, социал-демократов (меньшевиков) и т. п. Загадкой остаются связи масонов с большевистским руководством. Среди руководителей масонов были Керенский, Коновалов, Некрасов, Бланк, Брауно, Штернберг, в том числе меньшевики — Чхеидзе, Скобелев, Прокопович и Кускова.

К 1917 году в масонской организации в России насчитывалось всего около 300 человек. Масоны не стремились расширять состав своих лож, предпочитая качество количеству. Они планировали провести захват власти, опираясь не на волю народа (путем голосования или бунта), а в результате внедрения своих людей на ключевые посты в политических партиях и структурах власти.

Зимой 1913—1914 годов возникла военная группа масонов. У истоков ее стоял генерал А. А. Свечин; кроме него туда входили генералы

В. Гурко, А. Крымов, Н. В. Рузский, а также шеф жандармов В. Ф. Джунковский.

Военные специалисты не могли не видеть, что поражения русских войск как в 1904—1905 г., так и в 1914—1917 годах в основном вызваны некомпетентностью высшего руководства страны. Многочисленные устные и письменные обращения военных к царю ничего не давали. Наконец, вмешательство императрицы и Распутина в дела армии лично оскорбляло многих генералов.

Постепенно формируется генеральская оппозиция.

От невинных разговоров о любви к отечеству легко перейти к безобразиям в снабжении армии и к личности Распутина, еще шаг — и возникают вопросы «что делать?» и «с чего начать?».

Возник «железнодорожный» вариант переворота, разработанный некоторыми думцами (Гучков) и военными (генерал Крымов). Царский поезд постоянно курсировал между ставкой и Царским Селом, где находилась императрица. Планировалось захватить его в пути и заставить царя отречься от престола прямо в вагоне. В заговоре участвовали только офицеры, солдаты же части, осуществлявшей захват, ничего не должны были знать. План оказался довольно сложным, и реализовать его в первоначальном варианте не удалось. Тем не менее генералитет ухитрился все гвардейские полки (традиционную опору царской власти) отправить на фронт. А подавляющее большинство войск Петроградского гарнизона составляли запасные батальоны, которыми в основном командовали так называемые офицеры военного времени — бывшие

студенты, инженеры, преподаватели. Вполне естественно, что они не жаждали попасть на фронт и не симпатизировали самодержавию.

Провал «железнодорожного» заговора заставил либеральные буржуазные круги (тайно руководимые масонами) готовить новый вариант переворота. На 14 февраля 1917 года планировалось устроить массовое шествие рабочих и студентов к Таврическому дворцу — месту заседаний Государственной думы, с требованием сформировать «ответственное министерство». Но этот вариант не прошел, так как накануне демонстрации охранка провела превентивные аресты членов рабочей группы Военно-промышленного комитета, и манифестация не состоялась.

Через 9 дней, 23 февраля, в Петрограде в различных частях города начались хорошо организованные демонстрации. Военные власти действовали нерешительно, точнее, играли в поддавки. К примеру, вывели морально неустойчивых резервистов на подавление беспорядков. Причем офицеры сами приказывали солдатам переходить на сторону рабочих. Интересно, что положение рабочих и солдат в других городах России было гораздо хуже, чем в столице. Но если в 1905 году наиболее активные вооруженные выступления против самодержавия проходили в Москве, Одессе, Новороссийске при сравнительной пассивности Петербурга, то в феврале 1917 года восстание ограничилось лишь столицей. Ситуация на фронте и в тылу 23—25 февраля ничем не отличалась от таковой 23—25 января того же года.

Рабочие, солдаты и обыватели, вышедшие на

улицы Петрограда, требовали свержения самодержавия, эйфория победы кружила головы, и никто не думал об истинных организаторах переворота.

...Нет, это еще не переворот, это скорее детонатор к перевороту. Власть над всей страной и армией пока находилась в руках царя. Хотя поначалу Николай II и не смог правильно оценить ситуацию, тем не менее уже 27 февраля он приказал генералу Н. И. Иванову возглавить группировку войск для наведения порядка в Петрограде. Исход боя четырех отборных обстрелянных кавалерийских дивизий с перепившими резервистами Петроградского гарнизона был предрешен.

Но Николай II допустил роковой просчет — лично выехал в Царское Село, не усилив царский конвой. Что произошло дальше, известно: 1 марта царский поезд оказался в Пскове. Едва ступив на подножку, генерал Рузский заявил столпившимся на платформе придворным: «Господа, придется сдаться на милость победителя».

Заодно с Рузским действовал и генерал Алексеев, который утром 1 марта разослал командующим фронтами и флотами циркулярную телеграмму о желательности отречения Николая от престола. Интересны результаты этого необычного опроса: великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт) — за; генерал Рузский (Северный фронт) — за; адмирал Непенин (командующий Черноморским флотом) — за; адмирал Колчак (командующий Балтийским флотом) — «принял безоговорочно». Сам Алексеев — тоже за.

Против Николая объединились все великие князья, генералитет, Дума и либеральная буржуазия. Но все они оказались жестоко обмануты масонами.

«Великокняжеская» группировка надеялась, что после отречения царя роль семьи Романовых возрастет, а один из ее членов займет императорский трон. Великий князь Николай Николаевич, по соглашению с генералитетом, спешно выехал с Кавказа в ставку, чтобы принять пост верховного главнокомандующего, но в дороге получил телеграмму от Временного правительства: «Народное мнение высказывается против занятия членами Дома Романовых какой-либо должности». Какое народное мнение? Кто и когда делал опрос по всей огромной России? Все это было обговорено заранее. Временное правительство сразу же исключило из игры «великокняжескую» партию. Генералитета «временные» боялись еще больше. Соглашаясь на отречение Николая, патриотически настроенные генералы хотели получить крепкий тыл, который дал бы армии победоносно закончить войну. Временное же правительство, чтобы ослабить власть генералитета и «заплатить» толпам пьяных солдат, фактически не возражало против приказа № 1 Петроградского совета. Согласно этому приказу солдатам Петроградского гарнизона давался иммунитет от отправки на фронт, устанавливались двоевластие и даже приоритет солдатских комитетов в армии перед воинскими начальниками и т. д. Приказ № 1 положил начало развалу армии, в стране начались анархия и хаос.

ВОЗМЕЗДИЕ

2 марта 1917 года Рузский с Алексеевым выдавили из Николая II отречение, а уже 6 марта обескураженный Рузский телеграфировал Алексееву, что начавшиеся в Пскове, Двинске и других городах в полосе Северного фронта «ежедневные публичные аресты генералов и офицеров, производимые в оскорбительной форме, ставят командный состав в безвыходное положение». Отречение царя, вырванное нарушившими присягу генералами, положило начало разложению великой армии, которое погубило сотни русских офицеров. И в списках погибших оказались пятеро из семи военачальников — инициаторов отречения императора Николая II...

Одним из первых, кого настигло возмездие, стал командующий флотом адмирал А. И. Непенин. 3 марта в главной базе Балтфлота Гельсингфорсе вспыхнуло восстание, в ходе которого были убиты адмирал Небольсин и два офицера. На следующий день матросский митинг на Соборной площади отрешил от командования флотом Непенина, после чего он был арестован на борту флагманского корабля «Кречет». Когда его вели в арестный дом, из озлобленной толпы, окружившей конвой, раздался выстрел, сразивший адмирала наповал...

Следующим в списке оказался генерал от инфантерии А. Е. Эверт. Сыграв отведенную ему роковую роль в отречении императора, он в марте 1918-го уволился в отставку, рассчитывая дожить свой век на покое. Но дни его уже были со-

чтены: через несколько недель Эверта убили взбунтовавшиеся солдаты.

Еще более страшная судьба ждала генерала Н. В. Рузского, одного из главных «режиссеров» драмы царского отречения. Выйдя в отставку в апреле 1917 года, престарелый генерал поселился в Кисловодске, где вел тихую жизнь, далекую от политики. Но политика сама отыскала его. В сентябре 1918 года, когда по стране прокатилась волна красного террора, власти Северо-Кавказской республики объявили о взятии заложников; арестованный в Кисловодске Рузский был доставлен в Пятигорск и включен в большую группу заложников из 83 генералов, адмиралов, офицеров, чиновников, купцов. Жизнь этих людей зависела теперь от малейшей случайности. И такая случайность произошла. В октябре 1918 года несколько членов ЦИК СКР, проводивших карательные акции на Северном Кавказе, вознамерились расстрелять командующего 11-й армией И. Л. Сорокина. Но командарм опередил карателей и 21 октября расстрелял их в Пятигорске. Председатель Пятигорской ЧК Власов ухитрился скрыться от Сорокина, но через три дня был убит в якобы случайной ночной перестрелке, и место занял его заместитель — Г. А. Атарбеков (Атарбекян), поспешивший объявить о расстреле заложников.

Рано утром 31 октября сторож и смотритель пятигорского кладбища по приказу чекистов вырыли большую могилу в северо-западной части кладбища. Когда заложников повели к могиле, Рузский с грустной иронией заметил, что свободных граждан России ведут на казнь, что всю

жизнь он честно служил отечеству, дослужился до генерала и теперь должен погибнуть от своих же русских. Его ударили прикладом и заставили замолчать.

Предоставив матросам из карательного отряда «батальон смерти» расправляться с заложниками, Атарбеков лично «занялся» Рузским. «На мой вопрос, признает ли он теперь великую российскую революцию, — вспоминал впоследствии Атарбеков, — Рузский ответил: «Я вижу пока лишь один великий разбой!». И я ударил его вот этим кинжалом по руке, а потом по шее...». Генерал Рузский, по словам свидетелей, скончался после пяти нанесенных ему ударов, не издав при этом ни единого стога.

В 1920 году погибли еще два военачальника, в марте 1917 года принуждавшие Николая II к отречению от престола.

Командующий Румынским фронтом генерал В. В. Сахаров, поверив обещаниям советской власти об амнистии, остался в Крыму и был расстрелян в числе нескольких десятков тысяч белых офицеров, уничтоженных карателями Б. Куна и Р. Землячки. Это произошло в декабре 1920 года, а десятью месяцами раньше в Иркутске расстреляли Верховного правителя России, выдающегося флотоводца адмирала А. В. Колчака...

У нас нет возможности останавливаться на подробностях сибирской эпопеи Колчака. Достаточно сказать, что союзники — чехи — выдали его и председателя Совета Министров Омского правительства В. Пепеляева так называемому Политическому центру, захватившему власть в Иркутске 5 января 1920 года. Выдача состоя-

лась 15 января, допросы начались 21-го, а 31-го Чрезвычайная следственная комиссия представила в ревком список из 18 политических заключенных, приговоренных к расстрелу. Начать решено было с Колчака и Пепеляева...

Доживший до 70-х годов Бурсак так вспоминал об этой страшной ночи: «Перед расстрелом Колчак спокойно выкурил папиросу, застегнулся на все пуговицы и встал по стойке «смирно». После первого залпа сделали еще два по лежащим — для верности. Напротив Знаменского монастыря была большая прорубь. Там монашки брали воду. Вот в эту прорубь и протолкнули вначале Пепеляева, а потом Колчака вперед головой. Закапывать не стали потому, что эсеры могли разболтать и народ повалил бы на могилу. А так концы в воду».

Это замечание о необходимости спрятать концы в воду получило свое объяснение в 1984 году, когда за рубежом была опубликована секретная телеграмма В. Ленина, сохранившаяся в архиве Л. Троцкого. «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, — требовал Ильич. — Не печатайте ровно ничего. А после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Беретесь ли сделать архинадежно?»

Таким образом, в течение каких-нибудь трех лет насильственная смерть настигла пятерых командующих-отступников. Двое оставшихся — Брусилов и великий князь Николай Николаевич, — хотя и дожили соответственно до 1926

и 1929 года, но тоже ушли из жизни при обстоятельствах, дающих основание предполагать насильственную смерть.

Возмездие настигло большую часть деятелей генеральской оппозиции. В августе 1917 года генерал Крымов, приехавший выяснять отношения с Керенским после загадочно провалившегося корниловского мятежа, неожиданно для всех покончил с собой; правда, есть прямые указания на то, что застрелил его лично Борис Савинков. После октября 1917 года бежал на юг и скоропостижно скончался в Екатеринодаре один из главных заговорщиков генерал М. Алексеев. А в 1938-м дошла очередь и до тех, кто переметнулся на сторону красных: в этом году были расстреляны основатель военной масонской ложи генерал А. Свечин и бывший шеф жандармов генерал В. Джунковский, которого не спасли даже услуги, оказанные советской власти в деле организации ВЧК.

ТРАГЕДИЯ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Постановление об аресте царя и царицы было принято Временным правительством 8 марта. Царскую семью сослали в Сибирь. Затем последовал переезд в Екатеринбург; последнее их пристанище — Ипатьевский дом.

* * *

Ипатьевский дом, Дом особого назначения. Получил название по фамилии владельца Нико-

лая Николаевича Ипатьева, отставного капитана инженерных войск, коммерсанта (умер в Праге 22 апреля 1923 года). Ипатьевский дом был снесен в 1977 году.

* * *

После того как в Екатеринбург вошли части белой армии и мятежный чехословацкий корпус и не обнаружили в городе царской семьи, была назначена следственная комиссия для выяснения обстоятельств происшедшего в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля 1918 года под руководством следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкина. Будучи опытным профессионалом, Наметкин, сразу после беглого осмотра места происшествия, заявил, что в Ипатьевском доме произошла имитация казни и что никто из царской семьи там расстрелян не был. Поскольку подобное мнение Наметкина не разделяли другие члены комиссии — полковник Шереховский и председатель Екатеринбургского окружного суда Кутузов, — Наметкин подал в отставку, но остался твердо убежденным в верности сделанных выводов. Свою точку зрения он официально повторил в Томске, где дал несколько интервью на эту тему иностранным, главным образом американским, корреспондентам. Наметкин заявил, что у него якобы имеются доказательства того, что царская семья не была убита в ночь с 16 на 17 июля, и собирался их обнародовать в скором времени. Однако через неделю после этого заявления Наметкина уби-

ли, а дом, где он снимал помещение, сожгли, что привело к гибели всего следовательского архива.

После ухода Наметкина следственную группу возглавил следователь Сергеев, который пришел совершенно к тем же выводам. Сергеев также был отстранен от руководства следствием и вскоре погиб при не выясненных до конца обстоятельствах. Третьим следователем, возглавившим комиссию по выяснению обстоятельств гибели царской семьи, стал Соколов, назначенный уже режимом адмирала Колчака.

Исходя скорее из политических соображений, адмирал Колчак и генерал Дитерихс проинструктировали Соколова, чтобы он сконцентрировал свое внимание на факте убийства царской семьи и вел следствие именно в этом русле, то есть отталкивался от факта убийства как уже свершившегося.

Следователь Соколов в течение того недолгого времени, которое было в его распоряжении, проделал гигантскую по объему работу, продемонстрировав свои блестящие способности судебного криминалиста старой русской школы.

Собрав множество вещественных доказательств и допросив десятки свидетелей, он воспроизвел картину страшного злодеяния, совершившегося в ночь на 17 июля в доме инженера Ипатьева, реквизированном и превращенном в тюрьму руководителями Уралсовета...

Накануне комендант дома Яков Юровский, получив приказ расстрелять царскую семью, отобрал себе в помощь десять «расстрельщиков» из числа охраны. Одиннадцатым стал Петр Ер-

маков, на которого возложили особо важную миссию: он должен был найти глухое место для захоронения трупов и обеспечить их перевозку. Ермаков приехал в первом часу ночи на грузовике и был впущен в тщательно охраняемый дом по условному паролю. Грузовик поставили во дворе, мотор не выключили, чтобы заглушить выстрелы и крики...

Через полчаса в заранее освобожденную комнату спустились Николай II, его жена Александра Федоровна, цесаревич Алексей, царевны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также приближенные царской семьи — врач Боткин, камердинер Трупп, повар Харитонов и горничная Демидова. По просьбе ничего не подозревавшей царицы в комнату принесли два стула: для нее и для наследника.

В 1.15 ночи по приказу Юровского в комнату вошли палачи, вооруженные наганом и маузерами. Держа правую руку с наганом в кармане, Юровский зачитал приговор по бумажке, которую держал в левой. Изумленный царь громко переспросил:

— Как, я не понял? Прочтите еще раз.

Юровский торопливо зачитал приговор еще раз и, выхватив наган, в упор выстрелил в царя... Отдаленное представление о зверстве, последовавшем за этим, могут дать показания двух свидетелей из числа охранников, стоявших за спинами «расстрельщиков».

— Одновременно с выстрелом Юровского, — показал на допросе 27-летний Андрей Стрекотин, — раздались выстрелы групп людей, специально призванных для этого. Царь «не выдер-

жал» единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонила электрический свет и затруднил дыхание. Стрельбу прекратили и раскрыли двери комнаты с тем, чтобы дым разошелся.

Показания Стрекотина дополнял его брат, 20-летний Александр: «Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе. Второй на носилки стали класть одну из дочерей царя, но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье. Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты; тогда тов. Ермаков, видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умирала та особа — дама. Ермаков ей всю грудь исколол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкивался в пол...».

Тела расстрелянных были на грузовике доставлены в урочище Четыре брата неподалеку от деревни Коптяки, сброшены в открытую шахту и засыпаны землей. Когда на следующее утро уральский областной военный комиссар Ш. И. Голощекин узнал, что трупы только захоронены, но не уничтожены, он пришел в ярость

и потребовал их полного, бесследного уничтожения. На следующий день в Коптяковский лес был доставлен керосин, несколько пудов серной кислоты и три бочки со спиртом. Трупы царственной семьи извлекли из шахты, обыскали, изрубили в одежде для удобства сжигания, облили керосином и сожгли на двух кострах. Оставшиеся крупные кости были облиты серной кислотой.

* * *

Юровский (Янкель Хаимович) Яков Михайлович (1878—1938). Образование начальное. Член РСДРП(б) с 1905 года. В годы первой русской революции уехал в Берлин, там из иудейства перешел в лютеранство. После октября 1917 года становится членом коллегии Екатеринбургской ЧК. 4 июля 1918 года был назначен комендантом «Дома особого назначения». После расстрела и сокрытия трупов царской семьи возглавлял Московскую районную ЧК. С 1919 года занимает должность председателя Екатеринбургской ЧК. Умер в 1938 году в кремлевской больнице.

* * *

Согласно версии Юровского, ночью 17 июля в урочище Четыре брата трупы казненных разделены и сброшены в шахту, сожжена же около нее была лишь их одежда. Окончательное захоронение состоялось 19 июля, причем обстоятельства сложились так, что сжечь удалось тела только цесаревича и горничной; их останки были зако-

паны под кострищем. Остальные же трупы сложили в неглубокую выкопанную неподалеку от кострища яму, облили для неузнаваемости серной кислотой, забросали яму землей и хворостом, закрыли шпалами и несколько раз проехали по ним на грузовике. Захоронение получилось настолько незаметным, что белым так и не удалось его найти.

В 1979 году известный кинодраматург Гелий Рябов приехал с друзьями в Свердловск и по ориентирам, указанным в записке Юровского, за несколько часов обнаружил захоронение. Прозондировав его с помощью водопроводной трубы, вбиваемой в землю через каждые пять метров, новые гробокопатели наткнулись на слой черной как уголь земли. Стали копать в этом месте и нашли кости, черепа и целые скелеты.

Имена тех, кто расстреливал царскую семью, установил следователь Соколов. Их было двенадцать человек: Юровский, Никулин, Ермаков, Ваганов, Медведев и семь, как невнятно называл их Юровский, «латышей». Сам Юровский до 1917 года сделал карьеру боевика и предпринимателя, разбогател, что не помешало ему после революции стать чекистом и, по характеристике В. И. Ленина, «надежнейшим коммунистом». Умер от рака в 1938 году. Его верный подручный Никулин прошел примерно такой же путь: от начальника Московского уголовного розыска до руководящих должностей в столичном коммунальном хозяйстве. О Ваганове известно всего лишь, что он был матросом, дружкой Ермакова. Что же касается Медведева, то он попал в плен к белым, был опознан, допрошен,

дал показания об убийстве царя. Умер от тифа в тюрьме в 1919 году.

О «латышах» отсутствовали какие-либо сведения до 1956 года, когда в немецком журнале «7 дней» появились воспоминания австрийца Майера, впервые огласившего их имена: Андреас Вергази, Ласло Хорват, Виктор Гринфельд, Имре Надь, Эмил Фекете, Анзельм Фишер, Исидор Эдельштейн. Судьба этих людей — еще одна загадка, связанная с исчезновением царской семьи. Ни один из них впоследствии никак не обозначился, не оставил воспоминаний, все они как будто канули в Лету. Некоторый свет на их участь проливает страшная находка, сделанная следственной комиссией Соколова. В окрестностях того места, где сжигались трупы царской семьи, было обнаружено захоронение: пять тел в австро-венгерской форме...

РАССТРЕЛ В ПЕРМИ И АЛАПАЕВСКЕ

12 июня 1918 года в Перми на Мотовилихинском заводе был расстрелян родной брат царя Михаил Романов. Операцию провел председатель Мотовилихинского Совета Мясников и его товарищи: Марков, Жупелов, Иванченко, Калашников.

Сестра императрицы, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, двоюродный брат императора, князя Иоанн, Константин и Игорь, сыновья великого князя Константина, и князь Палей, сын великого

князя Павла Александровича, были арестованы весной 1918 года и препровождены в небольшой город Алапаевск, находящийся в 150 верстах к северу от Екатеринбурга. Монахиня Варвара Яковлева, всегдашняя спутница великой княгини, и С. Ремез, секретарь великого князя Сергея, разделяли с ними заключение. Они содержались под арестом в помещении школы.

В ночь с 17 на 18 июля, спустя 24 часа после совершения Екатеринбургского преступления, пришли за заключенными под тем предлогом, что необходимо их перевести в другой город, и отвезли за каких-нибудь двадцать верст от Алапаевска. Там, в лесу, они были убиты. Тела сбросили в оставленную шахту, где они и были найдены в октябре 1918 года, засыпанные землей, обрушившейся вследствие взрыва ручных гранат, которые положили конец страданиям жертв.

В январе 1919 года в Петрограде расстреляли в «порядке красного террора» и в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта» Николая Михайловича Романова, Георгия Михайловича Романова, Дмитрия Константиновича Романова, Павла Александровича Романова. Они содержались в Трубецком бастионе и закончили свои дни у стен «баньки» в центре тюремного двора...

В январе же 1919 года в Ташкенте расстрелян великий князь Николай Константинович, всего на протяжении 1917—1919 годов уничтожили 18 Романовых. 19-м был не имеющий к ним прямого отношения князь Палей.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ К ДОКУМЕНТАМ АРХИВА Н. СОКОЛОВА

Документ 1

Российская
Федеративная Республика
Советов.1918 г.

Уральский областной Совет
рабочих, крестьянских
и армейских депутатов.
ПРЕЗИДИУМ.

Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала — Екатеринбургу, в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) Президиум облсовета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с шестнадцатого на семнадцатое июля приговор этот приведен в исполнение.

Семья Романова, содержащаяся вместе с ним, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия.

Президиум облсовета.

Документ был согласован по телеграфу с Я. М. Свердловым 17 июля 1918 г. и предназначен для печати. Однако в сообщении газеты «Правда» (19 июля 1918 г.) о расстреле Ни-

колая II имелись редакционные изменения. В частности, указывалось: «Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16 июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером...».

Документ 2

(Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация подлинников.)

Расшифровка шифротелеграммы

А. Белобородова об участии царской семьи.

17 июля 1918 года

Москва. Кремль

Секретарю Совнаркома
Горбунову
с обратной проверкой.

Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу официально семья погибнет при эвакуации.

Белобородов.

Белобородов Александр Георгиевич (1891—1938) — рабочий. Член РСДРП(б) с 1907 года, в 1908 году арестован и просидел в тюрьме около 4 лет, был близок к Я. М. Свердлову, избирался на VI съезд партии. В конце января 1918 года стал председателем Уральского облисполкома, принимал участие в подготовке расстрела Романовых. В 1920—1921 гг. был членом ЦК РКП(б), с 1923 года — нарком НКВД. В 1927 году как

троцкист исключен из партии. В 1930 году вновь восстановлен, но в августе 1936 года последовал арест. В феврале 1938 года осужден и погиб в заключении. В 1958 году реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Горбунов Николай Петрович (1892—1937) — большевик, с 1917 года секретарь Совнаркома и личный секретарь В. И. Ленина. Все документы проходили через его руки.

Документ 3

МОСКВА

Председателю ЦИК Свердлову
для Голощекина.

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний Центра опасения напрасны точка Авдеев смненен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь смненен заменяется другим точка. — 4558

Белобородов.

Рукописная пометка: 4/VII

Телеграмму принял: Комиссар (подпись неразборчива)

Голощекин (Шея Исаакович) Филипп Исаевич (1876—1941) — мещанин из Витебской губ. Член РСДРП(б) с 1903 года, окончил зубоврачебную школу в Риге. Партийная кличка «Филипп». С декабря 1917 года — военный комиссар Уральского областного Совета, затем — окружной военком. Занимался вопросом о судьбе царской семьи. Многие годы был членом коллегии ЧК, ГПУ, НКВД. 15 июня 1941 года арестован и 28 октября расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Сыромолотов Федор Федорович — в 1918 году член Уральского облисполкома и комиссар финансов. Во время расстрела Романовых находился в Перми с секретным заданием Совнаркома по эвакуации ценностей.

Авдеев Александр Дмитриевич — рабочий, член исполкома Уральского совдепа, участник эвакуации Николая II из Тобольска в Екатеринбург. Комендант «Дома особого назначения». 4 июля 1918 года смещен с должности и отправлен на фронт. Автор публикаций: «Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге», «Из воспоминаний коменданта». — «Красная новь», 1928 г., № 5, «С секретным поручением в Тобольск». — «Пролетарская революция», 1930 г., № 9.

Мошкин Александр Михайлович — рабочий, помощник коменданта Ипатьевского дома. Отстранен от должности и отправлен на фронт.

Документ 4

Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из Вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего.

Обл. Комиссар снабжения
Войков

Рукописная памятка:

Серной кислоты 2 п. 31 ф. получил 17/VII
Секрет(арь) (подпись неразборчива)

Предлагаю выдать еще три кувшина японской серной кислоты предъявителю сего.

Обл. Комиссар снабжения
Войков

Рукописная памятка:

Три кувшина серной кислоты получил.

17/ VII Секр(етарь) (подпись неразборчива)

Войков Петр Лазаревич — член РСДРП(б) с 1903 года. В эмиграции учился в Женевском и Парижском университетах. В 1918 году — комиссар снабжения Уральской области. Непосредственный участник наблюдения за содержанием царской семьи в Ипатьевском доме, расстрела и сокрытия трупов Романовых и их приближенных. С 1924 года — полпред СССР в Польше, 7 июля 1927 года убит в Варшаве бело-гвардейцем Б. Кавердой.

Бунич И. Быль беспредела, или синдром Николая II. — СПб.: Облик, 1995.

Вопросительные знаки над могилами. — СПб.: АОЗТ «Издательство КН», 1995.

Хрусталеv В. Тексты и комментарии к документам архива следователя Н. Соколова // Международная жизнь. — 1996.

Рябов Г. Принуждены вас расстрелять // Родина. — 1989. — № 5.

ЧАСТЬ II ПРОВОКАТОРЫ

ЧЛЕНЫ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Политическая провокация расцвела пышным цветом благодаря директору департамента полиции В. К. Плеве и инспектору секретной полиции жандармскому подполковнику Г. П. Судейкину. Современники не без основания называли их прирожденными знатоками и умельцами «практического сердцеведения».

Начиналось все с перевербовки арестованных членов «Народной воли». Жандармские офицеры и генералы навещали в тюрьме прежде всего тех узников, кому грозила смертная казнь, и обещанием помилования, облегчения участи склоняли иных сломленных революционеров к сотрудничеству. Так было с участником покушения на царя Иваном Окладским, который, убоявшись виселицы, согласился еще до «Процесса 16» (он проходил по этому процессу одним из главных обвиняемых) на посулы Плеве и жандармского генерала Комарова и стал участвовать в тайных опознаниях.

Чтобы затуманить, завуалировать помилование «Ванечки» (как называл его Андрей Желябов), вместе с ним пожизненную каторгу взамен петли получили его содельцы Я. Тихонов и С. Ширяев.

Окладский в Сибирь, разумеется, не пошел,

он выдал несколько конспиративных квартир, опознал убийцу Александра II Гриневицкого, погубил агента «Народной воли», внедренного в департамент полиции, Николая Клеточникова. В 1891 году за особые заслуги «Ванечка» получил полное помилование и звание почетного гражданина.

Окладский был рабочим, как и выдавший Веру Фигнер Василий Меркулов, как слесарь Рейнштейн, зарезанный землевольцами за предательство в номерах бывшей Мамонтовской гостиницы в Москве зимой 1879 года.

Некоторые деятели революционного движения игнорировали важное, подтвержденное жизнью правило: порядочный человек ни в какие торги и переговоры с тайной полицией не вступает. Полиция начинает и выигрывает; стоит только попытаться ее обмануть, вступить в фальшивую сделку, и вот уж несчастная жертва запуталась во лжи, уступках, своих и чужих обманных ходах — начинается капитуляция, выдача мелких обстоятельств, подробностей уже важных, для кого-то опасных, а там уж и живых людей.

Плеве и Судейкин являлись тонкими знатоками психологии и обычно играли на чувствах высоких и благородных. Схема вербовки была тщательно отработана: жертве предлагалось встать над борьбой, возвыситься до положения бесстрастного арбитра: общество, мол, слишком далеко зашло в борьбе с властями; правительство в панике наносит удары куда попало, разя и невинных, кругом жертвы, кровь, и кровь напрасная. Если тайная полиция (в лице департаментских

либералов) и революционеры (в лице наиболее дальновидных и здравомыслящих деятелей) заключат секретный союз — о, сколько благ он принесет обществу! Будут предупреждены бессмысленные злодеяния (и жертвы!); правительство, получившее наконец из первых рук точные сведения о размахе освободительного движения, поймет с помощью Плева и Судейкина, что одной карательной политикой оно не удержится, и пойдет на значительные уступки...

Срабатывало.

С убийцей харьковского генерал-губернатора Григорием Гольденбергом, арестованным в ноябре 1879 года с грузом динамита, беседовал сам «диктатор сердца» императора граф Лорис-Меликов.

Гольденберг выдал всех, кого знал, и повесился в Петропавловской крепости. На докладе о самоубийстве Александр II собственноручно начертил: «Очень жаль!».

Обо всем этом не было известно Сергею Дегаеву, который бросился на спасение младшего брата Владимира и угодил в западню жандармского подполковника Г. П. Судейкина.

Григорий Порфирьевич действовал масштабно: его агент Дегаев после казни первомайцев стал фактическим руководителем «Народной воли». Дегаев уже сам ставил типографии и создавал кружки, заранее запрошенные Судейкину, — в этом состоял сладостный момент провокации — никого ловить не надо, сами, как бабочки на огонек полночный, слетятся: как же, сподвижник самого Желябова. Этим нетерпеливым молодым людям надо лишь раздать революцион-

ные чины и посты, а им и невдомек, что, чем выше пост, тем больше срок каторги; живые, энергичные, они уже мертвые, уже в пеньковом галстуке, Дегаев с Судейкиным, как боги, вершат судьбы людей.

АЗЕФ

Когда после убийства в феврале 1901 года Н. П. Боголепова (министра народного просвещения) бывшим студентом Петром Карповичем началась вакханалия политического террора, в лидеры «на кратчайшем пути к революции» вышла партия эсеров, основанная Григорием Гершуни и Евно Азефом. Именно эсеры совершили самые громкие террористические акты: убийство великого князя Сергея Александровича, премьер-министра П. А. Столыпина, министров внутренних дел Сипягина и Плеве; неоднократно готовили покушение на императора.

К партии эсеров примыкало множество групп.

Взбалмошные юнцы и девицы, коим не терпелось пострелять, тоже называли себя эсерами.

На пути этой неуправляемой вольницы встал Евно Азеф, возглавлявший сначала вместе с Гершуни, потом с Савинковым, а затем и единолично БО («Боевую организацию») ЦК партии эсеров. БО принимала ответственные решения по каждому выстрелу, она намечала жертвы, способ покушения и финансировала террористические акты, которые обходились недешево, — например, на убийство Плеве было ассигновано

7000 рублей. Деньги у Азефа имелись — и от партии, и от полиции...

«Человек был грандиозен, толст, с одутловатым желтым лицом и темными маслинами выпуклых глаз. Череп кверху был сужен, лоб низкий. Глаза смотрели исподлобья. Над вывороченными, жирными губами расплющивался нос. Человек был уродлив, хорошо одет, по виду неинтеллигентен. Походил на купца. От безобразной фигуры веяло необыкновенным спокойствием и хладнокровием» (Р. Гуль).

Окладский из «Ванечки» стал иудой ради собственной шкуры; Гольденберг и Дегаев попались на провокацию людей изошренных; самый кровавый из русских провокаторов — Азеф — обрекал людей на смерть ради тридцати сребреников. Тридцати — это фигурально выражаясь: Азеф в конце карьеры имел 1000 рублей в месяц, не считая чрезвычайных единовременных получений.

В 1869 году в семье бедного портного Фишеля — Азефа, проживавшего тогда в Гродненской губернии, произошло событие, которое трудно назвать незначительным. Появился на свет тот самый Евно, которому оказалась уготована не самая положительная роль в русской истории. Жить было тяжело, в семье кроме него росли два сына и четыре дочери. Нищета кругом царилла отчаянная, к каждому куску тянулось слишком много ртов. Когда Евно было 5 лет, отцу удалось вырваться из «черты оседлости», установленной правительством для евреев. Семья поселилась в Ростове-на-Дону — богатом хлебом и углем районе. Правда, коммерческие дела Азе-

фу-старшему не очень-то удавались. И все-таки образование детям он дать сумел: в 1890 году Евно закончил гимназию. Дождаться доходов от разработки «золотых жил», периодически возникавших в фантазии отца, он больше не стал и весной уехал в Карлсруэ (Германия), где поступил в политехникум и стал старательно изучать электротехнику. Однако истинное доходное место обнаружилось вовсе не в этой славной науке. Правда, ради него пришлось отречься от таких моральных законов, как совесть, честь, дружба. Никто сейчас не знает, чего это стоило Азефу. Но факт остается фактом. 4 апреля 1893 года он написал свое первое письмо в Департамент полиции, где обещал, при условии ежемесячной выплаты жалованья в 50 рублей, сообщать секреты социал-демократических кружков, куда он в то время был вхож. Именно тогда Евно получил свою первую характеристику, выданную полицией: «Человек неглупый, весьма пронырливый, в качестве агента может приносить существенную пользу, так как корыстолюбив».

Потерять столь выдающуюся личность Департамент позволить себе не мог, и в июне 1893 года с первым жалованьем Азеф получил своеобразное «боевое крещение». Материальное положение стало выправляться, и «Иван Николаевич» (так по-русски называли Евно) начал свой путь агента-осведомителя под псевдонимом «Раскин». С этих пор его можно встретить во многих революционных кружках, заметное положение создает он себе среди марксистов.

Меняются и политические взгляды ранее

«умеренного» Азефа: теперь он выступает за террористические методы борьбы. Своими пламенными речами или, наоборот, умением молчать завоевал он сердце революционерки Любви Григорьевны Менкиной, которая вскоре стала его женой. Правда, о родстве душ тут нет и речи: о второй стороне жизни осторожного мужа она узнала лишь спустя много лет.

В русских студенческих кругах Азеф быстро снискал всеобщее уважение. В эти годы он — владелец хорошо подобранной библиотеки нелегальных изданий, пользоваться которыми он позволял другим за небольшую плату. Все чаще председательствуя на собраниях, от публичных выступлений он, однако, уклонялся, усвоив истину: «Молчание — золото».

Студенты восхищались «светлой личностью» Азефа, доверяли ему, а на стол полицейского начальства регулярно ложились доносы о каждом их шаге.

Для наглядности — представьте, к примеру, день «делового человека». И оцените его способность к перевоплощению, которой, честное слово, мог бы позавидовать любой актер.

Утро. Время завтрака. Человек в дымчатых очках — новый начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов — стоит перед почтиительно склонившимся Азефом. «Революционное движение стало массовым, — поучает Сергей Васильевич, — и победить его одними репрессиями вряд ли возможно. Отсюда стратегическая задача: внести раскол в действия революционной интеллигенции и рабочих масс, поставить между ними прочную стену. Тогда мы раздавим

их!» — заявляет он. «Внутренняя агентура, — часто поговаривал Зубатов, — это то, что нужно». Он умел обращаться с людьми, подобными Азефу, охранял их от провалов, обучал искусству пробираться на высшие ступени революционной иерархии. Жандармских офицеров он так и наставлял: «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный шаг — и вы ее опозорите».

Вдохновленный такими речами, Азеф продолжал свой день. Вечер. Время заканчивать ужин. Московский «Союз социалистов-революционеров». Толстый, скуластый, чуть лысеющий человек волнуясь произносит речь. В ней есть все: боль за дело революции, призыв к немедленному террору, гневное обличение политики правительства. Это Азеф. Отклик на такую преданность революции — привлечение «Ивана Николаевича» к деятельности «Союза». А это означало многое. Во всяком случае, утро следующего дня обещало приятные новости для Зубатова...

С подачи Азефа началась мощная волна арестов, была разгромлена нелегальная типография в Томске. Напуганные этим, не подозревающие об истинных причинах репрессий члены «Союза» еще сильнее тянутся к Азефу — единственному спокойному и хладнокровному человеку. Поздно вечером, в Сандуновских банях, руководитель «Союза» Аргунов, чувствуя, что в любой момент может разделить участь арестованных товарищей, сообщает Азефу все пароли, явки, фамилии

и адреса. Узнав о том, что Аргунов готовит в свои преемники Азефа, Зубатов приостановил слежку и, дождавшись, когда все нити оказались у «Раскина», дал указание арестовать уже бывшего руководителя «Союза». Бывшего — так как теперь «карта шла» Азефу. «Утешив» оставшихся на свободе, он немедленно принял дела. И не только идеологические, но и денежные: стал заведовать кассой Боевой организации — ядра партии социалистов-революционеров. Теперь Азеф попал в самый центр террористической борьбы. Он по-прежнему строчил отчеты о деятельности партии в полицию, но теперь эти сведения становились все более скудными, порой — неточными, а иногда — совсем неправильными. Евно Азеф решил вести двойную игру: усидеть на двух стульях, будучи одновременно высокооплачиваемым агентом охраны и распорядителем партийной казны, которая была не менее лакомым кусочком... Жажда больших денег руководила Азефом, когда он умалчивал в докладах богам полицейского Олимпа о деятельности одних революционеров и с потрохами выдавал других — фактически не представляющих интереса для полиции. Так начался новый этап в биографии Евно Азефа, который можно считать «золотым веком» Азефа-провокатора.

19—20 апреля 1903 года страна содрогнулась от погромов еврейских кварталов в Кишиневе. Организованные толпы погромщиков разрушали дома, грабили магазины, насильствовали женщин, убивали стариков и детей. Ни полиция, ни войска, однако, не делали попыток прекратить бесчинства, наоборот, нередко поощря-

ли беспорядки, разгоняли группы оборонявшихся. Волна возмущения прокатилась по России. Вина за происшедшее легла на Плеве — министра внутренних дел. Не мог остаться равнодушным и Азеф. И началась подготовка крупного террористического акта, направленного против Плеве.

Вячеслав Константинович Плеве был человеком сильным и холодным. Замкнутый мальчик с туманными глазами, приемыш польского помещика, он не видел ласки в детстве. Одни говорили, что отец его церковный органист, другие — что смотритель училища, третьи — что аптекарь. Никто не знал родителей Плеве. Он был сирота.

Когда Славе, как звал его помещик, исполнилось 17 лет, он донес генералу Муравьеву на приемного отца. Польского помещика генерал повесил.

У мальчика была воля. Он мечтал о головокружительной карьере. Участь на медные гроши, пешком месил грязь большой дороги, возвращаясь с каникул в университет. Мечты не покидали. Властный, гибкий, самоуверенный, переменил католичество на православие. Уже занимал высокое место в бюрократической иерархии. Победоносцев называл его негодяем, ибо ходил слух, что Плеве через провокаторов замешан в убийстве губернатора Богдановича. Плеве был тщеславен и ненавидел людей.

Ни пост директора департамента, ни пост товарища министра не удовлетворяли его полностью. Только раз в жизни Плеве испытал счастье. Это было в апреле, когда Балмашов убил

Сипягина. Генерал-адъютант сообщил монаршую волю о назначении Плеве.

Плеве ехал по Дворцовой набережной. Черный куб лакированной кареты плавно колыхался на рессорах, цокали подковы коней. Это были счастливые минуты.

Рысаки стали у подъезда дворца. Плеве понимался по Иорданской лестнице. Первыми здоровались министр двора барон Фредерикс, дворцовый комендант генерал Гессе. По пожатию рук, наклону голов Плеве знал уже, кто он. Твердо пошел по аванзалу. Император вышел навстречу с ласковым, любезным выражением лица. Плеве показалось, что у него слегка кружится голова.

Морщась от света, Николай II сказал:

— Вячеслав Константинович, я назначаю вас вместо Сипягина.

Плеве чуть побледнел.

— Ваше величество, я знаю, злоумышленники меня могут убить. Но пока в моих жилах есть кровь, буду твердо хранить заветы самодержавия. Знаю, что либералы ославят меня злодеем, а революционеры извергом. Но пусть будет то, что будет, ваше величество.

— Сегодня будет указ о вашем назначении, — закрываясь рукой от солнца, проговорил Николай II.

Плеве наклонил голову.

И когда выходил от императора, его толпой поздравляли придворные. Плеве знал людей. Тем, с кем вчера еще был любезен, бросил сквозь топорщившиеся усы:

— Время, господа, не разговаривать, а действ-

зовать. — И спустился по великолепной дворцовой лестнице к карете.

Мечта Плеве исполнилась. «В два месяца революция будет раздавлена», — говорил он. И из его канцелярии то и дело шли секретные распоряжения губернаторам. Плеве сторонился двора. Государственный совет называл стадом быков, кастрированных для большей мясистости. Он искал только дружбы правителя Москвы, великого князя Сергея, с ним обсуждал меры пресечения революционных волнений.

— Но надежна ли ваша личная охрана, Вячеслав Константинович? — часто спрашивал великий князь.

— Моя охрана совершенно надежна, ваше высочество. Думаю, что удачное покушение может быть произведено только по случайности, — отвечал Плеве, зная, что Азеф охраняет его жизнь, что выданные им Гершуни и Мельников уже пожизненно заключены в каземате.

Кроме соображений кровной обиды, подумывал Евно и о том, что эта афера принесет ему пользу в любом случае: если министра удастся убрать, несомненно возрастет роль «Ивана Николаевича» в Боевой организации, что сохранит доступ к ее кассе. Если нет — он обставит дело так, будто бы он спас Плеве от неминуемой гибели, и твердый полицейский оклад в 500 рублей останется добычей азефовского бюджета.

Была разработана целая программа: за министром следили специальные наблюдатели, игравшие роли извозчиков, продавцов газет, мелких торговцев. Особые специалисты обеспечивали «технику»: изготавливали взрывчатые ве-

щества, бомбы. План был продуман во всех деталях.

28 июля на Измайловском проспекте раздался тяжелый гулкий взрыв — Плеве окончил свои земные счета.

Как и предполагалось, это событие вознесло Азефа на вершину славы, и он получил ореол «руководителя самого удачного террористического акта революционной борьбы». Несколько сложнее было объясниться с «боссами» из Департамента, раздосадованными не на шутку. Ведь незадолго до гибели Плеве, усмехаясь, говорил: «Если и созреет у кого-нибудь план покушения, я буду знать об этом заблаговременно». Он рассчитывал прежде всего на Азефа. Однако гроза прошла мимо Евно. В беседах с полицейскими начальниками Азеф перешел в контрнаступление, обвинил шефов в невнимании к его докладам, в которых он, дескать, предупреждал обо всем. Речь его выглядела столь бурной и убедительной, что никакого расследования не последовало.

Путь Азефа не был усыпан розами. Нередко жизнь его и карьера оказывались в опасности, подступавшей так близко, что приходилось мобилизовать всю свою изворотливость, ловкость и достаточное количество наглости, чтобы пронесло и на сей раз. Небезызвестный Борис Савинков рассказывает о случае, который произошел с участием новоиспеченного конкурента «Раскина» — Николая Татарова, члена Боевой организации, также работавшего на полицию.

В один ужасный день в Боевую организацию

пришло письмо, разоблачающее деятельность двух предателей. Узнав об этом, Азеф дал волю «праведному гневу», заклеив Татарова как человека безнравственного. А тот не пожалел эпитетов, чтобы «пустить ко дну» Азефа, день и ночь твердя о его связях с полицией. Но Николай ошибся: товарищи по партии посчитали «Ивана Николаевича» несправедливо обиженным, а всю тяжесть вины переложили на плечи Татарова. «Азеф явился на собрание Боевой организации, — вспоминает Борис Савинков, — и стал шумно комментировать каждое слово обвиняемого, явно пытаясь «утопить» его. Это нам показалось бестактным. Я бы не пришел», — добавляет он.

Но важнее всего результат: вновь этому патриарху русской провокации удалось выйти сухим из воды. Азеф, уже почувствовавший было холодное дуло револьвера у виска, ощутил облегчение. Однако именно тогда он по-настоящему испугался, осознав, что серьезная опасность грозит с двух сторон: ведь он не только продавал полиции революционеров, но и полицию революционерам, а потому, если бы его действительная роль была вскрыта, преследовать его стали бы и те и другие.

Судя по всему, в тот период Азеф склонялся к мысли о полном переходе на сторону революции. Это было прежде всего выгоднее, ибо тогда казалось, что в происходившей схватке верх брала именно революция. Кроме того, это представлялось более безопасным: организатор недавних убийств Плеве и великого князя Сергея скорее мог бы рассчитывать на снисходитель-

ность со стороны революционеров, чем со стороны «державного племянника» одной из своих жертв. Однако свободным человеком Азеф так и не стал. Отстранение от деятельности агента грозило ему гибелью: секретные архивы политической полиции хранили сведения о его страшном прошлом, угроза разоблачения стала бы более чем реальна.

Решающего выбора Азефу так и не удалось сделать. Ему предстояло участвовать в убийстве предавшего революцию попа Гапона и получить у министра царского кабинета Петра Столыпина почетную характеристику «настоящий государственный деятель!», организовать заговор против царя и выдать полиции коллег по работе в партии — социалистов-революционеров... Перечислять можно долго — лучше меня это сделал Борис Николаевич в своей книге. А мы подошли к описанию последних минут жизни «Ивана Николаевича» и «Раскина». У двух жизней Евно наступил один конец.

Много времени понадобилось Владимиру Львовичу Бурцеву — редактору революционного журнала «Былое», чтобы провести тщательное расследование подозрительной деятельности Азефа. Он выслушивал очевидцев, кропотливо копался в бумагах, сопоставлял факты... Темная сторона жизни предателя была хорошо скрыта от посторонних глаз, но — и Бурцев это теперь чувствовал — она была! Последние сомнения, которые, возможно, еще оставались у него, развеял случай. Во время массовых арестов и прочих полицейских репрессий он однажды встретил Азефа, едущего без всякой конспирации на

извозчике. Бурцеву показалось, что тот вел себя откровенно вызывающе.

Тогда Владимир Львович отправился к Лопухину — бывшему директору Департамента, который вышел в отставку после удачного покушения на Плеве. Бурцев долго рассказывал Лопухину о том, что ему удалось узнать, и просил только одного: подтверждения, что таинственный «Раскин» — это не кто иной, как... «Никакого Раскина я не знаю, — сказал бывший чиновник, — но с инженером Евно Азефом встречался несколько раз...» Этим он поставил точку в исследованиях Бурцева. Теперь сомнений не осталось: Азеф — провокатор.

Революционеры поверили в это не сразу. Они были ошеломлены, шокированы и потрясены. Но слова бывшего начальника Азефа по предательской работе сделали свое дело.

Азеф метался по всему миру: он знал, что ЦК партии эсэров приговорил его к смерти. Наконец, под именем негоцианта Александра Неймайера он поселился в Берлине. В 1915 году Азеф был арестован там как русский шпион и посажен в тюрьму, из которой его выпустили в декабре 1917 года. Через несколько месяцев провокатор умер своей смертью...

Ушел из жизни, не принеся никому ни пользы, ни добра. Евно Азеф — человек-манекен, который ни для кого не был другом, единомышленником, коллегой, соратником. Он умер, оглядываясь по сторонам и дрожа от каждого шороха. И возможно, в предсмертные минуты осознал, что на самом деле предал свою жизнь, предал весь мир. И себя.

ГАПОН

Во время бурной встречи с Рачковским в апреле 1906 года Азеф между потоками матерщины злорадно выкрикнул: «Хорошую агентуру в лице Гапона обрели?... Знаете, где Гапон теперь находится? Он висит в заброшенной даче на финской границе...». Азеф сказал правду. Во встроенном шкафу нетопленного дома на границе с Великим Княжеством вот уже неделю висел лицом к стене тот, кого совсем недавно называли героем «красного воскресенья».

Георгий Гапон, еще будучи студентом Петербургской духовной академии, обнаружил пристальный интерес к положению самых обездоленных слоев народа. Миссионер по призванию, человек очень честолюбивый, Гапон становится весьма популярным лицом на фабриках, в общежитиях и ночлежках Петербурга.

В 1902 году Гапон познакомился с Зубатовым и по его совету начал организацию рабочих кружков, которые в отличие от московских или минских почти не занимались экономическими вопросами. Своим организациям Георгий Аполлонович придал уклон религиозно-нравственный и культурно-просветительский. С помощью Плеве Гапон сумел добиться в феврале 1904 года утверждения устава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». К трагическому дню 9 января в этом «Собрании» состояло около девяти тысяч человек.

Тем временем беспорядки в империи нарастали: волновались студенты, был убит Плеве, несчастная война с Японией выматывала послед-

ние силы государства; в ноябре стало ясно, что падение Порт-Артура — вопрос времени; глухо роптали национальные окраины...

Встревоженный ростом «Собрания рабочих» петербургский градоначальник генерал Фуллон в декабре 1904 года вызвал к себе Гапона и стал укорять священника, что тому доверили укреплять основы религиозной нравственности, а он разводит социалистическую агитацию. Гапон твердил, что не выходит за пределы дозволенной программы. «Поклянитесь мне на священном Евангелии, тогда поверю!» — потребовал генерал. Гапон перекрестился, и Фуллон отпустил его с миром.

Между тем сменивший Плеве П. Д. Святополк-Мирский провозгласил «эпоху доверия» между обществом и правительством. Началась петиционная земская кампания — на высочайшее имя посыпались десятки прошений о введении в России представительного образа правления. Пресса подняла вокруг петиций невообразимый шум и навела Гапона на мысль устроить манифестацию с подачей прошения царю от имени рабочих. Чтобы заручиться поддержкой высшей власти, Гапон пытался пробиться на прием к министрам юстиции и внутренних дел, но это ему не удалось.

13 декабря 1904 года разразилась всеобщая стачка в Баку — забастовка неистовой силы; 20 декабря был сдан Порт-Артур и практически проиграна война; 3 января в ответ на увольнение четырех рабочих из гапоновской организации стал Путиловский завод; 6 января во время крещенского водосвятия в присутствии императорской

семьи начался салют, и одна из пушек Петропавловской крепости ударила по процессии боевым снарядом (выстрел признали за оплошность, жертв не оказалось). 9 января священник Георгий Гапон повел рабочих к Зимнему дворцу бить челом, просить у царя «правды и защиты» от угнетателей. Царя в городе не было, он с женой и детьми накануне уехал в Петергоф. За два дня перед этим, на массовом митинге, Гапон выдвинул план действий — нечто среднее между прошением и бунтом: «Мы скажем царю, что надо дать народу свободу. И если он согласится, то мы потребуем, чтобы он дал клятву перед народом. Если же не пропустят, то мы прорвемся силой. Если войска будут стрелять, мы будем обороняться. Часть войск перейдет на нашу сторону, и тогда мы устроим революцию... разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму, займем телеграф и телефон. Эсеры обещали бомбы... и наша возьмет».

Петиция рабочих начиналась словами: «Государь, воззри на наши страдания», а кончалась требованием Учредительного собрания! Большинство участников митинга и воскресного шествия к царю слова о бомбах и оружейных лавках воспринимали как браваду; рабочие люди шли просить у царя-батюшки заступничества.

На заседании министров 8 января охранное отделение Петербурга дало исчерпывающую и объективную информацию о том, что предстоящее шествие будет носить исключительно мирный характер, что рабочие пойдут семьями, с женами и детьми, что манифестанты понесут

требования, написанные «в приличной форме», а также иконы, хоругви, портреты царствующей четы; многие колонны возглавит духовенство.

Но было решено все-таки вызвать войска. Дальнейшее хорошо известно... тщетно пытались представители общественности вечером 8 января предотвратить расстрел.

Среди манифестантов никто не верил, что войска станут стрелять в мирное шествие, более других не верил в это Гапон. Он шел на штыки, рядом с ним падали убитые, и, если бы не верный друг, эсер Петр Рутенберг, Гапон скорее всего был бы убит; Рутенберг повалил в снег обезумевшего отца Георгия, прямо под пулями остриг загодя захваченными из дому ножницами его длинные волосы и привел рыдающего в истерике Гапона на квартиру Максима Горького.

Там, слегка успокоившись, Гапон написал свое обращение к русскому народу, призвал «братьев, спаянных кровью», к всеобщему восстанию. Уже вечером это воззвание читали на улицах Петербурга эсеровские агитаторы; за неделю, отпечатанное неслыханным тиражом, оно обошло всю Россию.

За границей Гапона ждала триумфальная встреча. Напрасно правые газеты трубили, что Георгий Аполлонович — полицейский агент; вожди русских левых партий заявили о своем доверии к романтическому священнику. Он раздавал интервью, ему щедро заплатили за книгу воспоминаний «История моей жизни».

Гапон встречался с Плехановым, Лениным,

Азефом, но не спешил делать выбор. Он кутил широко, безобразно, по купеческому трафарету — дорогие проститутки, рулетка в Монте-Карло, коллекционные вина.

...Глава Департамента полиции Рачковский был, как и обязывало служебное положение, человеком обходительным и в достаточной степени лицемерным. Зная, что Гапон равнодушен к роскошным трапезам, он приглашал последнего на пышные ужины в лучшие рестораны. Там и проходили очень серьезные разговоры...

«Покаявшись в печальном недоразумении 9 января», Рачковский горячо убеждал Гапона в том, что все теперь понимают, ценят его деятельность и очень нуждаются в его помощи. Для чего? Чтобы устранить террористов, которые своими покушениями на видных политических деятелей только «воду мутят». Охмелевший и вдруг ощутивший себя не менее чем «отцом русской демократии» Гапон расслабился. Он рассказал все, что знал о делах в революционном лагере, в частности о Боевой организации — ядре партии социалистов-революционеров. Пообещал он свою помощь и в дальнейшем. За сто тысяч...

Уже предвкушая, как захрустят новенькие купюры в карманах рясы, Гапон направился к своему старому товарищу — Рутенбергу с целью завербовать опытного революционера себе в помощники. «Вдвоем мы сможем сделать больше!» — решил священник.

Рутенберг поначалу очень обрадовался встрече: он помнил пламенные выступления Гапона на собраниях, сам помогал составлять знамени-

тую петицию к царю, рядом с Гапоном лежал на снегу под градом солдатских пуль в день «кровавого воскресенья». Однако вскоре Рутенберг понял, что имеет дело совсем с иным человеком. Встревоженно слушал он речи пришедшего. Чтобы разузнать в подробностях его планы, прикинулся готовым пойти на сделку. Гапон раскрыл карты: он напрямую предложил Рутенбергу помогать полиции раскрывать замышляемые террористами покушения и посулил большие деньги за успешно выполненную работу.

Рутенберг немедленно связался с руководителями партии социалистов-революционеров, сообщил им о провокаторе. Священника решено было «устранить».

...Убийство Гапона задумали облечь в форму суда. Под Петербургом сняли уединенную дачу. Там ему была назначена встреча — якобы для окончательных переговоров об условиях выдачи Боевой организации. Гапон и не подозревал о том, что ему расставлена ловушка. Сердитый за нерешительность Рутенберга, он был особенно груб:

— Чего ты ломаешься? Получишь 25 тысяч — это хорошие деньги!

— Да, но если «боевиков» арестуют, то все будут повешены, — слабо возражал Рутенберг.

— Ну что ж! Жаль, конечно, но ничего не поделаешь: лес рубят — щепки летят!

...На шею Гапона накинули петлю и прицепили к железному крюку, вбитому над вешалкой. Через несколько секунд все было кончено.

Это произошло 10 апреля 1906 года, около 7 часов вечера.

МАЛИНОВСКИЙ

Расчетливый, волевой, деловитый Роман Вацлович Малиновский, член ЦК партии и лидер большевистской фракции IV Государственной думы, — загадка в мрачной истории русского политического провокаторства.

Малиновский был рабочим. Он многого добился самообразованием, обладал ораторским даром, производил впечатление человека, на которого можно положиться. В 1907 году Малиновский стал секретарем правления союза металлистов. Он сам пришел в охранку и в 1910 году был зачислен в штат секретным сотрудником. На Пражской конференции РСДРП избран членом ЦК. В охранке он получал двести рублей в месяц.

В 1912 году с помощью департамента полиции избран депутатом Государственной думы от рабочей курии и сразу же, по заданию Ленина, начинает работу по расколу социал-демократической фракции. С Лениным виделся регулярно, давал ему для редактирования тексты своих пламенных выступлений в Думе, а затем нес их в охранку.

Все секреты и большевиков, и меньшевиков были для полиции как на ладони.

В январе 1914 года Роман Вацлович прочитал в Париже реферат о работе большевистской фракции IV Государственной думы. Ленин приехал послушать своего любимца и высоко оценил его труд.

Малиновский не знал, что Николай II решил назначить товарищем министра внутренних дел

В. Ф. Джунковского. В октябрьские дни 1905 года, в бытность свою московским вице-губернатором, Джунковский прославился тем, что под красным флагом вместе с революционерами ходил от тюрьмы к тюрьме, освобождая политзаключенных. Он был принципиальным противником провокации.

По своему новому положению Джунковский ведал полицией. Он начал знакомиться с агентурой и, потрясенный, явился к председателю Думы М. В. Родзянко; Родзянко тотчас вызвал к себе Малиновского. Роман Вацлович не отпирался, немедленно сложил с себя полномочия депутата и кинулся в Поронино к Ленину и Зиновьеву жаловаться на невыносимые нервные перегрузки и депрессию.

Меньшевики, которые от деятельности Малиновского страдали гораздо чаще большевиков, сразу распознали причину «нервного истощения» лидера большевистской фракции. Ф. Дан и Ю. Мартов опубликовали письма, где прямо называли Малиновского провокатором.

ЦК партии большевиков сразу по прибытии Романа Вацловича в Поронино в начале июня 1914 года создал следственную комиссию в составе Ганецкого (председатель), Ленина и Зиновьева. Комиссия допросила в качестве свидетелей Н. И. Бухарина, Е. Ф. Розмирович, А. А. Троянского и объявила недоказанными обвинения в провокации.

В этом есть какая-то недоговоренность. Когда Е. Ф. Розмирович, секретаря большевистской думской фракции, арестовали, во время допросов жандармы, по ее словам, проявили такую ос-

ведомленность в делах большевистской депутатской группы, которую можно было объяснить только предательством. Показания Трояновского и Бухарина оказались тоже не в пользу Малиновского. И все же поверили Роману Вацловичу. Что ж, он умел обманывать.

Выступив в июне 1914 года на Брюссельском совещании с докладом ЦК РСДРП, Ленин сообщил: «Наш ЦК заявил, что он ручается за Малиновского, расследовал слухи и ручается за бесчестное клеветничество Дана и Мартова».

...Грянула война. Получив ложное известие о гибели Малиновского на фронте, Ленин совместно с Зиновьевым опубликовал некролог. Вскоре выяснилось, что Малиновский попал в плен. И уже 24 июня 1916 года Ленин пишет Роману Вацловичу письмо-инструкцию, как вести большевистскую агитацию среди русских военнопленных в Германии.

После Февральской революции Чрезвычайная комиссия Временного правительства расследовала преступления высших должностных лиц царского режима. В качестве свидетеля по делу провокатора Малиновского был приглашен Ленин. Его показания вызвали удивление у горьковской газеты «Новая жизнь» и у редакции «Дня». Ленин написал опровержение на публикации этих газет...

Июньские события сменились неудачной июльской попыткой большевистского переворота, и «большевистский Азеф» Малиновский, казалось, окончательно канул в забвение. Но нет. Роман Вацлович упорно добивался согласия Германии на выезд в Россию из немецкого пле-

на. Зачем? В своих воспоминаниях Зиновьев пишет: «Два обстоятельства все же несомненны. 1). В германском плену Малиновский вел революционно-интернационалистическую пропаганду. Корыстными целями и планами этого никак не объяснишь. 2). Осенью 1918 г. в разгар красного террора Малиновский добровольно явился и отдался советскому правосудию».

Малиновский был приговорен Верховным трибуналом ВЦИК и расстрелян «в 24 часа». Никто из провокаторов в рядах большевиков — ни Я. А. Житомирский, член Центрального бюро заграничных организаций, ни А. С. Романов (Аля Алексинский), делегат Пражской конференции, ни В. Е. Шурканов, депутат III Государственной думы, ни М. Е. Черномазов, секретарь редакции «Правды», — серьезно не пострадал. Их «отстраняли от партийной работы».

Когда в 1925 году поймали и судили Ивана Окладского, суд был публичным, на нем могли присутствовать бывшие народовольцы. Окладского приговорили к смертной казни, в виде помилования он получил 10 лет лишения свободы. «Ванечка» уже никому не мешал...

При тоталитарном режиме, при власти карательных органов, вербовка секретных сотрудников становится явлением обыденным. Масштабы политической провокации во времена сталинщины достигли фантастической, неподвластной разуму величины. Немало людей стало жертвами провокаций и позже. Менялись масштабы, но методы, которые разработали еще судейкины, по сути оставались прежними.

ТАЙНА СТАЛИНА

Вскоре после XX съезда КПСС американский журнал «Лайф» опубликовал статью Александра Орлова «Сенсационная тайна проклятия Сталина» (Orlov. The Sensational Secret Behind the Damnation of Stalin. — from Life Magazin, April 23, 1956).

Орлов утверждал, что Сталин был осведомителем охранного отделения, что он узнал о «сенсационных доказательствах», подтверждающих этот факт, от Зиновия Кацнельсона — своего двоюродного брата, заместителя начальника НКВД Украины. Его кузен специально приехал в Париж, чтобы рассказать Орлову об этом в феврале 1937 года, когда тот лежал в клинике после автокатастрофы. Орлов вспоминает: «Я содрогался от ужаса на своей больничной койке, когда слышал историю, которую Зиновий осмелился рассказать мне лишь потому, что между нами всю жизнь существовали доверие и привязанность».

Разрабатывая сценарий первого из знаменитых московских процессов (1936 год), рассказывал Кацнельсон, Сталин предложил тогдашнему начальнику НКВД Генриху Ягоде сфабриковать «доказательства» того, что некоторые из обвиняемых вождей большевизма были в прошлом агентами полиции. Просто готовить фальшивку Ягода не захотел — он решил, что лучше найти бывшего сотрудника охраны и от него получить нужные «показания». Делом этим занялся «надежный сотрудник НКВД» по фамилии Штейн, помощник начальника отдела, готовившего московские процессы. Работая в архиве охраны,

Штейн и нашел «изящную папку», в которой Виссарионов, заместитель директора департамента полиции, хранил особо доверительные документы. В папке были фотография Сталина, прикрепленная к анкете, его собственноручные донесения в охранку и письмо, направленное Золотареву, товарищу министра внутренних дел, — через голову непосредственного полицейского начальства Сталина. В нем «Сталин вежливо напоминал товарищу министра, что имел честь быть представленным ему в приватной комнате некоего ресторана». Письмо содержало обвинение Романа Малиновского, который был одновременно членом ЦК партии большевиков и сотрудником охранного отделения, в том, что тот «работал усерднее для дела большевиков, чем для дела полиции». Золотарев написал на письме: «Этот агент ради пользы дела должен быть сослан в Сибирь. Он напрашивается на это». Сталина арестовали и сослали в Туруханский край.

Перед Штейном встал мучительный вопрос: что делать со «взрывоопасной информацией»? Решил он так: забрал папку и полетел в Киев, где вручил ее своему другу — главе НКВД Украины В. Балицкому. Балицкий посвятил в тайну заместителя З. Кацнельсона. Затем, тщательно проверив подлинность документов, они передали папку члену Политбюро ЦК ВКП(б) Станиславу Косиору и командующему войсками Красной Армии на Украине Ионе Якиру.

Круг лиц, посвященных в ужасную тайну, расширялся: Якир вылетел с документами в Москву, к Тухачевскому. Тухачевский доверился Гамарнику... Орлов описывает дело так: «Высшие на-

чальники решились поставить на карту свою жизнь ради спасения страны и избавления от вознесенного на трон агента-provokatora». 15 или 16 февраля 1937 года, когда состоялась встреча Кацнельсона с Орловым, генералы Красной Армии находились в состоянии «сбора сил».

Планы их были таковы. Под благовидным предлогом убедить наркома Ворошилова попросить Сталина созвать конференцию по проблемам округов и регионов, командующие которыми посвящены в планы заговорщиков. В определенный час или по сигналу два отборных полка Красной Армии должны были перекрыть главные улицы, ведущие к Кремлю, чтобы заблокировать движение войск НКВД. Одновременно заговорщики объявляют Сталину, что он арестован, собирают Пленум ЦК и расстреливают изменника. Надо ли расстреливать Сталина до или после созыва Пленума — об этом заговорщики еще не условились.

Сообщение о Сталине-provokatore и о заговоре против него ужаснуло Орлова в парижской клинике. О расправе Сталина над высшими командирами он узнал из экстренного сообщения по радио 11 июня 1937 года, когда ехал на своей машине в Барселону. Позже ему стало известно о расстреле Кацнельсона, самоубийстве Штейна, гибели тысяч офицеров.

ОСТРОВСКИЙ

Радослава Островского не любили ни свои, ни чужие, но его ценили и его услугами пользо-

вались, не забывая потом тщательно умыть руки. Он был из числа тех предателей, от которых стремились отмежеваться их же недавние соратники. И все же эту фигуру не назовешь малозначительной или малоизвестной, хотя известности ее едва ли кто-нибудь позавидует. Островский, пожалуй, единственный из активных коллаборационистов времен Великой Отечественной войны, которому посвятила (еще при его жизни) отдельную статью «Белорусская Советская Энциклопедия». Кто же он, что за злоеца, но видная «звезда» на небосклоне нашей истории? Вот что сказал о нем военный преступник, нюрнбергский висельник, гитлеровский «министр оккупированных Восточных земель» Альфред Розенберг: «Свой человек, хотя фамилия у него не немецкая». А вот оценка конкурента — «президента» с 1947 по 1970 годы призрака «Белорусской Народной Республики» Николая Абрамчика: «Островский — беспринципный и вредный тип политического авантюриста. Не было в Белоруссии оккупационной власти либо враждебной белорусскому народу силы, которой преданно и подхалимски он не служил бы».

С точки зрения Советского государства и советской историографии, Радослав Островский всегда был не чем иным, как ярким антисоветчиком, изменником, предателем, агентом сначала польской дефензивы, потом немецко-фашистских спецслужб, а еще позже — английской и американской разведок. В то же время недруги из стана белорусских националистов уличали его еще и в связях с коммунистическим движе-

нием, даже с ОГПУ и НКВД. Чем заслужил этот деятель столь разноречивые, но все же по большей части негативные оценки из уст самых разных людей? Чтобы объяснить это, придется описывать его жизнь с самого начала. Сделаем это вкратце, уделив основное внимание периоду Великой Отечественной войны.

Радослав Казимирович Островский (1887—1976) родился в фольварке Заполье Слуцкого уезда в дворянской семье. С детства проникся идеями национального и социального освобождения белорусов, уже в 1905 году стал членом партии Белорусская Социалистическая Громада. Был исключен из Слуцкой гимназии за руководство белорусским национальным кружком. С 1908 года учился на математическом факультете Петербургского университета, где руководил слутским землячеством. В 1911 году за участие в революционном движении некоторое время сидел в тюрьме, был исключен из университета, куда вновь поступил в 1912 году. Оттуда он перевелся на физико-математический факультет Юрьевского университета, который, наконец, и окончил в 1913 году.

В 1914—1917 годах Островский преподавал в Минской гимназии и Минском учительском институте. Быть бы ему, наверно, на счастье всем до конца дней учителем физики и математики, если бы не Февральская революция 1917 г. Островский вернулся к активной политической деятельности. До начала 20-х годов он стоял на последовательных национал-социалистических (еще не фашистских), антибольшевистских позициях. Был комиссаром Слуцкого уезда (от

Временного правительства), делегатом 1-го Всебелорусского конгресса, офицером у генерала Деникина, активным участником антисоветского Слуцкого восстания (1920 год), вместе с участниками которого отступил в Западную Белоруссию, под власть Польши. По некоторым сведениям, именно тогда, в 1921 году, Р. Островский стал агентом польской тайной полиции — дефензивы.

С 1924 по 1936 год он работал директором Виленской белорусской гимназии, продолжая активно заниматься политической деятельностью, которую его арест в 1926 году разделил на два разительно не похожих этапа. В 1924—1926 годах Островский слыл крайне левым. Он сотрудничал с ЦК Компартии (большевиков) Белоруссии и Компартией Западной Белоруссии (КПЗБ), являлся членом последней с 1926 года, опекал нелегальную комсомольскую организацию в своей гимназии, возглавлял Белорусский кооперативный банк (финансировался из Минска), наконец, занимал пост вице-председателя ЦК Белорусской крестьянско-рабочей Громады — широкого народного движения левой, национально-освободительной просоветской ориентации, возглавлял которую известный языковед Бронислав Тарашкевич.

В 1927 году Островский был арестован польскими властями по делу Громады, в феврале — мае 1928 года вместе с другими руководителями этой организации его судили в Вильно во время громкого «Процесса пятидесяти шести». Островского оправдали, а его товарищей приговорили к длительным срокам тюремного заключения —

от 3 до 12 лет. По утверждению белорусского советского историка В. Романовского, Островский еще раньше выдал Громаду дефензиве за 200 000 злотых.

Выйдя в 1928 году на свободу, он продолжил директорство в гимназии, но круто изменил политическую ориентацию, начал пропагандировать идею сотрудничества с польским националистическим, полутоталитарным режимом. За это и прежние увлечения коммунизмом деятели белорусских партий подвергли его в 1934—1935 годах общественному суду и ostrакизму. Островскому ничего не оставалось кроме как устроить себе перевод в Лодзь на место учителя польской школы, где он и прозябал до 1939 года (как в 1914—1916 годах в Минске). Но уже с 1939 года он активно сотрудничал с германской военной разведкой (абвером) и нацистской службой безопасности (СД), с 1940 года возглавлял Лодзинское отделение откровенно прогитлеровского Белорусского Комитета Самопомощи и с нетерпением ожидал нападения Германии на Советский Союз. Когда 22 июня 1941 года это стало фактом, «спадар Радослав» направил А. Гитлеру поздравительную телеграмму.

Скоро Островского увидели уже в Минске. 10 июля 1941 года его назначили шефом администрации Минского округа. В то время это был наивысший возможный для белоруса пост в нацистском оккупационном аппарате.

Островский, проявляя инициативу, старательно исполнял волю СД и СС, под разговоры о возрождении и культуре силами подчиненной ему

полиции вел кровавую борьбу со всеми, кто словом или делом восставал против гитлеровской политики геноцида.

В декабре 1943 года, когда белорусская земля уже дышала преддверием полного краха оккупационного режима и советские войска стояли у стен Могилева, Островский срочно понадобился начальнику СС и полиции «Белорутении» группенфюреру СС Курту фон Готтбергу, исполнявшему после гибели В. Кубе обязанности генерального комиссара. Так случилось, что в данный исторический момент интересы карьериста Островского и эсэсовского наместника в Белоруссии Готтберга совпали.

21 декабря 1943 года в Минске, на собрании 200 человек «белорусского актива», Готтберг объявил Островского президентом вновь созданной «Белорусской Центральной Рады».

Устав «Рады» из 6 пунктов, сочиненный Готтбергом, называл ее органом самоуправления и представительства белорусского народа, издающим постановления с согласия генерального комиссара, который назначал и смещал всех членов «Рады», включая самого президента. Пункт 2 обозначал основную цель БЦР: «Белорусская Центральная Рада имеет основную задачу мобилизовать все силы белорусского народа для уничтожения большевизма...». В условиях Великой Отечественной войны такой призыв означал объявление войны своему народу.

БЦР формально переподчинила себе ранее существовавшие белорусские прогитлеровские организации: Белорусскую Самопомощь, Союз Белорусской Молодежи и им подобные, руко-

водство школами и культурными учреждениями на местах. В округа были назначены «наместники» президента БЦР из числа наиболее деятельных коллаборационистов (Б. Рогуля, А. Комар, А. Авдей, Я. Малецкий, С. Станкевич и др.). Жил Островский в это время в помещении «Рады», занимавшей современное здание Национальной библиотеки. Мобилизуя белорусский народ на борьбу с советскими партизанами и Красной Армией, за сохранение гитлеровской оккупации, он исколесил всю «Белорутению». На митингах, где не было недостатка в бело-красно-белых флагах и портретах фюрера и где глаз то и дело натывался на черно-серый мундир белорусского полицейского, Островский сполна использовал свой несомненный дар демагога и красноречия. Вот один из образчиков его тогдашнего публичного красноречия: «Белорусская мысль всегда была обращена в сторону Германии... Так было в 1918 году, когда Белорусская Рада послала свою историческую телеграмму немецкому правительству, прося помощи в борьбе с большевиками, так произошло и теперь, когда вся национально-сознательная интеллигенция стала на стороне немецкой армии для совместной борьбы против того же большевизма. Адольф Гитлер, немецкая армия сражаются не только за свободу своего народа, но и несут одновременно освобождение другим народам. Так на бой же, граждане, до победного конца! Да здравствует немецкая армия во главе с ее фюрером Адольфом Гитлером! Да здравствует генеральный комиссар фон Готтберг!».

Когда соответствующая пропагандистская под-

готовка была завершена, «президент» издал 6 марта 1944 года от своего имени приказ (на основании приказа, подписанного 23.02.1944 года Готтбергом) о принудительной мобилизации мужчин 1908—1924 годов рождения в батальоны так называемый «Белорусской краевой обороны» (БКО), находившейся под командованием СС и полиции. За неявку приказ грозил «судом и смертной казнью». К счастью, из этой провокационной идеи ничего путного не вышло, потому что немцы не хотели вооружать насильно набранное воинство. В БКО остались только те, кто уже воевал за фюрера, сознательные враги советской власти, да восторженные юнцы, вроде будущего К. Акулы.

В мае — июне 1944 года Островский совместно с СБМ, под треск речей и гром оркестров, провел кампанию по отправке на службу во вспомогательные части вермахта нескольких тысяч белорусских юношей, одураченных националистической пропагандой и на всю жизнь лишенных счастья. Будучи в Слуцком округе, «президент» обратился к населению ряда деревень, требуя выйти из леса и обещая неприкосновенность. Поверившие ему были убиты гитлеровцами.

По указаниям и при содействии Готтберга Островский организовал и провел в здании городского театра в Минске 27 июня 1944 года так называемый 2-й Всебелорусский конгресс, в котором приняли участие 1039 делегатов, в основном сотрудников оккупационного аппарата и полиции. Это неправомочное собрание не самых лучших людей приняло «исторические решения»

о разрыве Белоруссии с СССР и провозглашении БЦР и ее «президента» единственными правомочными представителями белорусского народа. Конгресс приходилось проводить в пожарном темпе, так как к Минску приближались войска Красной Армии. Уложились в один день. После принятия заключительной резолюции, как говорится в протоколе, хранящемся в НАРБ, была послана телеграмма Адольфу Гитлеру.

Продолжать «патриотическую» деятельность Островскому пришлось уже в столице рейха, где ему удалось к осени снова собрать БЦР и даже добиться ее официального признания в министерстве Розенберга.

Островский не был бы Островским, если бы не продумал путей спасения для себя и самых преданных людей. Сколачивая для нужд агонизирующего вермахта из разного рода белорусских беглецов дивизию СС «Беларусь», он подготовил почву для перехода на сторону англо-американских войск, наладил контакты с английской разведкой.

Все же в первое время после окончания войны Островскому пришлось скрываться под именем Корбута в лагерях перемещенных лиц и даже в Латинской Америке. Обстановка наступившей «холодной войны» позволила ему выйти из подполья и развернуть антисоветскую деятельность в Западной Германии, а в 1948 году восстановить БЦР.

В 1956 году Р. Островский переехал на жительство в США и провел там остаток дней в грызне с появившимся конкурентом — «президентом Белорусской Народной Республики» Ни-

колаем Абрамчиком, затем его приемником В. Жук-Гришкевичем. А потом пришла смерть.

Похоронен Р. Островский на белорусском кладбище в Ист-Брансуинке, в 90 километрах от Нью-Йорка, под черным могильным памятником высотой в 7 футов. Ежегодно здесь собираются его последователи.

А в Беларуси? Дверная табличка с двойной надписью: «der Präsident/прэзыдэнт», хранящаяся в Белгосмузее истории Великой Отечественной войны, ворох архивных бумаг и старых газет, да недобрая память. Вот и все, пожалуй, что осталось на Родине от этого человека, столько раз ее предавшего.

ИМРЕ НАДЬ

ЦК КПСС

Об архивных материалах о деятельности
в СССР Имре Надя

В ходе работы в Комитете госбезопасности СССР над архивными материалами, относящимися к репрессиям второй половины 30-х — начала 50-х годов, обнаружены документы, которые проливают свет на ранее неизвестные стороны деятельности в нашей стране Имре Надя.

Как следует из указанных документов, эмигрировав в 1929 году в СССР, Надь с самого начала инициативно искал контакт с органами госбезопасности и в 1933 году добровольно стал агентом (секретным осведомителем) Главного

управления госбезопасности НКВД. Работал под псевдонимом «Володя». Он активно использовался для сбора сведений о попавших по тем или иным причинам в поле зрения НКВД венгерских и других политэмигрантах, а также гражданах СССР. Имеется документ, свидетельствующий, что в 1939 году Надь предложил НКВД для «разработки» 38 венгерских политэмигрантов, в том числе Ф. Мюнниха. В другом списке он называет 150 знакомых ему венгров, болгар, русских, немцев, итальянцев, с которыми в случае необходимости он мог бы «работать».

По донесениям Надя — «Володи» было осуждено несколько групп политэмигрантов, состоявших из членов венгерской, германской и других компартий. Все они обвинялись в «антисоветской», «террористической», «контрреволюционной» деятельности (дела «Аграрники», «Неисправимые», «Агония обреченных» и др.). В одном из документов (июнь 1940 года) указывается, что Надь «дал материалы» на 15 арестованных «врагов народа», работавших в Международном аграрном институте, Коминтерне, Всесоюзном радиокомитете. Деятельность «Володи» привела к аресту известного ученого Е. Варги, целого ряда деятелей компартии Венгрии (Б. Варго-Ваго, Г. Фаркаш, Э. Нейман, Ф. Габор и др.). Часть из них была расстреляна, часть приговорена к различным срокам заключения и ссылки. Многих в 1954—1963 годах реабилитировали.

Из имеющихся архивных материалов не следует, что Надь сотрудничал с НКВД по принуждению. Более того, в документах прямо указыва-

ется, что «Володя» проявляет большую заинтересованность и инициативу в работе, является квалифицированным агентом».

Председатель комитета В. Крючков

На документе имеются пометки: «Согласен. М. Горбачев» (подпись-автограф). «Вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 19.06.89. Принято решение согласиться. Сообщить о согласии. В. Болдин» (подпись-автограф). «О согласии сообщено в КГБ СССР».

Справка

Об агентурной работе агента

1 отделения 4 отдела 1 упр. «Володя»

«Володя». Надь Владимир Иосифович, 1896 года рождения, ур. Венгрии, по национальности венгерец исключен из ВКП(б), дело на разборе КПК. В КПВ состоял с 1918 года, работает внештатным сотрудником венгерского журнала «Уй Ханг».

Завербован 17 января 1933 года. Разрабатывал в основном венгерцев-политэмигрантов.

1. По данным агента «Володя» вскрыта и ликвидирована группа в кол. 4 чел. Мануэль, Барош, Краммер и др., проходящих по аг. делу «Неисправимые». 2. В настоящее время разрабатывает контрреволюционную группу венгерцев в составе: Варга Е., Габор Ф. И., Шлоссер К., Болгар Э., Варга Ш. Э., Геррель, Лукач и др., проходящих по агентурному делу «Реставраторы».

В работе проявляет большую заинтересованность и инициативу, квалифицированный агент. Через «Володю» была вскрыта и ликвидирована

контрреволюционная группа (аг. разработка «Аграрники»).

Зам. нач. 1 отд. 4 отдела 1 упр.
Капитан гос. безопасности (Матусов)

Зам. нач. 4 отдела ГУГБ
НКВД СССР
Комиссару государствен.
безопасности 3 ранга
тов. Каруцкому.

Рапорт

Доношу, что в ночь с 4-го на 5-е марта с. г. был арестован 11-м Отделом УНКВД Московской области агент 2-го отделения «Володя» Надь Владимир Иосифович.

«Володя» завербован 17 января 1933 года и за все время давал ценный материал об антисоветской деятельности ряда лиц, из числа венгерской политэмиграции.

В последнее время «Володя» разрабатывал основных объектов агентурного отдела «Неисправимые», в частности: Бороша В., Мануэль Ш., Манджара, Теглаша и ряд других.

Арестован «Володя» был без предварительной проверки в 8-м отделе ГУГБ, просидел под арестом четыре дня, когда мы затребовали, на основании каких материалов «Володя» арестован, его 8.3 с. г. освободили.

Изложенное сообщаю на Ваше распоряжение.

Нач. 2 отделения 4 отдела ГУГБ
капитан госуд. безопасности (Альтов)

10 марта 1938 года.

ЦК ВКП(б)

тов. Маленкову

На запрос Управления кадров ВКП(б) от 19 апреля 1940 года за № 275/с, при этом направляется справка о Наде Владимире Иосифовиче.

Зам. Наркома Внутренних дел Союза ССР
(Меркулов)

Справка

на агента 1 отделения 1 отдела 3 управления
НКГБ СССР «Володю»

1896 года рождения, урож. гор. Капошвар (Венгрия), национальности венгерец, гр-н СССР, член ВКП(б) с 1918 года.

В настоящее время работает во Всесоюзном радиокомитете.

Завербован в качестве агента в 1933 г.

В 1936 году при проверке партдокументов «Володя» исключен из ВКП(б) и в 1939 году восстановлен. При восстановлении в партии Партколлегией ЦК ВКП(б) ему объявлен выговор за то, что не согласовал с Коминтерном вопрос о поездке своей жены в 1935 году в Венгрию.

В журнале № 2 «Уй Ханг» за 1939 год «Володя» в своей статье высказал сомнение в том, что венгерский пролетариат в настоящее время верен делу социализма.

В 1937—1938 гг. «Володя» сообщил ряд материалов об антисоветской деятельности Фаркаш и Ваго. В дальнейшем по материалам «Володи» были арестованы и осуждены Мануэль, Любарский, Дубровский, Барон, Маджар.

«Володя» также сообщал об антисоветской

деятельности ныне арестованных: Штейнбергера, Штукке, Шугар, Поллачек, Карикаш, Фридман.

В настоящее время «Володя» разрабатывает группу антисоветски настроенных бывш. венгерских политэмигрантов.

Нач. 1 отд. 1 отдела 3 управления
(НКГБ) СССР
ст. лейтенант госуд. безопасности
Крамер (Свердлов)

июнь 1941.

Гаврилов Ю. Провокаторы // Огонек. — 1990. — № 3.

Грицевич В. Триумф и крах попа Гапона // Авантюрист. — 1994. — № 1.

Гуль Р. Азеф. — М.: СКИФ. — Профиздат, 1991.

Из архивов спецслужб // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 3—4.

Никитин М. Der President БЦР Радослав Островский // Советская Белоруссия. — 1996. — 12 апреля.

Ноздрина Н. Азеф // Авантюрист. — 1993. — № 2.

Плимак Е., Антонов В. Сталин знал, что делал // Советская Белоруссия. — 1996. — 4 апреля.

ЧАСТЬ III

РЕЙХСМАРКИ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

СКОЛЬКО СТОИЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Письмо В. Чернова В. Ленину (1919)

* * *

В. М. Чернов (1873—1952) — лидер и теоретик партии социалистов-революционеров, яркий публицист и автор бесценных мемуаров об эпохе революции, скончался в эмиграции.

* * *

«Милостивый государь, Владимир Ильич, для Вас давно не тайна, что громадное большинство Ваших сотрудников и помощников пользуется незавидной репутацией среди населения, их нравственный облик не внушает доверия; их поведение некрасиво, их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны говорить, с теми высокими принципами, которые они должны провозглашать, и Вы сами не раз с гадливостью говорили о таких помощниках как о «перекрасившихся» и «примазавшихся», внутренне чуждых тому делу, которому они вызвались служить.

Вы правы. Великого дела нельзя делать грязными руками. Их прикосновение не проходит даром. Оно все искажает, все уродует, все обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твердая власть становится произволом и деспотизмом, закон — удавной петлей, строгая справедливость — бесчеловечной жестокостью, обязанность труда на общую пользу — каторжной работой, правда — ложью.

Но самое Ваше нескрываемое отвращение к недостойным элементам, самые Ваши угрозы разделяться с ними, хотя бы путем расстрелов, ставили Вас высоко над ними. Те или иные Ваши крылатые изречения вроде того, что «когда Вас повесят как фанатика, их будут вешать, как простых воров», облетели всю Россию, и к Вашей личности сложилось известное уважение. Кругом неподкупного, добродетельного Робеспьера могли кишеть взяточники, плуты, себялюбцы; тем выше по закону контраста подымался он над ними в представлении толпы.

Вы приобрели такую славу «безупречного Робеспьера». Вы не стяжатель и не чревоугодник. Вы не упиваетесь благами жизни и не набиваете себе тугих кошельков «на черный день», не предаетесь сластолюбию и не подкупаете себе под шумок за границей домов и вилл, как иные из Ваших доверенных; Вы ведете сравнительно скромный, плебейский образ жизни.

Я, будучи Вашим идейным противником, не раз отдавал должное Вашим личным качествам. Не раз, в тяжкие для Вас времена, когда Вы своим путешествием через Гогенцоллерновскую Германию навлекли на себя худшее из подозре-

ний, я считал своим долгом чести защитить Вас перед Петроградскими рабочими от обвинения в политической продажности, в отдаче своих сил на службу немецкому правительству. По отношению к Вам, оклеветанному и несправедливо заподозренному, хотя бы и отчасти по Вашей собственной вине, я считал себя обязанным быть сдержанным. Теперь — другое время. Теперь Вы на вершинах власти почти самодержавной, теперь Вы в апогее Вашей славы, когда Ваши восторженные приверженцы провозгласили Вас вождем всемирной революции, а Ваши враги входят с Вами в переговоры, как равные с равными, когда с представителями международного капитала и буржуазными правительствами Европы Вы заключаете всевозможные политические и коммерческие сделки.

И теперь я морально свободен от этой сдержанности.»

Ну что ж, можно лишь горько сожалеть о том, что Виктор Чернов и его коллеги не были «морально свободны от этой сдержанности» тогда, когда контрразведка Временного правительства (полковник Никитин и его аппарат) вполне убедительно доказала, что есть все правовые основания привлечь Ленина к суду за подрывную деятельность против ведущего войну своего государства. Причем режим и государство были демократическими; а подрывная деятельность против них велась на деньги военного противника молодой демократии — кайзеровской Германии. Чернов не верит выводам контрразведки

и теперь, когда пишет свое письмо. К нашему общему несчастью, одиознейшие «преступления века» обычно и бывают рассчитаны на неспособность нравственно нормальных людей представить себе меру аморализма противостоящей им силы. В получение Лениным немецких денег многие не верят и сегодня, когда Германия рассекретила и опубликовала архивные документы об этой сделке.

Наивной была и попытка Чернова открыть Ленину глаза на этику его сотрудников, в том числе — чекистов. Но что могло действительно позабавить Ленина, — это простодушная уверенность Чернова в 1919 году, что Ленин не мог взять денег у немецкого правительства на свое дело. Именно на свое, а отнюдь не на немецкое. «Политическая продажность»? «Служба немецкому правительству»? Слова, слова, слова... Это Ленин через посредничество немецких социалистов купил близорукое немецкое правительство и поставил его на службу своей задаче. Правда, ЦК РСДРП(б) в июле 1917 года разразился громовым воззванием по поводу клеветы на вождя пролетарской партии:

Воззвание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
по поводу клеветы на Ленина.

К населению Петрограда! к рабочим! к солдатам! ко всем честным гражданам!

Клевета должна быть разоблачена!

Клеветников под суд!

Против т. Ленина выдвинуто неслыханное обвинение: будто он получал и получает деньги из

германских источников на свою агитацию. Газеты уже дали этой чудовищной клевете огласку. Уже печатаются подпольные листки со ссылкой на бывшего депутата Алексинского. Уже раздаются призывы к убийству большевиков. Уже по рукам обманутых солдат ходят списки лиц, которые подлежат истреблению.

Цель ясна: контрреволюция хочет простейшим способом обезглавить революцию, посеяв смуту в массах и натравив их на наиболее популярных вождей, заслуженных борцов революции.

Мы заявляем: все, что сообщается о денежных или иных связях т. Ленина с правящей Германией, — ложь и клевета.

Инициатор дела — Алексинский, известный клеветник, обвиняемый целым рядом лиц в подкупе немцами и уже осужденный за бесчестные поступки союзом русских, английских, итальянских и нейтральных журналистов во Франции и исключенный за злонамеренную клевету из всех демократических организаций Парижа и не допущенный в состав Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Мы требуем от Временного правительства и Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов немедленного и гласного расследования всех обстоятельств подлого заговора погромщиков и наемных клеветников против чести и жизни вождей рабочего класса.

Необходимо пролить полный свет на все это дело. И весь народ убедится из этого расследования, что на революционной чести т. Ленина нет ни единого пятна.

Под суд клеветников и распространителей клеветы! К позорному столбу погромщиков и лжецов!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.
Отдельный листок

Но оскорбленная невинность и чувство глубокого негодования «оклеветанных» Алексинским (только ли им? А куда девались предварительные выводы контрразведки Временного правительства?) большевиков не помешали им экстренно спрятать Ленина в Разливе. Вождь партии скрылся (по решению своего ЦК) именно от того «немедленного и гласного расследования», которого тот же ЦК подчеркнуто требует в цитируемом листке. Расследование разными способами тянулось полвека и завершилось публикациями немецких архивных документов. А Чернов (и не он один) помог Ленину, вполне уличенному и обличенному, уйти от возмездия. Предательство же Керенским (тоже эсером) Корнилова предопределило победу Ленина окончательно (Д. Штурман).

Говорят документы:

«К весне в России должна быть подготовлена массовая политическая забастовка под лозунгом «Свободы и мира». Центром движения будет Петербург, а здесь, в свою очередь, Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Стачка должна охватить железнодорожные связи Петербург—Варшава, Москва—Варшава и Юго-Западную железную дорогу».

Фотокопия этого документа, датированного мартом 1915 года, приведена в вышедшей в Германии книге Элизабет Хереш «Царская империя. Блеск и падение». Это сборник засекреченных до недавних пор архивных материалов, в том числе из архивов германского министерства иностранных дел.

Процитированный же отрывок — часть объемистого, в 22 страницы, меморандума под деловитым названием: «Подготовка массовой политической забастовки в России».

Меморандум разработан неким Александром Парвусом (А. Л. Гельфандом) — немецким социалистом, в свое время участвовавшим в российском социал-демократическом движении. Бывший соратник Плеханова и Ленина изложил в нем довольно-таки подробный план дестабилизации царского режима с помощью... «русской социал-демократии».

Заканчивает Парвус свою бумагу сугубой конкретикой: нужна «финансовая поддержка социал-демократической русской большевистской фракции, которая продолжает борьбу против царского правительства всеми средствами. Вождей нужно разыскать в Швейцарии».

Речь для немцев шла, понятно, не о борьбе за права угнетенного рабочего класса России. Документы того же Департамента иностранных дел Германии показывают: к марту 1915 года, когда был написан меморандум Парвуса, трезвые головы поняли, что быстрая война не удалась, потому Департамент уже в конце 1914 года предлагал кайзеру «вбить клин между нашими вра-

гами и как можно скорее добиться сепаратного мира с тем или иным противником».

Документы обладают тем достоинством, что с их помощью тайное когда-нибудь становится явным. Особенно если они «всплывают» в архивах известных своей аккуратностью немцев.

«Берлин, 1.4.1917. Немедленно! Секретно! Господину государственному секретарю императорского казначейства.

Имею честь просить выделить в распоряжение иностранной службы для целей политической пропаганды в России сумму в размере пяти миллионов марок из средств главы 6 раздела II чрезвычайного бюджета... Госсекретарь (подпись неразборчива).»

Есть и свидетельство действенности этих «инвестиций»: генерал Людендорф телеграфирует госсекретарю по иностранным делам: «Заявляю о своей благодарности иностранной службе за то, что она внесла свой вклад в укрепление военных успехов на восточном фронте через усилие разрушительных элементов, прежде всего в Финляндии, путем не только советнического содействия во фронтовой пропаганде, но также и вследствие поддержки, оказанной минирующей работой секции политики — а именно большими денежными средствами».

* * *

Телеграмма: «Генеральный штаб, 21 апреля 1917 г. ...В министерство иностранных дел. Штаб

главнокомандования передает следующее сообщение из отдела политики генерального штаба Берлина: ...Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917 г.: Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию... Немецкое правительство работой Ленина довольно».

* * *

«Берлин; 1/4, 1917. Срочно! Секретно!

...Министерству иностранных дел для пропаганды в России надлежит выделить 5 млн. марок согласно положению, глава 5, абзац 6. Был бы благодарен за возможно более быстрое исполнение. Гос. секретарь.»

«Берлин, 9 ноября 1917 г. Сегодня!

...Министерству иностранных дел в соответствии с договоренностью с премьер-министром Шредером для политической пропаганды в России надлежит выделить 10 млн. марок... Гос. секретарь.»

Телеграмма немецкого посла в Москве графа Мирбаха от 18 мая 1918 года тот самый несчастный граф Мирбах, посол Германии в России, убитый во время левоэсеровского мятежа людьми, которые были не только прощены победившими все же большевиками, но и получили потом немалые посты в служебной иерархии ЧК! Любопытная краска к картине летних событий 1918 года, позволяющая, по крайней мере, задаться вопросом: не стал ли к тому времени гер-

манский посол одним из самых неудобных свидетелей финансовых тайн нового режима?): «...режим Ленина должно поддерживать: изнутри — кровавым тоталитарным господством, из-за рубежа — умеренными социал-революционными силами». И далее опять указания, что деньги срочно необходимы для поддержания Ленина у власти.

Ответ не заставил себя долго ждать.

12 июня 1918 года Берлин. Гос. секретарь пишет, что 40 млн. марок по запросу, касающемуся России, утверждены. После убийства графа Мирбаха его миссия будет продолжена другим послом.

Сегодня известны уже приблизительно 400 документов, и это еще не все, что может быть найдено, о финансировании Германией революции. Общая сумма денег, засвидетельствованная в уже имеющихся документах, составляет около 1 млрд. марок. Они потребовались кайзеровскому правительству для того, чтобы хитроумным путем начать уничтожение потенциально богатейшей страны, которой являлась Россия времен Столыпина.

УБИЙСТВО ГРАФА МИРБАХА

Показания Я. Блюмкина в 1919 году в ЧК.

Германский посланник в Советской России граф Вильгельм Мирбах был убит в Москве, в Денежном переулке, в одной из гостиных посольского здания, около 3-х часов дня 6 июля 1918 года.

«Убийство было совершено при посредстве револьвера и толовой бомбы мной, бывшим членом ВЧК, членом партии левых социалистов-революционеров Яковом Блюмкиным, и фотографом подведомственного мне в ЧК отдела по борьбе с международным шпионажем, также членом названной партии Николаем Андреевым.»

Политическое происхождение этого террористического акта в кратких чертах таково.

Третий всероссийский съезд социалистов-революционеров, заседавший в Москве в первых числах июля 1918 года (почти одновременно с V съездом Советов), постановил по вопросу о внешней политике Советской власти «разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор». Исполнение этого постановления съезд поручил партии.

Выполнить волю съезда и стоящих за ним трудящихся масс Центральный Комитет решил путем совершения акта индивидуального террора над одним из наиболее активных и хищных представителей германских империалистических вождедений в России — графом Мирбахом.

Вся организация акта над Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего 2 дня — промежуток времени между вечером 4 и полуднем 6 июля.

«Еще 4 июля утром я передал т. Лацису, заведующему отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, то самое нашумевшее дело арестованного мною в середине июня немецкого шпиона графа Роберта Мирбаха, племянника германского по-

сла, которое 6 июля послужило мне предлогом для свидания с графом Вильгельмом Мирбахом. Таким образом, вне всякого сомнения, что за два дня до акта я не имел о нем ни малейшего реального представления. Кроме того, вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения проходила под непрерывным наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса. О всех своих мероприятиях (как, например, внутренняя разведка в посольстве) я постоянно советовался с президиумом Комиссии, с комиссаром по иностранным делам т. Караханом, председателем Пленбежа т. Уншлихтом. [Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Наркомате по военным делам РСФСР (Центропленбеж, Пленбеж), образованная в апреле 1918 года; ведала делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках, беженцах. В марте 1920 года реорганизована в Центральное управление по эвакуации населения НКВД РСФСР (Центрэвак). — *Прим. сост.*].

4 июля, перед вечерним заседанием съезда Советов, я был приглашен из Большого театра одним членом ЦК для политической беседы. Мне было тогда заявлено, что ЦК решил убить графа Мирбаха, чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата, чтобы совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму, стремящемуся задушить русскую революцию, чтобы, поставив правительство перед совершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной объединенности и непримиримости в борьбе за меж-

дународную революцию. Мне приказывалось как члену партии подчиниться всем указаниям ЦК и сообщить имеющиеся у меня сведения о графе Мирбахе.

Я был полностью солидарен с мнением партии и ЦК и поэтому предложил себя исполнителем этого действия.

Ночью того же числа я был приглашен в заседание ЦК, в котором было окончательно постановлено, что исполнение акта над Мирбахом поручается мне, Якову Блюмкину, и моему сослуживцу, другу по революции Николаю Андрееву, также полностью разделявшему настроение партии. В эту ночь было решено, что убийство произойдет завтра, 5-го числа. Его окончательная организация, по предложенному мною плану, должна быть следующей.

Я получу обратно от тов. Лациса дело графа Роберта Мирбаха, приготовлю мандат на мое и Николая Андреева имя, удостоверяющий, что я уполномочиваюсь ВЧК, а Николай Андреев — революционным трибуналом войти в личные переговоры с дипломатическим представителем Германии. С этим мандатом мы отправимся в посольство, добьемся с графом Мирбахом свидания, во время которого и совершим акт. Но 5 июля акт не мог состояться из-за того, что в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений и не была готова бомба. Акт отложили на 6 июля. 6 июля я попросил у тов. Лациса, якобы для просмотра, дело Роберта Мирбаха. В этот день я обычно работал в комиссии. До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт, говорит следующее: в ночь на 6-е

мы почти не спали и готовились психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в комиссию; Кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк комиссии и в канцелярии отдела контрреволюции напечатал на нем следующее: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномочивает ее члена, Якова Блюмкина, и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином Мирбахом по делу, имеющему непосредственно отношение к самому господину германскому послу.

Председатель комиссии.

Секретарь.»

Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК.

Когда пришел, ничего не зная, товарищ (заместитель) председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать комиссии. Кроме того я взял у него записку в гараж на получение автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убьют графа Мирбаха.

Из комиссии я поехал домой, в гостиницу Элит (ныне гостиница «Будапешт») на Неглинном проезде (ныне улица Неглиная), переделся и поехал в первый дом Советов (гостиница «Националь»). Здесь, на квартире одного члена ЦК, уже был Николай Андреев. Мы получили снаряд, последние указания и револьверы. Я спрятал револьвер в портфель, бомба находи-

лась у Андреева также в портфеле, заваленная бумагами. Из «Националя» мы вышли около 2-х часов дня. Шофер не подозревал, куда он нас везет. Я, дав ему револьвер, обратился к нему как член комиссии тоном приказа: «Вот вам кольт и патроны, езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрел, шум, будьте спокойны».

Был с нами еще один шофер, матрос из отряда Попова, его привез один из членов ЦК. Этот, кажется, знал, что затевается. Он был вооружен бомбой. В посольстве мы очутились в 2 часа 15 минут. На звонок отворил немец-швейцар. Я плохо и долго объяснялся с ним на ломаном немецком языке и наконец понял, что теперь обедают и надо подождать 15 минут. Мы присели на диванчике.

Через 10 минут из внутренних комнат вышел к нам неизвестный господин. Я предъявил ему мандат и объяснил, что являюсь представителем правительства и прошу довести до сведения графа о моем визите. Он поклонился и ушел. Вскоре, почти сейчас же, вслед за ним вышли 2 молодых господина. Один из них обратился к нам с вопросом: «Вы от тов. Дзержинского?» — «Да». — «Пожалуйста».

Нас провели через приемную, где отдыхали дипломаты, через зал в гостиную. Предложили сесть. Из обмена вопросами я узнал, что разговариваю только с уполномоченным меня принять тайным советником посольства доктором Рицлером, позже — заместителем Мирбаха и переводчиком. Ссылаясь на текст мандата, я

стал настаивать на необходимости непосредственного, личного свидания с графом Мирбахом. После нескольких взаимных разъяснений мне удалось вынудить доктора Рицлера возвратиться к послу и, сообщив ему мои доводы, предложить принять меня.

Доктор Рицлер почти сейчас же вернулся вместе с графом Мирбахом. Сели вокруг стола; Андреев сел у двери, закрыв собой выход из комнаты. После 25 минут, а может, и более продолжительной беседы в удобное мгновение я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор последовательно в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал.

В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер. В комнате никто не входил, несмотря на то что, когда нас проводили, в соседней комнате находились люди. Я поднял лежавшую бомбу и с сильным разбегом швырнул ее. Теперь она взорвалась необычайно сильно. Меня отшвырнуло к окнам, которые были вырваны взрывом. Я увидел, что Андреев бросился в окно. Механически, инстинктивно подчиняясь ему, его действию, я бросился за ним. Когда прыгнул, сломал ногу; Андреев уже был на той стороне ограды, на улице, сел в автомобиль. Едва я стал карабкаться по ограде, как из окна начали стрелять. Меня ранило в ногу, но все-таки я перелез через

ограду, бросился на панель и дополз до автомобиля. На улицу никто не выходил. Часовой, стоявший у ворот, вбежал во двор. Мы отъехали, развили полную скорость. Я не знал, куда мы едем. У нас не было заготовленной квартиры, мы были уверены, что умрем. Нашим маршрутом руководил шофер из отряда Попова. Мы были взволнованы и утомлены. У меня мелькнула усталая мысль: «Надо в комиссию... заявить». Наконец, неожиданно для самих себя, очутились в Трехсвятительском переулке в штабе отряда Попова.

Сделаю короткое, но нужное отступление.

Думали ли мы о побеге? По крайней мере, я — нет... нисколько. Я знал, что наше деяние может встретить порицание и враждебность правительства, и считал необходимым и важным отдать себя, чтобы ценою своей жизни доказать нашу полную искренность, честность и жертвенную преданность интересам Революции. Перед нами стояли также вопрошающие массы рабочих и крестьян — мы должны были дать им ответ. Кроме того, наше понимание того, что называется этикой индивидуального терроризма, не позволяло нам думать о бегстве. Мы даже условились, что если один из нас будет ранен и останется, то другой должен найти в себе волю застрелить его. Но напрашивается лукавый вопрос: а почему мы приказали шоферу не останавливать мотор? На тот случай, если бы нас не приняли и захотели проверить действительность наших полномочий, мы должны были скорей поехать в ЧК, занять телефон и замести следы попытки. Если мы ушли из посольства, то в этом

виноват непредвиденный, иронический случай.

Я оказался раненым в левую ногу, ниже бедра. К этому прибавились полученные при прыжке из окна надлом лодыжки и разрыв связок. Я не мог двигаться. Из автомобиля в штаб отряда (отряд при ВЧК, возглавляемый левым эсером Поповым) Попова меня перенесли на руках матросы. В штабе я был острижен, выбрит, переодет в солдатское платье и отнесен в лазарет отряда, помещавшийся на противоположной стороне улицы.

С этого момента я был предоставлен самому себе, и все, что происходило 7 июля, мне стало известно только в больнице из газет и гораздо позже, в сентябре, — из разговоров с некоторыми членами ЦК.

Я переехал в лазарет и сознательно помню только один момент — приезд в отряд тов. Дзержинского с требованием выдачи меня. Узнав об этом, я настойчиво просил привести его в лазарет, чтобы предложить ему меня арестовать... Меня не покидала все время незыблемая уверенность в том, что так поступить исторически необходимо, что Советское правительство не может меня казнить за убийство германского империалиста. Но ЦК отказался выполнить мою просьбу. И даже в сентябре, когда проводились репрессии правительства против левых эсеров и все это сделалось событием, знаменующим собою целую эпоху в Русской Советской Революции, даже тогда я писал к одному члену ЦК, что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить.

В ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА

Особо следственной комиссии по делу
Я. Г. Блюмкина

Доклад

Допросив Якова Григорьевича Блюмкина, явившегося в распоряжение Советской власти после состоявшегося приговора Верховного трибунала о заключении его, Блюмкина, за убийство германского посла Мирбаха в тюрьму на три года, следственная комиссия усматривает:

1) Блюмкин, по его утверждению, полагал, что убийство Мирбаха не вызовет войны с Германией и послужит только к убеждению масс в бессилии германского империализма.

2) Перед совершением убийства Мирбаха Блюмкин потребовал от партии левых эсеров гарантий, что этот акт окончится только убийством и никаких шагов против Советской власти в связи с этим убийством не произойдет, в чем ему членами ЦК партии было дано категорическое обещание.

3) Поднятый партией левых эсеров после убийства Мирбаха мятеж против Советской власти он, Блюмкин, осуждает и категорически отмежевывается от тех преступных действий, которые были совершены партией вопреки данному ему обещанию.

4) Причиной, побудившей его, Блюмкина, явиться в распоряжение Советской власти, прежде всего послужило желание рассеять ос-

корбительное для него, как исполнителя террористического акта против Мирбаха, мнение, в результате коего он был назван в «Известиях ЦИК» «негодяем», и разъяснить Советской власти, как он понимал это убийство.

На предложение следственной комиссии представить доказательства этим утверждениям (каковыми доказательствами могли служить письма Блюмкина, написанные им Прошьяну с требованием объяснений поведения партии после убийства Мирбаха, ответные письма Прошьяна, а также письма, которые получал Блюмкин от членов партии, будучи арестован, в киевской тюрьме) Блюмкин заявляет, что самый факт его явки должен служить уже достаточной гарантией правдивости его слов.

Таким образом, если верить утверждениям Блюмкина, что никакой связи с действиями обманувшей его партии левых эсеров, воспользовавшейся фактом убийства Мирбаха с целью восстания против Советской власти, у него, Блюмкина, не было, то он должен нести ответственность, только за совершение террористического акта по отношению к Мирбаху, каковая ответственность, во всяком случае, не может вызвать необходимости содержания Блюмкина в тюрьме.

Но ввиду того что Блюмкин категорически отказывается представить доказательства своим утверждениям о полной непричастности и отрицательном своем отношении к поднятому вслед за убийством Мирбаха партией левых эсеров мятежу, следственная комиссия не находит возможным, имея в виду политику левых эсеров

в настоящее время, придавать его словам, не подтвержденным никакими доказательствами, безусловное доверие, а потому полагала бы:

1) Блюмкина из-под стражи освободить.

2) Заменить ему трехлетнее тюремное заключение отдачей его на этот срок под контроль и наблюдение лиц по указанию президиума ВЦИК и 3) в случае уклонения Блюмкина от контроля над своими политическими действиями или в случае совершения каких-либо новых действий во вред Советской власти немедленно привести в исполнение состоявшийся по делу об убийстве Мирбаха приговор революционного трибунала при ВЦИК.

Дальнейшая судьба Блюмкина:

Вскоре после освобождения из-под стражи Блюмкин вышел из партии левых эсеров и вступил в РКП(б). В 1919—1920 годах он выполнял отдельные задания военного командования на Украине, принимал участие в организации борьбы в тылу Деникина, был начальником штаба и врид командира 79-й бригады 27-й Омской дивизии Южного фронта. В 1920—1921 годах учился в Военной академии РККА, после ее окончания служил в секретариате народного комиссара по военным делам Л. Д. Троцкого. В 1925 году поступил на службу в Объединенное государственное политическое управление, работал в полномочном представительстве ОГПУ в Закавказье, затем — в органах госбезопасности в Монголии. В 1929 году ОГПУ командировало его в Турцию. 16 апреля в Константинополе он имел встречу

с Троцким, а затем поддерживал с ним связь через его сына Л. Седова. Блюмкин заявил Троцкому, что передает себя «в его распоряжение», составил рекомендации об организации его личной охраны. Кроме того, он дал обещание собрать данные о деятельности Троцкого в годы Гражданской войны, согласился нелегально перевезти в СССР для активных участников оппозиции два его письма и литературу.

По возвращении Блюмкина в СССР он был арестован. После окончания следствия судебная коллегия ОГПУ 3 ноября 1929 года постановила расстрелять его «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

Красная книга ВЧК. — М.: Изд-во политической литературы, 1990. — Т. 1.

Преступники и преступления с древности до наших дней. — Мн.: СТАЛКЕР, 1997.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: ТОО «Гея», 1996.

Штурман Д. О вождах российского коммунизма. — Париж: УМСА-Пресс; М.: Русский путь, 1993.

Милосердов В. Сколько стоила Октябрьская революция // Аргументы и факты. — 1992. — № 29—30.

Справка о золоте // Известия. — 1992. — № 41.

Цыганов А. Рейхмарки для диктатуры пролетариата // Аргументы и факты. — 1992. — № 3.

ЧАСТЬ IV О ЗОЛОТЕ

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС РОССИИ

Данный документ публикуется впервые. Он представляет собой справку, извлеченную из так называемого Пражского архива русской эмиграции. В этой справке содержится подробная опись золотого запаса Российской империи, оказавшегося в августе 1918 года в Казани, а позже в составе «золотого эшелона», частично доставшегося большевикам. Уникальный документ обнаружен российскими архивистами Я. Леонтьевым и Л. Петрушевой.

Справка по золоту

На баланс Омского Отделения Государственного Банка было зачислено золота, эвакуированного из Самары:

1) Слитки Монетного двора
в ящиках	Казанского Отдел.
на 32 378 040 р. 44 к.
2) — ~~~ —	Московской конторы
на 32 528 730 р. 23 к.
3) — ~~~ — частных
аффинеров	Казанского Отдел.
на 5 193 069 р. 76 к.
4) — ~~~ — банков	на 5 364 674 р. 30 к.
5) — ~~~ —	Московской конторы
на 13 005 359 р. 45 к.

6) Золотые полосы	Казанского Отдел. на 529 594 р. 24 к.
7) — ~~~ — кружки	Казанского Отдел. на 525 477 р. 23 к.
8) Слитки Монетного двора, присланные из Золото- плавильной лаборатории	на 486 598 р.
9) Российская золотая монета	на 499 435 177 р. 65 к.
10 — ~~~ — дефектная и старой чеканки	на 15 385 566 р. 13 к.
11) Иностранная золотая монета	40 577 839 р. 36 к.
	Итого: 645 410 096 р. 79 к.

Сколько и в каком виде было «романовского» золота.

Сверх того — золотые предметы Главной Палаты мер и весов, золотые и платиновые самородки, золотистое серебро, серебристое золото и др. в 514 ящиках Монетного двора, в сумме 6 122 021 р. 07 к.

Итого было поставлено на счет золота, принадлежащего Банку, 651 532 117 р. 86 к.

Переотправка золота производилась исключительно на адрес Владивостокского Отделения Государственного Банка, куда в марте, августе и сентябре 1919 года было отправлено золота на сумму 190 899 651 р. 50 к. Сверх того, в октябре 1919 года было отправлено во Владивосток, но задержано в Чите золота в слитках на 10 577 774 р. 06 к. и в монете российской на 33 000 000 р., всего на 43 557 774 р. 06 к.

Во Владивосток же были отправлены вышеозначенные 514 ящиков.

При эвакуации Омского Отделения была направлена на Восток вся оставшаяся наличность металлов, причем все золото было погружено в особый эшелон, находящийся ныне на ст. Иркутск.

После проверки особой Комиссией числа мест с золотом, находящимся в эшелоне на ст. Иркутск, произведенной в конце февраля и начале марта сего 1920 года, оказалось: 4944 ящика с полноценной российской монетой; 1405 двойных мешков с такой же монетой; 262 (двойных) мешка с дефектной и старой монетой; 11 малых (мешков), 194 ящика со слитками, 3 (ящика) с вырубками и 2 (ящика) с золотом, полученных по пути следования от Пермского Отделения Государственного Банка. Всего 6821 место.

Согласно имеющимся данным количество находящегося в эшелоне золота в рублях и копейках исчисляется:

Итого монет: 396 620 743 р. 78 к.

197 мест со слитками и вырубками, принадлежавшими частным банкам (в ящиках Московской конторы Гос. 5) и оцененными, согласно отношения Московской конторы от 15 июня 1918 года за № 31727, в сумме 13 005 359 р. 45 к. Всего на сумму: 409 624 103 р. 23 к., т. е. менее против той суммы, каковая должна была быть, на 840 000 р. (утрачен мешок на 60 000 руб. и похищено 13 ящиков на 780 000 руб.).

7 марта 1920 г.

Директор

(подпись разборчивая)

ЦГАОР СССР. Ф. 143. Оп. 14. Д. 24. Ял. 8—9.

ЗОЛОТО ИСПАНИИ

В 1936 году испанские республиканцы согласились сдать на хранение большую часть испанского запаса общей стоимостью более полумиллиарда долларов в Москву. Документ о передаче золота подписали премьер-министр Испанской Республики Франциско Ларго Кабальеро и заместитель народного комиссара по иностранным делам Крестинский, расстрелянный позже как враг народа вместе с Бухариным после показательного процесса в 1938 году.

Доставка золота Испанской Республики в Москву была поручена Александру Орлову, занимавшему должность резидента в Испании. За эту дерзкую операцию его повысили в звании. Газета «Правда» сообщала о том, что старший майор госбезопасности Никольский награждается орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания.

Настоящая фамилия Орлова-Никольского — Фельдбин, он же «Швед» или «Лева». На Западе он известен как Александр Орлов.

Орлов отлично владел английским, немецким и французским языками. Им написан учебник для высшей спецшколы НКВД по привлечению к агентурному сотрудничеству иностранцев. Из числа своих осведомителей Орлову удалось создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов. Этой негласной ревизионной службой Орлова руководил лично Слуцкий, в то время начальник экономического отдела, который затем, став руководителем Иностранного отдела,

перевел Орлова на службу в закордонную разведку. В 1934—1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в Лондоне, ему удалось укрепить связи с известной всему миру группой: Филби, Макклин, Берджес, Кернкросс, Блайт и др.

В августе 1936 года он был послан в Испанию, а в сентябре выдвинут на должность резидента.

Он сыграл видную роль в ликвидации руководителя испанских троцкистов Андреа Нина. Нин за участие в мятеже троцкистов в Барселоне был арестован республиканскими властями, а потом похищен Орловым из тюрьмы и убит неподалеку от этого города. Затем Орлов написал антитроцкий памфлет, распространив его от имени Андреа Нина, и создал принятую официальными властями версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. Эта акция нанесла серьезный урон престижу троцкистского движения в Испании. Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов, в то время нарком внутренних дел, непосредственно докладывал Сталину.

В июле 1938 года Орлов скрылся и в ноябре объявился в Америке. Оттуда он направил письмо лично Сталину и Ежову, в котором объяснял причины своего побега. В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местонахождение или установить за ним слежку он даст указание своему адвокату обнародовать документы, помещенные им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международ-

ному комитету за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это разоблачение поставило бы в неловкое положение как советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась официально бескорыстной. Плата, полученная Советами в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной.

Золото везли из Испании на советском грузовом судне, доставившем сокровища из Картахены, испанской военно-морской базы, в Одессу, а затем поместили в подвалы Госбанка. В то время его общая стоимость оценивалась в 518 миллионов долларов. Другие ценности, предназначенные для оперативных нужд испанского правительства республиканцев и финансирования тайных операций, были нелегально вывезены из Испании во Францию, а оттуда доставлены в Москву — в качестве дипломатического груза.

Испанское золото в значительной степени покрыло советские расходы на военную и материальную помощь республиканцам в их войне с Франко и поддерживающими его Гитлером и Муссолини, а также для поддержки испанской эмиграции. Эти средства пригодились и для финансирования разведывательных операций накануне войны в Западной Европе в 1939 году.

После разоблачений Орлова в 1953—1954 годах проблема золота получила новое развитие.

Правительство Франко неоднократно поднимало вопрос о возмещении вывезенных ценностей. В итоге в 1960-е годы было принято решение — компенсировать испанским властям утраченный в 1937 году золотой запас поставкой нефти в Испанию по клиринговым ценам.

ЗОЛОТО АЛБАНИИ

История эта началась более сорока лет назад. Осенней ночью 1943 года по улицам Рима, захваченного гитлеровцами после капитуляции фашистской Италии, под усиленной охраной промчалась колонна автомашин. Везли необычный груз — золотой запас Национального банка Албании. Немцы спешили переправить его в Германию.

Национальный банк Албании, основанный в 1925 году при содействии итальянских финансовых групп, имел исключительное право на чеканку золотых албанских франков и эмиссию денежных знаков. Находился он в Риме, а в Тиране, Шкодере, Дурресе и некоторых других городах Албании были его филиалы. Банк продолжал свою деятельность и после того, как фашистская Италия захватила в апреле 1939 года Албанию. Тогда формально Италия и Албания объединились личной унией, а итальянский король Виктор-Эммануил был провозглашен одновременно и албанским королем.

Весной 1945 года, когда Третий рейх развалился, албанское золото обнаружили войска союзников в одной из соляных шахт на юге Германии.

По нормам Международного права и в соответствии с Парижским соглашением союзных держав от 14 января 1946 года о репарациях с поверженной Германией все обнаруженное золото, награбленное гитлеровцами, надлежало возвратить тем, кому оно ранее принадлежало. Выполнение этого соглашения было возложено на трехстороннюю комиссию из представителей США, Англии и Франции. Комиссия официально признала законные права правительства Албании на найденное в Германии золото, вес которого, по данным албанской печати, составлял более 2454 килограммов. Окончательное решение о возвращении Албании ее сокровищ затягивалось, золото было передано на хранение Англии.

Однако вскоре Лондон блокировал передачу золотого запаса. Для этого воспользовались так называемым инцидентом в проливе Корфу: 22 октября 1946 года два английских эсминца — «Сомарез» и «Волейдж» подорвались на минах и затонули неподалеку от албанского порта Саранда.

Как известно, в первые послевоенные годы были нередки случаи подрыва кораблей на оставшихся после войны минах в прибрежных водах европейских государств. Несмотря на траление фарватеров, обезопасить движение судов долго не удавалось. До сих пор в морях вылавливают мины, сохранившиеся со времени второй мировой войны. Не считаясь с этим объективным обстоятельством, английское правительство решило использовать инцидент в проливе Корфу для дискредитации Албании: ее обвинили в установке мин и потребовали возмещения причи-

ненного ущерба. Абсурдность этого обвинения была очевидна с самого начала: Албания в то время не имела ни морских мин, ни плавучих средств для их установки.

В январе 1947 года, после ряда грубых провокаций, в том числе и вторжения английских военных судов в албанские территориальные воды, правительство Великобритании обратилось с жалобой в Совет безопасности ООН на угрозу миру и национальной безопасности со стороны Албании. Рассмотрение этой кляузы подтвердило беспочвенность английских обвинений. Выступая в Совете безопасности, советский представитель А. А. Громыко заявил, что английские обвинения являются абсолютно необоснованными и что у Совета безопасности нет оснований признать Албанию виновной. Советский Союз наложил вето на представленную Англией антиалбанскую резолюцию. Однако Западные державы, используя большинство в Совете безопасности, протасили рекомендацию рассмотреть англо-албанский конфликт в Международном суде.

В апреле 1949 года Международный суд в Гааге признал недоказанным обвинение Албании в том, что она будто бы установила мины в проливе Корфу. В то же время суд заявил, что «албанские власти не могли не знать об их наличии». На этом основании большинством голосов Албанию признали ответственной за гибель английских эсминцев. 5 судей из 16, в том числе представители СССР, Польши и Чехословакии, не согласились с этим произвольным решением и записали свое особое мнение.

В декабре 1949 года суд, превысив юрисдикцию этого органа ООН, установил, что Албания должна выплатить Англии компенсацию в сумме свыше 840 тыс. фунтов стерлингов. Албанское правительство признало это решение незаконным и отвергло его. На протяжении последующих лет Албания неоднократно поднимала вопрос о возвращении принадлежащего ей золота. Газета «Зери и популлит» в мае 1980 года писала, что албанское правительство в свое время всенародно объяснило полную невиновность страны в так называемом инциденте и в ущербе, понесенном английскими кораблями в проливе Корфу, и что правительство и албанский народ никогда не признавали и не признают решения Международного суда в Гааге по этому вопросу. В ноябре 1981 года на VIII съезде Албанской партии труда было вновь подчеркнуто: английское правительство должно немедленно вернуть золото Албании вместе с процентами за произвольное использование.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: ТОО «Гей», 1996.

Миткевич Г. Злоключения албанского золота // Новое время. — 1986. — № 2.

Справка о золоте // Известия. — 1992. — № 41.

ЧАСТЬ V

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

НЕСТОР МАХНО

В списке первых награжденных орденом Красного Знамени четвертая строка густо замазана черной краской. Под ней прячется неожиданная, непривычная для советского человека фамилия — Махно.

Есть натуры, на которых едва ли не с младенчества запечатлевается знак их дальнейшей судьбы. К ним принадлежал Нестор Махно. Те, кто знал его в детстве, отмечали всегда недоброе выражение его маленьких, но необыкновенно блестящих глаз. Взгляд мальчика не каждый человек мог выдержать, чувствовал себя под ним неуютно, невольно стушевывался.

Впоследствии, на каторге, отпетые уголовники боялись взгляда Махно. Они, признающие лишь грубую силу, тем не менее опасались связываться с этим тщедушным молодым «хохлом» — такая поистине сатанинская злоба, ненависть ко всем сквозила у него в глазах.

Да и поведением будущий батька Махно еще в детстве резко выделялся среди одноклассников. 11-летним, в 1895 году, определили его мальчиком для услуг в галантерейный магазин в Мариуполе. Требования известные — быстро поднести, унести, улыбаться старшим и покупателям, приятно произносить «чего изволите?».

Ничего этого у Нестора не получалось. От злобного его взгляда покупатель шарахались, даже с приказчиками и хозяином был он груб. Мог бросить работу и сутками слоняться в порту или по базарам. Секли, конечно, а он отрезал пуговицы на костюмах приказчиков, добавлял касторовое масло в хозяйский чай, высекшего его приказчика, пожилого человека, облил кипятком, так что тот попал в больницу, а когда хозяйка схватила его за ухо, до крови искусал ей руки. На дух не переносил этот мальчуган какого бы то ни было принуждения над собой. Это было у него в крови.

Отец оказался вынужден забрать Нестора из магазина и определил его в типографию учеником наборщика. Труднообъяснимо, но в тогдашних типографиях трудилось много революционеров всех оттенков и мастей. В итоге, была это случайность или перст судьбы, но маленький Нестор Махно очутился среди анархистов и эсеров. Анархист Волин обучал его ремеслу наборщика, а заодно учению Бакунина и Кропоткина, а эсер Михайлов, опекавший Нестора после ареста Волина, давал ему уроки конспирации и внушал, что только крестьянин способен изменить жизнь к лучшему. В этой среде Нестор почувствовал себя как рыба в воде, даже привычку к бродяжничеству позабыл. Во-первых, ему понравилась профессия наборщика, он очень быстро научился бегать пальцами по клеточкам наборной кассы и тем заслужил уважение рабочих, во-вторых, елеем на душу было ему учение анархистов о недопустимости всякого принуждения, первоочередной важности желаний и по-

требностей человека. Индивидуум, его запросы и капризы — все, а государство, которое мешает индивидууму поступать по-своему ради общей пользы, — враг, которого нужно уничтожить. Все просто, понятно и соответствует природному чутью и наклонностям Нестора.

В 16 лет он начал по вечерам заниматься в местном драматическом коллективе, который на деле был лишь ширмой для организации революционеров-анархистов «Союз бедных хлеборобов».

«В целях установления социальной справедливости» в 1905—1906 годах они совершили несколько удачных налетов на местных богачей, «экспроприированное» добро раздали бедным. Но на след группы напал полицейский пристав Караченцев.

Неизвестно, участвовал ли Махно лично в убийстве пристава, но, арестованный, он сразу взял всю вину на себя и спас тем самым товарищей. Ему, как несовершеннолетнему, смертную казнь заменили 20 годами каторги.

Почти 10 лет провел Нестор Махно на Акатуе.

Заклученным он был беспокойным, много раз пытался бежать, стойко переносил карцер и плети. Не имея достаточно физической силы, все же приобрел среди уголовников авторитет благодаря своему неистребимому свободолюбию, исключительной жестокости и гипнотическим способностям. Отпетым бандитам не могло не понравиться, что он сбегал, правда в конечном счете безрезультатно, прямо на глазах у охраны. Один раз его нашли спустя несколько суток после побега в сарае с дровами. И он, хотя был порядком

обессилен, долго отбивался топором, многих ранил. Чудом взяли живым.

Сам Махно называл себя революционером-анархистом, власти предреволюционной России считали его опасным уголовником. Эта сложившаяся еще до октября 1917 года и Гражданской войны — его звездного часа — двойственность восприятия Махно сохранилась навсегда. Маркс говорил, что о человеке нужно судить по его поступкам. Поступки, из-за которых Махно угодил на каторгу, носят явно уголовный характер. Но в том-то и парадокс истории, отразившийся и на оценке личности Махно, что теории, которыми руководствовались не только анархисты, но и народовольцы, их преемники эсеры, большевики, оставляли большой простор для проявления чисто уголовных устремлений.

Как ни отличались эти революционные теории друг от друга, один постулат был общим для них — а впоследствии и для нацистов, и для коммунистов — «цель оправдывает средства». Еще предтеча народовольцев Сергей Нечаев считал не только допустимым, но и необходимым убийство, шантаж, кровавую круговую поруку между революционерами для достижения ими своей цели. «Он (революционер) знает только одну науку, науку разрушения... Он презирает общественное мнение... Он презирает и ненавидит общественную нравственность... Все изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены единой холодной страстью революционного дела... Особо зверских злодеев для пользы дела убивать не сразу... Высокопоставленных скотов

надо эксплуатировать, опутать, сбить с толку и, овладев их грязными тайнами, сделать своими рабами.» Это все из «Катехизиса революционера» С. Нечаева. Народовольцы считали допустимым для добычи денег на теракты грабить банки, правда, не всегда умели находить общий язык с уголовниками. Зато это хорошо получалось у большевиков. А уж анархисты, с их поэтизацией свободы личности от государства, прямо облагораживали своей наукообразной теорией воровскую мораль, основной принцип которой — полное отстранение вора от государства.

Бунтарские, по сути своей преступные, наклонности Махно как нельзя лучше укладывались в рамки анархистского учения, ничуть не препятствовали ему примкнуть в случае надобности к большевикам, равно как и стать их врагом, что и подтвердилось в дальнейшем. Ибо как для вора не существует понятия патриотизма или партии, а есть свой воровской закон, так и для анархиста свобода личности выше партий, морали и властей.

Так кем все же был Махно — революционером или разбойником? И тем и другим, ибо эти понятия взаимопроникающие и взаимно дополняющие друг друга.

В Гуляй-Поле Нестора, которого помнили как человека имеющего опыт революционной борьбы, сразу избрали председателем местного крестьянского союза. Затем он стал первым председателем Гуляйского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а в августе, во время подавления корниловского выступления, — и комитета спасения революции.

25 сентября 1917 года Н. Махно подписал декрет Совета о национализации всей земли и разделе ее между крестьянами. Задачи Октября в Гуляй-Поле были выполнены досрочно и бескровно.

После Брестского мира Украина отошла к Германии. Нестор Махно пробрался в Москву, где он, если верить его воспоминаниям, встречался с Лениным и Дзержинским, получил от них рекомендации начинать на оккупированной территории гражданскую войну. Вернувшись домой под видом сельского учителя, он собрал отряд из 40 человек и совершил ряд дерзких нападений на посты германского командования, только за апрель их было 118. Под знамя Махно охотно собирались местные крестьяне, матросы с затопленных кораблей Черноморского флота, немало бывших офицеров. В июне в отряд прибыли анархисты группы «Набат», чтобы подвести под движение «идейную базу». Это движение западные советологи называли «крестьянской войной под предводительством Н. Махно».

На Украине хозяйничали немцы, призванные Центральной Радой. Население их ненавидело, так как оккупанты обеспечивали себя продовольствием и держали власть с помощью силы, карательных отрядов. Кроме того, из городов возвращались помещики и, как правило, жестоко мстили за разграбление своих имений. В этой ситуации Махно был единственным, кто с крестьянами делился, их защищал. В своих выступлениях он говорил, что города вообще не нужны, а горожан, в том числе рабочих, надо переселить в деревни, нужно строить новую, исключительно

крестьянскую жизнь без властей и прихлебатель. Пойдешь к батьке Махно — быстро обогатишься, будешь сам себе хозяин, ибо чинов в его армии нет, поживешь в свое удовольствие и потом вернешься, когда сам захочешь, к земле, с добычей, а батька твою крестьянскую жизнь защитит.

Сказать, что сельскому люду нравилась такая политика — значит ничего не сказать. В короткий срок весь сельский юг Украины встал горой за батьку Махно. В каждой деревне, на каждом хуторе у него были свои сподвижники. Они укрывали раненых махновцев, сообщали о передвижениях войск, снабжали продуктами. Махно мог смело с маленьким отрядом идти в глубокий тыл противника, в нужном месте мобилизовать тысячи добровольцев, неожиданно напасть на город, на армейскую часть и исчезнуть в украинских степях, в днепровских плавнях, лесах и перелесках. Потому-то четыре года и властвовал Махно на Украине, и ни немцы, ни белое офицерство, ни командиры Красной Армии ничего с ним поделать не могли. Они не привыкли иметь дело с таким противником. С одной стороны, костяк его армии насчитывал едва ли пять тысяч человек, постоянно пьяных, не признающих дисциплины, с другой — по желанию Махно и по мере надобности его войско вмиг вырастало до десятка тысяч, а после захвата города или разгрома гарнизона так же быстро исчезало, рассасывалось по деревням с награбленным, — и попробуй определи, кто из мирных селян махновец, а кто нет.

Ставили генералов и командармов в тупик

и тактические хитрости Махно. Именно он, а не буденовцы впервые стал широко применять тачанки. И сам прекрасно вел пулеметный огонь. Впервые догадался сформировать свою разведку в основном из особ женского пола. Долгое время они, не вызывая подозрений, просачивались во все районы, в воинские части и передавали ценные сведения. Благодаря им и услугам местного населения Махно всегда имел исчерпывающую картину происходящего у противника и потому нападал внезапно на слабейшего или не подготовленного к бою.

Красные в начале 1918 года боролись против засилья на Украине немцев и уже этим были союзниками Махно. Кроме того, главкомверх Антонов-Овсеенко, боровшийся с Радой во имя Советов, был поборником партизанских методов войны, видел громадную силу в Махно, Григорьеве, Шинкаре и им подобных атаманах, умело льстил им, обещал полную власть в пределах «их» уездов и губерний.

В итоге Махно и Григорьев, по существу, изгнали немцев, а потом Петлюру с Украины, а недавно созданная необученная 25-тысячная «украинская» армия Советов лишь триумфально шла по расчищенным атаманами дорогам и за 4 месяца получила в свое распоряжение богатейший край. Махно стал орденоносцем и героем большевистской прессы, Антонов-Овсеенко позволял ему распоряжаться у себя в войске, как он хочет. Ни слова не сказал, даже когда Махно отослал (пешком) военспецов, присланных главкомверхом, оставив себе лишь Васильева в качестве начальника штаба.

В конце 1919 года все, что группировалось вокруг Махно, носило общее название — «Армия имени батьки Махно».

Сам Махно и все его организации считались подчиненными исключительно революционному военному совету армии под председательством анархиста В. Волина. На самом деле, конечно, единолично всем руководил Махно, в совете он только утверждал те решения, которые считал необходимыми. Совет же самостоятельно проводил культурно-просветительную работу среди населения (постоянно выходили две газеты — «Известия» и «Набат»), митинги, крестьянские съезды, распределял по деревням награбленное. Политическое свое кредо, между прочим, совет сформулировал так: коммунистическая партия и все московское правительство есть контрреволюционеры, захватившие власть обманом и ведущие революцию по ложному пути к гибели.

Кстати, не имеют оснований обвинения Махно в антисемитизме. Как анархист, он был за равенство всех народов, а среди его ближайшего окружения было немало евреев, в частности начальник контрразведки армии Л. Задов (Зиньковский).

В 1920 году Махно не допустил сбора продналога на Украине. «С анархо-кулацким разворотом пора кончать», — заявил Л. Троцкий. При взятии Перекопа войска Махно были брошены на самый тяжелый участок и выбиты почти полностью (они брали «в лоб» Турецкий вал). Около 5 тыс. бойцов, оставшихся в живых, тут же расстреляли по приказу Л. Троцкого. Уйти удалось немногим.

Сам «батько», тяжело раненый в это время на-

ходил в Старобельске (а всего за 4 года войны он был ранен 12 раз, потерял ногу). Узнав о том, как «отблагодарили» его за службу красные, он собрал оставшихся товарищей и начал мстить. Жестокость его не знала предела. Кровавый след оставил он после себя на Украине и в России: комиссаров, коммунистов, продотрядчиков, чекистов и других советских работников не щадил. Образ только такого Махно, непримиримого врага Советской власти, и сохранила для нас официальная история. Фактически вся освободившаяся от борьбы с белыми Красная Армия была брошена на Махно. Руководил операцией М. Фрунзе, его старый боевой товарищ по Гражданской войне. В августе 1921 года Махно вместе с остатками своей регулярной армии сумел выскочить из окружения и уйти в Румынию.

Из воспоминаний М. Алданова:

«Я именно один раз видел Нестора Махно — и не вынес от его наружности впечатления на всю жизнь. Несколько лет тому назад мне показали Махно на кладбище, в Париже, где «жесточайших приказаний» он отдавать не мог. Он шел за гробом старого политического деятеля, который с ним поддерживал хорошие личные отношения. Я минут десять шел в двух шагах от него, не сводя с него глаз: ведь об этом человеке сложились легенды. Ничего замечательного в его наружности не было. У Махно был вид очень слабого физически, больного, чахоточного человека, вдобавок живущего под вечной угрозой нападения. Здесь было бы уместно клише: «озирался как зверь». На этих похоронах он и в самом деле не мог себя чувствовать в дру-

жеской или хотя бы только привычной обстановке (его присутствие вызывало у многих крайнее негодование). Махно быстрым, подозрительным взором оглядывал всякого, кто к нему подходил. Этим он напомнил мне одного знаменитого русского террориста, — тот в Париже, давно порвав с революцией, не любил ходить по тротуару; держался по мостовой, точно на него из подворотни бросятся люди.

Со всем тем внимание окружающих, смешанное с другими чувствами любопытство, которое он возбуждал, было, кажется, приятно Махно. Он не прочь был, по-видимому, и познакомиться. Глаза у него были злые; но выражения «все знающего», «раз навсегда покончившего со всеми сомнениями» и т. д. я в них не видел: самые слова эти тут совершенно не подходят. Нет, ничего демонического в наружности Махно не было: все это литература.»

За границей Н. Махно жил небогато. Посланный в Россию, чтобы раскопать клады, верный начальник контрразведки Л. Задов перешел на службу в НКВД и назад не вернулся. Махно сам работать не мог — он тяжело болел. Умер Нестор Махно от старых ран во Франции в 1934 году и похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез. На скромном памятнике написано, как он и просил: «Советский коммунар Нестор Махно».

РАССТРЕЛ ТУХАЧЕВСКОГО

Машину террора Сталин стал разгонять после убийства Кирова 1 декабря 1934 года, почти сра-

зу же направив ее против бывших вождей большевизма. В начале 1937 года сталинское НКВД через своего агента генерала Скоблина запросило у гестапо компрометирующие данные на Тухачевского, каковые и были изготовлены с благословения и по приказу самого Гитлера; подборка этих «документов» в мае 1937 года куплена агентами НКВД. Видный сотрудник службы безопасности Вальтер Шелленберг, сообщая об этих фактах, заключает в своих «Мемуарах»: «Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового значения».

Учиненный после процесса над М. Н. Тухачевским погром командных кадров Красной Армии имел трагические последствия для Вооруженных Сил и всего народа страны в годы Великой Отечественной войны. «Из пяти Маршалов Советского Союза как жертвы террора погибли трое: М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер. Остались живы К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. Погибли оба армейских комиссара первого ранга — Я. Б. Гамарник и П. А. Смирнов. Из пяти командармов первого ранга погибли трое: И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов. Погибли оба флагмана флота первого ранга — В. М. Орлов и М. В. Викторov. Погибли все командармы второго ранга: П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовский, И. Н. Дубовой, А. И. Корк, Н. Д. Каширин, А. И. Седякин, Я. И. Алкснис, И. А. Халепский, И. И. Вацетис, М. Д. Великанов. Погибли оба флагмана флота второго ранга. Погибли все 15 ар-

мейских комиссаров второго ранга. Из 67 комкоров были репрессированы 60, из них погибли 57. Погибли все 6 флагманов первого ранга. Из 28 корпусных комиссаров репрессировано 25, из них погибли 23. Из 15 флагманов второго ранга погибли 9. Из 199 комдивов репрессированы 136, из них погибли 125, возвратились из заключения 11 человек. Из 97 дивизионных комиссаров репрессированы 79, из них погибли 69. Из 397 комбригов репрессированы 221, из них погибли 200... Только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36761 военачальник, на флоте — свыше 3 тысяч. Следовательно, менее чем за 1,5 года подверглись репрессиям около 40 тысяч командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота. Мировая история не знала случаев, чтобы перед надвигающейся войной с таким неистовством и размахом уничтожались военные кадры в собственной стране.

Двадцать лет спустя после трагических событий, нанесших немалый урон нашему Отечеству, 31 января 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении участников так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» во главе с М. Н. Тухачевским за отсутствием в их действиях состава преступления. Все проходившие по этому делу были полностью реабилитированы.

Так завершилась одна из тайных операций спецслужб гитлеровской Германии. Теперь уже документально подтверждено, что начало этой

зловещей акции положено в декабре 1936 года на совещании у Гитлера, где присутствовали также Гесс, Борман и Гиммлер. Фюрер раздраженно выговаривал вызванному «на ковер» шефу службы безопасности (СД) Рейнгарду Гейдриху за недостаточно активные действия германской разведки, не оказывающие заметного влияния на развитие политических событий в пользу Третьего рейха.

«Человек с железным сердцем», как называл Гитлер Гейдриха, не заставил себя ждать. Многоопытный политический интриган и авантюрист выдвинул смелое предложение — путем фабрикации правдоподобных фальшивок «обезглавить Красную Армию». При этом главный удар направить на одного из виднейших советских военачальников маршала М. Н. Тухачевского и других высших офицеров.

Предложение Гейдриха пришлось по душе Гитлеру, хотя он и высказал некоторые сомнения в возможности его успешной реализации. Накануне грядущей войны с Советским Союзом удар по высшему руководству Красной Армии был бы кстати, заявил в завершение разговора Гитлер.

Выбор М. Н. Тухачевского главной жертвой дискредитации вполне обоснован. Один из крупнейших советских военачальников и видных военных теоретиков того времени, он никогда не скрывал свою обеспокоенность германской угрозой. «Еще в 30-е годы М. Н. Тухачевский предупреждал, что наш враг номер один — это Германия, что она усиленно готовится к большой войне и, безусловно, в первую

очередь против Советского Союза», — писал маршал Г. К. Жуков.

Словом, оснований для проведения клеветнической акции против М. Н. Тухачевского более чем достаточно. К тому же имелись и необходимые «зацепки». Дело в том, что в 20-е годы между германским рейхсвером и Красной Армией установилось довольно тесное сотрудничество.

«...Первые контакты с Красной Армией, — отмечал в своих мемуарах шеф нацистской разведки Вальтер Шелленберг, — были установлены в 1923 году... При помощи этих связей германское командование хотело предоставить немецким офицерам сухопутных войск, насчитывающих всего сто тысяч человек, возможность научиться на русских полигонах владеть современными видами оружия (самолетами и танками), которые по Версальскому договору рейхсверу запрещалось иметь. В свою очередь, немецкий генеральный штаб знакомил русскую армию со своим опытом в области тактики и стратегии. Позднее сотрудничество распространилось и на вооружения, в результате чего немцы в обмен на патенты, которые они предоставили в распоряжение Красной Армии, получили разрешение на строительство авиационных и прочих оборонных заводов на территории России. Так, например, фирма «Юнкерс» обосновала свои филиалы в Филях и в Самаре.»

В рамках этой программы Тухачевский не однажды бывал в Берлине в период между 1925 и 1932 годами. Как начальник штаба РККА, он встречался с немецкими офицерами и генерала-

ми, подписывал соответствующие документы, обменивался деловыми письмами.

Именно это обстоятельство и решил использовать Гейдрих для подготовки своей фальшивки. Прибыв в штаб-квартиру СД на Принц-Альбрехтштрассе, 8, он сразу же вызвал Альфреда Науйокса, руководителя подразделения, специализировавшегося на фабрикации фальшивых документов. «Науйокс, — сказал Гейдрих, — вверяю вам тайну чрезвычайной важности: есть поручение фюрера, которое надо выполнить безотлагательно. Искусство подделки документов, о которых пойдет речь, должно быть как никогда безукоризненным. Надо привлечь для этого лучшего гравера Германии.» Не распространяясь больше на эту тему, Гейдрих произнес только одно слово: «Тухачевский».

Несколько позже Гейдрих сообщил детали своего замысла. Необходимо было составить письмо за подписью Тухачевского, из которого следовало бы, что сам маршал и группа его единомышленников в руководстве Красной Армии состоят в тайной связи с попавшей в поле зрения гестапо группой немецких генералов — противников гитлеровского режима. Письмо должно подтверждать, что и те и другие намерены захватить власть в своих странах. В дальнейшем намечалось различными путями передать русским информацию о досье с фотокопиями документов, которое якобы похищено из архивов службы безопасности.

Гейдрих особо предупредил, что все должно держаться в строжайшей тайне. Даже высшие чины Германии оставались в неведении относи-

тельно подготовляемой авантюры. Гитлер не скрывал опасений, что все дело может сорваться из-за случайной утечки информации. Поэтому были приняты все меры предосторожности. В операции участвовали самые доверенные люди Гейдриха, да и то каждому сообщалось только то, что необходимо для выполнения отдельной задачи, не больше. Вся техническая часть акции проводилась в специальной лаборатории в подвале того же здания СД на Принц-Альбрехтштрассе. Допускались туда только непосредственные участники изготовления фальшивок. День и ночь лаборатория находилась под охраной эсэсовцев.

Участники зловещей акции были не на шутку озабочены тем, как раздобыть подлинные документы, связанные с пребыванием в Германии М. Н. Тухачевского и его соратников. Было установлено, что эти документы хранились в секретных архивах верховного командования вермахта. Заполучить их оттуда оказалось непросто. Поэтому Гейдрих взял эту задачу на себя. В январе 1937 года он пригласил на завтрак шефа военной разведки адмирала Канариса.

После продолжительной светской беседы Гейдрих как бы невзначай заметил, что хотел бы ознакомиться с имеющимися у абвера материалами по вопросам советских военных структур. Особый интерес для него представляла информация о высшем командном составе РККА.

Интерес Гейдриха к секретным архивам насторожил подозрительного адмирала. Даже утверждение высокопоставленного нациста о том, что он действует по прямому поручению Гитле-

ра, не поколебало решимости опытного разведчика, справедливо усмотревшего в действиях руководителя службы безопасности возможную угрозу для генералитета вермахта. Безапелляционным тоном Канарис ответил, что «без надлежащего письменного подтверждения фюрера никто не имеет права допуска к секретным архивам генерального штаба».

Пришлось пойти на попятную, ибо давление на строптивного адмирала в данной ситуации таило в себе возможность нарушения столь тщательно соблюдаемой секретности. Гейдрих решил действовать испытанными нацистскими методами. Получив согласие Гитлера, он организовал силами подчиненных ему сотрудников службы безопасности ночное ограбление архивов военного министерства. Опытные «медвежатники» вскрыли именно те сейфы, где хранились нужные документы. Было похищено много материалов с грифом «совершенно секретно, особой важности». Среди них — записи бесед немецких офицеров и генералов с представителями командования Красной Армии и, главное, письма Тухачевского с его подписью.

Чтобы скрыть следы преступного вторжения в архивы и хищения документов, грабители из СД подожгли здание военного министерства.

Примечательно, что в советских архивах сохранилась докладная записка наркома внутренних дел СССР Я. И. Ежова на имя И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, в которой говорилось: «В дополнение к нашему сообщению о пожаре в германском военном министерстве направляю подлинный материал о происшедшем пожаре и ко-

пию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...».

Получив необходимые материалы, фальсификаторы приступили к работе. По замыслу инициатора акции Гейдриха, нужно было сфабриковать небольшое досье (около 15 листов), включавшее в себя письма, донесения, рапорты и служебные записки сотрудников СД, якобы расследовавших связи представителей германского генералитета и Красной Армии, записи тайно подслушанных телефонных разговоров, копии перехваченных посланий.

Главная роль в этом наборе фальшивок предназначалась «личному письму Тухачевского», в котором следовало ссылаться на предыдущую переписку. В других документах, относящихся к различным периодам времени, намечалось называть фамилии приверженцев советского маршала. Там же предлагалось упомянуть связанных с ними немецких генералов, стоящих в оппозиции к Гитлеру. По мнению Гейдриха, это должно было стать «изюминкой всего плана», придать сработанной в СД фальшивке большую правдоподобность.

В инструкции своим мастерам фальсификации Гейдрих подчеркивал, что досье следовало оформить так, как если бы оно хранилось в архиве СД, куда имеют доступ многие сотрудники этой службы. Один из них в целях наживы решил якобы снять фотокопии этих документов, чтобы продать их русским. Такая ситуация представлялась фальсификаторам наиболее правдоподобной.

Несмотря на то что изготовители фальшивок

располагали практически неограниченными возможностями, работу часто тормозили непредвиденные обстоятельства. К примеру, много времени пришлось потратить на поиски пишущей машинки с русским шрифтом, такой, «какой могли пользоваться сейчас в Кремле». Не просто было найти и гравера, квалификация и благонадежность которого соответствовали бы самым высоким требованиям. Наконец клевету Гейдриха Науйоксу удалось отыскать некоего Франца Путцига, который вполне отвечал этим условиям.

В сфабрикованном досье выделялось «письмо Тухачевского», исполненное на соответствующей бумаге с русскими водяными знаками в характерной для маршала манере. На полях письма были карандашные пометки, которые, по мнению Гейдриха, «еще более явно свидетельствовали о вине Тухачевского, нежели сам текст письма». В документах досье упоминалось об имевших место ранее беседах и переписке, а также «явные намеки на то, что Красная Армия и вермахт были бы несравненно сильнее, если бы им удалось освободиться от довлеющей над ними тяжелой бюрократии». В досье имелись также сфальсифицированные расписки ряда советских военачальников в получении крупных денежных сумм за якобы сообщенные ими немецкой разведке секретные сведения.

Для пущей правдоподобности к досье прилагалась сфабрикованная сопроводительная записка Канариса, на которой была изображена резолюция самого Гитлера.

Старания фальсификаторов из ведомства Гей-

дриха получили высокую оценку фюрера. По его мнению, план операции был «в целом логичным, хотя и абсолютно фантастическим». Тем не менее Гитлер приказал незамедлительно начать операцию, направленную на то, чтобы «поколебать устои авангарда Красной Армии в расчете не только на данный момент, но и на многие годы вперед».

Нацистская разведка начала направленное распространение слухов о мнимом заговоре советских военачальников. Дезинформация усиленно доводилась до сведения руководителей Франции и Чехословакии, поддерживающих в то время добрые отношения с СССР. По дипломатическим каналам президент Чехословацкой Республики Эдуард Бенеш и министр национальной обороны Франции Эдуард Деладье настойчиво предупреждали Москву об «опасной измене». Злокозненную дезу распространяли и по другим каналам. В архивах И. В. Сталина недавно было найдено письмо корреспондента «Правды» в Берлине А. Климова, которое он направил в январе 1937 года редактору своей газеты Л. З. Мехлису, который и передал его И. В. Сталину. В письме А. Климова содержалось, как якобы достоверное, сообщение о том, что в Германии «среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского».

Весной 1937 года по линии Главного разведывательного управления РККА были получены сведения о том, что в Берлине распространены

слухи о существовании среди генералитета Красной Армии оппозиции советскому руководству. Хотя данная информация расценивалась как маловероятная, ее все же доложили И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову.

Настойчивые сигналы из Берлина были услышаны в Москве. Как пишет в своих мемуарах бывший шеф нацистской разведки Вальтер Шелленберг, «...Бенеш написал личное письмо Сталину. Вскоре после этого через президента Бенеша пришел ответ из России с предложением связаться с одним из сотрудников русского посольства в Берлине. Так мы и сделали. Вскоре из Москвы прибыл эмиссар Ежова, который заявил о готовности купить материалы о «заговоре». «Гейдрих потребовал три миллиона золотых рублей — чтобы, как он считал, сохранить «лицо» перед русскими», — утверждает В. Шелленберг. Названная сумма была выплачена и рафинированную фальшивку доставили в Кремль.

Теперь компетентные историки утверждают, что нацистская дезинформация не была решающей причиной ареста и осуждения М. Н. Тухачевского и его соратников. К тому времени репрессии в нашей стране среди военных приобретали широкий размах. Фальшивка же послужила лишь удобным основанием для обвинения высших военачальников СССР в «измене» и «сговоре», когда в Кремле была поставлена задача провести жесткую чистку вооруженных сил. Так или иначе ядовитое семя нацистов упало на благоприятную почву — они это понимали и из этого исходили, совершая свой политический подлог.

11 июня 1937 года в Специальном судебном присутствии Верховного суда СССР начался процесс по делу М. Н. Тухачевского и его сослуживцев. Примечательно, что Гейдрих распорядился установить тогда прямую связь между канцелярией СД и посольством Германии в Москве, чтобы постоянно быть в курсе событий.

По существовавшему в то время порядку имевшиеся в распоряжении органов НКВД агентурные сведения нельзя было предавать огласке — рассекречивать. Однако стало очевидно, что судей Специального судебного присутствия ознакомили с содержанием нацистской фальшивки. Они, конечно, понимали, что она безоговорочно принята руководством страны и органами НКВД как документ, разоблачающий преступные деяния «предателей».

Суд был скорым и неправовым. Несправедливо и незаконно обвиненных в несуществующих преступлениях М. Н. Тухачевского и его соратников приговорили к расстрелу. Красной Армии, нашему Советскому государству был нанесен невосполнимый урон.

Жизнь талантливого советского полководца М. Н. Тухачевского оборвалась, когда ему исполнилось всего 44 года. «Гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии» — так характеризовал его маршал Г. К. Жуков.

В руководстве нацистской Германии афера с фальшивкой против маршала Тухачевского считалась одной из самых выдающихся в истории немецкой разведки. Инициаторы этого поли-

тического подлога из СД кичились тем, что нанесли тяжелейший удар по боеспособности Красной Армии и к тому же заработали на этом три миллиона рублей.

Впрочем, последовавшие события заметно снизили охватившую их эйфорию. Это признал в своих мемуарах сам В. Шелленберг. «Часть “иудиных денег” я приказал пустить под нож, после того, как несколько немецких агентов были арестованы ГПУ, когда они расплачивались этими купюрами. Сталин произвел оплату крупными банкнотами, все номера которых были зарегистрированы ГПУ.»

В своей «Тайной истории сталинских преступлений», опубликованной впервые в 1953 году, Орлов писал: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делал...». «Я говорю об этом, — добавил Орлов в статье от 23 апреля 1956 года, — с уверенностью, ибо знаю из абсолютно несомненного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении.»

ИОНЕ АНТОНЕСКУ

Известность, правда печальную, Антонеску приобрел в 1907 году, когда в чине младшего лейтенанта участвовал в подавлении крестьянского бунта в Галаце, за что получил прозвище «красная собака». Впрочем, так его прозвали не

только за пролитую крестьянскую кровь, но и за рыжий цвет волос.

Стремительную карьеру Антонеску сделал в годы первой мировой войны, служа в румынском генштабе и участвуя под началом генерала Константина Презана в разработке боевых операций в Восточных Карпатах, под Бухарестом и Мэрэшешти. В ходе этих операций германские и австро-венгерские войска потерпели поражение. Антонеску, как считают его обожатели, «внес вклад в воплощение стародавней мечты всех румын: объединение Валахии, Молдовы и Трансильвании и создание в 1918 году единого румынского государства — Великой Румынии». После войны Антонеску работал военным атташе сначала в Париже, потом в Лондоне. Вернувшись в Румынию и получив генеральские погоны, он был назначен начальником Высшей военной школы Румынии. В 1933 году Антонеску — начальник генштаба, в 1937—1938 годах — министр обороны.

Но не все шло гладко в карьере будущего маршала, имевшего весьма неуживчивый характер и постоянно возмущавшегося злоупотреблениями румынского королевского двора. Врагов, следовательно, он нажил себе немало. К тому же Антонеску щепетильностью в вопросах морали и на этой почве нередко конфликтовал с королем, крайне равнодушным к женскому полу. Последней фавориткой монарха была дама полусвета Елена Лупеску, фактически управлявшая страной. Однажды она попыталась «приручить» Антонеску, но тот, оскорбленный, подал в отставку. По другой версии, портфеля министра

обороны он лишился после того, как с прямою генерала сказал: «За один стол с этой бабой я не сяду». Антонеску был отправлен в ссылку в Быстрицу, на север Румынии.

В 1940 году бухарестское правительство пыталось балансировать между Германией, Францией и Англией.

Прогерманские настроения одержали верх. В июне 1940 года, уступив советскому ультиматуму, Румыния отдала СССР Бессарабию и Северную Буковину. В августе под нажимом Германии и Италии румыны согласились на «венский арбитраж», по которому северная часть Трансильвании была присоединена к Венгрии. Великой Румынии не стало. В стране разразился правительственный кризис. Король отрекся от престола в пользу своего сына Михая и покинул Румынию.

Тогда-то и вспомнили о «генерале с твердой рукой». Вернувшийся из ссылки Антонеску стал главой правительства. Поначалу он делил власть с legionnaires из «железной гвардии», предводителем которой был Хория Сима. Однако Гитлер все-таки поставил на Антонеску. В январе 1941 года новоиспеченный румынский маршал подавил восстание «железных гвардейцев» и объявил себя «кондукэтором» — полновластным диктатором.

В некоторых публикациях о роли Антонеску в румынской истории говорится: «Дабы избежать судьбы» исчезнувших в то время с европейской карты Австрии, Чехословакии, Польши и других стран, маршал делает выбор в пользу союза с Германией. Только таким образом ему

удалось спасти от гибели единое государство и сохранить возможность восстановления в перспективе Великой Румынии. Поэтому армия, да и вся страна с энтузиазмом восприняли прозвучавшие в ночь на 22 июня 1941 года его слова: «Приказываю перейти Прут!».

Итоги «восточной кампании» для румын хорошо известны: 250 тысяч солдат и офицеров погибли. Кроме того, на Парижской мирной конференции Румынии было отказано в статусе участника антигитлеровской войны. Но все это будет потом... В Бессарабии румынские войска понесли чувствительные потери. Правда, румыны считали их оправданными, ибо надеялись на возвращение своих «исконных территорий». Они полагали, что войска Антонеску, выполнив эту миссию, останутся на Днестре и будут даже демобилизованы. Этого не случилось. 27 июля 1941 года, подчинившись приказу Гитлера, «кондукэтор» двинул армию вниз по течению Днестра. Антонеску рассчитывал, что Берлин учтет его «покладистый характер» и в будущем Румыния снова обретет Трансильванию. Позднее, как отмечает журнал «Алманахул оштирий», Антонеску в беседах с иностранными дипломатами будет пытаться оправдать свои действия ссылками на то, что Одесса и Крым являются «зонами безопасности Румынии», что участие румын в боях под Сталинградом — «обязанность союзника». Он часто повторял, что «не поступал, как Гитлер», «не преследовал евреев».

После провала планов Антонеску создать на оккупированной территории СССР провинцию «Транснистрия» его популярность в стране пош-

ла на убыль. В 1943 году через своих эмиссаров в Каире, Анкаре, Стокгольме и Мадриде маршал пытался установить контакты с англичанами и американцами, но те не спешили откликаться на его условия перемирия.

Летом 1944 года, когда советские войска уже находились в Румынии, 23-летний король Михай при поддержке оппозиции, в том числе коммунистов, решился на отчаянный шаг. 23 августа он пригласил маршала Антонеску на аудиенцию в «желтый салон» дворца в Бухаресте. Начавшаяся в 16.00 беседа длилась недолго. Король потребовал немедленно заключить перемирие. Антонеску настаивал на том, чтобы задержать русских на линии Фокшани—Нэмолоаса—Галац и выторговать более выгодные условия. «Господин маршал, оба мы в ответе перед историей и Богом», — произнес Михай и удалился. В салон тут же вошел офицер дворцовой стражи и объявил: «Именем короля вы арестованы!».

Позднее, будучи в эмиграции, Михай вспоминал о последней встрече с Антонеску: «Маршал выглядел усталым и раздраженным. Похоже, он был зол и на Гитлера, и на самого себя. Я пытался убедить его, что судьба страны превыше судьбы каждого из нас, но безуспешно. В ответ на предложение об отставке он совершенно рассвирепел и прокричал, что не оставит страну в руках ребенка. В 1944 году, когда война была проиграна, румыны радовались, что диктатура Антонеску пала. Все понимали, что решить проблему иначе было нельзя. Правда, спустя два года румыны, сравнивая режим Антонеску с режи-

мом Гроза и Георгиу-Дежа, считали первый более мягким».

До вечера Антонеску держали под охраной в одной из комнат королевского дворца, где хранилась коллекция почтовых марок. На письменном столе маршал увидел блокнот. Сел за стол и принялся быстро писать. Антонеску попытался еще раз объяснить, почему он не согласился на перемирие с русскими. Блокнот обнаружили на следующий день, когда немецкая авиация бомбила королевский дворец.

В ночь с 23 на 24 августа арестованного отвезли на окраину Бухареста и спрятали в надежное место. Операцией руководил представитель ЦК РКП Эмил Боднэраш. 1 сентября 1944 года Антонеску под конвоем был отправлен в Москву. Румынское правительство дважды заявляло по этому поводу протест. Никакого ответа не последовало.

Антонеску и несколько пленных румынских генералов разместили на даче в 60 километрах от Москвы. Со слов отца рассказывает сын генерала И. Пантази, доставленного вместе с маршалом в Москву: «У каждого арестованного была отдельная комната. Они могли свободно прогуливаться по парку вокруг дачи. Чрезвычайно любезный советский генерал ежедневно спрашивался у арестованных: что они желают на обед? В меню были икра, осетрина, коньяк, вино, кофе. На даче была богатая библиотека с книгами на разных языках. Генерал, приглядывавший за арестованными, был очень удивлен, узнав, что его подопечные не знают по-немецки. Антонеску почти не притрагивался к еде и абсолютно не употреблял спиртного».

Отчего так комфортно жили румыны на подмосковной даче? В Бухарест не так давно наведлся американский историк, румын по происхождению, Николае Бачу, автор книги «Ялта и распятие Румынии». На пресс-конференции он сообщил, что, по некоторым данным, Сталин предлагал Антонеску снова взять власть в стране в свои руки, но тот отказался, заподозрив неладное.

Впрочем, делясь с генералом Пантази своими мыслями, маршал заметил, что «ему отвратительно такое поведение русских, которые против него что-то замышляют». В ноябре 1944 года Антонеску хотел повеситься. Попытка самоубийства не удалась.

10 мая 1945 года маршала и генералов перевезли на Лубянку и изолировали друг от друга. Увиделись они только через год, в апреле, когда их снова отвезли в Бухарест — на суд.

На судебном процессе, который сейчас румыны именуют «великим национальным предательством», маршал Антонеску оказался, как ни странно, фигурой второстепенной. Все догадывались: дело с бывшим диктатором ясное. Главная цель суда состояла в другом: скомпрометировать лидеров партий, которые, хоть и находились в оппозиции Антонеску, но на самом деле его поддерживали. Тем самым были бы устранены советники промосковского правительства, возглавляемого Петру Гроза. Этим, собственно, и занимался неоднократно приезжавший в Бухарест эмиссар Сталина А. Я. Вышинский.

В качестве свидетеля на суд вызвали руководителя Национал-цэрэнистской партии Юлиу

Маниу. На улицах между тем демонстранты скандировали: «Антонеску — на виселицу!», «Маниу — в тюрьму!». Глас народа был услышан, и в 1947 году Маниу приговорили к пожизненному заключению.

Антонеску в последнем слове в суде отверг предъявленные ему обвинения и сказал: «Требую для себя смертного приговора, от прощения о помиловании отказываюсь». 1 июня 1946 года он был расстрелян. Перед казнью маршал потребовал, чтобы приговор привели в исполнение солдаты, а не жандармы, как это было заведено. Когда ему отказали, крикнул: «Канальи! Канальи!».

САДДАМ ХУСЕЙН ПРОТИВ КУРДОВ

Полное название партии БААС — Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Впервые баасисты пришли к власти в результате военного переворота в 1963 году... всего на несколько месяцев. Они успели «прославиться» лишь зверским истреблением коммунистов и курдов и были свергнуты военными.

Второй раз баасисты захватили власть в 1968 году, и некоторое время казалось, что они учли кровавые ошибки прошлого. Были проведены социально-экономические реформы, главную задачу ПАСВ видела в «осуществлении программы социалистических преобразований во всех областях иракского общества».

Более 10 лет во главе государства стоял генерал аль-Бакр (бывший в 1963 году премьер-министром первого баасистского правительства), но все знали, что реальный лидер — его родственник, молодой и энергичный Саддам Хусейн. В 1979 году отправив на пенсию старого генерала, он стал полновластным хозяином страны в ранге президента.

С. Хусейн, по образованию юрист, приобрел известность в 1959 году, когда участвовал в неудачном покушении на тогдашнего диктатора Касема.

Родом иракский президент из небольшого городка Тикрит, откуда вышла практически вся верхушка партии и государства. Как писал один американский журналист, «иракские руководители так долго вонзали ножи в спину друг друга, что они больше уже никому не могут доверять и считают, что надо держаться за людей из родного города». Но и «своих» тикритцев Хусейн не щадил, если подозревал, что они представляют опасность для его продвижения вверх: руководя партийной службой безопасности, он методично расчищал себе путь. История господства баасистов — сплошная цепь заговоров, чисток и казней, периодического устранения групп «изменников». Когда в 1979 году Хусейн официально утвердился у власти в качестве президента, первое, что он сделал, это уничтожил (как всегда, молниеносно, без суда и следствия) значительную часть членов Совета революционного командования.

По своим масштабам казни коммунистов в Ираке могут сравниться лишь с аналогичными

событиями в Чили в результате военного переворота в 1973, в Индонезии в 1965 году.

Небольшой части иракских коммунистов удалось уйти в подполье или бежать на север, в горы Курдистана, но основные силы компартии были разгромлены.

Еще задолго до того как на побережье Персидского залива отбушевала операция «Буря в пустыне» — молниеносная война, в которой союзные войска применили эффективное современное оружие, Саддам Хусейн развязал на территории своей страны войну, направленную на уничтожение целого народа. Иракский диктатор обратил свой гнев против курдов, которые многие века стремились к созданию независимого Курдистана.

Те, кто бывал в Иракском Курдистане в 70—80-х годах, наверное обратили внимание на то, какие там прекрасные дороги. К любой самой захудалой, труднодоступной в горах деревушке ведет шоссе. Но не забота о благе курдских сограждан, составляющих около пятой части населения Ирака, заставила багдадских правителей раскошелиться на дорогостоящее строительство. По этим прекрасным дорогам очень удобно перебрасывать войска для подавления многочисленных восстаний курдов. Ну а внимательный глаз, приглядевшись, мог обнаружить на горах, господствующих над долинами с курдскими селениями, воинские посты с пулеметами, орудиями, солдатами.

Исторические судьбы курдов сложились так, что после распада Османской империи и появления новых государств в этом регионе Курдистан

разделили между собой Турция, Иран, Ирак и Сирия.

Несмотря на отсутствие Курдского государства и попытки насильственной ассимиляции, курды сумели сохранить свой язык, обычаи, развили национальную культуру.

В течение 20-го столетия не утихали национально-освободительные движения за автономию и государственность, охватывающие весь Курдистан.

В Иране в 1945 году была создана демократическая Курдская республика с центром в Мехабаде во главе с Кази Мохаммедом. Иранский шах бросил всю армию для разгрома нового государства. Президент Курдской республики, видя неравенство сил и жалея свой народ, сдался. Его с братьями казнили, но не отступил верховный главнокомандующий Мустафа Барзани, который возглавил вооруженное сопротивление.

Национальные восстания за автономию жестоко подавлялись и в Турции. Президент Тургут Озал издал декрет, направленный против курдов, названных «сепаратистами и террористами». Речь идет о Рабочей партии Курдистана, начавшей в 1984 году свою борьбу за создание независимого Курдистанского государства на юго-востоке Турции. В Турецком Курдистане с 1986 году было фактически запрещено обучение детей в школе на курдском языке, а также издание книг и газет.

В 1958 году правительство Ирака во главе с Касемом, пришедшее к власти в результате революции при поддержке курдов, обещало дать им автономию, но вместо этого в 1961 году бом-

было мирные курдские селения. Курды вынуждены были взяться за оружие.

В феврале 1963 году после государственного переворота в Ираке партия БААС также обманула курдов, помогавших ей, пообещав разрешить вопрос об автономии. В ответ на их требования об уважении демократических прав и об автономии в рамках Иракской Республики на курдские селения были брошены танки. В 1974 году, пытаясь погасить многолетнюю войну, иракское правительство «даровало» курдам автономию «почти по Ленину». За исключением того, что у курдов отняли богатые нефтью земли вокруг исторической столицы Курдистана г. Киркука. Вместо него центром автономии был назначен город Эрбиль. Поняв, что его обманули, курдский народ вновь начал восстание.

Новый шанс завоевать независимость Демократическая партия Курдистана, ведущая политическая сила курдов, увидела после поражения режима Саддама Хусейна в войне в Персидском заливе.

И вновь в считанные дни Курдистан был охвачен восстанием. Однако восставшие не учли хитрости и коварства режима С. Хусейна. Сохранив свою элитную республиканскую гвардию от разгрома в Кувейте, он бросил ее сначала на подавление восстания шиитов на юге страны, а затем и курдов. Вот когда пригодились современные дороги. Миллионы курдов, спасаясь от геноцида, вынуждены были бежать в Турцию и Иран.

В конечном итоге иракские курды, составлявшие, как считают, около 3,5 млн. человек, оказались на грани национальной катастрофы. Жесто-

ко подавив курдское освободительное движение и разбив повстанческие силы, правительство организовало подлинный геноцид в отношении мирного населения; пустив против него в ход не только 70-тысячную армию (август 1988 года), но и отравляющие вещества. Спасаясь от смертоносных газов, более ста тысяч курдов бежали в Турцию. По меньшей мере такое же количество людей еще ранее перешло границу с Ираном. В 1987 году подверглась уничтожению тысяча курдских деревень, затем была создана тридцатикилометровая «зона безопасности», из которой все курдские жители приграничных районов насильственно выселены. К началу 1988 года из четырех тысяч курдских деревень осталась тысяча, треть всей территории иракского Курдистана «освобождена» от населения, жившего там многие столетия.

112 ДНЕЙ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Родившийся в 1899 году в селе Мерхеули на 20 лет позже Сталина, Лаврентий Павлович Берия, вопреки данным в его официальной биографии, не принимал никакого участия в революционной борьбе с царским режимом. В 1921 году он пришел на работу в органы разведки и контрразведки, с которыми связана вся его последующая карьера и репутация одного из самых зловещих советских боссов. Благодаря общим грузинским корням, а также своей необычайной ловкости, Берия сумел завоевать доверие Сталина. После работы в Закавказье, в том числе

и в качестве первого секретаря ЦК грузинской компартии, Берия в 1938 году, в период террора и массовых чисток, по приказу Сталина перебирается в Москву. Он возглавляет НКВД, затем становится шефом госбезопасности и работает на этих постах на протяжении всех лет Великой Отечественной войны.

Берия входил в Государственный Комитет Обороны и сыграл впоследствии важную роль в создании советской атомной бомбы.

Антисемит, активный участник всех сталинских репрессий, он становится жертвой поистине болезненной подозрительности своего патрона. Лишь смерть помешала Сталину расправиться с этим грозным наркомом.

Наряду с Молотовым и Маленковым Берия становится ключевой фигурой в государстве. Но ненадолго. Его резкий и стремительный отход от сталинской линии решительно отвергнут Никитой Хрущевым. И Берия оказывается жертвой очередного заговора, которыми богата история Кремля. Его обвинили в использовании спецслужб с целью захвата власти. 23 декабря 1953 года, после окончания судебного процесса, появляется официальное сообщение о смертном приговоре Берии.

5 марта 1953 года в 21 час 50 минут скончался величайший диктатор XX столетия Иосиф Виссарионович Сталин. В последнюю минуту он открыл глаза, обвел всех то ли безумным, то ли гневным взглядом и поднял вверх левую руку. Это был последний жест великого диктатора. По свидетельству С. И. Аллилуевой, «когда все было закончено, он (Берия — ред.) первым вы-

скачил в коридор, и в тишине зала, где все молча стояли вокруг, был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества: «Хрусталеv! Машину!». Он срочно выехал в Кремль. Кто-то из присутствующих членов Бюро Президиума ЦК КПСС сказал, что Берия поехал «брать власть».

Очевидно, эта фраза и послужила отправной точкой в формировании очередной мифологемы отечественной истории о том, что после смерти Сталина Л. П. Берия поставил своей целью захватить власть в партии и государстве.

Что же, борьба за власть после смерти создателя великой империи — явление не новое в мировой истории. Однако серьезными документальными источниками эта версия не подтверждается.

Берия, может быть как никто другой в политическом руководстве, реально оценивал не только свое истинное положение в партийно-государственной иерархии власти, но и отношение к нему большинства населения страны. Для народа он был сталинским монстром, палачом.

В послевоенные годы Л. П. Берия неизменно оставался в центре политической жизни страны. С 1944 года он занимал должность заместителя Председателя Совета Министров СССР. 20 августа 1945 года при Государственном Комитете Оборонь был образован Специальный Комитет под его председательством. На комитет возлагалось, кроме прочего, «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». В день ареста Берия — 26 июня — комитет был ликвидирован, а его аппарат передан

в только что образованное Министерство среднего машиностроения СССР.

У Лаврентия Павловича сложились непростые отношения с коллегами по ближайшему окружению Сталина. Все они ясно представляли, что этот лысый человек в пенсне знает о них очень много, гораздо больше, чем следовало, и в любой момент может «превратить в лагерную пыль», попросту уничтожить. Его боялись. В годы войны он особенно сблизился с Г. М. Маленковым. Отношения с Н. С. Хрущевым были сложнее — его природную сметку Берия все-таки недооценил.

Основная борьба за власть разворачивалась между Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым. Л. П. Берия оказался между ними, имея в руках большую силу в виде разветвленного аппарата МВД и МГБ (численность аппарата Министерства внутренних дел до объединения его с МГБ составляла по штату 374 800 человек). Авторитет Берии в этих органах был достаточно высок. Профессор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов А. С. Наринский, работавший в экономических структурах МВД, вспоминает, что возвращение Берии к руководству объединенным МВД СССР в 1953 году было воспринято многими сотрудниками как «большой праздник».

За 1 час 10 минут до смерти И. В. Сталина состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором предварительно оговорили все организационные вопросы и признали необходимым «иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК — Президиума и Бюро Президиума».

диума один орган — Президиум Центрального Комитета КПСС, как это определено Уставом партии». Перед заседанием Н. С. Хрущев предложил Г. М. Маленкову «побеседовать, как мы дальше жить будем...». Однако получил холодный отказ: «А что сейчас говорить? Съедутся все, тогда и будем говорить. Для этого и собираемся». По признанию Н. С. Хрущева, он почувствовал себя «вне игры».

Действительно, на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР 5 марта важнейшие организационные вопросы уже были решены. Берия выдвинул кандидатуру Г. М. Маленкова на пост Председателя Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК КПСС. Г. М. Маленков предложил объединить два министерства — МГБ и МВД в одно — Министерство внутренних дел СССР и назначить Л. П. Берия министром внутренних дел и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Заместителем Председателя Совета Министров стал Л. М. Каганович, а К. Е. Ворошилов — Председателем Верховного Совета СССР. Н. С. Хрущева утвердили председателем комиссии по организации похорон И. В. Сталина, ему рекомендовали сосредоточиться на работе в ЦК КПСС.

Так 5 марта 1953 года начались «сто дней» Л. П. Берии. Он выступил в этот период инициатором перестройки работы партийных и советских органов. 27 марта 1953 года по представлению МВД СССР был принят Указ «Об амнистии», на основании которого освобождению из мест за-

ключения подлежали около миллиона заключенных. Действие Указа не распространялось на осужденных более чем на 5 лет за «контрреволюционные преступления, крупные хищения, бандитизм и умышленное убийство». Среди документов секретариата Берии сохранился проект Указа о реабилитации репрессированных в 1937—1939 годах. Так что обвинять его в сопротивлении позитивным процессам нет оснований. Правильнее считать, что Н. С. Хрущев использовал позднее многие идеи Берии в своих целях.

Берия лучше других понимал, что становым хребтом системы, созданной Сталиным, является партийный аппарат, и предпринял первые попытки ограничить его компетенцию. Для начала он дал команду органам МВД собирать информацию о недостатках работы партийных органов. По его мнению, партия должна ограничиваться лишь сферой подбора кадров и пропагандой. Пожалуй, лучше других он понимал и неэффективность ГУЛАГа. Он считал неправильной политику, проводившуюся в отношении Латвии, Литвы, Эстонии, западных областей Украины и Белоруссии. В частности, предлагал не форсировать социалистические преобразования в этих регионах.

Определенный интерес представляют взгляды Берии на внешнеполитические вопросы. Он выступал против создания ГДР. Действительно, факты массового бегства в ФРГ имели место. Одно из самых серьезных обвинений, которое будет предъявлено ему впоследствии, было связано с нормализацией советско-югославских отношений. Располагая квалифицированным аппаратом МВД, Берия вполне естественно стремился

использовать его при решении кадровых вопросов. Так, он выступил против традиции назначения послов из числа партийных работников, вышедших в отставку. Он предлагал использовать квалифицированные кадры советской резидентуры за рубежом. Позднее все это было также использовано для обвинений.

«Дело Берии» остается самым загадочным «дворцовым переворотом» послесталинской поры. Документальных свидетельств нет, кроме воспоминаний Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, исполнителей ареста К. С. Москаленко и И. Г. Зуба. Фактически история такова. 26 июня 1953 года во время заседания Совмина СССР, на котором присутствовали члены Президиума ЦК КПСС, Л. П. Берию арестовали. В этот же день он был лишен всех государственных постов и правительственных наград. 2—7 июля состоялся Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «О преступных, антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Докладчиком по этому вопросу выступал Г. М. Маленков. В выступлениях Хрущева, Молотова, Кагановича и других функционеров Берия обвинялся в антипартийных и антигосударственных действиях. Л. М. Каганович назвал его шпионом и агентом «мирового империализма». Берия был исключен из партии. Началось следствие.

* * *

Процитируем П. Судоплатова:

«Сейчас установлено, что Берия не вступал ни в какие заговоры с целью захвата власти и свер-

жения коллективного руководства. Для этого у него не было реальной силы и поддержки в партийно-государственном аппарате.

Предпринятые им инициативы показывали, что он хотел лишь усилить свое влияние в решении вопросов как внутренней, так и внешней политики. Берия использовал свои личные связи с Маленковым и фактически поставил его в трудное положение, изолировав от других членов Президиума ЦК партии. Однако положение Берии целиком зависело от Маленкова и от его поддержки. Берия раздражал Маленкова: в союзе с Хрущевым Берия поспешил избавиться от Игнатьева, человека Маленкова, который отвечал за партийный контроль над органами безопасности. Маленков, в свою очередь, переоценил собственные силы; он не видел, что поддержка Берии была решающей для его положения в Президиуме ЦК. Дело в том, что Берия, Первухин, Сабуров и Маленков представляли относительно молодое поколение в советском руководстве. «Старики» — Ворошилов, Микоян, Каганович, — лишённые Сталиным реальной власти в последние годы его правления, враждебно относились к этому молодому поколению, пришедшему к власти в результате репрессий 30—40-х годов. Между этими двумя возрастными группами в марте — апреле 1954 года установилось зыбкое равновесие, но общественный престиж старших лидеров был выше, чем у Маленкова, Хрущева и Берии, которые в глазах народа явились прислужниками Сталина, а вовсе не любимыми вождями.

Хрущев успешно маневрировал между двумя

этими группами — он поддерживал Берия, чтобы ослабить Маленкова, когда Игнатьев оказался скомпрометированным после провала дела о «заговоре врачей». Поддерживал он его и тогда, когда надо было лишить Маленкова власти, которую давал ему пост секретаря ЦК. Сейчас мне совершенно ясно, что Хрущев вовремя воспользовался недовольством среди других руководителей, вызванным всплеском активности Берии, чтобы устранить его. В 1952 году был упразднен пост Генерального секретаря ЦК партии, это сделало Хрущева единственным членом Президиума ЦК КПСС среди секретарей ЦК. Для достижения высшей власти в стране ему необходимо было избавиться от Маленкова как от главы правительства и ЦК. Для этого нужно было разрушить альянс Маленков — Берия, который обеспечивал Маленкову реальную власть и контроль за работой партийного и государственного аппарата. Хрущеву необходимо было поставить во главе органов безопасности и прокуратуры преданных ему людей.

Архивные документы свидетельствуют, что Хрущев после ареста Берии перехватил инициативу. Под его нажимом Президиум ЦК снял Генерального прокурора Сафонова и назначил на эту должность хрущевского протеже Руденко. Только что назначенному Генеральному прокурору 29 июня 1953 года поручили расследование дела Берии. Чтобы представить себе, в какой спешке оно проводилось, следует иметь в виду, что его вели в основном те же следователи, которые до этого занимались прокурорским надзором так называемого «сионистского заговора» и «дела

МГБ». Я никогда не верил, что Берия организовал этот заговор, чтобы захватить власть. Теперь меня в этом еще больше убедил писатель Кирилл Столяров, имевший возможность познакомиться с материалами дела Берии. В обвинительном заключении нет ссылок на его приказы, конкретные даты или устные распоряжения. Нет там и указания на места встреч «заговорщиков» и содержания их плана захвата власти. Напротив, материалы дела говорят о том, что Берия в это время был занят своими любовными похождениями. Столяров задал вопрос: как может человек, стремящийся к захвату власти, проводить время с любовницей в тот день, когда им якобы назначен государственный переворот? В деле нет никаких ссылок на то, какие силы он планировал использовать для переворота.

Обвинения против Берии базировались лишь на его «предательских инициативах» в области национальной политики, шагах, направленных на урегулирование отношений с Югославией, и его намерениях объединения Германии. По словам Столярова, версия о «заговоре» включала связь Берии с британской «Интеллидженс сервис»: прокурор сделал это заключение, основываясь на приказе Берии о прекращении следствия по делу Майского, нашего посла в Великобритании, обвинявшегося в шпионаже в пользу англичан. В обвинительном заключении, рассказал мне Столяров, утверждалось, что Майский должен был занять пост министра иностранных дел в правительстве Берии. Берию обвиняли в том, что он без санкции ЦК дал распоряжение о подготовке испытания водородной бомбы.

Между тем этот приказ никто не отменил после его ареста, и подготовка продолжалась весь июнь, когда Берия уже сидел в тюрьме, а испытание провели в августе.

Одно из главных обвинений против Берии заключалось в том, что во время Гражданской войны, в 1919 году, он являлся агентом мусаватистской националистической разведки и якобы установил тайные контакты с британской спецслужбой в Баку, которая внедрила его в большевистскую организацию. В приговоре по его делу утверждалось, что Берия уничтожил всех свидетелей своего предательского поведения в годы Гражданской войны на Кавказе и оклеветал память славного большевика Серго Орджоникидзе, героя грузинского народа и верного друга Ленина и Сталина.

Позднее, в 50-х годах и до августовского путча 1991 года, все руководители от Хрущева до Горбачева продолжали утверждать, что Орджоникидзе стал жертвой Сталина и Берии из-за своей оппозиции сталинским репрессиям 30-х годов. Однако архивные документы рисуют совершенно иную картину. По словам Мамулова, начальника секретариата Берии, Орджоникидзе подготовил и собственноручно написал заявление в Комиссию партконтроля, подтверждавшее личные конфликты Сталина с Орджоникидзе. Последний защищал отдельных людей, но нет никаких свидетельств того, что он в принципе возражал против арестов и репрессий.

В январé 1991 года в журнале «Известия ЦК КПСС» был неожиданно напечатан протокол Пленума ЦК по делу Берии. Выступления на

Пленуме Молотова, Маленкова, Хрущева, Микояна и других показывают, что обвинения против Берии основывались на слухах, которые сами же члены Президиума ЦК и распространяли. Протокол не содержит прямых улик, зато пестрит неопределенными замечаниями: “Я думал”, “С самого начала я ему не доверял” и тому подобное».

(П. А. Судоплатов. *Разведка и Кремль*. — М., 1996).

Берия содержался в штабе МВО, в специальном бункере, оборудованном под запасной штаб. Следствие вели Генеральный прокурор Руденко и генерал Москаленко. Были арестованы и также находились под следствием В. Н. Меркулов, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. А. Гоглидзе, П. Я. Мешик, Л. Е. Влодзимирский. 16—23 декабря 1953 года состоялся судебный процесс над Берией и его ближайшим окружением. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР возглавлял Маршал Советского Союза И. С. Конев. Берия, по свидетельству очевидцев, вел себя на суде непоследовательно. Проявлял нервозность и неискренность, упрямство. Много раз просил сохранить ему жизнь, передать эту просьбу Хрущеву. В обвинительном заключении, помимо уже предъявленных в ходе следствия обвинений, значилась и попытка в 1942 году установить контакт с Гитлером.

23 декабря 1953 года в 19 часов 50 минут Лаврентий Павлович Берия расстрелян в бункере комендантом Специального судебного присутст-

вия генерал-полковником П. Ф. Батицким в присутствии Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко и генерала армии К. С. Москаленко. А через полтора часа были расстреляны остальные.

РАЗГРОМ СТАЛИНСКОЙ ГВАРДИИ

Сообщение о Пленуме, опубликованное в «Правде» 4 июля 1957 года, произвело эффект разорвавшейся бомбы: названные и неназванные «антипартийцы» составляли ядро партийного руководства СССР...

Напомним краткую хронику восхождения к высшей власти Хрущева, шаг за шагом карабкавшегося все выше и выше. Еще в первые часы после смерти Сталина, когда к власти пришел триумvirат — Маленков, Берия и Молотов, — Хрущев, в котором его коллеги не видели серьезного соперника, получил в руки Секретариат ЦК КПСС.

Тройка первых посчитала самым главным поделить посты в высшем государственном органе — Совете Министров СССР. Борьба не утихла ни на один день. Сначала на второй план был оттеснен Молотов, ограниченный в основном только внешнеполитическими вопросами. Недалековидно поступил Маленков, освободившись от обязанностей секретаря ЦК, чтобы сосредоточиться на работе председателя Совмина.

В заботах о собственной популярности тандем Маленков — Берия решил на начало «де-сталинизации». С 19 марта 1953 года газета

«Правда» (главным редактором был Д. Т. Шепилов) практически перестала упоминать имя Сталина.

По настоянию Берии Президиум ЦК КПСС утвердил знаменитый указ Верховного Совета СССР об амнистии. В ритуальных призывах ЦК к празднику Первомая также не упоминалось имя «отца народов». Больше того, по инициативе того же Берии 9 мая Президиум ЦК принял сенсационное, хотя и секретное, постановление о запрете использовать на демонстрациях портреты вождей как мертвых, так и живых! Через два месяца, уже после ареста Берии, Президиум ЦК спохватился и отменил это беспрецедентное решение.

Эстафету в борьбе за восстановление «ленинских норм» подхватил Хрущев, ставший в сентябре 1953 года Первым секретарем ЦК.

Из арестованных бериевцев удалось выбить компромат на Маленкова, который в начале 1955 года был раскритикован на партийном пленуме за неправильную политику в области промышленности и даже за прошлые ошибки в руководстве сельским хозяйством при Сталине, в начале 50-х. В феврале он подал заявление об отставке с поста предсовмина, но остался членом Президиума ЦК. Новым председателем Совета Министров сделался ставленник Хрущева Н. А. Булганин.

Устранив одного «наследника Сталина», Хрущев начал подбираться к Молотову. Сначала были произведены назначения и перемещения в дипломатической сфере: на вакансии профессиональных дипломатов стали опять назначаться бывшие партийные деятели, что объективно

усиливало влияние ЦК и понижало роль министра. На июльском Пленуме 1955 года Молотов был раскритикован, формально из-за своего сопротивления процессу налаживания отношений с «кликой Тито».

Стремясь закрепить достигнутое, Хрущев стал инициатором подготовки доклада о культе личности на предстоящем XX съезде партии. В ЦК он опирался на поддержку «молодых» членов и кандидатов в члены Президиума ЦК — А. И. Кириченко, М. А. Сулова, Л. И. Брежнева, Ф. Р. Козлова, секретарей ЦК А. Б. Аристова, П. Н. Поспелова и др. Гарантию на успех ему давала поддержка министра обороны СССР, кандидата в члены Президиума ЦК Г. К. Жукова и председателя КГБ СССР И. А. Серова.

В то же время «старики» — Молотов, Каганович, Ворошилов, — не возражая в принципе против развенчания культа личности, хотели это сделать с минимальными потерями и для себя, и для Сталина. Хрущев, в меньшей степени, чем они, замешанный в преступлениях и к тому же, судя по всему, «позаботившийся» об архивах так, что до сих пор известны лишь отдельные документы о его причастности к террору, победил и здесь, получив в руки могучее оружие — резолюцию XX съезда и постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий».

Осень 1956 года оказалась для СССР и всего «социалистического лагеря» временем драматических испытаний: волнения в Польше, поход на Варшаву советских танков, остановленных чуть ли не в последний момент, революция в Венг-

рии, где такие же танки три дня громили столицу «братского» государства. Кризисы в странах-сателлитах дали повод консерваторам в Президиуме ЦК считать эти события последствием XX съезда.

Неладно было и дома. Молотов, Каганович, Маленков открыто критиковали целинные и кукурузные увлечения первого секретаря. Только хороший урожай 1956 года, после неурожая предыдущего, спас Хрущева. Последней каплей, переполнившей чашу терпения оппозиционеров, стало внедрение территориального принципа руководства промышленностью — совнархозов, вынуждавших значительную часть московской номенклатуры покинуть столицу и перебраться в провинцию.

«Старая гвардия» и другие недовольные (М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Д. Т. Шепилов) решили свести счеты с Хрущевым на заседании Президиума ЦК, собранном, несмотря на сопротивление первого секретаря, под предлогом обсуждения предстоящей поездки на празднование 250-летия Ленинграда. Об этом заседании, начавшемся 18 июня 1957 года и продолжавшемся три дня, ходило немало легенд. Стенографическая запись не велась, и нам приходится довольствоваться позднейшими воспоминаниями его участников и, конечно, тем, что они по горячим следам посчитали необходимым рассказать на состоявшемся следом Пленуме ЦК.

Как сообщал в основном докладе Пленуму Суслов, прения на Президиуме открыл Маленков, обвинив Хрущева в создании «невыносимой обстановки», утверждении своего культа личности

и нарушении принципов «коллективного руководства». Его поддержали другие. Последовали обвинения в том, что Хрущев сбивается на «зиновьевское» отождествление диктатуры пролетариата и диктатуры партии. Был подвергнут сомнению хрущевский призыв в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству мясо-молочных продуктов на душу населения.

Каганович упрекал Хрущева в злоупотреблении властью, единоличном принятии им решений. Молотов обвинял в «правой политике» (намекая на ее сходство с бухаринской), несоразмерном увлечении животноводством, предостерегал против «опасных зигзагов» во внешней политике.

В качестве ответного хода Хрущев, поддержанный Микояном и «молодежью» — Жуковым, Кириченко, Брежневым, Екатериной Фурцевой, потребовал созыва полного состава Президиума ЦК партии.

На следующий день, на Президиуме, оппоненты Хрущева уже не имели решающего превосходства. Тогда оппозиционеры, видя, что события начали поворачиваться не в их пользу, изменили тактику и предложили ликвидировать пост первого секретаря вообще. Это предложение прошло 7 голосами против 4. Но сильно затянувшееся заседание Президиума ЦК дало возможность Хрущеву и его сторонникам собраться с силами. Жуков и Серов по всей стране собирали верных людей и военными самолетами переправляли в Москву...

К моменту открытия Пленума 22 июня вопрос об оппозиции фактически был уже предрешен. Об этом можно судить по замечанию Хрущева

на срежиссированные крики из зала: «Позор! Вывести из членов Президиума!..» — Хрущев сказал: «Спокойно, товарищи! Я призываю вас к спокойствию... Мне кажется, сейчас нельзя никого выводить. Это непонятно будет, получится так, что только сделали сообщение и началась расправа».

Затем выступил Г. К. Жуков. По внутренней драматургии его выступление было наиболее важным: помимо рассказа о ходе заседаний Президиума, он сделал акцент на репрессиях сталинского периода и персональной ответственности за это Молотова, Кагановича, Маленкова: «Чтобы не быть голословным, я хочу огласить некоторые факты, которые я лично узнал только в последний период времени. Из этих фактов видно, что эти преступления делались не только под влиянием Сталина... они, засучив рукава, с топором в руках рубили головы. ...У меня подлинный материал, я отвечаю за каждое слово...». И дальше он начал цитировать документы из архивов ЦК и Военной коллегии Верховного суда. Конечно, это было тщательно спланированное выступление.

Жуков стал приводить факты, некоторые из них не оглашались в докладе Хрущева на XX съезде. Он сообщил, что в 1937—1939 годах НКВД получил от Сталина, Молотова, Кагановича санкцию на осуждение к высшей мере наказания — расстрелу 38 679 человек. Санкция давалась по спискам, присылавшимся в ЦК Ежовым. За один только день 12 ноября 1938 года был санкционирован расстрел 3167 человек. (Голоса из зала: «Ужас!»)

Он процитировал предсмертное письмо И. Якира от 29 июня 1937 года: «Родной, близкий товарищ Сталин!.. Я умираю со словами любви к Вам, партии, стране, с горячей верой в победу коммунизма». И резолюции на нем: «В мой архив. Сталин. Подлец и проститутка. Сталин». «Совершенно точное определение. Молотов». «Мерзавцу, сволочи и б... одна кара — смертная казнь. Каганович».

Атмосфера в зале заседания с каждым словом Жукова накалялась. Выступление прерывалось криками: «Палачи! Дайте ответ!».

Нашлись у Жукова факты и о Маленкове, в сейфе которого были обнаружены материалы наблюдений за Буденным, Тимошенко, Ворошиловым, самим Жуковым, документ об организации специальной тюрьмы для партийных кадров.

Жукова дополнил министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров. Он подробно рассказал о роли Маленкова в «ленинградском деле», когда в 1949 года были уничтожены первый заместитель Председателя Совмина СССР Н. А. Вознесенский и секретарь ЦК А. А. Кузнецов. Говорилось и о сговоре Маленкова с Берией, в том числе в распределении постов в высших органах власти СССР после смерти Сталина.

После такой «затравки» слово предоставили «оппозиционерам».

Первым выступал Маленков. Участники Пленума были уже достаточно подготовлены и сбивали выступавших репликами: «Не как с Пленумом разговариваешь, а как с вотчиной!», «Власть хватаете... Вам хотелось большой влас-

ти, реванш давать партии», «Мы его с трибуны снимем...». Значительная часть помеченных в стенограмме анонимных «голосов с места» — реплики Жукова. Об этом свидетельствуют слова Маленкова в одном месте: «Ты, Георгий, не подсказывай».

Кстати, в выступлении полководца упомянут один любопытный эпизод, от которого протягивается нить к следующему акту политической драмы в стране — снятию Жукова на очередном Пленуме со всех постов. Маленков сказал: «Некоторые члены Президиума ЦК заявили: “Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить...” По слухам, в ответ на эти слова Маленкова Жуков на том же Президиуме отрезал: «Танки двинутся только по моему приказу».

Но осталась в тени еще одна реплика. М. З. Сабуров, уже каясь на Пленуме в своих грехах, вспомнил разговор с Жуковым о том, что за ними ведется слежка, на что маршал будто бы ответил: «Пусть попробует (глава КГБ. — ред.), я его в два счета снесу, и Лубянки не останется». И это вскоре, в придачу к новым «грехам», стоило ему карьеры...

А дальше все пошло как по писаному. Недавние хозяева положения оказались в роли обвиняемых. Партийный суд велся по канонам 1930-х годов. Поняв, что проиграли, «подсудимые» начали признавать свои ошибки, «разоружаться перед партией». Единственный, кто сохранил при этом некоторое достоинство, — Молотов.

Но были в их поведении и различия. Обвиняемые и сами пытались нападать. Например,

на реплику Хрущева об ответственности Маленкова за участие в репрессиях, тот заметил с иронией: «Ты у нас чист совершенно, тов. Хрущев». Новым было и то, что проигравшим «антипартийцам» сохранили жизнь и свободу. И это один из важнейших итогов периода «коллективного руководства».

Главное для Хрущева и его сторонников — доказать, что оппозиция — не случайное объединение критически настроенных членов и кандидатов в члены Президиума, а фракция, группа, заговор. Тогда-то можно вспомнить знаменитую резолюцию X съезда РКП(б), согласно которой запрещалась любая фракционная деятельность. И сценарий Хрущева полностью удался.

Помимо кадровых изменений в руководстве страны итогом событий лета 1957 года стало то, что хрущевская версия «культы личности» закрепились на многие годы. После смещения в 1958 года Булганина Хрущев уже царствовал, до поры до времени — единовластно.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

Когда 22 ноября 1890 года в городе Лилле в семье скромного преподавателя философии Анри де Голля родился второй сын Шарль, это событие, естественно, не привлекло внимание общественности. Колокола молчали, ни строчки не появилось в местной прессе. Все, как у всех. И жизнь мальчика складывалась по канонам тогдашней провинциальной интеллигенции. Он по-

лучил среднее образование в коллеже иезуитов. Затем окончил известное военное училище в Сен-Сире, основанное Наполеоном Бонапартом, и в чине младшего лейтенанта служил в 33-м пехотном полку в Аррасе.

Имея свободу выбора службы, де Голль избрал весьма скромное место. Но пути человеческие неисповедимы. Полком командовал Филипп Петен, впоследствии маршал Франции и глава коллаборационистского режима Виши, приговоренный в 1945 году французским судом к смертной казни. Голову своего бывшего командира спас премьер-министр Шарль де Голль. Расстрел заменили престарелому маршалу пожизненным заключением.

Молодой офицер участвовал в боях, был трижды ранен. Под Верденом попал в плен. Все четыре попытки побега оказались неудачными. После перемирия де Голль вернулся во Францию и преподавал историю в Сен-Сире и в Военной академии. Но круг его интересов был широк. Боевой офицер, он глубоко и творчески изучал вопросы военной стратегии и тактики. В 30-х годах он привлек к себе внимание прессы, политических военных кругов и парламента книгами «На острие шпаги» и «За профессиональную армию». Первая датирована 1932, вторая — 1934 годом.

Как раз в интервале между этими двумя датами гитлеровцы пришли к власти в Германии. Военная угроза в Европе стремительно нарастала. Готовясь к войне, нацисты делали ставку на новую военную технику и тактику молниеносного наступления. А в Париже генералы дремали

в своих кабинетах, упиваясь былой воинской славой. Французский Генеральный штаб твердо придерживался оборонительной, позиционной доктрины и не хотел замечать революционных изменений в военной технике.

В такой обстановке де Голлю — скромному армейскому офицеру — надо было проявить незаурядное мужество, чтобы писать о решающей роли в будущей войне механизированных войск, крупных авиационных и танковых соединений, артиллерии на механической тяге. О его идеях заговорили в палате депутатов, их поддержали некоторые видные политические деятели Франции.

Но официальный Париж хранил молчание. А в Берлине живо заинтересовались личностью автора, его трудами.

Несколько месяцев длилась пресловутая «странная война». Она закончилась переходом германских войск в наступление по всему Западному фронту. Де Голль, командовавший 4-й бронетанковой дивизией, которая противостояла танкам Гудериана, оказался провидцем. Но могли ли они повлиять на ход событий? Такое трудно допустить, тем более что глава правительства Поль Рейно в начале июня 1940 года назначил де Голля заместителем военного министра и направил его в Лондон для связи с кабинетом Уинстона Черчилля. 18 июня он произнес там по радио свою знаменитую речь, в которой утверждал, что Франция не потерпела окончательного поражения, что пламя французского Сопротивления не погаснет. Де Голль не дал в речи анализа причин поражения всей страны и, видимо,

не стремился хотя бы обозначить вехи своих дальнейших действий, политических и военных. Но главное в том, что в мрачной атмосфере распада государственных и общественных структур, пессимизма и отчаяния, охватившего миллионы французов и француженок, раздался твердый, уверенный в конечной победе голос страстного патриота.

Множество книг и статей посвящены роли генерала де Голля в освободительной борьбе французского народа. Мнения их авторов противоречивы. Но время расставило события по реальным местам. Несмотря на бесконечные споры и расхождения в оценках вклада различных политических партий и их лидеров в движение Сопротивления, очевидно, что после июньской капитуляции 1940 года до окончания второй мировой войны Шарль де Голль был бессменным руководителем движения «Свободная (затем Сражающаяся) Франция».

На этом посту он создал французские вооруженные силы за рубежом, насчитывающие к июню 1942 года 70 тысяч человек. Под знамена де Голля встало население многих французских колониальных владений. Особенно активно его военная деятельность развернулась на заключительном этапе войны, после открытия второго фронта в Европе.

Во главе временного правительства Франции генерал находился до 20 января 1946 года, когда обстоятельства внутривнутриполитической борьбы заставили его уйти в отставку. Двенадцать лет спустя де Голль не занимал никакого официального поста. Но в мае 1958 года в Алжире начался

антиреспубликанский мятеж. Мятежники захватили Корсику, взяли власть на острове в свои руки. Возникла реальная угроза гражданской войны в метрополии. В такой обстановке 1 июня Национальное собрание назначило де Голля премьер-министром. Получив чрезвычайные полномочия, он воспользовался ими для подготовки новой конституции, которую на всенародном референдуме одобрили 79,25% проголосовавших избирателей. Миллионы французов и французов считали, что президент де Голль, избранный на семь лет, выведет страну из глубокого общенационального кризиса.

В начале 1959 года было сформировано новое правительство. На пост премьер-министра де Голль назначил своего верного соратника Дебре. Первоочередной задачей правительства стало урегулирование «алжирской проблемы». Скорее всего, де Голль вернулся к власти с твердым убеждением в том, что Алжиру необходимо предоставить независимость. Генерал понимал, что пока такой точки зрения придерживаются далеко не все и что многие французы сочувственно относятся к европейцам Алжира, которым в случае его отделения придется уехать. Однако президент решил твердо следовать избранному пути. 16 сентября 1959 года он впервые заявил о праве Алжира на самоопределение. Вскоре, в ответ на это, «ультра» в алжирской столице устроили так называемую неделю баррикад, требуя от правительства отказа от новой политики. Но де Голль продолжал взятый им курс. Он заявил в середине 1960 года: «Нет ничего странного в том, что испытываешь ностальгию по

империи. В точности так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали лампы на масле, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не существующей возможности проехаться в экипаже. Но ведь не бывает политики, идущей вразрез с реальностью». В конце года президент объявил, что будущий Алжир мыслится им как «государство со своим правительством». Примерно в то же время он писал сыну: «Я продолжаю дело о высвобождении нашей страны из пут, которые ее еще обволакивают. Алжир одна из них. С тех пор как мы оставили позади себя колониальную эпоху, а это, конечно, так, нам нужно идти новой дорогой... В конце концов все поймут, что Северная Африка гораздо больше нуждается в нас, чем мы в ней». В 1961 году в Алжире вспыхнул еще один мятеж. На этот раз его развязали военные, требующие удержания Алжира под французским суверенитетом. Но де Голль оказался непреклонен. Мятеж был подавлен. В следующем, 1962 году подписали Эвианские соглашения об окончании войны. Алжир получил независимость.

Теперь генерал мог всецело посвятить себя внешнеполитическим проблемам. Он взялся за осуществление политики «величия Франции», за обеспечение ей достойного места внутри НАТО.

Добиваться реорганизации Атлантического блока генерал начал еще во время алжирской войны. Шарль де Голль настаивал на том, чтобы в системе Атлантического союза Франция играла роль державы с «мировой ответственностью». Он постоянно отстаивал эту идею перед президен-

том США Эйзенхауэром в их секретной переписке, но не мог добиться согласия. США все время подтверждали свою гегемонию в НАТО.

В 1961 году новым президентом США избран 44-летний Джон Кеннеди. В начале июня он прибыл с официальным визитом в Париж. В центре внимания руководителей двух стран находилась проблема реорганизации НАТО. Президент Франции настоятельно требовал, чтобы главенствующее положение в Атлантическом блоке занимала «тройка» — США, Англия и Франция. Но Кеннеди отклонил такое предложение. Америка не собиралась с кем-то делить свое главенствующее положение в НАТО. И позиция Англии, которая играла роль проводника американской политики на европейском континенте, ее также вполне устраивала. В результате де Голль, понимая, что он не придет к согласию со своими англо-саксонскими собеседниками, начал курс постепенного отхода от НАТО.

В связи с этим де Голль отдавал себе отчет, что его страна должна в какой-то мере сама заботиться о собственной безопасности. Он придавал очень большое значение производству Францией своего атомного оружия. Первые атомные испытания она осуществила в алжирской Сахаре еще в 1960 году и с тех пор продолжала их. Де Голль считал, что обладание ядерной силой возмечивает Францию и обеспечивает ей ранг великой державы.

С давним союзником, Великобританией, отношения Франции поначалу складывались хорошо. Англия стала первой страной, которую де Голль посетил с официальным визитом после своего

возвращения к власти. Это было еще в апреле 1960 года. Он был прекрасно принят королевой Елизаветой и премьер-министром Г. Макмилланом и с воодушевлением встречен в парламенте, где выступил с приветственной речью. Но через некоторое время отношения бывших союзников стали осложняться, особенно после того, как Англия объявила о своем намерении вступить в Общий рынок. Де Голль категорически воспротивился этому. В январе 1963 года Франция наложила вето на вступление Англии в ЕЭС.

Такая позиция де Голля отнюдь не означала, что генерал не желал сотрудничества с Великобританией. Он его хотел, но на условиях, отвечающих интересам Франции. Наложив вето, де Голль таким образом решил избежать конкуренции со стороны Англии для французских товаров и главным образом для французской сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, по мнению генерала, включение Англии в Общий рынок означало бы введение в него сильного претендента на лидерство в Западной Европе, да к тому же тесно связанного с США. А вот такого поворота дела он как раз не желал.

Де Голль одним из первых западноевропейских политиков выступил, выражаясь языком сегодняшнего дня, за создание «общеевропейского дома». На протяжении всей жизни генерал задавался вопросом, что такое Европа и в чем ее отличие от других континентов. В одной из личных записей можно прочитать: «Я постоянно убеждаюсь в том, как много общего есть у народов, населяющих Европу. Все они белой расы, христианского вероисповедания. У всех у них

одинаковый образ жизни, и все они испокон веков связаны между собой тесными узами в сфере мышления, искусства, науки, политики, торговли. И совершенно естественно, если Европа стимулирует и даже направляет духовное и техническое развитие мира.» Уже в 1961—1962 годах президент Франции и его сторонники выдвинули идею заключения между странами Общего рынка договора, предусматривающего постоянное сотрудничество их правительств с целью разработки совместной политики в области международных отношений, обороны, экономики и культуры. Генерал стремился к созданию организации, которая могла бы в известной мере противостоять Соединенным Штатам. Но «Европа» де Голля — это не наднациональное объединение, это «Европа отечеств», в которой каждая отдельная страна сохраняет свою национальную самобытность. Конечно, центральное место в такой Европе президент отводил Франции. Именно свою страну он хотел видеть задающей тон в европейской организации. Но вместе с тем он отдавал в ней значительное место ФРГ. Де Голль вообще придавал большое значение связям Франции с Западной Германией.

Еще в сентябре 1958 года, когда де Голль был премьер-министром, он встретился с Федеральным канцлером ФРГ К. Аденауэром. Генерал пригласил его не в Париж, а в Коломбэ, чтобы в спокойной обстановке обменяться мнениями по поводу ситуации в Европе и во всем мире. Переговоры были закрытыми, но, судя по сообщениям печати, главное место во время бесед глав государств заняли вопросы о европейском и фран-

ко-западногерманском сотрудничестве. В коммюнике, опубликованном после переговоров, сообщалось, что альянс Франции и Западной Германии рассматривается обеими сторонами как основа «объединения Европы». Встречи де Голля с Аденауэром стали постоянными. Президент Франции выступал за расширение сотрудничества двух стран. Аденауэр еще несколько раз приезжал во Францию, а де Голль в сентябре 1962 года посетил с официальным визитом Западную Германию. Менее чем через год, в январе 1963 года в Париже главы двух государств подписали франко-западногерманский договор о сотрудничестве. Он предусматривал постоянные встречи и консультации глав двух стран, а также министров иностранных дел и министров обороны. Согласно договору, правительства Франции и ФРГ перед принятием ответственных решений обязались консультироваться по всем важным проблемам внешней политики. Однако в период президентства де Голля во франко-западногерманских отношениях были не только светлые страницы. Де Голль не желал признавать ГДР и вообще одним из первых высказался за необходимость объединения двух германских государств, предвидя, что рано или поздно это произойдет. Вместе с тем он твердо выступал за законность границы по Одру — Нейсе. А это западным немцам совсем не нравилось. У германской стороны де Голль пытался найти поддержку своим идеям относительно НАТО. Он хотел, чтобы Германия вместе с Францией составляла как бы ядро Европы, проводила свою, независимую от США и НАТО политику. В сущ-

ности, с этой целью де Голль и пытался «построить новую Европу». Но правящие круги Западной Германии отклонили такой курс президента Франции. Его также не приняли члены Общего рынка — Бельгия, Голландия и Люксембург. Вот почему деголлевский план «Европы» остался только планом и не был осуществлен.

Для де Голля Европа — это не только Европа Западная, но и «Европа от Атлантики до Урала», непременно включающая в себя Советский Союз или, как любил называть его президент Франции, Россию. Сотрудничеству с нашей страной де Голль всегда придавал большое значение. Во Францию был приглашен глава СССР Н. С. Хрущев. В марте 1960 года он с семьей прибыл в Париж. Существует мнение, что де Голль и Н. С. Хрущев не нравились друг другу. Действительно, глава Советского государства отрицательно воспринял приход к власти де Голля, считая его (трудно судить, с чьей подсказки) реакционным военным. Однако нельзя сказать, что де Голль относился к Хрущеву однозначно плохо. Во всяком случае, очевидцы визита 1960 г. с французской стороны не оставили нам таких воспоминаний. Например министр П. Сюдرو отметил, что де Голль просто приходил в полное изумление от горячности, откровенности, прямоты характера Хрущева и его склонности к экспромту. Обеим сторонам все же удалось прийти к некоторым компромиссам, например, к соглашению о необходимости разрешения неурегулированных международных вопросов не путем применения силы, а мирными средствами. Важное значение гене-

рал придавал связям Франции со странами Южной Америки и везде был принят с энтузиазмом и симпатией. В этом же году де Голль выступил за признание Китайской Народной Республики. Он одним из первых решительно осудил войну США во Вьетнаме. Индивидуальность де Голля наложила свой отпечаток на всю внешнюю политику Франции. Это и было причиной его многих нетривиальных внешнеполитических решений. Иногда особая позиция президента Франции вызывала неприязнь руководителей других государств, в частности США. Однако надо отметить, что в кризисных ситуациях возглавляемая де Голлем Франция всегда вставала на позиции Западных держав и блока НАТО. Так было, например, в моменты Берлинского и Карибского кризисов.

По Конституции 1958 года и по сложившейся практике президент республики занимается в основном внешней политикой. Внутренняя политика — дело премьер-министра. Тем не менее неправильно было бы полагать, что де Голль вообще не уделял внимания внутривнутриполитическим проблемам. Он всегда очерчивал вместе с премьером и другими министрами основные направления внутренней политики.

В 1965 году истекал семилетний срок президента де Голля. В конце года должны были состояться новые выборы. Они впервые проводились во Франции всеобщим голосованием, а не коллегией выборщиков, как раньше. Де Голлю исполнилось почти 75 лет, и он не сразу решил, будет ли вообще выставлять свою кандидатуру. Когда в середине года на одной из пресс-конфе-

ренций его спросили, как он себя чувствует, генерал пошутил: «Неплохо, но уверяю вас, что в один прекрасный день я все-таки умру». Он действительно чувствовал себя неплохо. Но возраст есть возраст. Может быть, де Голль задумывался о том, что уже пора уступить свое место. Но в последний момент генерал решил выдвинуть свою кандидатуру. Он объявил об этом ровно за месяц до выборов — 4 ноября.

Поначалу де Голль не хотел устраивать какую-либо предвыборную кампанию. Он считал, что его повседневный труд на благо отечества и достижения Франции говорят сами за себя. Но его противники развернули ожесточенную борьбу за власть. От правой оппозиции, обвинявшей де Голля в отходе от проатлантического курса, был выдвинут Ж. Леканюэ. Единим кандидатом левых сил стал Ф. Миттеран. Пока де Голль просто ждал дня выборов, они без конца ездили по стране и громили в своих речах установленный генералом режим «личной власти». Особенно усердствовал Миттеран. Каждому претенденту отпускалось два часа телевизионного времени. И здесь противники де Голля начали просить его, чтобы он тоже выступил по телевидению. Он упорно отказывался, заявляя: «Ну что мне им сказать? Меня зовут Шарль де Голль, мне 75 лет!». И все же генерала уговорили. Он выступил перед зрителями, хотя, говорят, не очень удачно. В первом туре де Голль набрал 44% голосов, Миттеран — 32% и Леканюэ — 16%. Был назначен второй тур. В результате за де Голля отдали голоса около 55% избирателей. Так

впервые во Франции был избран президент всеобщим голосованием.

1966 год был ознаменован двумя важными событиями во внешней политике Франции. В марте де Голль объявил, что его страна выходит из военной организации НАТО. Такое решение было принято после того, как президент Франции окончательно убедился в невозможности реорганизации Атлантического блока. Практически это означало: вывод всех французских войск и военно-воздушных сил, размещенных в Западной Германии, из подчинения командованию НАТО; прекращение участия Франции в атлантических интегрированных командованиях; перевод из Франции этих командований и их штабов в другие страны, полное удаление находящихся во Франции американских и канадских военных частей, штабов и баз.

Вторым событием был визит президента республики в СССР. Де Голль прибыл в Москву 20 июня. Его переговоры с советскими руководителями свидетельствовали о желании Франции выступить инициатором процесса разрядки. В своей речи на приеме в Кремле президент Франции заявил: «Что касается наших общих политических целей, то ими являются разрядка, согласие, безопасность, а в один прекрасный день и объединение Европы от края до края, равновесие, прогресс и мир во всем мире». Переговоры завершились подписанием советско-французского договора о сотрудничестве. Визит де Голля в СССР длился 10 дней. За время своего пребывания в нашей стране генерал стремился ознакомиться с различными сфера-

ми общественной жизни, побывал в Ленинграде, Киеве, Волгограде, Новосибирске, на космодроме Байконур.

1968 год принес большие испытания Франции и ее президенту. Еще зимой в стране начались студенческие волнения. За 60-е годы численность студентов увеличилась до 600 тыс., причем среди них сильно возросла прослойка выходцев из средних слоев общества и рабочих. Постепенно очень давно сложившаяся система высшего образования перестала удовлетворять часть студенчества. Около половины студентов были вынуждены сочетать учебу с работой. Отсутствие необходимых материальных условий и сложная система экзаменов приводили к тому, что 70—80% студентов, принятых на первый курс, не могли окончить учебу. Но даже те, кто получил диплом о высшем образовании, в отличие от прежнего времени не имели никаких гарантий трудоустройства и не могли рассчитывать на обеспеченное будущее. Такая ситуация способствовала быстрому росту популярности среди студенчества левацких группировок. Их лидеры срывали занятия, устраивали стычки с полицией, предлагали ликвидировать «классовый университет» и даже свергнуть правительство. И вот, в мае 1968 года в ответ на угрозу исключения нескольких «леваков» студенты в Париже объявили забастовку и заняли Сорбонну. Университетские власти вызвали полицию, которая произвела аресты. В связи с этим теперь уже не только в столице, но и в других городах развернулись массовые студенческие демонстрации. Начались схватки с полицией. В Париже, в Латинском

квартале, студенты разбирали мостовые, валили деревья, строили баррикады, поджигали автомашины. 13 мая в знак солидарности со студентами в столице состоялась мощная демонстрация. Собравшиеся вышли на улицы с лозунгами: «Десяти лет достаточно!», «Де Голль, до свидания!». Одновременно с демонстрацией началась забастовка протеста, которая быстро переросла во всеобщую стачку огромного размаха. Большинство предприятий и банков прекратило работу. Остановился транспорт. Рабочие и служащие требовали повышения заработной платы, улучшения социального обеспечения, принятия мер против безработицы. Вскоре к ним присоединились крестьяне. За несколько дней общее число бастующих достигло 10 млн. человек. Такие события явно свидетельствовали о наличии серьезных социальных противоречий во французском обществе и о просчетах или недостаточном внимании правительства к социальной политике.

Де Голля майские события застали почти врасплох. Может быть, впервые в жизни он понял, что не контролирует ситуацию и не может даже для себя решить, что происходит, а вернее, почему. Он, вероятно, осознавал, что что-то делал не так, чего-то недопонял, что-то упустил. Но что именно? Президент республики говорил в майские дни генеральному секретарю Елисейского дворца Б. Трико: «Ситуация совершенно неуловимая. Я не знаю, как реагировать. Я не понимаю, что надо сделать не для того, чтобы взять в руки этот народ, а для того, чтобы он сам взял себя в руки. Я не знаю, что делать». Генерал не понял, чего хотел «этот народ». Он груст-

но заявил: «Французы порвали контракт, который я с ними заключил».

Премьер-министр Помпиду сразу решил пойти на уступки. В правительственной резиденции на улице Гренель он еще в середине мая начал переговоры с профсоюзами и предпринимателями. Однако в течение всего месяца обстановка оставалась крайне напряженной. Левые силы требовали немедленной отставки правительства. А Миттеран заявил даже, что «власть вакантна». Настроение де Голля в эти дни еще более ухудшилось. 29 мая он пришел к довольно странному решению — лететь в Баден-Баден, на территорию ФРГ, чтобы заручиться поддержкой командования расположенных там французских войск. Во главе их стоял генерал Массю. Он принял президента республики, и довольно быстро собеседники пришли к мнению, что де Голль должен вернуться в Париж. 30 мая президент уже опять в столице. Наконец он принял решение. Генерал выступил с речью по радио и телевидению, в которой утверждал, что над Францией нависла угроза коммунистической диктатуры, и объявил о роспуске Национального собрания. В тот же день в Париже состоялась огромная манифестация в знак солидарности с де Голлем. В первых рядах демонстрантов шли члены правительства с лозунгами «Де Голль не одинок!». Переговоры Помпиду завершились подписанием Гренельских соглашений. Значительно была повышена заработная плата, увеличены пособия по безработице и семейные пособия. Забастовочное движение стало ослабевать и к середине июня в основном прекра-

тилось. 30 июня состоялись выборы в Национальное собрание. Сторонники де Голля добились огромного успеха. Голлистская партия, выступившая во время майских событий в качестве «партии порядка», получила почти 300 мандатов и завоевала абсолютное большинство.

Итак, все улеглось, все успокоилось. Только не мог более обрести душевного равновесия генерал де Голль. Майские события оставили где-то внутри него след и постоянно напоминали о себе всю оставшуюся жизнь. Теперь президент включил в состав правительства так называемых левых голлистов, которые еще во времена РПФ выступали с проектом социально-экономических реформ в духе «сотрудничества классов». Генерал задумал осуществить эти реформы. Первым шагом в реализации его плана стал законопроект о новом районировании Франции и обновлении сената, согласно которому в стране некоторым образом урезались права местного самоуправления и лишался законодательных функций сенат. Де Голль объявил, что он выносит проект на всеобщий референдум и, в случае его отклонения, уйдет в отставку. Проект был явно неудачным. В нем объединялись две плохо сочетаемые вещи. Многие говорили генералу, что французы его не поймут, что лучше отказаться от этой идеи. Однако он твердо решил осуществить задуманное и упрямо стоял на своем. Может быть, президент республики искал повод, чтобы уйти, решив, что оборвалась тугая струна, которой он сам стянул воедино десять лет назад свою судьбу с судьбой Франции. Референдум был назначен на апрель 1969 года. Де Голля, как и ожида-

лось, не поддержали левые силы. Законопроект был отклонен также Жискар д'Эстеном, лидером группы «независимых республиканцев». Уже в марте стало ясно, что де Голль не получит большинства. Генерал с грустью ждал вынесения приговора. Он говорил сыну еще в начале года: «Французы устали от меня, да и я утомился от них». На референдуме 27 апреля 52% избирателей отвергли проект. Так закончились 10 лет 3 месяца и 19 дней президентства генерала де Голля. Он сложил свои полномочия с горечью в сердце и тайной досадой, сказав одному из своих близких: «Меня ранили в мае 1968 года, а теперь прикончили».

Де Голль уехал в Коломбэ. Теперь он действительно был уже таким, каким обрисовал себя двадцать лет назад на последней странице «Военных мемуаров» — «старым человеком, изнуренным испытаниями, отстраненным от дел, чувствующим приближение вечного холода». Мало-помалу для бывшего президента республики жизнь приобретала другой ритм. Появились новые, простые дела и заботы. Он стал опять писать воспоминания — «Мемуары надежды», начинающиеся 1958 годом. Издательство «Плон» приступило к публикации пятитомника его «Речей и посланий». Первый том увидел свет весной 1970 года. Иногда де Голль покидал свою деревню. В мае—июне 1969 года почти сорок дней провел с женой в Ирландии, а в июне 1970 года три недели прожил в Испании. Он ни к чему не утратил интереса, был в курсе всех политических событий, расспрашивал своих посетителей о самых разных вещах. Генерал всегда считался чутким отцом,

теперь он стал добрым и нежным дедом. У него было три внука — Шарль, Ив и Жан (сыновья Филиппа) и внучка Анна (дочь Элизабет). Он любил бродить с ними в окрестностях Коломбэ. Де Голль все больше и больше погружался в воспоминания о былом, опять много времени проводил в своем кабинете. Он говорил, что ему нужно еще пять лет жизни, чтобы дописать воспоминания. Но судьба не отпустила ему этих лет.

9 ноября 1970 года. Тихий пасмурный осенний день в Коломбэ. Генерал, как обычно, работал, гулял, размышлял. О чем? Может быть, о том, как через две недели отпраздновать свое 80-летие. Вечером де Голль сел раскладывать пасьянс. И вдруг все тело его оцепенело. Генерал только успел сказать: «Какая боль!». Карты посыпались из рук. Разрыв аорты вмиг остановил биение сердца. На следующий день президент республики Помпиду сказал своим соотечественникам: «Француженки, французы. Умер генерал де Голль. Франция овдовела».

Его опустили в землю 12 ноября на маленьком деревенском кладбище Коломбэ, как он завещал, «без музыки и фанфар», в присутствии только родных и близких. Сегодня каждый может прийти туда, поклониться ему и прочесть на скромном памятнике: «Шарль де Голль. 1890—1970».

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЧАУШЕСКУ

Почти до самого конца они вели себя вызывающе и лишь в последний момент дрогнули: мрачное небритое лицо Николае Чаушеску на

какое-то мгновение выдало страх, который он испытывал, стоя перед снаряженной для расстрела командой. Его жена Елена спросила солдата, который вел ее на казнь: «За что вы нас? Ведь я была вам матерью». «Да что ты за мать, если убивала наших матерей?» — сухо произнес солдат.

Три солдата и офицер, выбранные из нескольких сотен желающих принять участие в казни, выстроились в шеренгу и прицелились. «Я не заслуживаю...» — успел крикнуть президент, прежде чем раздался первый выстрел. Несколько выстрелов оборвали жизнь четы Чаушеску. Так закончились 24 года тирании.

Казавшийся незыблемым режим рухнул за семь дней. Чаушеску не сомневался: несмотря на радикальные перемены в других странах Восточной Европы, румынский народ никогда не выскользнет из его стальной хватки. Чаушеску был достаточно неразумен и считал, будто народ любит его. Именно эта самонадеянность и привела его к краху.

В понедельник 18 декабря, за неделю до казни, Чаушеску, уверенный в прочности своих позиций, несмотря на волнения в Темишоаре, отправляется с трехдневным визитом в Иран. Эти три дня оказались напряженными. Иранская сторона выражает обеспокоенность в связи с применением силы при подавлении восстания в Темишоаре... Чаушеску становится все более раздражительным и встревоженным. «За старшего» он оставил в Румынии жену Елену. Между Бухарестом и Тегераном установлена «горячая линия», которая держит Чаушеску в курсе

дел. По ней поступают крайне тревожные сообщения. Из них следует, что после кровавой бойни в Темишоаре армия не способна положить конец выступлениям за свободу. В среду днем Чаушеску возвращается в Румынию и видит страну в состоянии хаоса. В шесть часов вечера созывается чрезвычайное совещание руководителей страны, Секуритате (службы безопасности) и вооруженных сил. Чаушеску приходит в ярость оттого, что революционный порыв не был сокрушен сразу, и понимает, что генералы, в частности министр обороны Василе Миля, подвели его.

Чаушеску приказывает помощникам написать текст выступления по телевидению (оно состоялось вечером того же дня), в котором осуждаются фашисты и иностранцы, стоящие во главе революции. Тогда же он требует организовать в четверг массовый митинг в свою поддержку. И именно этот шаг и приведет его к катастрофе.

Позже вместе с Еленой он отправляется в свой великолепный особняк в Флорясе, недалеко от центра Бухареста.

После недолгого сна рано утром Николае и Елена отправляются в президентский дворец, где готовятся к выступлению, оказавшемуся роковым. Дверца шкафа Елены, где хранилась ее роскошная одежда и туфли (на некоторых были каблукы с инкрустированными бриллиантами), так и осталась открытой. Чете Чаушеску больше никогда не суждено вновь увидеть фонтан внутри дома, итальянский кафель, золотые краны в ванной, уникальные вазы и картины, ошеломившие румын после падения диктатуры.

Эта сцена стала уже привычной: толпа людей на Дворцовой площади; их президент вещает с балкона дворца. Чаушеску уверен: если он обратится непосредственно к народу, то убедит его в том, что революцию организовали зловещие внешние силы и правительство оказалось вынужденным применить оружие ради пресечения мятежа.

К этому представлению, как всегда, ведется тщательная подготовка. Команды офицеров службы безопасности в течение ночи изготавливают транспаранты. Чаушеску потребовал, чтобы собралось 100 тысяч человек, и уже с 10 утра на площадь в сопровождении армейских офицеров идут служащие и рабочие заводов. Стоя перед толпой, Чаушеску хочет раз и навсегда доказать миру: народ безгранично предан своему вождю. Однако на митинге, который начался в четверг во второй половине дня, когда резня в Темишоаре была еще свежа в памяти, Чаушеску встречают молчанием. Работникам радио и телевидения, транслирующим выступление, приходится включать сделанную заранее запись аплодисментов. Однако им не удается скрыть происходящее на площади. Видеозапись, обошедшая весь мир, показывает пришедшего в замешательство разъяренного старика, который в раздражении замахал руками после того, как возгласы из толпы заглушили его слова. На какое-то мгновение Чаушеску теряется, не зная, что делать дальше. Впервые за 24 года его освистывают. Первыми закричали женщины. Простое и вместе с тем резкое слово «Те-ми-шо-а-ра» волнами проносится по толпе. Чаушеску делает

рукой жест, напоминающий движение кинорежиссера, когда тот кричит: «Закончили!».

Изображение на телеэкране гаснет в тот момент, когда Елена обращается к мужу. «Скажи им что-нибудь, пообещай что-нибудь», — в отчаянии шепчет она.

Генералы, стоящие вместе с Чаушеску на балконе, один за другим уходят внутрь дворца. Президент направляется вслед за ними. В это время внизу заводится мотор одного бронетранспортера, а через мгновение рычаг двигатели всех бронетранспортеров, стоящих вблизи площади. «Наверное, это был сигнал, — рассказывает один из демонстрантов. — Взревели моторы, и по толпе открыли огонь.»

Чета Чаушеску, а также руководители службы безопасности ретируются в президентские покои, затем на специальном лифте спускаются в подвал здания и попадают в один из множества потайных тоннелей, проложенных под городом. До падения режима о существовании этих тоннелей знало лишь небольшое число лиц, занимавших ключевые посты в службе безопасности. Предполагают, что подземный лабиринт был создан руками политзаключенных, уничтоженных после окончания строительства. Группа Чаушеску по тоннелям переходит в расположенное на другой стороне площади здание Центрального комитета Румынской коммунистической партии. В это время силы безопасности стреляют в толпу. Люди держат над головами маленьких детей. Вокруг президентского дворца начинается страшное побоище. Чаушеску и его сторонники, находящиеся в бункере под зданием

ЦК, претворили в жизнь заранее разработанный план под кодовым названием «Операция часа "икс"». Массовое убийство — таким был их ответ на народное восстание.

Чаушеску продолжает ругать Милю, которого ранее обвинил в утрате контроля над армией. Согласно одному сообщению, высокопоставленный чин из «Секуритате» заорал на министра: «Почему вы не отдаете приказ войскам стрелять по людям? Мы теперь будем стрелять по солдатам.» Миля ответил: «Армия подчиняется мне, почему вы тогда не стреляете в меня?». В пятницу этот брошенный им вызов был принят, хотя Чаушеску до последней минуты утверждал, будто Миля покончил с собой. Тем не менее многие считают, что его убили по приказу президента, а кое-кто даже уверен, что Чаушеску собственноручно ликвидировал генерала. Как полагают, отказ Мили сыграл главную роль в решении армии поддержать народную революцию.

Битва продолжается всю ночь. В пятницу утром народ пытается штурмом захватить здание ЦК. Николае и Елена понимают, что не продержатся. Но даже в этот момент Чаушеску не может смириться с тем, что «его народ» восстал против него. Он выходит на балкон и в последний раз обращается к толпе.

«Его освистали и назвали убийцей, после чего он исчез», — рассказывает один польский представитель. Через несколько минут, в 12.15, белый вертолет Чаушеску французского производства поднимается над крышей здания, разбрасывая листовки с призывами положить конец революции. «Крыса, крыса, крыса!» — кри-

чат люди внизу. Толпа бросается на штурм здания ЦК. Вскоре бухарестское радио передаст сообщение: «Чаушеску низложен. Мы победили».

Когда толпа начала штурмовать здание ЦК РКП, Чаушеску в спешке вызвал вертолет и вместе с женой и охраной улетел в загородную резиденцию на озеро Снагов. Но по телевидению уже передали сообщение о бегстве диктатора и предупредили, что он, возможно, попытается улететь на самолете за границу. Был дан приказ поднять истребители в воздух и в случае необходимости перехватить самолет бывшего президента.

Тогда Чаушеску с женой вместе с охраной на машине отправился в горы. В городе Тырговиште он пытался войти в здание уездного комитета партии, но его туда не пустили, а на одном из заводов рабочие забросали машину камнями. На окраине города охрана пересадила перепуганную чету Чаушеску в легковую автомашину «Дачия», отобранную у проезжавшего гражданина. Получив сообщения от местных жителей, в погоню за диктатором выехала машина ГАИ с двумя милиционерами. У здания селекционной станции на шоссе в Кымпулунг они увидели разыскиваемую машину, а стоявшая у двери женщина подтвердила, что оба Чаушеску находятся в помещении. Один из милиционеров вошел в комнату и заявил, что ему поручено обеспечить безопасность и «сопровождать товарища президента». Чаушеску поверил, вместе с женой пересел в милицейскую машину и лишь позже понял, что он арестован.

Сотрудники ГАИ не смогли сразу доставить

диктатора в уездное управление милиции Тырговиште, так как они боялись, что возбужденная толпа, встретившая их на окраине города, может устроить самосуд. Пришлось сначала выехать за город и спрятать машину в лесу. Чаушеску пытался подкупить одного из милиционеров, предложив ему сначала пять, а затем 10 млн. долларов, если тот поможет бежать в город Питешть, где, по словам диктатора, у него подготовлено хорошее убежище. Лишь вечером Николае и Елена Чаушеску были перевезены в здание милиции. Но поскольку поступили сведения, что в город прибывают секуристы для освобождения диктатора, его вместе с женой переправили в воинскую часть, расквартированную на окраине Тырговиште. По всему пути следования, рассказывает один из офицеров, слышались крики возбужденных граждан, толпа скандировала: «Чаушеску к ответу за пролитую кровь!».

В воинской части чета Чаушеску находилась до 25 декабря. Все это время диктатор вел себя вызывающе, требовал, чтобы офицеры, охранявшие его, подчинились ему как верховному главнокомандующему. Он пытался убедить офицеров, что кровавая расправа в Темишоаре и Бухаресте была организована не им, а министром обороны, который якобы являлся иностранным агентом. И тут Чаушеску остался верным своему антисоветизму: он утверждал, что все происходящее в стране — результат происков врагов с Востока. А когда один из офицеров стал защищать министра, Чаушеску истерически закричал: «Арестуйте, расстреляйте его! Он предатель! Он иностранный агент».

Между тем воинская часть подверглась концентрированным атакам с земли и с вертолетов. В ночь на 25 декабря натиск секуристов усилился. Среди оборонявшихся солдат были убитые и раненые. На вертолетах прибывали все новые и новые подкрепления секуристам, велось целенаправленное запугивание солдат, передавались на частотах радиосвязи сообщения, будто на подходе бронетанковый отряд.

Четы помещают в камеру отделения военной полиции, отбирают галстук, ремни и шнурки от ботинок. Их содержат там в течение трех суток, кормят по армейскому рациону. В это время новое правительство, все еще отражающее атаки сил «Секуритате», спорит об их дальнейшей судьбе. Вопреки версии, поведенной одним офицером, их держали не в бронетранспортере.

Кто-то выступает за открытый суд, но высшее армейское командование утверждает, что «Секуритате» прекратит сопротивление только после их смерти. Судьба четы Чаушеску предопределена. Суд, согласно требованиям момента, короток, он длится всего два часа. Это не более чем соблюдение некоей формальности. Обоих подсудимых обвиняют в геноциде. Они отказываются признать законность суда. Время от времени Елена что-то шепчет мужу, тот иногда берет ее за руку. Они не желают отвечать на вопросы, с презрением отказываются признать свою психическую неуравновешенность — единственный способ защиты, который мог бы спасти им жизнь.

Подсудимые, которые выглядят всего лишь немощными стариками, признаны виновными.

Их ведут к месту казни в небольшой двор казармы. В начале пятого в день Рождества чету Чаушеску расстреливают. Предполагают, что их тела захоронены в безымянной могиле неподалеку от Тырговиште. Место это указано в документах; возможно, когда-нибудь там установят плиту.

ДЭН СЯОПИН

Родился Дэн Сяопин в 1904 году в уезде Гуанань, в 100 километрах от города Чунцина, в провинции Сычуань. Там он провел свое детство. Он был старшим сыном помещика, владевшего приблизительно 25 акрами (10 га) земли — громадным куском по сравнению с нынешними средними крестьянскими наделами. Когда в 1985 году иностранным журналистам разрешили посетить старый дом Дэна в провинции Сычуань, они увидели большой 16-комнатный дом, расположенный среди рисовых чек и зарослей бамбука.

Потом в его жизни будет немало различных событий, которые в той или иной степени резко скажутся на его судьбе. Но пожалуй, первым таким переломным моментом явилась Синьхайская революция 1911 года.

Китай «приоткрывается» внешнему миру, и отпрыски зажиточных людей получают возможность пополнить свое образование в Европе. Вместе с сотней китайских юношей едет во Францию и 16-летний Дэн Сяопин. Именно с этого момента следует, видимо, начинать отсчет его политической биографии.

Сначала не очень заметный среди своих това-

рищей «малыш» (рост Дэна не более 160 см) не выделяется какими-то особыми способностями. Обычная работа (почти все прибывшие во Францию китайцы работали на заводах «Рено»), учеба. Но целеустремленность, колоссальная работоспособность вскоре выделяют Дэн Сяопина из числа его сверстников.

Покинув Францию, Дэн активно включается в революционную работу, некоторое время живет в Москве и учится в Университете имени Сунь Ятсена. Но по-видимому, «маленького сычуаньца» уже заметили, потому что вскоре он возвращается в Китай и продолжает жизнь революционного бойца. Его деятельность неразрывно связана со становлением Компартии Китая, с такими ее лидерами, как Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай.

30 и 40-е годы для Дэн Сяопина проходят в самой гуще политической жизни. Сотрудничество с Гоминьданом, борьба с Чан Кайши после его предательства лозунга единого фронта, налаживание мирного строительства в освобожденных советских районах. 1 октября 1949 года для него, как и для миллионов его товарищей по КПК, — триумф борьбы за идеалы свободы, независимости, народовластия. Казалось, теперь судьба Дэна, как и других лидеров революции, входила в спокойное русло. Мирная жизнь в республике, конечно, сулила немало хлопот и забот, но это были уже мирные будни, и жизни партийного функционера такого ранга ничто не угрожало, но... Таких «но» будет еще немало. Прежние друзья становятся непримиримыми противниками; сначала возникают идейные разногласия, за-

тем и личная неприязнь. Для Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения — супруги вождя Цзян Цин, Яо Вэньюаня, маршала Линь Бяо, Кан Шэна — Дэн в конце 50-х — «враг номер два». Первым в этом списке значился Председатель КНР Лю Шаоци.

Дэн, как и Лю Шаоци, Пэн Чжэнь и другие, не мог согласиться с авантюристическими методами решения экономических проблем страны, которые практиковали «великий кормчий» и его ближайшее окружение. Поначалу это было не противостояние «линии Мао», а стремление идти более прагматическим путем в рамках социалистического выбора. Никто из оппонентов не ставил под сомнение (во всяком случае, о таких фактах неизвестно) основополагающие принципы социализма. Но усиление классовой борьбы, пропагандировавшееся Мао Цзэдуном (вполне по Троцкому), порождало ответную реакцию в среде тех, кто не видел объективных причин для начала новой идеологической и политической кампании. Да и в экономике после провала «большого скачка» и «народных коммун» все яснее становилась необходимость более либерального отношения к производителям, более строгого следования экономическим законам.

Вот тогда-то и появляется знаменитая «кошка» Дэна. В его родной Сычуани, где грызуны сплошь и рядом причиняют ущерб урожаю, часто говорят: «Неважно, какого цвета кошка — белая или черная, лишь бы она хорошо ловила мышей». В 1962 году, почти через четыре года после того, как создатели народных коммун обобществили даже капустные кочаны, выращиваемые крестья-

нами на крохотных участках перед домами, Дэн внес предложение о том, чтобы поделить землю между крестьянскими дворами, то есть сдать ее в аренду.

В мае 1962 года Лю Шаоци и Дэн Сяопин от имени Центрального Комитета КПК опубликовали план финансово-экономической комиссии, работающей над «исправлением положения». В соответствии с этим планом крестьяне с земли, находящейся в распоряжении их семьи, отдают в общее пользование заранее определенную часть — это своего рода арендная плата, обязательство. Однако крестьяне решают сами, что на этой земле возделывать, свободно реализуют излишки продукции на рынке и без ограничений занимаются несельскохозяйственной деятельностью, например торговлей, перевозками и т. д. Тогда, летом 1962 года, Дэн открыто признал, что крестьяне потеряли веру в коллективное хозяйство, и основной задачей назвал производство продовольствия. Поэтому, сказал он, «мы можем позволить в деревне и мелкотоварное производство». «Три свободы» («саньцзы ибао») распространялись в деревнях Китая со скоростью эпидемии. Никто не обращал внимания на цвет кошки... Такого «ревизионизма» «великий кормчий» потерпеть не мог...

После имевшего катастрофические последствия китайского «большого скачка» — неудачной попытки ускорить индустриализацию, — приведшего к самому страшному в истории страны голоду и гибели 20 миллионов китайцев, Дэн Сяопин вместе с Лю Шаоци, назначенным преемником Мао, предпринял попытку восстановить эко-

номику путем проведения прагматической политики. Она предвосхищала экономические реформы, начатые им более чем десятью годами позднее. Но Мао считал, что Дэн и Лю подрывают его планы коллективизации сельского хозяйства.

Начав в 1966 году великую «культурную революцию» — переворот, в ходе которого радикальных «красногвардейцев» — хунвейбинов натравливали на партийную иерархию, Мао отстранил от власти Дэн Сяопина и Лю Шаоци. Дэна вынудили покаяться в том, что он проводил «реакционную капиталистическую линию».

Мао выражал недовольство, что в течение нескольких лет Дэн не советовался с ним, а на совещаниях намеренно садился подальше и поворачивался к председателю правым ухом, которым не слышал. Судя по всему, их долгая совместная работа была отмечена определенной долей недружелюбия. В более поздние годы Дэн Сяопин, высоко отзываясь о роли Мао в создании Китайской Народной Республики, критиковал его стиль руководства, который считал феодальным, патриархальным и оторванным от действительности.

Мао, в свою очередь, порой восхищался Дэном, а порой относился к нему с подозрением. Как-то Мао, как бы предупреждая, обратился к Дэну внимание Хрущева. «Видите того маленького человека? — сказал он. — Очень сообразительный.»

В 1966 году Дэн Сяопина отстранили от власти на шесть лет. С 1969 по 1973 год он пережил самые тяжелые времена, хотя и избежал сурового наказания, обрушившегося на Лю

Шаоци, который был лишен медицинской помощи и в 1969 году умер больным, сломленным жизнью.

Дэн Сяопин провел два года в ссылке на юге Китая, где жил в двухэтажном доме под вооруженной охраной. По утрам они с женой работали на тракторном заводе, где Дэн был слесарем-сборщиком.

Наконец случилось долгожданное. В феврале 1972 года пришло письмо из ЦК с предложением Дэну вернуться в Пекин. Ему было тогда 68 лет...

Скорее всего, Дэна вызвали в столицу на замену тогда уже сильно болевшему Чжоу Эньлаю. Мао Цзэдун, без сомнения, нуждался в опытном руководителе, который мог бы взять на себя обязанности премьера и заниматься повседневной правительственной деятельностью. Постепенно Дэн принимает дела по управлению страной у главы правительства, лежащего в больнице. Эти два человека знают друг друга более 50 лет: еще со времени обучения во Франции они полностью доверяют друг другу. После многих лет хаоса Дэн Сяопин призвал к восстановлению порядка, укреплению дисциплины производства, организованности, осуждал анархию. Для осуществления программы, провозглашенной Дэном как альтернатива идеологии «культурной революции», необходимо восстановить принцип распределения по труду, систему материального стимулирования. Если каждому платить одинаково, говорил Дэн, то внешне это выглядит как равноправие, хотя в действительности это не соответствует принципу распределения по труду.

Такой способ не может стимулировать людей к активности. А потому следует восстановить систему правил распределения по труду и строго их соблюдать. Не надо бояться, что за это нас будут критиковать. Надо обеспечить должное качество продукции, установить внутренний порядок на предприятиях, импортировать новую технику, усилить научно-исследовательскую работу, а для этого необходимо вернуть на свои места специалистов, положив конец причислению интеллигенции к категории врагов как контрреволюционеров, помещиков, преступников и т. д. Требуется серьезная постановка обучения, потому что «теперь порядочное число учащихся не учатся».

Все это не могло пройти для Дэна без последствий. Ведь эти годы характеризуются не только наведением порядка, но и новым наступлением левацких элементов. После смерти Чжоу Эньлая (в январе 1976 года) начинаются почти неприкрытые нападки лично на Дэна. В дацзыбао Пекинского института появляются высказывания против того, кому «безразлично, какого цвета кошка — белая или черная». Критика набирает обороты, ее фактически поддерживает и сам Мао Цзэдун. Но упрямый сычуанец не чувствует раскаяния. Когда на одном из студенческих собраний перечисляли его «ошибки» и призывали к самокритике, он лишь процедил сквозь зубы: «Я уже человек старый, и у меня неважно со слухом, я не слышал ни одного слова из того, что вы тут говорили». Вскоре Дэн отбывает в Южный Китай — здесь во главе партийного и армейского аппарата стояли его старые боевые то-

варищи. Борьба в Пекине без Чжоу была обречена на поражение.

Однако память об ушедшем из жизни Чжоу Эньлае всколыхнула Китай. Траурное шествие на площади Тяньаньмэнь в день поминовения усопших, 5 апреля 1976 года, открыло, можно сказать, новую страницу в истории Китая. Стихийное (скорее всего) выступление трудящихся дало повод «банде четырех» говорить о том, что Дэн угрожает власти Мао Цзэдуна и потому его необходимо удалить из Пекина. Дэна обвиняют в разжигании «контрреволюционных беспорядков», лишают всех партийных и других постов...

После устранения «банды четырех» неминуемо встал вопрос и о Дэн Сяопине. Ведь он после своего возвращения к государственной и партийной деятельности в 1973 году стремился устранить последствия «культурной революции», усилить элементы прагматизма в идеях Мао, создать спокойную обстановку для работы, положить начало «четырем модернизациям». Как же можно было обойтись без него?

На июльском (1977 год) Пленуме ЦК КПК Дэн Сяопин утвержден заместителем председателя ЦК КПК, заместителем председателя Военного совета и начальником Генерального штаба НОАК, заместителем премьера Госсовета. После этого Дэн фактически становится вторым человеком в партии после Хуа Гофэна.

В мае 1978 года Дэн Сяопин приходит к выводу, что пора предпринять решающий шаг. При этом он делает ставку на Ху Яобана — участника «Великого похода», генерального секретаря

ря китайского комсомола (его тоже смела «культурная революция», причем один из пунктов обвинения состоял в том, что Ху был одним из партнеров Дэн Сяопина по игре в бридж). В то время Ху Яобан курирует Центральную партийную школу.

Историческим поворотом в судьбе Дэна и всего Китая можно считать 3-й Пленум ЦК КПК в конце 1978 года. Именно с этих дней началось возвышение Дэна и торжество его линии.

В сентябре 1976 года умер Мао. Не прошло и месяца, как члены «банды четырех» были сняты со своих постов и арестованы. В июле 1977 года Дэн Сяопин снова появляется на публике и вновь получает власть. Он изолировал преемника Мао — Хуа Гофэна и, не отстраняя формально от должности, лишил его власти.

К концу 1978 года Дэн Сяопин смог усилить свой контроль над партией, правительством и армией. Вернувшись к власти, он снова обратился к прагматическим идеям, которые так беспокоили Мао. Дэн никогда не отказывался от своей веры в коммунистическую идеологию, но был менее догматичен, чем Мао.

Дэн пересмотрел марксизм, объявив производительность труда в отличие от отстаивавшейся Мао классовую борьбу — мерой успеха. Он и его реформистские соратники отказались от сталинистского (и маоистского) упора на тяжелую промышленность, подчеркивая необходимость децентрализации, развития сельского хозяйства и легкой промышленности.

В целях модернизации Китая Дэн выступил за то, чтобы послать на учебу за границу десят-

ки тысяч китайских студентов (40 тысяч из них сейчас обучаются в Соединенных Штатах). Дэн Сяопин черпал вдохновение для проведения экономических реформ не только в опыте других коммунистических стран, таких, как Югославия и Венгрия, но и капиталистических маленьких «драконов» Азии — Тайваня, Сингапура, Южной Кореи.

Он создал вдоль Южного побережья Китая особые экономические зоны, предлагая иностранным инвесторам более низкие, чем в других районах Китая, налоги и ставки и другие экономические льготы.

Результаты отстаивавшейся Дэн Сяопином открытости внешнему миру широко признаны как успех Китая, но стране пришлось заплатить за это известную цену. Иностранные инвестиции сосредоточены лишь в нескольких прибрежных и внутренних провинциях. Передача Китаю новых технологий, которые, как ожидали, станут поступать через особые области, ограничивается технически несложными разработками. В этих зонах возникли новые виды коррупции, миллионы долларов получают спекулянты землей, экспортеры, нелегально вкладывающие свои прибыли за рубежом.

Дэн Сяопин выступал за принятие жестких мер по отношению к преступникам и в 1983 году провернул кампанию, которая, по свидетельству «Эмнести интернэшнл», правозащитной организации с центром в Лондоне, привела к десяткам тысяч арестов и тысячам казней.

Он поддерживал программу: «одна семейная пара — один ребенок», которая привела к сокра-

щению рождаемости. Но критики этой программы утверждают, что ее реализация сопровождалась принудительными мерами.

А в последние годы престиж Дэна падал из-за коррупции, неравенства в рамках коммунистической системы и беспощадного разгона в 1989 году студенческих манифестаций.

Чтобы подавить восстание, Дэн Сяопин пошел на союз со своими соперниками, которые ставили под сомнение масштабы и темпы осуществляемых под его руководством реформ и опасались, что он уничтожит централизованную плановую экономику.

За военной расправой, в результате которой сотни человек погибли, последовала борьба внутри руководства страны вокруг курса Дэна на децентрализацию экономики и использование рыночных сил.

Хотя Дэн в 1990 году официально покинул свой последний государственный пост, он по-прежнему оказывал влияние на решение важных вопросов внутренней и внешней политики.

Будучи прагматиком в экономике, Дэн поддерживал равновесие между радикальными и умеренными реформаторами. В конце января 1992 года он нарушил это равновесие, когда после многомесячного уединения появился в Южном Китае и призвал партийное руководство повышать темпы экономических перемен и смело усваивать наиболее передовые элементы капитализма.

Но в политике Дэн Сяопин был сторонником жесткого курса. Этот невзрачный на вид, но упорный и энергичный человек, прошедший

через войну и дважды бывший в немилости у Мао, решительно отстаивал монополию Коммунистической партии Китая на власть. Он не раз руководил подавлением диссидентов, заявляя, что демократия по западному образцу приведет к хаосу в Китае.

Вместе с тем, в отличие от своего предшественника Мао Цзэдуна Дэн Сяопин отстаивал политику открытых дверей по отношению к капиталистическим странам Запада, приветствуя внешнюю торговлю и инвестиции с целью оживления китайской экономики. Предупреждая о нежелательности поклонения капитализму, Дэн Сяопин в то же время доказывал, что Китай сможет достичь своей цели — модернизации, только переняв у Запада новую технику.

Дэн Сяопин способствовал установлению дипломатических отношений с Соединенными Штатами, заключил мирный договор с Японией, под его наблюдением была подготовлена и подписана декларация с Великобританией о возвращении в 1997 году под китайский контроль Гонконга.

Наиболее успешной следует считать его деятельность в селе, где проживают семь из каждых десяти китайцев. В конце 1970-х годов Дэн и его союзники — сторонники реформ — ослабили контроль из центра, разрешили вернуться к семейным хозяйствам и дали возможность фермерам продавать свою продукцию на свободных рынках. В результате сельскохозяйственное производство утроилось.

Да, гениальность Дэна состояла в том, что он

разрушил пропаганду и химеру маоизма и тем самым спас коммунизм в Китае. Его 18-летнее царствование в качестве китайского императора было самым великолепным со времен легендарного «Желтого императора» — Цинь Шихуанди, правителя царства Цинь (246—221 гг. до н. э.).

Дэн Сяопин, скончавшийся в возрасте 92 лет, вывел Китай из периода невзгод, хаоса и международной изоляции при Мао Цзэдуне и привел к невиданному экономическому подъему.

История России в портретах. — Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1996.

Алданов М. Взрыв в Леонтьевском переулке // Огонек. — 1991. — № 27.

Арзаканян М. Шарль де Голль // Вопросы истории. — 1991. — № 2—3.

Афиани В. «Ватерлоо» сталинской гвардии // Советская Белоруссия. — 1997. — 8 июля.

Борисов М. Генерал, политик, дипломат // Международная жизнь. — 1990. — Декабрь.

Ганшин В. Дэн Сяопин — патриарх китайских реформ // Российская Федерация. — 1995. — № 5.

Кукушкин В. «Дело» Тухачевского — фальшивка нацистских спецслужб // Новости разведки и контрразведки. — 1995. — № 7—8.

Мороз И. Предводитель неизвестной войны // Аргументы и факты. — 1990. — № 37.

Морозов Н. Споры вокруг маршала // Эхо планеты. — 1992. — № 9.

Потапов В. Судьба диктатора Чаушеску // Новая и новейшая история. — 1990. — № 4.

Плимкок Е., Антонов В. Сталин знал, что де-

лал // Советская Белорусская. — 1996. — 4 апреля.

Прощание с патриархом // За рубежом. — 1997. — № 8.

Сафроненко Б. Бесшабашный палач // Авантюрист. — 1992. — № 2.

Старков Б. Сто дней «лубянского маршала» // Родина. — 1993. — № 11.

Тень Сталина // За рубежом. — 1995. — № 4.

Эллис Р., Дрисколл М. Последние дни тирана // За рубежом. — 1990. — № 3.

ЧАСТЬ VI

КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА

ВЕНГРИЯ, 1956

Наиболее интенсивный этап революции продолжался 12 дней. 23 октября 1956 года более двухсот венгерских студентов провели демонстрацию в Будапеште с целью обнародовать свою резолюцию, состоящую из 16 пунктов, и выразить солидарность с Польшей (где в июне того же года, в Познани, была организована забастовка промышленных предприятий, которая переросла в национальное восстание). Венгерские студенты прошли от памятника Бему, установленному в честь генерала Йожефа Бема, героя войны за независимость (1848—1849), поляка по происхождению и кумиром венгерского поэта Шандора Петефи, к зданию Государственного радио. Студенты требовали, чтобы вместо Эрно Геро, премьер-министра в то время, был назначен Имре Надь, занимавший этот пост в период с 4 июля 1953 года до 18 апреля 1955 года. Геро выступил с речью, в которой назвал демонстрантов врагами народа. Завязался бой, длившийся всю ночь. Правительство Венгрии призвало на помощь советские войска. К началу восстания в Венгрии размещались две механизированные советские дивизии — вторая и семнадцатая. 24 октября на территорию страны вошли 32 и 34-я механизированные дивизии, которые ранее размещались в Румынии.

Таким образом, впервые советское военное вторжение в Венгрию произошло 24 октября 1956 года около 2 часов ночи. В 7 часов утра венгерское радио сообщило, что в результате заседания Центрального Комитета, длившегося всю ночь, кандидатура Имре Надя была предложена на пост премьер-министра вместо Андрша Хегедуш. Геро оставили на посту Первого секретаря Коммунистической партии. Все остальные руководящие посты в правительстве занимали сталинисты.

На следующий день, 25 октября, возле здания парламента, в котором шло заседание под руководством Председателя Совета Министров, произошло военное столкновение. Поддерживая полицию безопасности Венгрии, советские танки, охранявшие здание, внезапно открыли огонь по безоружным демонстрантам. Анастас Микоян и Михаил Суслов прибыли с визитом в Будапешт, сделали выговор Геро за излишнее разжигание антагонизма среди населения и приказали ему полностью отказаться от власти. Таким образом, через 2 часа после этой бойни было объявлено об отставке Геро. Янош Кадар (более молодой «доморощенный коммунист», имевший репутацию центриста) заменил его на посту Первого секретаря партии. Если бы его избрали раньше, то вероятно, можно было бы избежать кровопролития.

Первое вооруженное вторжение Советского Союза официально закончилось 28 октября объявлением о прекращении огня, которое вступило в силу 30 октября. С 26 по 29 октября волнение утихало. 30 октября некоторые подразделения

Вооруженных Сил СССР начали покидать Будапешт. В тот же день Имре Надь объявил об отмене однопартийной системы. В правительство были введены видные деятели некоммунистической ориентации. Советские танки направились к границам Венгрии, но затем, сделав круг, вернулись по другим трассам, окружая военные аэродромы. 30 октября Советское правительство опубликовало заявление, в котором выражалась готовность обсудить с государствами-сателлитами вопрос о размещении советских войск на их территории. В нем (заявлении) была провозглашена основная концепция «национального коммунизма». В это время начался кризис в районе Суэцкого канала. 29 октября Израиль напал на Египет, и через три дня Великобритания и Франция начали бомбежку египетских портов и коммуникационных центров, готовясь к высадке десантных подразделений.

31 октября до Надя дошли сообщения о том, что новые советские части прибывали в Венгрию со стороны Мишкольца, городка, расположенного в 80 милях к северо-востоку от Будапешта. Надь пять раз встречался с послом СССР в Венгрии Андроповым, но не получал убедительных ответов.

По всей вероятности, Кремль принял решение о развертывании советских войск во вторник, 30 октября, или рано утром в среду, 31 октября.

Советский Союз ввел свои новые военные подразделения в Венгрию в ночь с 31 октября и утром 1 ноября. Более того, к 1 ноября три наиболее видных представителя советского руководства уже проводили «консультации»

с Первым секретарем Польской рабочей партии Владиславом Гомулкой в Бресте. Это были: Никита Хрущев, Первый секретарь ЦК КПСС, Вячеслав Молотов, министр иностранных дел, и Георгий Маленков, Председатель Совета Министров (и глава «коллективного руководства» вплоть до февраля 1955 года, когда он получил отставку). В это же время, 1 ноября, Надь порвал отношения с Москвой. Он заявил о выходе Венгрии из Варшавского договора и обратился в Организацию Объединенных Наций с просьбой защитить суверенитет страны. В конце концов Советский Президиум (бывшее название Политбюро) поддержал назначение Надем некоммунистов в кабинет многопартийной системы. 28 октября вместо Центрального Комитета партии он сформировал центристский Президиум, состоящий из 6 человек, а на следующий день распустил полицию государственной безопасности Венгрии. Советское руководство выражало недовольство действиями Имре Надя не только 30 и 31 октября.

4 ноября в 4 часа утра пятнадцать советских дивизий, в составе которых было 6000 танков, вступили на территорию Венгрии. Атака началась после трех дней лжи. Советский Союз вел переговоры с Венгрией о выводе своих войск, когда Яноша Кадара на самолете доставили в Советский Союз с целью создания нового просоветского правительства. А в это время (1 и 2 ноября) Хрущев, Молотов и Микоян сообщали лидерам стран Восточной Европы о своем решении.

В период с 5 по 11 ноября по всей территории Венгрии продолжались бои, и промышленный

район Будапешта Чепель пал одним из последних. Имре Надь и его сподвижники Пал Малетер, Йожеф Жилади, Миклош Гимеш и Геза Лапонци попросили политическое убежище в посольстве Югославии, но 22 ноября были обманным путем похищены. Позже, 17 июня 1958 года, их казнили в Москве. По оценкам специалистов, общее количество погибших в Венгрии колеблется от 2700 до 2900 человек, количество раненых — около 1300. Около 200 000 беженцев перешли границу с Австрией.

Сообщение ТАСС от 25 октября 1956 года

Вчера поздно вечером подпольные реакционные организации предприняли попытку вызвать в Будапеште контрреволюционный мятеж против народной власти... Отряды бунтовщиков, которым удалось захватить оружие, вызвали в ряде мест кровопролитие. Силы революционного порядка начали давать отпор мятежникам. По распоряжению вновь назначенного Председателя Совета Министров Имре Надя город был объявлен на осадном положении. Правительство ВНР обратилось к Правительству СССР с просьбой о помощи. В соответствии с этой просьбой советские воинские части, находящиеся в Венгрии согласно Варшавскому договору, оказали помощь войскам Венгерской Республики в восстановлении порядка в Будапеште... Сегодня к концу дня вражеская авантюра была ликвидирована. В Будапеште восстановлен порядок.

Известия. — 1956. — 25 октября.

Венгерские события 1956 года глазами очевидца

Военный историк В. Фомин вспоминает:

...В марте 1956 года из наших войск в Венгрии был создан Особый корпус, я занял должность спецпропагандиста в его политотделе...

...Корпус подчинялся непосредственно Министерству обороны в Москве, поэтому он и стал называться Особым. Входили в него две механизированные и две авиационные дивизии. Перед корпусом стояла задача в случае нападения войск НАТО оказать помощь венгерской армии. Никаких других задач перед войсками не ставилось...

В октябре 1956 года венгерская общественность, и особенно молодежь, была взбудоражена событиями в Польше, где после расстрела летом демонстрации в Гданьске не прекращались забастовки. 23 октября венгерские студенты собирались провести демонстрацию под лозунгом солидарности с польской молодежью. У демонстрантов был также список требований из 14 пунктов. Молодежь не ставила перед собой целей ниспровержения социалистического строя. Речь шла о его улучшении, обретении подлинной национальной независимости, чему, по их мнению, мешало одиннадцатилетнее пребывание на венгерской земле советских войск.

Другими словами, речь шла о продолжении реформ, начатых правительственной программой еще в 1953 году. Группа демонстрантов двинулась к зданию радио, которое защищали войска

государственной безопасности. Начался штурм здания, в ходе которого прозвучали первые выстрелы. Здание в конце концов было захвачено... Жертвы были с обеих сторон. Другая, еще большая толпа направилась уничтожить памятник Сталину, который срезали автогеном и сбросили с пьедестала. От «вождя народов» остались сапоги.

Примерно в это же время начался захват оружия и боеприпасов в полицейских участках, в том числе и на патронном заводе. После восьми часов вечера посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов передал военным просьбу венгерского правительства ввести в Будапешт часть войск Особого корпуса для «поддержания порядка». И Особый корпус двинулся на Будапешт...

После 28 октября, когда правительство Имре Надя объявило события «народным движением», нахождение наших войск в Будапеште стало ненужным. Одновременно венгерское правительство поставило вопрос о выводе советских войск из Венгрии вообще. Наше правительство дало согласие на переговоры по этому поводу. Решение о «народном движении» стало настоящей трагедией для венгерских защитников существовавшей власти, которые честно выполняли свой долг. 30 октября экстремисты разгромили горком партии в Будапеште, расстреляв без суда и следствия его защитников. Как раз в тот момент наши войска из Будапешта выходили. Что же касается переговоров о выводе наших войск из Венгрии, на которых я присутствовал в качестве переводчика, то им, как выяснилось позже,

отводилась другая роль. 3 ноября 1956 года наша военная делегация во главе с заместителем начальника Генерального штаба ВС СССР генералом армии М. С. Малининым прибыла в Будапешт. Переговоры проводились в парламенте. В конце их договорились, что окончательное решение будет принято на встрече в расположении наших войск, вечером... Когда все вопросы были решены (венгерская делегация ждала машин, чтобы ехать в Будапешт, и мы даже предложили им по бокалу вина), в комнате появилась группа сотрудников КГБ во главе с председателем комитета генералом армии И. А. Серовым. Члены венгерской делегации были арестованы.

Арест потряс меня не только своей неожиданностью (никто из нас не был о нем предупрежден), но и грубостью. До сих пор не могу понять, зачем он вообще понадобился. Ведь с членами делегации, по моему глубокому убеждению, можно было договориться. Трое военных были дружественно настроены к Советскому Союзу, двое принимали участие в нашем партизанском движении во время войны. И им не надо было объяснять, что могло означать для Будапешта вооруженное сопротивление превосходящим силам советских войск. Во всяком случае, венгерский офицер — начальник передвижной радиостанции Малетера, дежуривший в машине около здания, где шли «переговоры», понял это сразу и согласился передать «от имени министра» приказ не стрелять по советским войскам, начавшим якобы простую передислокацию. Главной целью этой военной хитрости была нейтрализация зенитных батарей ПВО, составлявших, по нашим

данным, основу внешнего пояса обороны Будапешта... Зенитная артиллерия молчала, когда наши танки входили в город. Кроме одного орудия на позиции за селом Шорокшар. Его огнем был подбит танк и бронетранспортер, в котором, по иронии судьбы, находились люди Серова...

2 ноября 1956 года главнокомандующий Объединенными силами Варшавского договора Маршал Советского Союза И. С. Конев... поставил боевую задачу: «ликвидировать контрреволюционный мятеж в Будапеште». Для этого корпус усилился танками, артиллерией и воздушно-десантными войсками. Боевая операция проводилась по указанию нашего высшего партийного и государственного руководства во главе с Н. С. Хрущевым. Свое решение они приняли... по просьбе венгерских коммунистов, руководства Китая, Югославии и стран — участниц Варшавского договора.

Комсомольская правда. — 1990. — 5 декабря.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1968

Кризис в Чехословакии в 1968 году можно грубо разделить на три периода: январь — начало апреля, апрель — начало июля, июль — конец августа. В первом периоде Антонин Новотный подвергся устным нападкам со стороны Центрального Комитета, что привело 4 января к его «отставке» как первого секретаря. Позже, 22 марта, он получил «отставку» как президент. Через 2 дня после отставки Новотного, 6 декаб-

ря, Центральный Комитет в полном составе избрал Александра Дубчека. В течение последующих трех месяцев был ослаблен цензурный контроль, и народ мог более свободно говорить о проблемах жилья, обсуждать подробности о судебных процессах в 50-е годы, несправедливости цензуры прессы и т. д. Эдвард Голдстуэкер был избран председателем Союза писателей, выступавшего за неконформистский курс еще за год до этих событий. «Литературны новины», газета Союза писателей, стала выходить под новым названием «Литературны листы». 5 апреля 1968 года Центральный Комитет одобрил «Программу действий». Дубчек выступил со своей известной речью в защиту «социализма с человеческим лицом». Возникали новые политические клубы.

В течение следующего периода, с апреля по начало июля, возрастали требования к проведению популярных мер, и чешское правительство сделало больше уступок, чем оно, видимо, хотело. А в это время лидеры восточноевропейских стран, в частности Ульбрихт и Гомулка, выступали в своих газетах с резкой критикой реформ. 5 мая в Москве собрался Президиум ЦК КПСС. На нем присутствовали Дубчек, Черник, Смрковски и Биляк. 18 мая Косыгин приехал в Карловы Вары (Западная Чехословакия). 29 мая маршал Гречко отправился в Прагу для составления плана военных учений, намечавшихся на июнь.

Маршал Якубовский командовал маневрами, продолжавшимися с 20 по 30 июня. Советские войска остались на чешской территории. В газе-

те «Литературны листы» (Literarny listy) 27 июня был опубликован манифест под названием «Две тысячи слов», требовавший полной демократизации. Президиум Компартии Чехословакии вначале заклеил его как «контрреволюционный», но позднее пересмотрел это положение. Ранее, 1 июня, Дубчек и его коллеги решили провести съезд Чехословацкой Коммунистической партии 9 сентября, а съезд Коммунистической партии Словакии — 26 августа.

В период третьей фазы, июль — август, отношения между Чехословакией и другими странами Восточной Европы постоянно ухудшались. С 29 июля по 1 августа в Чиерне над Тиссой были проведены переговоры между Президиумами Коммунистических партий Чехословакии и Советского Союза. В августе Дубчек лично встретился с Вальтером Ульбрихтом, Яношем Кадаром, Иосифом Броз Тито и Николае Чаушеску. 3 августа было достигнуто кажущееся примирение на заседании стран Варшавского договора в Братиславе.

Но тем не менее 20 августа около 11 часов вечера армии пяти стран Варшавского договора (Польши, Восточной Германии, Венгрии, Болгарии и СССР), численностью приблизительно от 200 000 до 500 000 человек вторглись в Чехословакию, захватив врасплох ее народ. Чешский Центральный Комитет выпустил листовку с обращением оказывать мирное сопротивление. Дубчека и других руководителей привезли в Москву и заставили подписать документ, отменяющий целые разделы программы реформ и позволяющий советским войскам оставаться в Чехослова-

кии. Ведущие политические деятели были арестованы. Русские вели переговоры со Свободой, пытаясь всячески убедить его возглавить новый, просоветский режим, но потерпели неудачу. Дубчеку позволили временно остаться первым секретарем. 17 апреля 1969 года он был отстранен, и его место занял Густав Гусак.

«...Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозящей опасности контрреволюции»

Обращение секретаря ЦК КПЧ А. Индры, членов Президиума ЦК КПЧ Д. Кольдера, А. Капека, главного редактора «Руде право» О. Швестки, Первого секретаря ЦК КП Словакии В. Биляка к руководству КПСС и СССР

Уважаемый Леонид Ильич, с сознанием полной ответственности за наше решение, обращаемся к Вам со следующим нашим заявлением.

Наш по существу здоровый послелянварский демократический процесс, исправление ошибок и недостатков прошлого и общее политическое руководство обществом, постепенно вырывается из рук Центрального Комитета партии.

Печать, радио и телевидение, которые практически находятся в руках правых сил, настолько повлияли на общественное мнение, что в политической жизни страны сейчас без сопротивления общественности начинают принимать участие элементы, враждебные партии. Они развивают волну национализма и шовинизма,

вызывают антикоммунистический и антисоветский психоз.

...Само существо социализма в нашей стране стоит под угрозой... Правые силы создали благоприятные условия для контрреволюционного переворота.

В такой тяжелой обстановке обращаемся к вам, советские коммунисты, руководящие представители КПСС и СССР, с просьбой оказать нам действенную поддержку и помощь всеми средствами, которые у вас имеются. Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозящей опасности контрреволюции... В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране просим вас о максимальном засекречении этого нашего заявления, по этой причине пишем его прямо лично для Вас на русском языке.

Известия. — 1992. — 18 июля.

*«Самозванный акт насилия
в международном масштабе»*

22 августа делегация Национального собрания ЧССР вручила послу СССР для передачи Президиуму Верховного Совета СССР письмо Президиума Национального собрания, в котором говорилось:

«Национальное собрание Чехословацкой Социалистической Республики, законно избранное чехословацким народом в качестве наивысшего органа государственной власти суверенного государства и законно созванное президентом рес-

публики, выражает категорический протест правительствам и парламентам пяти государств Варшавского договора (СССР, ГДР, ПНР, ВНР, НРБ) и перед лицом всей мировой общественности заявляет:

1. Что ни один конституционный орган ЧССР не был уполномочен вести переговоры, не давал на это согласия и не приглашал оккупационные войска пяти государств Варшавского договора.

2. Поэтому оно считает оккупацию ЧССР самозванным актом насилия в международном масштабе, противоречащим принципам союзнических соглашений, которые ЧССР имеет с этими государствами.

3. Поэтому Национальное собрание выражает решительный протест правительствам и парламентам этих стран, которые принимают участие в оккупации, и требует немедленного прекращения актов насилия по отношению к Чехословакии, ее населению, немедленного вывода войск и нормализации международных отношений...

Национальное собрание решительно обращается с этими своими немедленными требованиями к представителям оккупационных войск в ЧССР:

1. Немедленно приостановить все боевые действия, любое использование боевой техники, которые угрожают безопасности и жизни наших граждан.

2. Немедленно вывести все оккупационные войска из ЧССР; перед выводом из страны немедленно вывести их из районов, городов и населенных пунктов.

3. Оккупационным органам не вмешиваться

в деятельность чехословацких органов, учреждений, организаций, заводов и т. д.

4. Немедленно создать условия для нормальной деятельности всех государственных и политических органов и их работников.

5. Немедленно освободить гг. Дубчека, Смирковского, Криегла, Черника, Шпачека, Цисаржа и других, сообщить, кто дал приказ о взятии их под стражу, кто это осуществлял, кто вел допросы и т. п., сообщить также, какие меры к ним приняты советскими или представителями других государств, входящих в состав оккупационных войск».

Заявление ТАСС от 21 августа 1968 года

В ночь с 20 на 21 августа 1968 года войска пяти стран Варшавского договора — СССР, НРБ, ГДР, ВНР и ПНР — перешли чехословацкую границу. По этому поводу ТАСС сделал заявление.

ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной Конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами...

Дальнейшее обострение обстановки в Чехословакии затрагивает жизненные интересы безопасности государств социалистического содружества. Угроза социалистическому строю Чехословакии представляет собой вместе с тем угрозу устоям европейского мира.

Советское правительство и правительства союзных стран — Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, исходя из принципов нерасторжимой дружбы и сотрудничества и в соответствии с существующими договорными обязательствами, решили пойти навстречу упомянутой просьбе об оказании братскому чехословацкому народу необходимой помощи...

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями названных союзных стран 21 августа вступили на территорию Чехословакии. Они будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости.

Предпринимаемые действия не направлены против какого-либо государства и ни в какой мере не ущемляют государственных интересов. Они служат цели мира и продиктованы заботой о его укреплении.

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе свою нерушимую со-

лидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств.

Правда. — 1968. — 21 августа.

Кого боялась Старая площадь

Из письма Н. Горбаневской

В момент оккупации Чехословакии в августе 1968 года высшее проявление народной совестливости обнаруживает мужественная семерка — К. Бабицкий, Л. Богораз, П. Литвинов, В. Файнберг, В. Делоне, В. Дремлюга, Н. Горбаневская, вышедшие 25 августа в 12 часов дня на Красную площадь. Семеро сели у Лобного места, развернув транспаранты: «Руки прочь от Чехословакии!», «Позор оккупантам!».

В архиве ЦК КПСС найдено малоизвестное у нас письмо Натальи Горбаневской, единственной оставшейся тогда на воле, адресованное редакциям европейских газет. Посольство СССР в Чехословакии спешно переправило текст письма в Москву.

«...Почти сразу же раздался свист, со всех сторон площади к нам побежали работники госбезопасности в гражданской одежде: ожидался приезд чехословацкой делегации в Кремль, поэтому они там дежурили. Бежали к нам с криками: «Все это жидаи! Бейте антисоветские элементы!». Мы сидели спокойно и не сопротивлялись. Они вырывали из наших рук транспаранты.

Виктору Файнбергу разбили до крови лицо и выбили зубы. Павла Литвинова били по лицу тяжелой палкой. У меня из рук вырвали чехословацкий флаг и сломали его. Они кричали на нас: «Разойдитесь, подонки!», но мы продолжали сидеть. Через несколько минут подъехали автомобили. В них загнали всех, кроме меня. У меня был трехмесячный сын, поэтому меня сразу не взяли, я сидела перед Лобным местом еще около десяти минут.

В машине меня били... Мы счастливы, я и мои друзья, что смогли принять участие в этой демонстрации, хотя бы на минуту смогли прервать поток разнузданной лжи и трусливого молчания, что мы смогли показать, что не все граждане нашего государства согласны с насилием, которое проводится от имени советского народа. Мы надеемся, что чехословацкий народ узнал об этом и узнает. А вера в то, что чехи и словаки при мыслях о советских людях не будут думать только об оккупантах, но и о нас. Эта вера придает нам отвагу и силу.»

Уголовное дело № 4107—56—68.

*«О нарушении общественного порядка
и клевете на советский государственный
общественный строй»*

Из записок адвоката Д. И. Каминской

Формулировка обвинения, предъявленного привлеченным к ответственности: «Расследова-

нием по делу установлено: Павел Литвинов, будучи не согласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступил в преступный сговор с другими обвиняемыми по настоящему делу (К. Бабицким, Л. Богораз, В. Файнбергом, В. Делоне, В. Дремлюгой, Н. Горбаневской) с целью организации группового протеста против временного вступления на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран.

Ранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!», «Долой оккупантов!», «Свободу Дубчеку!», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!» (на чешском языке), 25 августа сего года в 12 часов дня явился к Лобному месту на Красную площадь, где совместно с (перечень фамилий остальных обвиняемых) принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок и нормальную работу транспорта: развернул вышеуказанные плакаты и выкрикивал лозунги аналогичного с плакатами содержания, то есть совершил преступления, предусмотренные статьями 190-1 и 190-3 Уголовного кодекса РСФСР».

Из показаний в суде:

Константин Бабицкий: «Полагая, что ввод советских войск в Чехословакию наносит прежде

всего вред престижу Советского Союза, я считал нужным донести это свое убеждение до сведения правительства и граждан. Для этого в 12 часов 25 августа я явился на Красную площадь... Я шел на Красную площадь с полным сознанием того, что я делаю, и с пониманием возможных последствий».

Павел Литвинов: «21 августа советские войска перешли границу Чехословакии. Я считаю эти действия Советского правительства грубым нарушением норм международного права... мне очевиден ожидающий меня обвинительный приговор. Этот приговор я знал заранее, еще когда шел на Красную площадь. Тем не менее я вышел на площадь. Для меня не было вопроса — выйти или не выйти».

Знамя. — 1990. — № 8.

*«Мы солидарны с народом Чехословакии,
который хотел доказать, что социализм
с человеческим лицом возможен»*

*Письмо-протест на ввод войск в Чехословакию
и неправоудный приговор*

21 августа прошлого года произошло трагическое событие: войска стран Варшавского пакта вторглись в дружескую Чехословакию. Эта акция имела цель пресечь демократический путь развития, на который встала эта страна. Весь мир с надеждой следил за послеянварским развитием Чехословакии. Казалось, что идея социа-

лизма, опороченная в сталинскую эпоху, будет теперь реабилитирована. Танки стран Варшавского договора уничтожили эту надежду. В эту печальную годовщину мы заявляем, что мы по-прежнему не согласны с этим решением, которое ставит под угрозу будущее социализма. Мы солидарны с народом Чехословакии, который хотел доказать, что социализм с человеческим лицом возможен.

Эти строки продиктованы болью за нашу родину, которую мы желаем видеть истинно великой, свободной и счастливой. И мы твердо убеждены в том, что не может быть свободен и счастлив народ, угнетающий другие народы.

П. Янкир, Л. Петровский, Г. Подъяпольский, Н. Горбаневская, М. Джамилев, Л. Терновский, П. Григоренко, И. Габай, В. Красин, С. Ковалев, А. Левитин-Краснов, Т. Баева, Ю. Вишневская, Н. Емелькина, Л. Плющ, И. Якир, А. Якобсон.

Депутатам Верховного Совета Союза СССР
Депутатам Верховного Совета РСФСР

копии: редакциям газет «Известия» и «Советская Россия»

11 октября 1968 года Московский городской суд вынес обвинительный приговор Константину Бабицкому, Ларисе Богораз, Вадиму Делоне, Владимиру Дремлюге, Павлу Литвинову.

Эти пять человек — участники демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года против ввода войск в Чехословакию. Их участие в мирной демонстрации, попытка выразить свой про-

тест этим конституционным путем квалифицированы как «грубое нарушение общественного порядка».

Их лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Долой оккупантов!». «Свободу Дубчеку!», — квалифицированы как «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй».

Мы считаем, что участникам демонстрации вынесен заведомо неправосудный приговор: этот приговор явился расплатой за открытое и гласное выражение ими своих убеждений. Мы считаем, что не было никаких законных оснований для возбуждения уголовного дела.

Граждане депутаты Верховного Совета! Мы не говорим о вопиющих процессуальных нарушениях, допущенных судом и следствием. Речь идет о более важном. Нарушены гражданские свободы, гарантированные Советской Конституцией: свобода слова, свобода демонстраций. Ваш долг — защитить эти свободы. Поэтому мы обращаемся к вам и просим вас вмешаться и настоять на отмене приговора и прекращении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления.

Под письмом стояло 95 подписей. Здесь были подписи заслуженного артиста РСФСР И. Кваши, писателя и публициста А. Костерина, бывшего генерал-майора П. Григоренко, профессора консерватории М. Юдиной, известного барда Ю. Кима, математика Т. Великановой, кандидата физико-математических наук А. Есенина-Вольпина, педагога поэта И. Габая, рабочего Джамии-

лева, редактора В. Милашевича, врача Примака, историка Б. Сушко и др.

Родина. — 1990. — № 4.

АФГАНИСТАН, 1979

Кризис в Афганистане возник из антагонизма между Мохаммадом Даудом и афганскими коммунистами. Правительство Дауда подписало ряд экономических соглашений с Москвой. В течение периода 1974—1978 годов советская помощь достигла 400 млн. долларов в год. В обмен на помощь Дауд позволил нескольким коммунистам занять места в его кабинете. Когда его союз с ними был изобличен, он отправил их в отставку. Это привело к свержению Дауда 27 апреля 1978 года, когда воздушные и наземные части, контролируемые Пархамом («Знамя») и Халком («Массы»), фракции НДПА (Народной Демократической партии Афганистана) двинулись на Кабул. Президентский дворец был взят штурмом, а Дауд и члены его семьи убиты.

Халк и более промосковские фракции Пархам сформировали коалиционное марксистское правительство, премьер-министром и главой государства был назначен Ноор Мохаммад Тараки, лидер Халк. Хафизулла Амин (Халк) и Бабрак Кармаль (Пархам) стали заместителями премьер-министра. В течение следующих восемнадцати месяцев эти три лидера замыслили убийства друг друга. Летом 1978 года Тараки и Амину удалось послать Кармаля в Чехослова-

кию в качестве посла Афганистана. Затем они стали проводить политику, включая жесткую экономическую уравниловку, обложение племен налогами, введение атеизма вместо официального ислама.

Афганские повстанцы начали яростно сопротивляться. 15 февраля они похитили американского посла Адольфа Дибса, который позднее был убит, когда афганские правительственные силы штурмовали укрытие захватчиков. В марте повстанцы захватили Херат, убив сотни афганских марксистов и около двадцати советских советников. Советский Союз увеличил число своих советников в Афганистане до 2000 к июню. В начале июля отборное боевое подразделение в составе 400 человек из советской дивизии в Фергане, 105 военно-воздушной дивизии было расположено на военно-воздушной базе Баграм, ключевом военном центре в районе Кабула. Выступления повстанцев продолжались, вызывая дальнейшее увеличение числа советских советников в стране. В середине августа генерал Иван Павловский возглавил военную делегацию, состоящую из пятидесяти офицеров, которая находилась в Афганистане два месяца.

10 сентября, вернувшись после конференции неприсоединившихся стран в Гаване, Тараки встретился с Брежневым в Кремле, где, по общему мнению, они обсуждали возможность устранения Амина. Впоследствии заговор провалился, так как Амин узнал о нем и сбежал. Его последователи захватили Тараки и затем убили его 9 октября. Месяцем раньше, 16 сентября, Амин провозгласил себя президентом и усилил

контроль над Кабулом и его пригородами. Действия повстанцев активизировались. Тысячи афганских солдат и офицеров дезертировали из афганской армии НДПА и присоединялись к сопротивлению. На советников из СССР беспорядочно нападали из засад.

Советские силы предприняли последнее усилие взаимодействовать с военными силами Амина в начале ноября, когда началась совместная афгано-советская операция в долине Пактия, к югу от Кабула, против самого большого скопления мятежников. Согласно официальным источникам США, советское руководство 24 декабря последний раз пыталось убедить Амина принять советские вооруженные силы и начать проводить более мягкую внутреннюю политику, но на встрече с новым послом СССР Фикриатом Табаевым он отказался. Чувствуя опасность, Амин (со своей лучшей охраной и восемью танками) покинул дворец Ари и поселился во дворце Даруламан, в семи милях к юго-западу от центра Кабула.

С 11 по 15 декабря 1979 года советские транспортные самолеты собрались в Подмоскowie, а также рядом с афганской границей. С 24 по 27 декабря происходила огромная переброска войск, оборудования и ресурсов в Кабул, в которой было использовано более 300 самолетов. Наконец 27 декабря с помощью воздушного моста из примерно 200 полетов АН-12, АН-22 и ИЛ-76 доставили 6000 советских воинов как в Кабульский международный аэропорт, так и на советскую военную базу в Баграме. Эти войска возглавили атаку на дворец Даруламан и радиостанцию.

27 декабря 1979 года правитель Афганистана Хафиззула Амин пригласил к себе гостей. На обед вместе с женами съехались члены Политбюро и министры. Формальным поводом послужило возвращение из Москвы секретаря ЦК НДПА Панджшери. Но имелась и еще одна существенная причина, по которой Амин пригласил к себе гостей. Недавно он переехал в специально отремонтированный для главы партии и государства роскошный дворец, расположенный на холме в конце проспекта Дар-уль-амана. Раньше здесь размещался штаб кабульского гарнизона, теперь же этот величественный замок стал принадлежать генеральному секретарю ЦК НДПА, председателю Революционного совета, вождю всех афганских трудящихся. Амину не терпелось показать гостям роскошные покои.

Обед проходил в легкой, непринужденной обстановке, тон задавал радушный хозяин. Когда Панджшери, сославшись на предписание врачей, отказался от супа, Амин пошутил: «Наверное, в Москве тебя избаловали кремлевской кухней». Панджшери принял шутку и еще раз повторил для всех то, что уже рассказывал Амину: советское руководство удовлетворено изложенной им версией смерти Тараки и смены руководства страной. Его визит еще больше укрепил отношения с Москвой, там подтвердили, что СССР окажет Афганистану широкую военную помощь.

Амин торжествующе обвел глазами присутствующих: «Советские дивизии уже на пути сюда. Я вам всегда говорил, что великий сосед не оставит нас в беде. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко,

и мы сообща обсуждаем вопрос: как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи».

После вторых блюд гости перешли в соседний зал, где был накрыт чайный стол. И тут случилось необъяснимое. Почти одновременно все почувствовали себя худо: их одолевала чудовищная сонливость. Люди падали в кресла и буквально отключались. Напуганная прислуга бросилась вызывать докторов — из советского посольства и центрального военного госпиталя.

Странная болезнь в одночасье поразила всех, кроме Панджшери. Амин не был исключением. Когда приехавшие из советского посольства врачи промыли ему желудок и привели его в чувство, он, едва открыв глаза, удивленно спросил: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?».

Амин еще не знал, что главное ждет его впереди. Почти все гости, пришедшие в себя, разъехались. В 19 часов 30 минут — стало уже темно — несколько страшных взрывов потрясли здание. На дворец обрушился такой шквал огня, что нечего было и думать о каких-то отдельных террористах. Но что это? Бунт? Измена?

Амин оторвал от подушки тяжелую голову: «Дайте мне автомат». «В кого ты хочешь стрелять? — спросила его жена. — В советских?».

Осколки гранаты настигли Амина за стойкой бара, который он с гордостью показывал своим гостям. Через несколько минут к уже бездыханному телу подошел вооруженный человек в военной форме, но без знаков различия, перевернул Амина на спину, достал из своего карма-

на фотографию. Убедившись в том, что не ошибся, человек без знаков различия выстрелил в упор...

Амин был убит, так как он отказался сдаться. Советские советники и военные разоружили подразделения афганской армии. Бабрак Кармаль прилетел из Чехословакии через три дня после переворота. 28 декабря ТАСС цитировал по радио Кабула, что якобы афганское правительство обратилось к советскому руководству за помощью.

* * *

«Решение ввести войска в Афганистан созрело где-то в конце ноября 1979 года. У его истоков стояли Брежнев, Сулов, Андропов, Устинов, Громыко. Но формальное решение было принято 12 декабря. Свои подписи «за» поставили Брежнев, Андропов, Устинов, Черненко, Сулов, Гришин, Кириленко, Пельше, Громыко, Тихонов, Пономарев, Щербицкий. Даты некоторых подписей стоят разные: 25, 26 декабря, хотя Политбюро состоялось 12 числа...

Войска пересекли границу 27 декабря, вызвав шок во всем мире. А накануне «батальон» (спецотряд ГРУ ГШ, направленный «охранять Амина») штурмом взял дворец афганского лидера. Я через несколько дней после захвата дворца побывал в этом здании, возвышающемся на высоком холме на окраине Кабула. Выбитые окна, прошитые снарядами стены, множество гильз под ногами, задымленные своды.

Амин, вся его семья, все, кто был во дворце —

охрана, приближенные, слуги, — были убиты. Сам Амин, славший шифровку за шифровкой в Москву и умолявший верить только ему, метался во время штурма по дворцу, пытаясь связаться с советским посольством. Однако был убит у бара, полуголый, в одних трусах. На дорогом паркете, словно намазанное бурой краской, виднелось большое пятно засохшей и затоптанной ногами солдат крови неудачливого диктатора, не угодившего своим хозяевам в Москве.

Штурм был коротким и яростным. Все было сделано с точки зрения военно-технической в высшей степени профессионально. Появились новые герои, раздавались боевые ордена. Мы стали прямыми участниками чужой гражданской войны, в которой к 15 февраля 1989 года погибли 13826 человек и 49985 ранены».

Д. Волкогонов. Семь вождей. — М.: Новости, 1995.

*Из открытого письма А. Д. Сахарова
Президиуму Верховного Совета СССР,
Председателю Президиума Верховного Совета
СССР Л. И. Брежневу*

Копии этого письма я адресую генеральному секретарю ООН и главам государств — постоянных членов Совета безопасности.

1980 г.

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности — об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире я чувст-

вую ответственность за происходящие тактические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжают уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев — не только партизан, но главным образом мирных жителей — стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу голода для целых районов...

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылки дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать!) увеличению военных бюджетов и принятию новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасность гонки вооружений. На Генеральной ассамблее ООН советские

действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие, ранее безоговорочно поддерживавшие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан — вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие действия:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия — заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов полностью вывести свои войска по мере замены их войсками из ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104 ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируется Советом безопасности ООН в лице ее постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны — члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим — одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на международной основе, исключаяющей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармаля до проведения выборов передает свои полномочия Временному совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей правительства Кармаля.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармаля и партизаны принимают участие в них на общих основаниях...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. В СССР за без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи...

А. Д. Сахаров. Горький.

А. Д. Сахаров. *Тревога и надежда*. — М. — 1990.

Из архива национальной безопасности США
Авторская копия № 19
Библиотека Картера
Послано 28.12(79),
получено 29.01(79). Секретно
(Подпись) З. Бжезинский

Послание Брежневу об Афганистане

Уважаемый Президент Брежнев!

Хочу быть уверенным, что Вы полностью взвесили все последствия советских действий в Афганистане, которые рассматриваются нами как явная угроза миру. Вы должны понять, что эти действия по сути могут стать поворотным пунктом в наших долгосрочных отношениях. Предпринятые без предварительного обсуждения с нами, они, на наш взгляд, являются очевидным нарушением Основных принципов отношений, которые вы подписали в 1972 г.

Мое правительство никоим образом не может принять переданного послу Уотсону 27 декабря разъяснения советского правительства о том, что советские Вооруженные Силы были посланы в Афганистан по просьбе руководства этой страны. Реальные факты ясно показывают, что эти самые советские войска были использованы для того, чтобы свергнуть уже существовавшее правительство Афганистана и навязать новое, жестоко казнившее бывшего Президента и, судя по сообщениям, его семью.

Широкомасштабное продвижение (иностранных) военных частей в суверенную страну всегда являлось законным основанием для озабоченнос-

ти со стороны международного сообщества. Когда же такие вооруженные силы посылаются сверхдержавой и при этом используются для устранения существующего правительства и навязывания нового, это не может не иметь неблагоприятных последствий как для региона, так и для мира в целом. Мы обращаем самое серьезное внимание на то, что со времени вторжения в Венгрию и Чехословакию это первый случай, когда Советский Союз предпринял прямую военную акцию против другой страны. В данном случае советская военная интервенция в Афганистане — до того неприсоединившейся стране, — безусловно, представляет собой новый, деструктивный и опасный, этап в использовании вами военной силы, что вызывает глубокую тревогу относительно общего направления советской политики.

Мы давали друг другу слово не обострять ситуации, чреватые конфликтами, и консультироваться в случае возникновения той или иной угрозы миру. Если эти взаимные обязательства имеют хоть какой-то смысл, то они, безусловно, должны включать в себя отказ сверхдержав ввязываться в боевые действия, кроме как в случае крайней необходимости и единственно в целях законной самообороны. Ввиду глобального характера наших интересов, нам следует осознавать, что любые действия, где-либо предпринятые, подобно цепной реакции повлекут за собой последствия и в других, внешне не связанных с этим событием регионах мира.

Ни одна сверхдержава не может присвоить себе право смещать или свергать вооруженным путем законно установленное правительство

в другой стране. Такой прецедент опасен, он попирает все принятые нормы международного поведения. Если Вы не откажетесь от Вашего нынешнего образа действий, это неизбежно поставит под угрозу американско-советские отношения во всем мире. Я настоятельно призываю Вас предпринять быстрые и конструктивные действия по выводу ваших войск и прекратить вмешательство во внутренние дела Афганистана. Многолетние условия по формированию более стабильных и продуктивных отношений между нашими двумя странами вполне могут оказаться подорванными, если ситуация не найдет быстрого разрешения. При соответствующих действиях Вашего правительства пока еще не поздно избежать долгосрочного ухудшения американско-советских отношений.

Ответное послание Брежнева Картеру

Авторская копия № 20А

Библиотека Картера Совершенно секретно

Уважаемый господин Президент!

В ответ на Ваше послание от 29 декабря считаю необходимым сообщить следующее.

Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, что сейчас происходит в Демократической Республике Афганистан. Через Вашего посла в Москве мы в доверительном порядке уже дали американской стороне и лично Вам основывающиеся на фактах разъяснения действительно происходящего там, а также причин, побудивших нас положительно откликнуться на просьбу

правительства Афганистана о вводе ограничительных советских контингентов.

Странно выглядит предпринятая в Вашем послании попытка поставить под сомнение сам факт просьбы правительства Афганистана о посылке наших войск в эту страну. Вынужден заметить, что отнюдь не чье-то восприятие или невосприятие этого факта, согласие или несогласие с ним определяет действительное положение дел. А оно состоит в следующем.

Правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к нам с такой просьбой. Кстати сказать, одна из таких просьб была направлена нам 26 декабря с. г. Это знаем мы, об этом в равной степени знает афганская сторона, которая направляла нам такие просьбы. Хочу еще раз подчеркнуть, что направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели — оказанию помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии, которые имеют место длительное время и сейчас приняли еще более широкие масштабы.

Совершенно неприемлемым и не отвечающим действительности является и содержащееся в Вашем письме утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими афганцами, и только ими. Спросите об этом у афганского правительства.

Не соответствует действительности и то, что говорится в Вашем послании насчет судьбы се-

мей бывших афганских руководящих деятелей. Имеющиеся в нашем распоряжении данные опровергают сведения, которые Вы получили.

Должен далее ясно заявить Вам, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны, и мы, разумеется, не намерены предпринимать их.

Вы делаете нам упрек в своем послании, что мы не консультировались с правительством США по афганским делам, прежде чем вводить наши воинские контингенты в Афганистан. А позволительно спросить Вас — Вы с нами консультировались, прежде чем начать массовую концентрацию военно-морских сил в водах, прилегающих к Ирану, и в районе Персидского залива, да и во многих других случаях, о которых Вам следовало бы, как минимум, поставить нас в известность?

В связи с содержанием и духом Вашего послания считаю необходимым еще раз объяснить, что просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом — это исключительно дело СССР и Афганистана, которые сами по своему согласию регулируют свои взаимоотношения и, разумеется, не могут допустить какого-либо вмешательства извне в эти взаимоотношения. Им, как и любому государству — члену ООН, принадлежит право не только на индивидуальную, но и коллективную самооборону, что и предусматривается статьей 51 Устава ООН, которую СССР и США сами формулировали. И это было одобрено всеми государствами ООН.

Разумеется, нет никаких оснований для Ва-

шего утверждения о том, будто наши действия в Афганистане представляют угрозу миру.

В свете всего этого бросается в глаза неумеренность тона некоторых формулировок Вашего послания. К чему это? Не лучше ли было бы поспокойнее оценить обстановку, имея в виду высшие интересы мира и не в последнюю очередь взаимоотношения наших двух держав.

Что касается Вашего «совета», мы уже сообщали Вам, и тут я повторяю снова, что, как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу, мы намерены полностью вывести советские воинские контингенты с территории Афганистана.

А вот наш Вам совет: американская сторона могла бы внести свой вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана.

Я не считаю, что работа по созданию более стабильных и продуктивных отношений между СССР и США может оказаться напрасной, если, конечно, этого не хочет сама американская сторона. Мы этого не хотим. Думаю, что это было бы не на пользу и самим Соединенным Штатам Америки. По нашему убеждению, то, как складываются отношения между СССР и США, — это дело взаимное. Мы считаем, что они не должны подвергаться колебаниям под воздействием каких-то привходящих факторов или событий.

Несмотря на расхождение в ряде вопросов мировой и европейской политики, в чем мы все отдаем себе ясный отчет, Советский Союз — сторонник того, чтобы вести дела в духе тех договоренностей и документов, которые были при-

няты нашими странами в интересах мира, равноправного сотрудничества и международной безопасности.

29 декабря 1979 г.

Л. Брежнев

Документы представляют собой обмен посланиями по «горячей линии» между Дж. Картером и Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым: послание Картера Брежневу от 29 декабря 1979 г.; Брежнева — Картеру (по-русски) от 29 декабря 1979 г. На тексте английского перевода собственноручные комментарии Картера.

«Обмен спецпосланиями между Картером и Брежневым по «горячей линии» — специальному каналу связи, установленному для экстренного обмена мнениями после Карибского кризиса 1962 года — драматически иллюстрирует, какой значительный ущерб нанесла советская интервенция, и в особенности физическое устранение Амина, личным отношениям двух лидеров, окончательно похоронив теплившееся еще ощущение разрядки в советско-американских отношениях. Картеровское послание сурово осуждает советскую акцию как «явную угрозу миру», как «новый, деструктивный и опасный, этап в использовании Вами военной силы, что вызывает глубокую тревогу относительно общего направления советской политики». Впрочем, завершается оно на сдержанной ноте: вывод советских войск, отмечается в послании, позволит «пока еще не поздно, избежать долгосрочного ухудшения американо-советских отношений».

Однако лишенный даже намек на извинения

ответ Брежнева вызвал у Картера лишь новый приступ гнева, о чем свидетельствует едкий, подчас желчный тон его собственноручных пометок. В брежневском утверждении, будто «ограниченные советские контингенты» были направлены единственно для того, чтобы оказать помощь и содействие «в отражении актов внешней агрессии», Картер подчеркнул последние четыре слова и написал: «От кого?». Президент нашел, мягко говоря, неубедительной предложенную Брежневым трактовку событий, в особенности отрицание последним американского утверждения, «будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана». Вступая в полемику, Картер на той же странице пишет, что Москва «привезла с вторгшейся армией нового марионеточного лидера». Напротив брежневского утверждения о том, что смена правительства в Афганистане «произведены самими афганцами... Спросите об этом у афганского правительства», Картер пометает: «Они мертвы или (являются) марионетками СССР». Столь же «впечатляющим» оказался американскому президенту довод Брежнева, что США не имеют никаких оснований упрекать Москву за отсутствие консультаций с Вашингтоном перед отправкой частей в Афганистан, так как США не удосужились известить Москву о концентрации своих ВМС в Персидском заливе. «Мы не посылали интервенционистских сил», — замечает на это Картер. Отметив единственный намек на гибкость советской позиции (Брежнев заявлял, что Москва намерена вывести свои войска, «как только от-

падут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу»), американский лидер не мог оставить без комментария содержащийся в послании «совет» американской стороне «внести вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана». «Единственное вторжение — со стороны СССР», — замечает в этой связи Картер. Спустя два дня, 31 декабря 1979 года, Картер в интервью американскому тележурналисту заявил, что его «представление о русских в последнюю неделю изменилось более кардинально, чем за предыдущие два с половиной года», и особенно отметил, что Брежнев «неточно излагает факты», утверждая, что афганское правительство «ходатайствовало» о военном вмешательстве.»

(Джим Хершберг, директор Международного исторического проекта «холодная война»).

«...Это решение заслуживает морального и политического осуждения»

О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года

Постановление Съезда народных депутатов СССР

24 декабря 1989 г.

1. Съезд народных депутатов СССР поддерживает политическую оценку, данную Комитетом Верховного Совета СССР по международным

делам решению о вводе советских войск в Афганистан в 1979 году, и считает, что это решение заслуживает морального и политического осуждения.

2. Съезд поручает Конституционной комиссии при подготовке проекта новой Конституции СССР учесть предложение о конкретизации основных принципов принятия решений об использовании контингентов Вооруженных Сил СССР, предусмотренных пунктами 13 и 14 статьи 113 и пунктом 13 статьи 119 действующей Конституции СССР, в связи с разработкой Положения о Совете обороны СССР.

3. Верховному Совету СССР рассмотреть вопрос о создании Комиссии по делам бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане.

4. Поручить Совету Министров СССР разработать государственную программу, направленную на решение вопросов, связанных с устройством жизни и быта бывших военнослужащих и других лиц, входивших в состав контингента советских войск в Афганистане, а также семей погибших воинов.

Справочник партийного работника. М. 1993. — Вып. 30. — С. 409.

ВОЙНА В КОРЕЕ 1950—1953 ГОДОВ

С 1910 по 1945 год Корея была на положении японской колонии. Ее освобождение произошло в конце второй мировой войны в ходе согласо-

ванных боевых операций против японских войск, проведенных советским и американским командованием соответственно к северу и югу от временной разграничительной линии в районе 38-й параллели. «Холодная война», противостояние США и СССР сорвали договоренности союзников о восстановлении независимости и территориальной целостности Кореи. Разграничительная линия превратилась в 1948 году в границу между отдельными государствами — Корейской Республикой на юге и КНДР на севере Корейского полуострова.

Военный конфликт в Корее 1950—1953 годов назревал неотвратимо. Обе корейские стороны и их главные союзники — Советский Союз и Соединенные Штаты Америки — к нему готовились.

После вывода частей Советской Армии из КНДР (октябрь 1948 года) практически все вооружение и боевая техника были оставлены создаваемой Корейской Народной Армии, в которой находились сотни советских военных инструкторов. Советский Союз предоставил КНДР значительную военно-техническую помощь. 3 мая 1950 года Ким Ир Сен направил письмо на имя Сталина, в котором содержалась просьба срочно усилить техническое оснащение КНА. Советский посол в КНДР Т. Ф. Штыков поддержал эту просьбу Ким Ир Сена. Вооружение и боевая техника были необходимы северокорейскому лидеру, чтобы создать механизированную бригаду из двух танковых полков (по 33 машины в каждом), а также артполк из 24 орудий, авиадивизию (из 86 самолетов) и т. д.

Активную подготовку к возможному конфликту в Корее осуществляла администрация Ли Сын Мана и Соединенные Штаты. Вашингтон укреплял созданный им режим на юге полуострова. В 1948 году США и РК подписали соглашение о создании южнокорейской армии. В 1950 году было принято соглашение о взаимной помощи и обороне. К 1950 году в РК при содействии США создана 300-тысячная армия, в которой находилось около тысячи американских военных советников и инструкторов, а также 1500 солдат и офицеров армии США. Сеул получил от Вашингтона более 500 млн. долларов военно-технической помощи.

В Москве рассматривали присутствие американских войск в Южной Корее в 1945 — 1949 годах как «сдерживающий фактор». Как свидетельствует переписка между послом Т. Ф. Штыковым и министром иностранных дел А. Я. Вышинским, после вывода войск США из РК более 30 тысяч южнокорейских войск было сосредоточено вдоль 38-й параллели. По разведанным, Сеул планировал развернуть активные боевые действия против северокорейских сил в июне 1949 года. По мнению советского посла, «вывод американских войск развязывает южнокорейцам руки для немедленного объединения Кореи военным путем».

Сведения о готовящемся южнокорейском нападении на Северную Корею подтверждались также и из независимых источников, сообщавших, что «весьма авторитетные деятели южнокорейского правительства настаивают на военном вторжении на Север».

Советское руководство на первых этапах (до

30 января 1950 года) не поддерживало идею вооруженного вторжения КНДР в Южную Корею, считая, что КНА не обладает подавляющим превосходством над южнокорейскими войсками, а в численном отношении даже уступает ей.

Не найдя понимания своим планам в Москве, Ким Ир Сен решил прозондировать отношение к ним в Китае. 14 мая 1949 года он информировал советского посла о состоявшемся в апреле визите в Пекин члена ЦК ТПК, начальника Политуправления КНА Ким Ира. В частности, он сообщил, что с китайскими руководителями достигнута договоренность о передаче КНДР двух дивизий, сформированных в Китае из проживающих там корейцев.

Мао Цзэдун и Ким Ир Сен детально обсудили также обстановку в Корее, причем китайский руководитель подчеркнул, что Ким Ир Сен должен быть в любой момент готовым к вспышке боевых действий, которые способны оказаться молниеносными или затяжными. По мнению Мао, в случае затяжного характера боевых действий японцы могли бы ввязаться в них на стороне Юга, однако бояться этого не следует, ибо рядом с КНДР находятся Советский Союз и Китай, причем последний в случае необходимости мог бы послать в Корею свои войска.

В августе 1949 года посол Штыков представил Сталину свои соображения о невозможности наступления северокорейской армии на Юг. Причины этого виделись советскому послу следующими:

1. На Севере и Юге полуострова существуют два корейских государства. Республика Корея

признана США и другими странами. В случае начала боевых действий со стороны северян американцы могут вмешаться, не только поставляя Югу оружие и боеприпасы, но и направив ему в поддержку японские войска.

2. Вторжение на Юг может быть использовано американцами для развертывания враждебной кампании против СССР.

3. В политическом отношении наступление на Юг могло быть поддержано большинством населения обоих корейских государств, однако в чисто военном плане КНА еще не обладала необходимым подавляющим превосходством над южнокорейскими вооруженными силами.

4. Южная Корея уже создала достаточно мощные армию и полицию.

Выступив против полномасштабного вторжения на Юг, Штыков одновременно высказался в пользу предложения Ким Ир Сена о создании «освобожденного района» в провинции Кенгидо. Он также отметил безусловную военную целесообразность захвата КНА полуострова Онджин, указав одновременно на то, что бои в данном районе могут принять затяжной характер.

3 сентября 1949 года Ким Ир Сен направил своего личного секретаря Мун Ира для беседы с временным поверенным в делах СССР в КНДР Тункиным. Мун Ир поинтересовался отношением советской стороны к возможности захвата полуострова Онджин. Он также отметил, что, по мнению Ким Ир Сена, в случае если позволит международная обстановка, развивая наступление на Онджин, можно было бы захватить Юж-

ную Корею за две недели, максимум — за два месяца.

Телеграмма Тункина о беседе с Мун Иром вызвала самое пристальное внимание советского руководства. 11 сентября в Пхеньян была отправлена шифротелеграмма, в которой Тункину предписывалось, «как можно скорее» встретиться с Ким Ир Сенем и дополнительно выяснить его позицию по ряду ключевых вопросов, к которым были отнесены следующие:

1. Оценка Ким Ир Сенем боеспособности южнокорейской армии.

2. Положение о партизанском движении на Юге, степень реального содействия, которое может быть оказано северокорейцам со стороны партизан.

3. Возможное отношение народных масс Юга к тому, что северяне первыми начнут боевые действия, пределы реальной поддержки вторжения со стороны населения РК.

4. Масштабы американского военного присутствия на Юге Кореи, возможная реакция американцев на вторжение Севера.

5. Оценка Ким Ир Сена возможностей собственных вооруженных сил.

6. Анализ реальной ситуации и осуществимость предложений корейцев со стороны советского представителя.

В соответствии с инструкциями из Москвы Тункин дважды — 12 и 13 сентября 1949 года — встречался с Ким Ир Сенем и министром иностранных дел КНДР Пак Хен Еном для получения ответов на поставленные вопросы. Информация, сообщенная северокорейскими руководителями,

а также ее анализ советским представителем очень многое проясняют в позициях сторон в этот ответственный момент.

Говоря о боеспособности южнокорейской армии, Ким Ир Сен оценил ее как «слабую», что доказал, по его словам, и опыт стычек в районах, прилегающих к 38-й параллели.

Отвечая на вопрос о состоянии партизанского движения, Ким Ир Сен сообщил, что, по его данным, на Юге находится от 1500 до 2000 партизан и что в последнее время партизанское движение несколько расширилось.

Иного мнения придерживался в беседе с Тункиным Пак Хен Ен, указавший на то, что помощь со стороны партизан очень много будет значить для армии КНДР и что партизаны окажут северокорейскому вторжению содействие диверсиями на коммуникациях противника.

Продолжая беседу с Тункиным, Ким Ир Сен остановился на вопросе о роли «американского фактора» в случае конфликта между Севером и Югом. По его оценкам, в то время в РК находилось около 900 американских советников и инструкторов и примерно 1500 солдат и офицеров, охранявших различные объекты.

По мнению Ким Ир Сена и Пак Хен Ена, в случае начала гражданской войны на полуострове возможными были бы следующие варианты американского участия в ней: присылка на помощь южанам гоминьдановцев и японцев, поддержка армии РК с моря и с воздуха собственными средствами США, непосредственное участие американских инструкторов в боевых действиях. Корейский руководитель допускал

возможность перерастания этой операции в полномасштабную войну, однако выражал надежду на то, что этого не произойдет, поскольку южные корейцы не осмелятся атаковать на других участках 38-й параллели.

Собственные соображения Тункина, приложенные к записи беседы с Ким Ир Сенем, значительно расходятся с мнением корейского лидера и советского посла.

Прежде всего Тункин подчеркивал, что реализация предложенного Ким Ир Сенем плана действий вероятнее всего приведет к развязыванию гражданской войны между Севером и Югом, ибо «сторонников гражданской войны немало в руководящих кругах как Северной, так и Южной Кореи». Между тем, по мнению советского дипломата, в существующей ситуации Северу нецелесообразно начинать гражданскую войну. Причина этого прежде всего состояла в том, что КНА недостаточно сильна и даже с учетом возможной помощи со стороны партизан не сможет одержать быстрой победы. Затяжная же гражданская война невыгодна для КНДР как в военном, так и в политическом отношении.

Длительная гражданская война давала возможность США оказать действенную помощь Ли Сын Ману. Советский дипломат заключал, что после поражения Чан Кайши в Китае американцы пойдут на куда более решительное вмешательство в Корею и сделают все для того, чтобы спасти правительство РК. Кроме того, по мнению Тункина, в случае затягивания гражданской войны народ станет отрицательно относиться

к тем, кто ее начал, обвиняя их во всех жертвах, страданиях и невзгодах, которые она принесет. Наконец, затяжной конфликт с успехом мог бы быть использован американцами для обвинения СССР в соучастии в развязывании войны на Корейском полуострове.

Тункин подчеркивал, что даже в случае успешного исхода операции по захвату полуострова Онджин идти на подобный шаг не стоит, так как захват Онджина мог бы повлечь за собой обвинения КНДР в стремлении разжечь братоубийственную войну, создал бы предлог для усиления американского вмешательства в корейские дела. В связи с этим Тункин категорически возражал против операции по захвату полуострова Онджин.

24 сентября 1949 года были утверждены директивы ЦК КПСС послу СССР в Пхеньяне. В этом документе категорически отвергалась возможность северокорейского вторжения на Юг. Подчеркивалось, что в случае нападения на Южную Корею неминуемо военное вмешательство американцев под флагом ООН на стороне Ли Сын Мана, перманентная оккупация ими Юга и увековечение раздела полуострова.

В директивах поддерживалась идея активизации партизанского движения на Юге с целью склонения Сеула к мирным переговорам или даже свержения правительства РК. Однако, в отличие от предложений Ким Ир Сена и Штыкова, там ничего не говорилось о создании «освобожденного района» в провинции Кенгидо. Сталин отверг также возможность проведения операции по захвату полуострова Онджин, поскольку юж-

нокорейцы могли расценить ее как начало большой войны.

Наконец, в директивах указывалось, что возможности мирного объединения страны далеко не исчерпаны и что Северу необходимо начать активную работу по мобилизации общественного мнения, в том числе среди корейцев, проживающих в Америке, Канаде и Японии, подготовить и направить в ООН материалы со свидетельствами массовой поддержки общественностью предложений Пхеньяна о мирном воссоединении.

Несмотря на отказ Сталина поддержать вторжение северокорейских войск в Южную Корею, Ким Ир Сен продолжал тактику «уламывания» советского лидера. В беседе 19 января 1950 года с советскими военными советниками в Пхеньяне Ким Ир Сен подчеркивал, что после объединения Китая на очереди стоит освобождение южной части Кореи и что он не спит ночами, опасаясь потерять доверие народа Южной Кореи в результате затягивания с объединением страны. Ким Ир Сен выразил пожелание встретиться со Сталиным.

В ответ Сталин 30 января 1950 года направил советскому послу в КНДР Штыкову шифротелеграмму для передачи Ким Ир Сену, в которой говорилось о необходимости тщательной подготовки «столь большого дела в отношении Южной Кореи». Сталин согласился принять Ким Ир Сена и выразил готовность «помочь ему в этом деле».

Информация советского посла была воспринята северокорейским руководителем «восторжен-

но». Он несколько раз просил передать «товарищу Сталину благодарность за помощь».

В апреле 1950 года Ким Ир Сен прибыл в Москву для встречи со Сталиным. Во время переговоров руководитель СССР сказал, что «в силу изменившейся международной обстановки» он согласен с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что окончательно этот вопрос должен быть решен совместно КНДР и КНР, в случае несогласия китайцев решение необходимо отложить.

13 мая 1950 года Ким Ир Сен и Пак Хен Ен прибыли в Пекин и сразу же встретились с Мао Цзэдуном, информировали его о согласии Сталина с идеей северокорейцев «приступить к освобождению Южной Кореи». Ким Ир Сен сообщил Мао, что в КНДР разработан трехэтапный план вторжения на Юг: на первом этапе — сосредоточить войска для внезапного нападения на Юг; на втором этапе — выдвижение предложения о мирном воссоединении страны; на третьем этапе — после того, как северокорейские предложения о мирном воссоединении будут отвергнуты, начать военные действия. План предусматривал захват Южной Кореи в течение 25 — 27 дней.

Мао Цзэдун одобрил замыслы Ким Ир Сена. Одновременно он выразил уверенность в том, что американцы не вмешаются в конфликт. Если же японцы направят свои войска, то Китай поможет КНДР, заявил китайский руководитель. По мнению Мао, Советскому Союзу не следует участвовать в корейском конфликте, так как он связан с США соглашением о демаркационной

линии по 38-й параллели, а Китай не имеет перед Соединенными Штатами никаких обязательств.

В беседе со Штыковым 29 мая 1950 года Ким Ир Сен сказал, что он собирается начать боевые действия в конце июня. Позже, по его словам, делать это нецелесообразно, так как, во-первых, могут просочиться сведения о приготовлениях КНА, а во-вторых, в июле начинается сезон дождей.

Весьма «странно» выглядит переписка между советским послом в Пхеньяне и Москвой в последние дни перед вторжением северокорейской армии на Юг. 20 июня 1950 года Штыков сообщил в Москву, что в 20.00 по московскому времени в КНДР перехватили приказ начать в 23.00 атаку против Севера. 21 июня Ким Ир Сен через советского посла информировал Сталина о том, что южнокорейцам стали известны данные о предстоящем наступлении Корейской Народной Армии. В этой связи он считал целесообразным развернуть боевые действия по всему фронту 25 июня. Так началась корейская война, продолжавшаяся три года.

*Никита Сергеевич Хрущев
(Из «Воспоминаний»)*

Хочу рассказать о том, чему я сам был свидетелем. Кажется, в 1950 году, когда я уже начал работать в Москве или чуть раньше, еще до моего переезда в Москву, приезжал Ким Ир Сен со своей делегацией. Он вел беседу со Сталиным

и там поставил вопрос, что они хотели бы прощупать штыком Южную Корею. Он говорил, что при первом толчке из Северной Кореи там произойдет внутренний взрыв и восстановится народная власть, то есть такая же власть, какая была в Северной Корее.

Естественно, Сталин не мог противостоять этому. Это импонировало и сталинской точке зрения, его убежденности как коммуниста, тем более это внутренний корейский вопрос: Северная Корея хочет подать руку своим братьям, которые в Южной Корее находятся под пятой Ли Сын Мана.

Ким Ир Сен докладывал Сталину и был совершенно уверен в успехе этого дела. Я помню, Сталин тогда выражал сомнения: его беспокоило, вяжется ли Америка или она пропустит это мимо ушей. Склонились к тому, что если это быстро будет сделано (Ким Ир Сен был уверен, что это будет сделано быстро), то вмешательство США уже будет исключено.

Сталин все-таки решил запросить мнение Мао Цзэдуна о предложении Ким Ир Сена. Я должен заявить, что это было не предложение Сталина, а предложение Ким Ир Сена. Он был инициатором. Сталин, конечно, его не сдерживал.

Я считаю, что и никакой коммунист не стал бы его сдерживать в таком порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана, от американской реакции. Это противоречило бы коммунистическим мировоззрениям. Я не осуждаю Сталина за это, а наоборот, я полностью на его стороне. Я и сам бы, наверное, тоже принял бы это решение, если мне было бы нужно решать.

Мао Цзэдун ответил тоже положительно. Я сейчас дословно не помню, как сформулировался запрос Сталина, но, по-моему, он спрашивал его: как он относится к существованию этой акции и вмешаются США или не вмешаются. Мао Цзэдун ответил одобрением на предложение Ким Ир Сена и выразил мнение, что США, видимо, не вмешаются, так как это внутренний вопрос, который решается самим корейским народом.

Я помню, за обедом на даче много шутили. Ким Ир Сен рассказывал о быте корейцев, говорил о климате Кореи, о хороших условиях выращивания риса, о рыбной ловле. Одним словом, он много рассказывал хорошего о Южной Корее. Он говорил, что после воссоединения Юга и Севера Корея станет полноценной и она будет иметь возможность обеспечить сырьем свою промышленность за счет Севера и обеспечит потребность народа в пище за счет рыбной ловли, риса и других сельскохозяйственных культур, которые в изобилии имеются в Южной Корее. Мы желали успеха Ким Ир Сэну и всему руководству Северной Кореи и ожидали, что успех будет реально завоеван.

Мы и до этого давали вооружение Северной Корее. Сейчас мы не обсуждали, какие средства вооружения были в связи с этим выделены Северной Корее. Мне это было известно, но я, само собой разумеется, считал, что нужное количество танков, винтовок, пулеметов и прочих инженерных и зенитных средств они получают. Наши воинские авиационные части прикрывали Пхеньян и оставались там.

Настал момент, и началась война. Нужно

сказать, что война была начата успешно и северокорейцы быстро продвигались вперед. Но того, что предполагал Ким Ир Сен, что при первых выстрелах будет внутренний подъем, восстание и будет свергнут Ли Сын Ман, этого, к сожалению, не произошло. Очищение от Ли Сын Мана и его клики проходило путем продвижения войск Северной Кореи. Сопrotивление было слабое; Ким Ир Сен оказался прав: строй был непрочный и сам себе не мог обеспечить защиты. Это говорит о том, что внутри Южной Кореи режим не пользовался поддержкой, но внутренних сил для восстания не хватило. Видимо, все-таки организационная работа была поставлена слабо, а Ким Ир Сен считал, что Южная Корея вся покрыта партийными организациями, которые только ждут сигнала и тут же подымут народ на восстание. А восстания не получилось.

Заняли Сеул, и армия быстро и очень успешно продвигалась вперед. Мы все радовались и желали Ким Ир Сену успехов, потому что это была освободительная война и это была война классовая: рабочие, крестьяне, интеллигенция под руководством Трудовой партии Северной Кореи, которая стала и стоит на социалистических началах, боролись с капиталистами. Это прогрессивное было явление.

Но в конце концов, когда армия подошла к Пусану, не хватило духу. Его надо было взять, и война бы кончилась. Таким образом, была бы единая Корея, безусловно социалистическая, более мощная, с богатой промышленностью, сырьем и сельским хозяйством.

Увы, этого не произошло. Противник воспользовался тем, что Ли Сын Ман организовал сопротивление в Пусане и подготовил войска для высадки десанта. Десант был высажен, и создались очень тяжелые условия.

Собственно, вся армия, которая была на юге, была отрезана этим десантом, и все вооружение, которое там было, досталось Ли Сын Ману. Одним словом, настал катастрофический момент для Северной Кореи. Нависла угроза катастрофы над Северной Кореей.

Мне совершенно было непонятно, почему Сталин отозвал всех наших советников, которые были в дивизиях, а может быть, и в полках, когда Ким Ир Сен готовился к походу. Он отозвал всех советников, которые консультировали и помогали строить армию.

Я тогда сказал об этом Сталину, и он очень враждебно реагировал на мою реплику: «Не надо. Они могут быть захвачены в плен. Мы не хотим, чтобы были данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена».

Таким образом, наших советников там не было. Это поставило армию в тяжелые условия. Когда уже завязались упорные бои, я очень переживал: мы получали донесения о трагичном состоянии Ким Ир Сена.

Я очень сочувствовал Ким Ир Сену и опять предложил Сталину: «Товарищ Сталин, почему бы нам не оказать более квалифицированную помощь в виде советов Ким Ир Сену? Ким Ир Сен сам человек не военный, партизан, но он революционер, который хочет воевать, хочет

драться за свой народ, освободить всю Корею. Хочет, чтобы она была свободной и независимой. Он сам не военный человек, а тут наступит война уже с американскими частями.

Вот Малиновский. Он командует сейчас Дальневосточным военным округом. Почему бы где-то в Корее сейчас не посадить Малиновского с тем, чтобы он инкогнито разрабатывал военные операции, давал бы указания и тем самым оказывал помощь Ким Ир Сену?».

Сталин очень остро реагировал на мои замечания. Я был поражен: ведь Сталин благословил Ким Ир Сена, не сдерживал, а вдохновлял его на этот путь.

Я считаю, что если бы Ким Ир Сен получил еще один, максимум два танковых корпуса, то он ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан. Война бы кончилась. Потом американская пресса говорила, что если бы Пусан был занят с ходу, то якобы было решено не вмешиваться вооруженными силами со стороны США. Но этого не произошло.

Была заминка, и тогда был нанесен удар десантными войсками США. Они отбили Сеул, продвинулись дальше, перешли 38-ю параллель, разграничительную линию, которая была установлена при капитуляции Японии. Наступило катастрофическое положение для Северной Кореи, для Ким Ир Сена.

Наш посол писал очень трагичные донесения о душевном состоянии Ким Ир Сена. Ким Ир Сен уже собирался уйти в горы, опять вести партизанскую войну.

Когда нависла угроза, Сталин смирился с тем,

что Северная Корея будет разбита и что американцы выйдут на нашу границу.

Я отлично помню, как Сталин в связи с обменом мнениями по обстановке, которая сложилась в Северной Корее, сказал: «Ну что же? Пусть теперь будут нашими соседями на Дальнем Востоке Соединенные Штаты Америки. Они туда придут, но мы воевать сейчас с ними не готовы».

Никто больше никаких реплик ему не подавал, и вопрос считался за Сталиным. Я говорю «за Сталиным» условно, потому, что наших войск там не было.

Если наши войска там и были, то они только лишь прикрывали аэродромы. Я сейчас даже точно не помню, были ли эти аэродромы на территории Северной Кореи, или эти аэродромы располагались на территории Маньчжурии. Мы занимали тогда Порт-Артур.

На первых порах, когда завязалась война, наша авиация успешно справлялась с задачей, которая была поставлена, по прикрытию городов и электростанций. Она не допускала бомбежки и сбивала американцев. В основном тогда наша авиация была вооружена истребителями МИГ-15. Это был новый наш истребитель с реактивным двигателем. Очень маневренный и очень хороший истребитель. Американцы в ходе войны перевооружили свою авиацию, ввели новый истребитель, который был более быстроходен и более мощен. Против этих истребителей наш МИГ-15 был слаб, и мы стали терпеть поражения. Американцы прорывались и бомбили безнаказанно. Мы уже не обеспечивали прикрытия и утратили свое господство в воздухе.

Когда создалось такое трагическое положение для Северной Кореи, вдруг прибыл Чжоу Эньлай. Я не присутствовал при его встрече со Сталиным. Сталин был тогда на юге, и Чжоу Эньлай прямо полетел туда. Об этих переговорах я узнал позже, когда Чжоу Эньлай улетел.

Сталин, когда вернулся в Москву, рассказывал, что Чжоу Эньлай прилетел по поручению Мао Цзэдуна посоветоваться, как быть. Он спрашивал Сталина, выдвигать ли на территорию Северной Кореи китайские войска, чтобы (у корейцев уже не было войск) преградить путь на север южнокорейцам и американцам, или же не стоит.

Сперва, поговорив со Сталиным, они вроде пришли к выводу, что Китаю не стоит вмешиваться. Потом, когда Чжоу Эньлай готовился к отъезду, кто-то проявил инициативу — то ли Чжоу Эньлай по поручению Мао Цзэдуна или же Сталин, — и они опять вернулись к обсуждению этих вопросов. И тут же согласились с тем, что Китай выступит в поддержку Северной Кореи. Китайские войска уже были подготовлены и находились на самой границе. Считали, что эти войска вполне справятся, разобьют американские и южнокорейские войска и, таким образом, восстановят положение.

Чжоу Эньлай улетел. Я его не видел, не слышал и говорю только то, что узнал потом по рассказам самого Сталина. Там никого не было, помимо, кроме Сталина.

Так был решен вопрос о том, что Китай вступает в войну добровольцами. Он не объявлял войну, а послал добровольцев, которыми коман-

довал Пын Дехуэй. Мао Цзэдун дал очень высокую оценку Пын Дехуэю. Он говорил, что это лучшая, самая яркая звезда на китайском военном небосклоне.

Начались бои. Нужно сказать, что китайцы действительно остановили продвижение южнокорейцев и американцев. Шли упорные бои.

Сохранились все документы, в которых Пын Дехуэй докладывал обстановку Мао Цзэдуну. Он составлял обширные телеграммы, в которых излагал планы военных действий против американцев. Там намечались рубежи, намечались сроки и силы, которые нужны. Он категорично заявлял, что они будут разбиты, будут окружены после решающих фланговых ударов. Одним словом, несколько раз в этих планах, которые сообщались Мао Цзэдуну, а Мао переписывал их Сталину, громились войска США и война кончалась.

Но, к сожалению, война не кончалась. Китайцы терпели очень большие поражения. Мы получили сообщение, что при налете на командный пункт был убит китайский генерал — сын Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун потерял сына в Северной Корее.

Война продолжалась, и война была очень упорной и кровавой. Китай нес очень большие потери, потому что его техника, вооружение значительно уступали США. Тактика была построена главным образом на использовании живой силы — и оборона, и наступление.

Война принимала затяжной характер. Уже стабилизировались фронты и с той и с другой стороны.

В это время Сталин умер. Война продолжалась. Я эту войну сейчас представляю в своих записях, конечно, схематично, потому что я по памяти все говорю, а документов, в которых, например, решались вопросы по оказанию военно-технической помощи северокорейцам, я вообще не видел. Их никто не видел, кроме Сталина. Но основу нашей политики я знал. Документы, которые мы получали от нашего посла, я читал. В это время я уже получил «права гражданства» и стал почти читать. Сталин сказал, чтобы мне рассылали документы, а то раньше я почты не получал.

Когда я работал на Украине, я никакой почты Политбюро не получал, кроме тех вопросов, которые непосредственно относились к Украине или ко мне лично. Теперь же получал донесения от Пын Дехуэя, которые Мао Цзэдун переслал Сталину. Сталин их рассылал, и я, таким образом, лучше знал положение дел, которое сложилось в Северной Корее.

Вот, собственно, корейский вопрос.

Свидетельство очевидца

Иван Афанасьевич Кан — наш советский гражданин, родился в Приморье. На закате Отечественной войны судьба его вдруг сделала крутой поворот: он стал гражданином Северной Кореи, где звали его по-корейски Кан Сан Хо. Без малого пятнадцать лет пробыл Иван Афанасьевич в КНДР, дослужившись до звания генерал-лейтенанта и занимая пост заместителя ми-

нистра внутренних дел этой страны — родины его предков.

«Незадолго до начала братоубийственной войны все средства массовой информации Севера развернули широкую пропаганду усилий руководства КНДР в деле мирного объединения страны, тех якобы мирных предложений, с которыми Ким Ир Сен неоднократно обращался к администрации Южной Кореи. В то же время ни дня не проходило без возмущенных сообщений о вооруженных провокациях южнокорейцев. Газеты твердили, что Ли Сын Ман стремится объединить страну силой оружия. Все издания обошла фотография госсекретаря США Даллеса, который показывал в сторону Севера, находясь рядом с 38-й параллелью. Подпись к ней сообщала, что вот таким манером Даллес приказывает американской марионетке Ли Сын Ману напасть на КНДР. Таким образом, все население, и я в том числе, было уверено, что скорой войны не избежать и что начнется она, несомненно, по инициативе Юга, продавшегося американцам.

Я в то время работал заместителем председателя комитета ТПК провинции Канвон. В мае 50-го я уехал в командировку в уезд Енчон. Сюда, в непосредственное соседство с 38-ой параллелью, только что были введены из Китая две дивизии, состоявшие из военнослужащих исключительно корейской национальности. Я, естественно, решил, что это превентивная мера северокорейского руководства на случай военных действий.

В июне я приболел и попал в центральную больницу в Пхеньяне. В одно время со мной там

лежали несколько высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Мы часто обсуждали положение в стране в связи с явными признаками приближения войны. И вот вдруг накануне выписки в 2 часа ночи меня вызывают к телефону. Звонил первый секретарь ЦК ТПК, предложивший мне немедленно явиться к председателю Совета Министров, то есть к Ким Ир Сену. Когда я вошел в кабинет, там уже полностью собрался весь Совет министров и ряд приглашенных лиц. Ким Ир Сен сейчас же сообщил о том, что два часа тому назад, в час ночи, южнокорейская армия открыла огонь вдоль всей 38-й параллели. В связи с этим нападением он, как верховный главнокомандующий, отдал приказ о контрнаступлении. Все единогласно проголосовали за утверждение этого приказа.

28 июня я приехал в приграничный уезд Хвачен. Честно говоря, я был немало озадачен полным отсутствием следов военных действий на северном берегу реки Хвачен, по которой проходила разграничительная линия. На нашей стороне не было ни разрушений, ни воронок от разрывов снарядов или мин, ни одного убитого или раненого?! На другом берегу начиналась Южная Корея. Туда-то, в город Чунчен, центр провинции Южный Канвон, только что освобожденный нашими доблестными войсками, я и направился. По мере продвижения на юг мне все чаще стали попадаться разгромленные военные объекты южан, судя по всему застигнутые врасплох, — тут и там стояли пушки с полным боекомплектом, лежали десятки необруанных трупов солдат южнокорейской армии.

Я ломал голову: как странно повели себя американцы, с одной стороны приказав Ли Сын Ману напасть на Север, а с другой — эвакуировав все свои войска из Южной Кореи за исключением одной-единственной дивизии, командир которой — Тин — ко всему еще оказался в плену?! Словом, надо быть слепым или идиотом, чтобы не понять, что войну, несомненно, начал Ким Ир Сен. Именно он должен нести полную ответственность перед корейским народом за развязанную им гражданскую войну, когда брат пошел на брата и сын на отца.»

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

С самого начала своего президентства Рональд Рейган занял непримиримую позицию в отношении сандинистской Никарагуа. Именно здесь президент США вознамерился «дать бой коммунизму», воспрепятствовать неблагоприятным для Вашингтона «сдвигам регионального баланса». Кроме того, президент желал доказать американцам, которых Вьетнам отвратил от зарубежных авантур, что использование американской мощи для достижения политических целей все еще действенно и плодотворно.

США с успехом использовали свою власть для нажима на такие международные финансовые институты, как Всемирный банк и Межамериканский банк развития, с тем, чтобы лишить Никарагуа кредитов, а в 1985 году ввели эмбарго на торговлю с ней. Но главное место в тактике администрации заняла военная агрессия, осуще-

ствляемая руками контрреволюционных банд, состоящих в основном из изгнанных революцией приспешников свергнутого диктатора Самосы.

Сами по себе эти разрозненные группы не представляли серьезной угрозы. Первые полтора года своего существования контрас были способны лишь завязывать перестрелки и угонять скот. Ситуация качественно изменилась в 1982 году, когда ЦРУ стало предоставлять им оружие, способствовать их объединению в более крупные военные формирования.

В 1981 году были выделены первые 19 млн. долларов для проведения тайных операций против Никарагуа, в США началась подготовка командиров контрас, а на территории Гондураса провели маневры американские войска, в ходе которых создавалась инфраструктура для функционирования антиникарагуанских банд. Именно эти действия можно считать началом «войны контрас».

Вскоре было предоставлено еще 30 млн. долларов скрытой помощи, а в декабре 1983 года конгресс выделил контрас 24 млн. правительственных средств. В рамках военной поддержки контрас поставлялось зенитное оружие, винтовки, пулеметы, минометы, ракеты, воздушный транспорт. При этом ЦРУ не включало в сумму помощи расходы на содержание своих агентов, судов, с которых производились диверсии против никарагуанских портов, разведывательные полеты, радиоперехват. Траты на эти цели составляли, по мнению «Вашингтон пост», не менее 400 млн. долларов в год. Не входят в счет официальной помощи контрас и затраты на про-

водившиеся почти непрерывно маневры войск США в Гондурасе, вблизи границы Никарагуа.

В печать попали и сведения о содержании, которое платило ЦРУ контрреволюционерам (львиная доля всех средств доставалась при этом Никарагуанским демократическим силам (НДС) — основному вооруженному отряду контраст). Так, по данным газеты «Филадельфия инкуайер», члены руководства НДС получали по 1200 долларов в месяц, сотрудники Генерального штаба Э. Бермудеса (в прошлом — высокопоставленного представителя самосовской национальной гвардии) по 2000, старшие офицеры, командиры крупных отрядов и рядовые члены соответственно по 1000, 750 и 400 долларов в месяц. Всем известно, писала «Вашингтон пост» 4 марта 1986 года, что антисандинистское движение «мы купили и заплатили за него, и без нас оно исчезнет». В 1983 году, видя неэффективность акций контраст, Белый дом решил усилить нажим силами самих США. ЦРУ осуществило руками своих агентов нападение на никарагуанские порты и затем, в 1984 году, их минирование. В это же время выяснилось и авторство ЦРУ в составлении руководства по ведению войны в Никарагуа, где, в частности, советовалось уничтожать членов сандинистской партии и создавать «мучеников за правое дело», убивая своих же сторонников и выдавая их за «жертв террора» сандинистов. Возмущение такими действиями внутри США и за рубежом, а также недовольство законодателей тем, что ЦРУ предпринимало эти шаги без их ведома, побудили конгресс запретить правительственную помощь

контрас и военное сотрудничество с ними (поправка Боуленда).

В 1985 году конгресс вновь одобрил финансирование наемных банд в размере 27 млн. долларов, оговорив, что эти средства должны идти лишь на «гуманную помощь».

Однако и в годы, когда Вашингтон не давал контрас денег официальным путем, они не оставались без американской поддержки: их финансирование взяли на себя организации ультраправого толка, такие, как Всемирная антикоммунистическая лига, «Фонд гражданской помощи» и т. д. За этим «частным финансированием войны» с помощью крайне правых организаций зачастую стояла администрация. Например, в нарушение наложенного конгрессом запрета, оружие для контрас поставлялось с военной базы США Илопанго (Сальвадор).

Участие официальных лиц правительства Рейгана в снабжении никарагуанских контрреволюционеров приоткрылось после того, как 5 октября 1986 года над Никарагуа был сбит транспортный самолет с оружием на борту, полет которого, по словам члена экипажа гражданина США Ю. Хазенфуса, находился под прямым контролем ЦРУ. Связующим звеном между администрацией и контрас был подполковник морской пехоты сотрудник СНБ О. Норт, он же консультировал мятежников по военным вопросам и направлял к ним тех, кто оказывал «частную» помощь.

И, наконец, наиболее ярким свидетельством готовности рейгановской администрации во что бы то ни стало — даже в обход законов США —

содержать антисандинистские банды явилась афера «Иран-контрас», главным действующим лицом которой был тот же подполковник Норт.

О скандале «Иран-контрас»

Специальный независимый прокурор Лоуренс Уолш опубликовал в США свой доклад о расследовании уголовных аспектов дела.

В течение семи лет Л. Уолш собирал и анализировал материалы слушаний в конгрессе США по этому делу, изучал сохранившиеся документы администрации, опросил многих свидетелей и участников скандала. Специальный прокурор стремился выяснить действительную роль в этой афере руководителей и основных исполнителей тайной операции по продаже оружия Ирану и переводу части вырученных средств никарагуанским контраст.

Подробный доклад Л. Уолша объемом в два тома позволяет сделать вывод о том, что президент Р. Рейган сам выдвинул идею оказания тайной помощи никарагуанским контраст. Во время обсуждения в Белом доме этой идеи Р. Рейган предложил членам кабинета высказать свое мнение в «приватном порядке». Некоторые члены правительства, в частности министр обороны К. Уайнбергер и государственный секретарь Дж. Шульц, возражали против этого плана.

Бывший в то время вице-президентом Дж. Буш утверждал, что он занимал «пассивную позицию» в деле «Иран-контрас», однако меморан-

дум Белого дома, который был предан гласности в декабре 1987 года, свидетельствует о том, что Дж. Буш выступил в поддержку секретной продажи оружия Ирану. В связи с этим независимый прокурор Л. Уолш запросил бывшего вице-президента США «разъяснить свою роль» в принятии данного решения.

Из доклада Л. Уолша следует, что в ходе скандала «Иран-контрас» допущены серьезные нарушения законов США. Тайные поставки оружия осуществлялись во враждебную США страну Иран, с которой были разорваны отношения после исламской революции 1979 года. Религиозно-политическое руководство Ирана разрешило «студентам» и членам «Корпуса стражей исламской революции» захватить в качестве заложников 52 сотрудников посольства США и задержать их на длительное время. Кроме того, по утверждению представителей США, Иран поддерживал «международных террористов», в частности партию «Хезболла» в Ливане, захвативших несколько заложников из числа американцев.

Часть средств от незаконной продажи оружия Ирану переводилась никарагуанским контрас в то время, когда действовало решение конгресса США о прекращении им военной помощи. По американским законам, подобное нарушение рассматривается как уголовное преступление, наказуемое тюремным заключением.

Американское оружие поставлялось в район вооруженного конфликта, что противоречит международным правилам и обычаям. Иран в 1980—1988 годах вел кровопролитную войну

с Ираком. «Корпус стражей исламской революции» и некоторые армейские подразделения участвовали в подавлении иранских курдов.

Л. Уолш в своем докладе осудил бывшего президента Р. Рейгана за содействие незаконным операциям официальных лиц Белого дома. Несмотря на отрицание прямого участия в афере, Р. Рейган и Дж. Буш, по утверждению Л. Уолша, были в курсе секретных попыток администрации освободить американских заложников в Ливане в 1985—1986 годах путем несанкционированных поставок оружия Ирану. И тем не менее Л. Уолш пришел к выводу, что нет серьезных доказательств нарушения Р. Рейганом Уголовных законов США.

Большинство документов Белого дома об этой незаконной операции были уничтожены сотрудником Совета национальной безопасности подполковником Оливером Нортм. Л. Уолш выдвинул уголовное обвинение против помощника президента по национальной безопасности Джона Пойндекстера и О. Норта. О. Норт обвиняется в даче ложных показаний конгрессу США, уничтожении секретных правительственных документов и мздоимстве. Однако оба они отделались «легким испугом». О. Норт в июле 1990 года был приговорен к трем годам тюремного заключения, да и то условно, штрафу в 150 тыс. долларов и 1200 часам работы «на службу в пользу обществу».

Федеральный апелляционный суд США, ссылаясь на процедурные «ошибки», отменил обвинение О. Норта в умышленном уничтожении секретных правительственных документов,

т. е. фактически решение суда было проигнорировано.

О. Норт заявил корреспондентам, что он честно служил президенту Р. Рейгану и сдержал свое слово оказать помощь никарагуанским контрастам.

Поставки американского оружия в Иран использовались руководителями Республиканской и Демократической партий в ходе предвыборной борьбы. Как утверждал один из поставщиков оружия в Иран, бывший сотрудник разведки Израиля Ари Бен-Мешан, руководитель предвыборной кампании республиканцев Уильям Кейси в 1980 году трижды встречался с представителями иранского руководства. Встречи проводились в Мадриде и Париже. На встрече в Париже, кроме У. Кейси, участвовали Р. Гейтс, бывший в то время сотрудником Совета национальной безопасности в администрации Джимми Картера, бывший директор ЦРУ Дж. Буш. Представители Р. Рейгана и иранского руководства обсуждали вопрос о возможности отсрочки освобождения 52 заложников из персонала посольства США в Тегеране, захваченных 4 ноября 1980 года. В обмен за это представители Р. Рейгана обещали продать оружие Ирану.

Данные о попытках команды Р. Рейгана временно заблокировать освобождение американских заложников в Тегеране с целью подорвать позиции Дж. Картера на выборах содержались также в официальных заявлениях некоторых иранских деятелей, в том числе министра иностранных дел Готб-заде. В качестве условий освобождения заложников Иран в то время выдвигал

размораживание иранских авуаров в США, возврат капиталов шаха и членов его семьи, снятие экономической блокады Ирана и отмену эмбарго на поставки запасных частей для закупленного ранее американского оружия. С другой стороны, поступали сведения, что в том же 1980 году проходили переговоры представителей администрации Дж. Картера и иранского руководства, в ходе которых также обсуждались вопросы о тайных поставках в Иран американского оружия и запчастей, возможность постепенной нормализации ирано-американских отношений, оказания поддержки президенту Дж. Картеру в ходе избирательной кампании путем освобождения американских заложников. В соответствии с достигнутыми договоренностями в 1980 году в Иран через Турцию было переброшено значительное количество запасных частей для самолетов F-4 и F-5, а также для танков M-60.

Демократы, как и республиканцы, исходили из того, что имам Хомейни, провозгласив политику «ни Запад, ни Восток» и всячески проклинавшая «американского дьявола», империализм и сионизм, был вынужден любыми путями добывать американское оружие, запасные части и боеприпасы. Военные эксперты отмечали, что после исламской революции в Иране правительство испытывало острый дефицит в оружии, запасных частях и боеприпасах для подавления восстания иранских курдов и ведения начавшейся в сентябре 1980 года восьмилетней войны с Ираком. Иранская армия в тот период была оснащена западным, в основном американским и английским, оружием, а ВВС полно-

стью укомплектованы самолетами США. Потребность в срочных поставках оружия и военного имущества объяснялась также тем, что после революции в Иране были аннулированы крупные заказы на поставку Тегерану вооружений общей стоимостью около 10,6 млрд. долларов.

После победы Р. Рейгана на выборах в начале 1981 года в Лондоне было заключено соглашение, в соответствии с которым Иран освободил американских заложников, а США продолжил поставки оружия, запасных частей и боеприпасов для иранской армии. В 1981 года из Израиля самолетами направлялись в Иран запасные части для испанских истребителей F-4 и другое военное снаряжение. При посредничестве Израиля Иран в 1983 году закупил установки ракет класса «земля-земля» «Лэнс» и артиллерийские орудия на сумму 135 млн. долларов. С 1985 года поставки оружия из США в Иран через Израиль приняли крупномасштабный характер. Оружие направлялось самолетами и морскими судами. Ирану были проданы зенитные ракеты «Хок» и противотанковые управляемые снаряды ТОУ, которые позволяли иранской армии противостоять значительно превосходящим танковым соединениям и ВВС Ирака.

Правительство Израиля в 1986 году в официальном коммюнике признало факт передачи «оборонительного оружия и запчастей» из США в Иран «по просьбе американской стороны». Вырученные деньги переводились в швейцарский банк по инструкциям представительства США. Израиль, очевидно, рассматривал Ирак как бо-

лее опасного противника, чем Иран. Имели также место сделки по продаже Израилем оружия американского производства и без санкции администрации США.

Оружие поставлялось Ирану по завышенным ценам. Так, партия ракет ТОУ стоимостью в 2 млн. долларов была передана Пентагоном ЦРУ за 4 млн. долларов, а израильский посредник продал ее Ирану уже за 19 млн. долларов. Разница оседала частично у посредников и переводилась на счет ЦПУ в Швейцарии, а оттуда передавалась контрабандой.

При этом использовались также возможности обанкротившегося Международного кредитно-коммерческого банка. Всего было передано контрабандой около 30 млн. долларов. Продажа оружия увязывалась также с освобождением американских заложников в Ливане.

АВГУСТ, 1991

19 августа в Москве было объявлено, что президентская власть в Советском Союзе переходит к вице-президенту, поскольку Михаил Горбачев «не может исполнять свои обязанности по состоянию здоровья». На самом деле Горбачев находился под арестом на своей даче в Крыму, став жертвой переворота, организованного консервативными коммунистами, решившими положить конец перестройке и гласности.

Известные сторонники реформ в Советском Союзе предупреждали о возможности такого поворота событий, и Горбачев попытался нейтра-

лизовать оппозицию консерваторов путем предоставления многим из них высоких постов, что вызвало протесты со стороны реформаторов.

По сути, путч оказался незадачливым фарсом, провалившимся за три дня. Его руководители явно не были уверены в достаточной поддержке со стороны армии, не решаясь отдать приказ войскам перейти к наступательным действиям, поскольку боялись получить их отказ подчиниться такому приказу.

Более того, несмотря на то, что многие выдающиеся деятели не выражали ни поддержки, ни осуждения путча, ему было оказано серьезное сопротивление, особенно со стороны Президента Российской Республики Бориса Ельцина.

Итоги путча оказались противоположными намерениям его инициаторов. Они способствовали значительному усилению позиций Ельцина по отношению к его сопернику Горбачеву и подтолкнули советские республики к провозглашению своей независимости. Большинство республик так и поступило до конца августа. Путч продемонстрировал также потребность в проведении кардинального реформирования политической системы, что, в свою очередь, означало быстрое полное крушение Коммунистической партии. Вынужденный признать роспуск партии, Горбачев предпринимал отчаянные запоздалые попытки сохранить единство Советского Союза, однако к концу года на смену ему пришло Содружество Независимых государств. Вслед за этим Горбачев, оставшись не у дел, ушел в отставку.

Его предали друзья и спасли противники. Им восхищались, его ненавидели, над ним смеялись. В Бонне и Мадриде, в Париже и в Милане его встречали восторженные толпы. На митингах в Ленинграде, Риге и Москве его сравнивали с Гитлером и Хусейном. Он стал лауреатом Нобелевской премии Мира, а журнал «Тайм» объявил его человеком десятилетия. Его войска ушли из Афганистана, его войска убивали людей в Вильнюсе и Тбилиси. При нем сбылось пророчество Рейгана о коммунизме, остающемся на свалке истории. Гигантская советская империя, над которой никогда не заходило солнце, ушла в прошлое. Страны победившего социализма больше нет.

Имя Горбачева в истории навсегда останется связано с концом коммунизма на земле.

«Семь дней, которые потрясли мир»

«Си-эн-эн» сообщает:

Нельзя сказать, что успешное начало Михаила Горбачева и его попытка реформировать советское общество явились для страны чем-то неожиданным. В самом деле, семена реформ посеяны Никитой Хрущевым еще в 50-х годах, и их необходимость была стара, как сама коммунистическая система. Эта система грубо и жестоко обходилась с советскими людьми, она так и не дождала до выполнения данных ею обещаний. Попытка переворота в августе 1991 года явилась второй русской революцией.

Когда президент России Борис Ельцин и другие лидеры забаррикадировались в здании российского парламента, полные решимости отразить начавшийся 18 августа 1991 года путч, они сражались с советской историей. В течение более чем семи десятилетий ужасной диктатуры десятки миллионов людей погибли в результате расстрелов, пыток, голода либо иных бесчеловечных действий, а десятки миллионов других были посажены в лагеря и тюрьмы либо высланы за рубеж по приказу или по прихоти их вождей.

По утверждению историков, за время тридцатилетнего правления Владимира Ленина и Иосифа Сталина погибло не менее 47 миллионов граждан в результате мер, принятых их собственным правительством. Эта цифра даже не включает те 16—26 (по различным подсчетам) миллионов людей, которые погибли во время второй мировой войны.

Большевики захватили власть 7 ноября 1917 года, когда Временное правительство барахталось, пытаясь справиться с войной и нехваткой продовольствия после того, как за шесть месяцев до этого спонтанная революция хлынувших на улицу людей прогнала царя Николая II. Ленин умело руководил недовольством народа тем, что контроль осуществляет аристократия, что не хватает продовольствия и что за три года первой мировой войны убито два миллиона человек.

Зажигательными лозунгами большевиков были: «Мир! Землю! Хлеба!». Они не выполнили ни одного из этих обещаний. Обещание земли оказалось самым лицемерным. Через несколько лет

Сталин национализирует всю землю и принудит крестьян работать в колхозах. Частные фермеры (крестьяне-единоличники) с их небольшими земельными наделами были искоренены; власти конфисковали землю, а самих крестьян отправили в ссылку либо в лагеря и тюрьмы.

Первой блага революции 1917 года ощутила интеллигенция. Короткое время свобода высказываний процветала, но через два месяца после захвата власти Ленин и его окружение стали создавать систему тотального контроля диктатуры, что превращало оппозицию в бессмыслицу.

Они конфисковали все печатные станки и бумагу. При власти большевиков печатные станки принадлежали Коммунистической партии. Большевики учредили временные революционные суды, исключив малейшую возможность сопротивления по юридическим каналам. Они создали секретную полицию — ЧК, переименованную впоследствии в КГБ, и обязали ее бороться с прессой, саботажниками, забастовщиками и политическими противниками коммунистов.

К тому времени, когда Горбачев занял свой пост, экономика страны хирела уже на протяжении четырех лет. Коррупция буйно разрослась. Для того чтобы чего-нибудь добиться, начиная от нормального медицинского обслуживания или установки телефона до куска говядины, советские граждане вынуждены были предлагать в обмен услуги или взятки. Алкоголизм стал присущим нации явлением. Война в Афганистане обескровливала страну точно так же, как одним поколением ранее война во Вьетнаме терзала Соединенные Штаты.

Однако, не в пример их родителям в хрущевские времена, советские люди 1985 года были образованнее и лучше информированы. Коммунизм принес массам всеобщее начальное обучение, зародив тем самым одну из причин собственного разрушения. Образованным людям свойственно стремление к демократии.

На протяжении трех четвертей века Коммунистическая партия постепенно распространяла свое влияние и контроль над каждой стороной жизни общества. То, что она не контролировала напрямую, она контролировала через другие организации, такие, как КГБ, МВД, органы пропаганды, систему образования и Вооруженные Силы. Генеральный секретарь партии обладал абсолютной властью, но его решения воплощались в жизнь партийными секретарями меньшего ранга. Эти местные партийные бюрократы стали знатью в обширной современной феодальной системе.

По сообщению газеты «Вашингтон пост», Эдуард Шеварднадзе, занимавший при Горбачеве с 1985 по 1990 год пост министра иностранных дел, рассказал, что за несколько лет до прихода к власти, во время уединенной прогулки они признались друг другу, что в стране и в Коммунистической партии «все прогнило», и, если не произойдут радикальные изменения, Советский Союз будет обречен.

В мае 1988 года от высокопоставленных советских лиц стали просачиваться столь ошеломляющие новости, что западные редакторы начали сомневаться в сообщениях своих корреспондентов. Приводились высказывания, что на

партийной конференции в июне Горбачев предложит провести по-настоящему демократические реформы, предусматривающие свободные выборы, передачу власти от партии правительству и учреждение подлинной законодательной власти, которая будет обсуждать и принимать законы. К изумлению советских людей, впервые смотревших по телевизору выдержки с конференции партийного руководства, это как раз и случилось.

В октябре поступь перемен начала ускоряться. Первым появился закон, разрешающий альтернативные выборы кандидатов, но все еще не на многопартийной основе. Закон также призвал заменить символическую законодательную власть, печально известную своим роботоподобным одобрением постановлений Коммунистической партии, настоящим, действующим парламентом.

Но даже по мере ослабления Горбачевым контроля партии стоящие перед ним проблемы вовлекали его во все усиливающийся жесткий переплет. Он возвысил Бориса Ельцина до видного положения секретаря Московского горкома партии, а затем снял его с этого поста, когда провинциал из Сибири стал выражать недовольство коррупцией в высших эшелонах партии. В армянском анклав — Нагорном Карабахе — в Азербайджане вспыхнула этническая борьба. Слева правительства Прибалтийских республик продолжали выражать свои критические замечания в адрес правительства Горбачева, в то время как ведущие функционеры Коммунистической партии подрывали его позиции справа.

Весна 1989 года принесла советским людям первые свободные выборы со времени революции 1917 года. Коммунистическая партия осталась все еще единственной политической партией. Она завоевала 39 из 42 мест в парламенте. Но впервые граждане могли голосовать против местного партийного руководства.

Борис Ельцин, по его собственному определению, «политический труп», получил ошеломляющие 89 процентов голосов, баллотировавшись на пост народного депутата от Москвы.

В Ленинграде избиратели забаллотировали представителя святая святых Кремля — члена Политбюро ЦК КПСС Юрия Соловьева, несмотря на то что у него не было соперника. Они зачеркнули его фамилию в бюллетенях, и он не сумел набрать необходимы 50 процентов голосов.

Ожидания от работы Съезда народных депутатов были большие. Но постепенно люди разочаровывались, так как, хотя в его работе принимали участие радикалы вроде Ельцина, Сахарова и делегации Прибалтийских республик, он все еще на 80 процентов состоял из коммунистов-ортодоксов.

В последующие два года съезд и его рабочий законодательный орган — Верховный Совет — примут законы, ставшие историческими вехами, гарантирующими свободу печати, передвижения и вероисповедания. Однако по десяткам других важнейших вопросов он не принял никаких решений. Было рассмотрено по меньшей мере пятнадцать самостоятельных планов экономической реформы, каждый из которых близко подходил

к идее рыночной экономики, но ни один не осмелился употребить это избегаемое слово «капитализм».

Во время своей последней поездки в Литву Горбачев высказал суждение, воздействие которого было подобно взрыву бомбы. Отвечая на последний вопрос, заданный ему на встрече с активом Компартии Литвы, Горбачев беспечно заявил: «Я не вижу трагедии в многопартийной системе. Нам не следует ее опасаться подобно тому, как черт боится ладана». На сей раз даже присутствовавшие корреспонденты не могли этому поверить. Через три недели Горбачев протащил эту революционную идею на Пленуме ЦК в присутствии 249 членов и 700 приглашенных лиц, большинство из которых придерживались прогрессивных взглядов.

Следующий месяц, март 1990 года, был решающим. Горбачев запланировал провести чрезвычайную сессию Верховного Совета, на которой предполагалось формально отказаться от зафиксированной в конституции монополии Компартии на власть. На сессии предусматривалось также предоставить ему как президенту дополнительные полномочия и принять законопроекты, затрудняющие республикам выход из СССР.

Первые некоммунистические правительства в Советском Союзе появились в Прибалтийских республиках. Российский парламент состоял наполовину из традиционных коммунистов, наполовину — из реформаторов. Крайне незначительным большинством голосов его председателем был избран Борис Ельцин, после чего

парламент России присоединился к параду республик, провозгласивших приоритет своих законодательных актов над постановлениями Советского правительства.

Надежда блеснула в сентябре, когда Горбачев и Ельцин достигли соглашения о принятии 500-дневной программы экономической реформы, предусматривавшей распродажу государственных предприятий, квартир и земли и действительный переход к рыночной экономике. Однако Горбачев неожиданно пошел на попятную, столкнувшись с решительным возмущением сторонников жестокой линии.

Список их обид был достаточно велик: потеря Восточной Европы; объединение исторического противника — Германии; борьба за независимость Прибалтийских республик; вывод войск из Афганистана, Чехословакии и Венгрии; демонтаж тысяч ракет с ядерными боеголовками на основе соглашения с Соединенными Штатами о контроле над вооружениями; утечка мозгов в результате эмиграции сотен тысяч граждан; утрата контроля над умами в результате ослабления цензуры и возможности миллионов советских людей побывать за рубежом; разрушающаяся экономика; утрата СССР престижа супердержавы; отказ от своего давнего союзника — Ирака и поддержка санкционированного ООН вооруженного вмешательства в войну в Персидском заливе.

Постепенно, на протяжении осени 1990 года, Горбачев начал менять собственные реформы. Самое потрясающее — он заблокировал свою первоначальную политику гласности, или от-

крытости, возродив цензуру на Центральном телевидении. Он снял Вадима Бакатина с поста министра внутренних дел, ответственного за милицию и внутренние войска по борьбе с беспорядками, за мягкотелость. Он назначил на ключевые посты трех будущих участников заговора: Бориса Пуго, бывшего генерала КГБ, — министром внутренних дел; министра финансов Валентина Павлова — премьер-министром и Геннадия Янаева — вице-президентом.

По словам Александра Яковлева, соратника Горбачева по реформе, в марте Крючков убедил Горбачева, что демонстранты-демократы намерены штурмовать стены Кремля, «используя крюки и лестницы». Это способствовало тому, что в столицу были стянуты десятки тысяч солдат для того, чтобы предотвратить проведение демонстраций демократического характера. Десятки тысяч москвичей проигнорировали запрет и прошествовали мимо стоявших в оцеплении войск, но беспорядков удалось избежать.

В апреле и еще раз — в июле Горбачев со своими проблемами в поисках помощи отправился за рубеж. Он съездил в Японию, но для того, чтобы добиться помощи от Японии в обмен на Курильские острова, у него не хватило полномочий. В июле он побывал в Лондоне на ежегодной встрече по экономическим вопросам глав семи ведущих индустриальных держав. Ему удалось привлечь все-мирное внимание к экономическим проблемам страны, но он не многого добился в плане оказания ей материальной помощи. Ощущая всевозрастающую изоляцию и не добиваясь положительных результатов у себя в стра-

не, он все еще представлял собой важную фигуру на мировой сцене.

С приходом лета 1990 года Коммунистическая партия оказалась на грани гибели. Борис Ельцин и многие другие уже открыто вышли из ее рядов. Горбачев передал в ведение государства многие функции, которые ранее выполняла партия. В связи с этим партийная номенклатура восприняла предложенный проект Союзного договора как окончательный приговор основе своей власти во всеобъемлющей бюрократии центра. Она попыталась воспрепятствовать этому путем конституционного переворота 20 июня, когда премьер-министр Павлов обратился к Верховному Совету с просьбой предоставить ему такие же чрезвычайные полномочия издавать указы, какие тот уже дал Горбачеву. Реформаторы тотчас смекнули, что не пользующийся популярностью премьер-министр не нуждается в столь широких полномочиях, если только его планы не идут вразрез с планами Горбачева.

Трое из будущих заговорщиков — Пуго, Крючков и Язов — в августе в своих секретных выступлениях на закрытом заседании Верховного Совета поддержали требование Павлова. Язов жаловался, что в армии не хватает 353 тысяч человек личного состава, так как республики, настроенные на получение независимости, не подчиняются приказу о призыве в армию. Крючков говорил о заговоре ЦРУ четырнадцатилетней давности по внедрению агентуры на высокие должности в Советском Союзе с целью разрушения экономики страны. Другой будущий участник заговора, вице-президент Генна-

дий Янаев, утверждал, что Горбачев не рассматривает выдвигаемое предложение как политический вызов, однако Павлов признал, что оно вносится без ведома Горбачева.

Союзникам Горбачева удалось затянуть на несколько дней принятие окончательного решения по этому предложению — срок, достаточный для того, чтобы вернувшийся из-за рубежа президент снял его с повестки дня. Горбачев не сместил эту группу за их бунт. Позднее он сказал Яковлеву, что Павлов просто не ведал того, о чем говорил. Месяц спустя Горбачев получил еще одно предупреждение. Газета «Советская Россия» 23 июля опубликовала опасный призыв к военным и другим гражданам остановить катастрофу и унижение, «Родина, страна наша, государство... гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие», — говорилось в обращении, которое явно возлагало вину за это на Горбачева. Оно подписано рядом лиц, в том числе тремя людьми, которым впоследствии будет предъявлено обвинение в организации августовского путча: генералом Варенниковым и членами ГКЧП — Василием Стародубцевым и Александром Тизяковым.

Примерно в это же время у Яковлева состоялся трехчасовой откровенный разговор с Горбачевым. «Я взываю к тебе. Страшные люди вокруг тебя. Сделай что-нибудь с этим грязным окружением», — умолял, по его словам, Яковлев президента.

«Ты преувеличиваешь», — усмехался Горбачев.

Горбачев, высокий международный статус ко-

того было подкреплено дебютом на встрече «семерки» в Лондоне и встречей на высшем уровне с президентом Джорджем Бушем в Москве, находился на отдыхе в Крыму, когда Яковлев предупредил, что «сталинское» ядро руководящих деятелей Коммунистической партии планирует свергнуть президента. Как заявил Яковлев агентству «Интерфакс», правда состоит в том, что руководство партии вопреки своим заявлениям избавляется от демократического крыла и готовится к социальному реваншу, перевороту в партии и государстве.

Но когда заговорщики сделали свой ход, то выяснилось, что они грубо просчитались в оценке действенности реформ Горбачева. К этому времени в антикоммунистических демонстрациях, состоявшихся во многих городах, в среднем участвовало до 100 тысяч человек. Возникли десятки независимых источников информации, от уже надежного «Интерфакса», использующего аппаратуру факс, до «Независимой газеты» и радиостанции «Эхо Москвы». Копировальные машины, одно время строго запрещенные, стали доступны и превращались в «оружие» демократии. Подручные Горбачева считали, что падение его популярности означает, что общественность поддерживает их движение, однако демократические настроения и современная технология привели к значительным изменениям в стране.

Аппаратура факсимильной связи и компьютеры в сочетании со свободной прессой значительно облегчили людям возможность объединиться и выразить свой протест. Самое важное — это

то, что заговорщики должным образом не оценили тот факт, что двумя месяцами раньше 40 миллионов россиян избрали Бориса Ельцина своим президентом.

Для того чтобы победить, заговорщики должны были считать, что большинство из тех самых 40 миллионов их поддержит. В результате подобных просчетов в истории совершаются повороты.

Тем временем в Вашингтоне...

В августе Вашингтон считается не самым приятным местом из-за невыносимой жары и гнетущей влажности. Президент Буш проводил отпуск в своем летнем доме в Кеннебанкпорте, штат Мэн; госсекретарь Джеймс Бейкер — на своем ранчо в Вайоминге; министр обороны Ричард Чейни рыбачил в Британской Колумбии. Конгресс был на каникулах, его члены разбросаны по всему миру.

Понедельник, 19 августа 1991 года

Президента Соединенных Штатов разбудили незадолго до полуночи в воскресенье и сообщили ему о перевороте в СССР.

Сделал это Brent Scowcroft, руководитель Совета национальной безопасности, один из немногих высших помощников Буша, находившихся с ним в летней резиденции. Скоукрофт узнал эту новость из телевизионной передачи.

С самого утра в понедельник должностные лица, собравшиеся в «ситуационной комнате» Белого дома, стремились быть в курсе событий развивающегося кризиса. Однако позвонившему в 6 часов утра президенту они могли не многое сказать помимо того, что уже стало известно общественности. Первой официальной реакцией было лишь подтверждение происходящего. Роман Попадук, заместитель пресс-секретаря, зачитал журналистам подготовленное в Кеннебанкпорте письменное заявление: «Мы знаем о сообщениях печати относительно президента Горбачева. В настоящее время мы не располагаем подробностями... Мы продолжаем стараться получить подробности».

Джордж Буш пытался восполнить информационный пробел. К 8 часам утра он переговорил по телефону с премьер-министром Великобритании Джоном Мейджером, президентом Франции Франсуа Миттераном, канцлером Германии Гельмутом Колем, госсекретарем США Джеймсом Бейкером и заместителем главы посольства США в Москве Джимом Коллинсом. Сообщение последнего, по словам президента, было «таким же приблизительным, как и информация остального мира».

Президент не имел точных сведений о том, кто руководит переворотом и с кем ему придется сидеть во время следующей советско-американской встречи на высшем уровне. «Мы не знали, кто жив, а кто мертв», — сказал один из помощников Буша, поэтому его первой реакцией на совершившийся переворот было решение занять выжидательную позицию и не делать

ставок. На встрече с журналистским корпусом в 7 часов 50 минут утра Буш охарактеризовал переворот как «тревожащее событие» и, очевидно, «неконституционное», однако категорического осуждения тех, кто захватил власть, не было.

Так же мало было сказано и в поддержку президента России Бориса Ельцина.

Вопрос. «По всей видимости, г-н Ельцин призывал к всеобщей забастовке протеста. Вы это поддерживаете?»

Президент. «Ну, мы пока посмотрим, что из этого выйдет.»

Вопрос. «Г-н Ельцин заявил, что Российская Федерация не будет мириться с новыми указами. Поддерживаете ли Вы это, сэр?»

Президент. «Ну, я поддерживаю то, что я отметил здесь в качестве наших принципов, и, конечно, я могу понять, откуда появился такой избранный народом лидер, как г-н Ельцин... я полагаю, что то, что он делает, является просто выражением воли тех людей иметь эти реформы и демократию, закрепить уже предпринятые шаги к демократии. Я надеюсь, что народ обратит внимание на его призыв.»

Первоначальная нерешительность президента США объяснялась неопределенностью позиции Ельцина. Она отражала глубоко укоренившуюся в Белом доме подозрительность по отношению к Ельцину, особенно со стороны Брента Скоукрофта. Сомнения помощника президента по национальной безопасности совпадали с президентской неприязнью к тому, что тот рассматривал в ранние дни гласности как нелояльность

Ельцина к Горбачеву. Тем не менее к концу дня тон президента заметно изменился.

Отправив самолет ВВС за находившимся в отпуске госсекретарем и министром обороны, а также за Робертом Страусом, будущим послом США в Советском Союзе, президент решил вернуться в Вашингтон. Убежденный в том, что в Москве ему нужен свой собственный эмиссар, он хотел привести Страуса к присяге как можно скорее.

Вернувшись в Белый дом, президент Буш встретился со своими советниками по национальной безопасности, которые заявили ему, что с места событий получено не много новостей. Однако основная перемена в отношении США к перевороту находилась в стадии подготовки. Вечером в понедельник в письменной декларации президент твердо заявил о поддержке США позиции Ельцина. Осуждая смену власти в Союзе как «вводящую в заблуждение и незаконную попытку», он добавил: «Мы поддерживаем призыв президента Ельцина, чтобы были возрождены законно избранные органы власти и подтвержден пост президента СССР М. С. Горбачева».

Старшие должностные лица администрации прослеживают поворот в позиции США, связывая его с телефонным звонком, имевшим место вскоре после первой пресс-конференции Буша. Из российского Белого дома Ельцин позвонил в американское посольство поверенному в делах и передал: «Нам нужна ваша помощь». В частности, Ельцин сказал, что будет полезен звонок Буша. Эта просьба и снимки российского прези-

дента, бросающего вызов руководителям путча с башни советского танка, произвел впечатление на американскую администрацию. «Пока мы не увидели Ельцина «верхом» на танке, мы не знали, есть ли вообще кто-либо, кого надо поддерживать», — сказал один из ее членов. Другой добавил: «Все имевшиеся у нас сомнения в отношении Ельцина были развеяны его явным проявлением мужества. На президента это произвело впечатление».

Вторник, 20 августа 1991 года

Когда руководитель пресс-службы президента Марлин Фитцуотер в 7 часов 15 минут утра во вторник вошел в Овальный кабинет, он застал Буша за работой на компьютере. На экране светился лист со списком того, что надо сделать, — перечень обычных дел и наброски повестки дня предстоящего позднее совещания Совета национальной безопасности:

1. Дать оценку, как мы можем влиять? Контроль над вооружением (экономическая помощь)? (Президент уже заявил, что никаких, как обычно, дел с Советами не будет, однако возможности повлиять на развитие событий были ограничены. Один из представителей госдепартамента охарактеризовал американские программы, за исключением продажи зерна, как «мелочевку».)

2. Направить Марлина обратно в Кеннебанкпорт. (Когда начался переворот, Фитцуотер, с давних пор пресс-секретарь президента, в чис-

ле других сотрудников находился в отпуске.)

3. Связаться с главами стран Латинской Америки.

(Твердо убежденный в силе мнения мирового сообщества, президент хотел, чтобы как можно большее число глав государств осудило участников заговора.)

4. Убедиться, что послание США твердо и непреклонно. (Учитывая, что его первоначальная реакция была «мягкой», президент хотел быть уверенным, что это послание дойдет до нового руководства в Советском Союзе.)

5. Поддерживать связь с Ельциным.

6. Никакой политики. (Ожидая взрыва недовольства со стороны оппонентов-демократов, президент не хотел быть втянутым в политическую баталию. Фактически, за исключением некоторой первоначальной неудовлетворенности первыми высказываниями президента, не было критики того, как Буш занимался этим кризисом.)

7. Обнародовать известную нам информацию.

8. Изменить режим работы. Встречи с экспертами по советским делам в Кеннебанкпорте. (Предусмотрев себе четырехнедельный отпуск с минимумом работы, президент стремился вернуться в Кеннебанкпорт, но знал, что при такой неопределенности это не может быть «отпуском как обычно».)

Уходящий в отставку директор ЦРУ Уильям Уэбстер открыл совещание Совета национальной безопасности десятиминутным сообщением агентства о положении дел. Становилось все более очевидным, что путч организован непрофес-

сионально. Аэропорт оставался открытым. Некоторые оппозиционные средства информации продолжали работать. Пожалуй, наиболее примечательным являлось то, что для задержания Ельцина не было предпринято никаких действий. Пресс-конференция ГКЧП расценивалась в США преимущественно как «час самостоятельности». Сотрудники Буша были обнадежены масштабами и решительным настроением сил оппозиции, вышедшей на улицы по всему Советскому Союзу. Тем не менее танки шли.

Роберт Гейтс, назначенный на место Уэбстера, зачитал длинный список различных экономических и других санкций, которые были представлены на выбор. Президент тут же исключил две сферы: контроль над вооружением и продажу зерна. Первую он считал слишком важной, чтобы использовать в качестве рычага; вторую, объяснил он помощникам, следует избежать, чтобы не оказаться в «ситуации Картера», когда «нам это навредило больше, чем им». На встрече с журналистами, после того как была принята присяга посла Страуса, президент сообщил о содержании беседы с Борисом Ельциным. Как говорят помощники, телефонный разговор рассеял оставшиеся опасения в отношении намерений Ельцина, по крайней мере на ближайшее время. Во время беседы Ельцин подчеркнул, что он является Президентом России, в то время как Горбачев — Президент СССР. За время всей пресс-конференции в Роуз-Гарден поддержка Бушем обоих — Ельцина и Горбачева — была недвусмысленной.

Страус направился в Москву, госсекретарь

Бейкер — в Брюссель, на чрезвычайную сессию Совета министров иностранных дел стран НАТО, президент возвратился в Кеннебанкпорт. Как сказал один из представителей администрации, «в основном все, что мы могли делать, — это поддерживать связь и наблюдать, как развиваются события. Основы нашей политики в этом вопросе были заложены. Мы мало что могли еще сделать».

Среда, 21 августа 1991 года

В среду утром, вследствие урагана «Боб», в Кеннебанкпорте шел дождь, нарушивший планы президента сыграть в гольф. Брифинг, проведенный Скоукрофтом, ясно показал, что обстановка в Советском Союзе также меняется.

За ночь понимание смысла переворота значительно прояснилось. В утренних сообщениях радио говорилось о том, что делегация русских официальных лиц, симпатизирующих Михаилу Горбачеву, находится в пути на осажденную дачу президента. В других передачах сообщалось, что второй самолет с некоторыми из восьми членов ГКЧП также направился в Крым. В то же время цитировались слова Ельцина о том, что руководители путча пытаются бежать из Москвы.

Тысячи сторонников Ельцина провели ночь вокруг здания российского парламента, образовав изогнутую линию обороны. Были многочисленные сообщения о том, что крупные воинские части покидают лагерь заговорщиков. Многие из новостей подтверждено либо повторено Ельци-

ным во время его продолжительной беседы с президентом Бушем в 8 часов 30 минут утра американского времени.

Короткое время спустя состоялся телефонный разговор президента с послом Робертом Страусом, находившимся уже на месте, в американском посольстве в Москве. Страус располагал преимущественно второстепенной информацией, однако ничто в ней не противоречило оценкам Ельцина. Британский премьер-министр Джон Мейджер, частый собеседник Буша в период кризиса, добавил отдельные детали к истории с направившимися в Крым самолетами.

К середине утра преобладало чувство, что кризис близится к завершению. Казалось, путч быстро распадается. Однако, когда в 10 часов 30 минут президент появился перед журналистами, он не спешил с решительной оценкой событий.

«В целом, в то время как ситуация остается крайне зыбкой и неопределенной, — заявил он журналистам, — я думаю, можно без опаски сказать, что она представляется несколько более положительной, нежели в первые часы этого переворота... Но я думаю, я бы сказал американскому народу, что такое развитие событий является положительным.»

В ответ на заданный ему вопрос Буш напомнил журналистам о своем заявлении в понедельник, что «перевороты могут оканчиваться провалом». Это высказывание было основано ни на чем другом, кроме как на частичке истории и президентском принятии желаемого за действительное. Спустя 48 часов эти слова выглядели пророческими.

Через несколько недель после того, как путч завершился провалом и Горбачев был восстановлен на своем посту, одно из высших должностных лиц администрации Буша следующим образом отразило сдержанность президента в то утро в среду: «Это было нечто большее, чем обычная «осмотрительность». Президент по-настоящему испытывал тревогу за судьбу Горбачева, — сказал он. — Было ясно, что переворот разваливается на куски. Чего мы не знали, так это — что или кого мы найдем после того, как осядет пыль». Когда во время кризиса президента попросили проанализировать положение Горбачева после того, как путч закончится, он высказался неопределенно. «Ну кто же знает? — ответил он. — Я имею в виду, что мы даже не можем связаться с г-ном Горбачевым. Но Ельцин горячо поддерживает его, так же, как и мы.» Когда в среду утром президент покидал пресс-конференцию, он заявил журналистам, что будет продолжать делать попытки связаться с Горбачевым.

После краткого телефонного звонка Бейкера из Брюсселя Буш вернулся в свой дом в Кеннебанкпорте и запланировал выезд на рыбалку. Возвращаясь на территорию резиденции Буша с информацией, Фитцуотер подчеркивал те места в ней, которые вызывали сомнения и беспокоили теперь администрацию. Когда президента спросили о сообщениях, в частности о том, с какой целью некоторые заговорщики направились в летнюю резиденцию Горбачева, Фитцуотер ответил: «Мы на самом деле не знаем, куда они направляются. Мы не знаем, что они намерены сказать. Собираются ли они предложить сделку?»

Или скажут «присоединяйся к нам»? Или будут извиняться? Намерены ли они его арестовать? Вывезти его оттуда? Застрелить его? Мы не имеем ни малейшего понятия».

Ответы появились 45 минут спустя. Буш и его друзья не успели даже закинуть удочки, когда военный помощник Уэйн Джастис, находясь на берегу, передал по коротковолновому радио сообщение о том, что звонит «глава государства». Так как подобные радиопередачи могут быть перехвачены, Джастис не дал звонившему более конкретного определения. Развернув лодку, президент и его компания вернулись в Уолкер-Пойнт. Когда президент Буш поднял трубку, на линии был Михаил Горбачев.

Двадцатиминутный разговор с Горбачевым (для которого это был второй после разговора с Борисом Ельциным) почти не касался деталей. По словам помощника Буша, он носил «весьма эмоциональный и открытый» характер. Горбачев поблагодарил президента и американский народ. «Проявились их личные отношения», — сказал помощник.

Находясь вторично за последние три часа перед представителями средств информации, президент довольно неопределенно говорил о деталях заточения и ближайших планах Горбачева, но дал ясно понять, что атмосфера в Москве и Вашингтоне стала улучшаться.

«Сегодня замечательный день... в самой середине этой истории. И я полагаю, люди знают о моем уважении к Горбачеву, как я к нему на самом деле отношусь. И я в восторге оттого, что он здоров.»

В среду вечером представление Джорджа Буша о новом мировом порядке, пошатнувшееся в результате политического землетрясения в Советском Союзе, начало восстанавливаться и приобретать видимость спокойствия, хотя последствия еще будут ощущаться. «Все вернулось на свои места, — сказал один из высокопоставленных сотрудников Буша, — и ничто не окажется таким же снова.»

*Кремлевский заговор
(Версия следствия)*

Они судили себя сами

Нет ничего удивительного в том, что последовавшие друг за другом самоубийства Б. Пуго, Н. Кручины и С. Ахромеева вызвали много толков. Эти люди занимали очень высокие посты, и, сознавая их причастность ко многим государственным тайнам, общество не могло не задаваться вопросом — на самом ли деле эти трое по собственной воле ушли из жизни в столь драматические для страны дни, не «помог» ли им кто-то, для кого они опасны в качестве свидетелей? Дать на этот вопрос однозначный ответ было долгом следствия.

«Я не заговорщик, но я трус...»

Из показаний Зои Ивановны Кручины:

— ...В пятницу, 23 августа, муж вернулся со

службы примерно в 18.45. Я спросила его: «Почему так рано?». Он ответил: «Я уже отработал...»

Забот у Николая Ефимовича Кручины, управляющего делами ЦК КПСС, всегда хватало. Хозяйство, вверенное ему, было огромным и отличалось отменным качеством. Партии принадлежали лучшие в стране административные здания, общественно-политические центры, издательства, типографии, архивы, учебные заведения, гостиницы, санатории, больницы, специальные базы промышленных и продовольственных товаров, секции магазинов, различные производства, среди которых был даже аффинажный завод, на котором изготавливались золотые кольца и прочие драгоценности... Приученные к хорошей жизни в отечестве, представители партийной элиты и за рубежом желали чувствовать себя не хуже, а потому, отправляясь за кордон на отдых или в командировку, казны не щадили. Короче, «остров коммунизма», завхозом которого был Николай Ефимович, требовал немалых расходов на содержание.

В безмятежные доперестроечные времена миллионы рядовых партийцев исправно платили взносы, 114 партийных издательств и 81 типография безотказно передавали ЦК всю огромную прибыль, и, что самое главное, не существовало четкой границы между партийными и государственными финансами, а потому предшественникам Н. Кручины не надо было ломать голову над тем, где бы раздобыть денег. Ему же досталась другая доля.

Перестройка сильно проредила партийные ря-

ды, газеты и журналы взбунтовались, — число данников ЦК неуклонно сокращалось, зато все больше появлялось людей, которые во всеуслышание подвергали сомнению десятилетиями внедрявшуюся в общественное сознание мысль о том, что «народ и партия едины». Дело дошло до невиданного и неслыханного: от партии потребовали финансового отчета. Николай Ефимович Кручина стал первым в истории управделами ЦК, которому пришлось держать публичный ответ о доходах и расходах КПСС.

Конечно, он волен был как угодно дозировать количество правды в этом ответе, поскольку у общества еще отсутствовала возможность его проверить, но сам факт открытого вмешательства «посторонних» в самую интимную сферу деятельности ЦК говорил о том, что в прежнем комфортном режиме партии уже не жить.

В ведомстве Кручины не было людей, которые знали, как можно жить по-другому, и поэтому возникла идея о привлечении специалистов из «боевого отряда партии» — КГБ. Так у Николая Ефимовича появились новые подчиненные — офицеры разведки, отлично разбирающиеся в хитростях западной экономики. В их задачу входила координация экономической деятельности хозяйственных структур партии в изменившихся условиях. Проще же говоря, они должны были научить партию быстро делать большие деньги и надежно их прятать.

Уроки пошли впрок. Партия стремительно обезличивала свои миллиарды при посредстве специально создаваемых фондов, предприятий, банков, зашифровывала заграничные счета,

формировала институт «доверенных лиц», этих карманных миллионеров при ЦК. Все это гарантировало стабильный и анонимный доход в условиях самых экстремальных, вплоть до жизнедеятельности в эмиграции или подполье. Словом, у Николая Ефимовича Кручины имелись все основания быть довольным результатами работы.

Но с треском провалившийся путч нанес сокрушительный удар по КПСС. Кучка верных сынов партии — гэкачепистов — оказалась для нее опаснее, чем все демократы, вместе взятые. Ситуация изменилась с губительной быстротой — все то, что вчера еще в секретных партийных отчетах скромно именовалось «коммерческой деятельностью», приобрело ярко выраженный криминальный характер и могло расцениваться уже как контрабандное перемещение валютных ценностей через государственную границу (ст. 78 УК РСФСР), нарушение правил о валютных операциях (ст. 88) и умышленное использование служебного положения в конкретных целях, что вызвало тяжкие последствия для государственных и общественных интересов (ст. 170 часть 2).

В тот последний свой вечер Николай Ефимович никуда из дома не отлучался, и никто, кроме старшего сына, Сергея Николаевича, его не посещал. В полночь дежурный офицер охраны, как всегда, закрыл дверь в дом.

Из показаний З. И. Кручины:

— ...После 22 часов он велел мне идти спать, а сам собирался еще поработать. Около 22.30 прилег на диван в своем кабинете и уснул. Я по-

шла к себе. Однако заснуть мне не удалось, так как на душе было беспокойно. Я не спала практически всю ночь. В 4.30 я посмотрела на часы и мгновенно уснула.

Проснувшись я от сильного стука в дверь. Когда я вышла из спальни, меня встретил сын Сергей и работники милиции.

Из показаний Евланова:

— ...В 5.25, находясь внутри здания, я услышал сильный хлопок снаружи. Впечатление было такое, как будто бросили взрывпакет. Выйдя на улицу, я увидел лежащего на земле лицом вниз мужчину. Немного поодаль валялся сложенный лист бумаги...

Это была одна из двух оставленных Николаем Ефимовичем записок: «Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу. Н. Кручина».

Вторую записку нашли в квартире: «Я не преступник и заговорщик, мне это подло и мерзко со стороны зачинщиков и предателей. Но я трус. (Эта фраза подчеркнута. — Прим. авт.)

Прости меня Зойчик детки внушеньки. (Без запятых. — Прим авт.)

Позаботьтесь, пожалуйста, о семье, особенно вдове.

Никто здесь не виноват. Виноват я, что подписал бумагу по поводу охраны этих секретарей. (Имеются в виду члены ГКЧП. — Прим. авт.) Больше моей вины перед Вами, Михаил Сергеевич, нет. Служил я честно и преданно.

5.15 мин. 26 августа.
Кручина».

Следственная бригада, работавшая на месте происшествия, установила, что перед смертью Н. Кручина не подвергался физическому насилию и не уничтожал каких-либо бумаг. В квартире в целостности и сохранности находились документы, проливающие свет на многие секреты ЦК, в том числе и финансовые. Это досье положило начало большой следственной работе по выделенному в отдельное производство делу о деньгах партии. И, пожалуй, только когда оно завершится, станет окончательно ясно, что за страх — перед кем или перед чем? — заставил последнего управляющего делами ЦК КПСС Н. Е. Кручину выброситься с балкона своей квартиры ранним утром.

«Я боролся до конца»

До 19 августа 1991 года судьба была более чем благосклонна к Сергею Федоровичу Ахромееву. Он остался жив, провоевав с 1941-го по 1945-й на самых смертоносных фронтах Великой Отечественной — Ленинградском, Сталинградском, Южном, 4-м Украинском. После войны уверенно одолел крутой подъем воинской карьеры до ее маршальского пика. И, выйдя в отставку, не затерялся в пенсионерской тени, — остался у дел и на виду, заняв по просьбе президента Горбачева пост его советника.

Судьбе было угодно, чтобы жизненный путь маршала Ахромеева пролегал только вперед и вверх и закончился с почетом, но 19 августа маршал воспротивился судьбе: узнав о создании

ГКЧП, он прервал отпуск, который проводил с женой и внучкой в Сочи, и прилетел в Москву. Сменив цивильный костюм на маршалский мундир, он отправился на место своей службы, в Кремль. Встретившие его сотрудницы А. Гречанная, Т. Рыжова, Т. Шереметьева отметили, что Сергей Федорович в хорошем настроении, бодр, даже весел.

20 августа Рыжова по указанию Ахромеева печатала план мероприятий, связанных с введением чрезвычайного положения. В тот же день Ахромеев ездил в министерство обороны. Вечером на вопрос Рыжовой: «Как дела?» Сергей Федорович ответил: «Плохо», — и попросил принести ему раскладушку с бельем, поскольку хотел остаться ночевать в Кремле. На следующий день настроение его еще более ухудшилось. 22 августа Ахромеев направил личное письмо Горбачеву.

23 августа Сергей Федорович присутствовал на заседании Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и госбезопасности. Смирнова, стенографистка, рассказала следствию, что Ахромеев вел себя в этот день необычно: ранее он всегда выступал, был очень активен, а в этот раз все заседание просидел в одной позе, даже головы не повернул и не проронил ни единого слова. В рабочей тетради Ахромеева среди записей, сделанных на том заседании, есть и такая: «Кто организовал этот заговор — тот должен будет ответить».

Гречанная и Шереметьева, по долгу службы наиболее тесно общавшиеся с Ахромеевым, показали, что 23 августа Сергей Федорович писал

какие-то бумаги, снимал с них копии и старался делать это так, чтобы входившие в кабинет не видели, что он пишет. Раньше такого с ним не было. Обе свидетельницы заявили следствию, что, наблюдая необычное подавленное состояние Ахромеева, допускали мысль о его возможном самоубийстве.

А для родных смерть Ахромеева стала не только огромным, но и неожиданным горем. Жена и дочери знали его как волевого, жизнерадостного человека. Он никогда не выказывал перед ними ни страха, ни слабости. Таким и остался до конца.

Последнюю ночь он провел на даче с семьей дочери Натальи Сергеевны. Вот как она вспоминает об этом:

— ...Четыре вечера подряд я не могла с ним поговорить, так как он возвращался усталый, очень поздно, пил чай и ложился. Кроме того, мой отец был таким человеком, которому невозможно было задавать вопросы без его согласия на то. В пятницу, 23 августа, накануне его смерти, я почувствовала, что он хочет поговорить.

Мы купили огромный арбуз и собрались за столом всей семьей. Я спросила у него: «Ты всегда утверждал, что государственный переворот невозможен. И вот он произошел, и твой министр обороны Язов причастен к нему. Как ты это объясняешь?». Он задумался и ответил: «Я до сих пор не понимаю, как он мог...».

На следующий день перед уходом он пообещал моей дочке, что после обеда поведет ее на качели...

Из материалов следствия:

«...24 августа 1991 года в 21 час 50 мин в служебном кабинете № 19 «а» в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Федоровича (1923 года рождения), работавшего советником Президента СССР.

Труп находился в сидячем положении под подоконником окна кабинета. Спиной труп опирался на деревянную решетку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенная вдвое петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплен на ручке оконной рамы клеящей лентой типа «скотч». Каких-либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено.

Обстановка в кабинете на время осмотра нарушена не была, следов какой-либо борьбы не найдено.

На рабочем стуле в кабинете обнаружены шесть записок, написанных от имени Ахромеева. Все записки рукописные.

В первой, от 24 августа, Ахромеев просит передать записки его семье, а также Маршалу Советского Союза С. Соколову. В письме на имя Соколова излагается просьба к нему и генералу армии Лобову помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни. Письмо датировано 23 августа. В письме

своей семье Ахромеев сообщает, что принял решение покончить жизнь самоубийством. Письмо написано 23 августа. В безадресной, датированной 24 августа, записке Ахромеев объясняет мотивы самоубийства: «Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца».

Записка, в которой Ахромеев просит уплатить долг в столовой и к которой подколота денежная купюра в 50 рублей, также от 24 августа.

И последняя записка: «Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась — порвался тросик. Собираюсь с силами все повторить вновь».

В пластмассовой урне под столом обнаружены куски синтетического шпагата, схожего с материалом петли.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы от 25.08.91 г., признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве Ахромеева путем удушения петлей, при исследовании трупа не обнаружено, как не обнаружено каких-либо телесных повреждений, помимо странгуляционной борозды. Установлено, что Ахромеев незадолго до смерти алкоголь не принимал.

Почерковедческая экспертиза от 13.09.91 г. подтвердила, что все шесть записок, обнаруженные на столе в кабинете, написаны Ахромеевым...»

Что и говорить, способ самоубийства маршал выбрал не маршальский. И, казалось, сама судь-

ба воспротивилась этому выбору — первая попытка закончилась неудачей. Но маршал перепрямил судьбу, сладив себе петлю покрепче.

Вот вокруг злосчастной этой петли и закрубились сомнения да подозрения: маршалы, мол, в случае чего не вешаются, а стреляются. Но у Ахромеева пистолета не было. Бывший его адъютант Кузьмичев, допрошенный в качестве свидетеля, показал, что после ухода в отставку маршал сдал личное оружие и все пистолеты, полученные в подарок за время долгой воинской службы. Это показание документально подтверждено.

18 октября 1991 года следствием была получена из Секретариата Президиума СССР ксерокопия письма Ахромеева М. С. Горбачеву. Оно написано от руки, и четкость каллиграфии в нем под стать солдатской прямоте стиля.

«Президенту СССР
товарищу М. С. Горбачеву

Докладываю о степени моего участия в преступных действиях так называемого «Государственного Комитета по чрезвычайному положению» (Янаев Г. И., Язов Д. Т. и другие).

6 августа с. г. по Вашему разрешению я убыл в очередной отпуск в военный санаторий г. Сочи, где находился до 19 августа. До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто, даже намеком, мне не говорил о его организации и организаторах, то есть в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал.

Утром 19 августа, услышав по телевидению

документы указанного «Комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 4 часа дня на рейсовом самолете. В 6 часов прибыл в Кремль на свое рабочее место. В 8 часов вечера я встретился с Янаевым Г. И. Сказал ему, что согласен с программой, изложенной «Комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работу с ним в качестве советника и. о. Президента СССР. Янаев Г. И. согласился с этим, но, сославшись на занятость, определил время следующей встречи примерно в 12 часов 20 августа. Он сказал, что у «Комитета» не организована информация об обстановке и хорошо, если бы я занялся этим. Утром 20 августа я встретился с Баклановым О. Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно.

В середине дня Бакланов О. Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организовали сбор и анализ обстановки. Практически эта рабочая группа подготовила два доклада: к 9 вечера 20 августа и к утру 21 августа, которые были рассмотрены на заседании «Комитета».

Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г. И. на Президиуме Верховного Совета СССР. Вечером 20 августа и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «Комитета», точнее, той его части, которая велась в присутствии приглашенных.

Такова работа, в которой я участвовал 20 и 21 августа с. г.

Кроме того, 20 августа, примерно в 3 часа дня, я встречался в министерстве обороны

с Язовым Д. Т. по его просьбе. Он сказал, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он попросил пройти с ним вместе к заместителю министра обороны генералу Ачалову В. А., где шла работа над планом захвата здания Верховного Совета РСФСР. Он заслушал Очалова В. А. в течение трех минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе — никто меня из Сочи не вызывал — и начал работать в «Комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, еще раз в этом убедился.

Дело в том, что начиная с 1990 года я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом. Посчитал, что мое участие в обеспечении работы «Комитета» и последующее, связанное с этим разбирательство даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, неубедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было.

Мне понятно, что, как Маршал Советского Союза, я нарушил Военную Присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР.

Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось.

Маршал Советского Союза
Ахромеев

22 августа 1991 года.»

Из допроса Г. И. Янаева от 12 сентября 1991 года:

...Вопрос:

— Вам представляется проект выступления на ВС СССР на шести листах, изъятый при обыске в Вашем кабинете. Что можете пояснить?

Ответ:

— 19 августа, вернувшись из отпуска, ко мне зашел Ахромеев и спросил, «чем может служить». Я попросил его подготовить проект моего выступления на Президиуме ВС СССР. Тема ему была задана... Он предоставил текст в том виде, какой он имеет сейчас, т. е. машинописный текст и правка от руки. Правка эта самого же Ахромеева. Хочу заметить, что в таком виде я не стал бы использовать этот проект для своего выступления...

Чтобы понятно было, о чем речь, процитируем лишь самое начало представленного Ахромеевым проекта.

«Тяжело говорить о случившемся. Горько и больно сознавать ту правду сегодняшнего дня, от которой никому из нас не удастся спрятаться. В Москве танки. Уже погибли люди. Погибли в результате действий тех, которых уже нельзя назвать иначе как экстремисты. В городе и в стране крайне опасная обстановка. В Москве и некоторых других районах введено чрезвычайное положение. Смертельная угроза нависла над теми хрупкими ростками демократии, которые с таким трудом выращивались в эти последние тяжелые, но и счастливые годы.

И трудно вдвойне отдавать приказы, прерывающие демократические реформы. Прерывать все, чему служил, во что верил, в чем видел

смысл своей политической, гражданской, человеческой жизни. И порою кажется, что все, произошедшее за последние дни, это дурной сон.

Проснешься — и нет ни танков, ни баррикад. Нет ни проклятий, ни призывов к кровавой расправе. И нет указов, тобою подписанных, с проходящими через их текст словами «запретить», «ограничить», «временно прекратить». Словами, которые так мучительно режут слух, особенно после пятилетия разрешений, освобождений, допущений и начинаний.

Но это не сон. Это реальность. И нам всем предстоит в ней жить, определяясь, где ты, с кем ты и против кого.

...Страна ввергнута в катастрофу. Развал государства, развал экономики, раскол и нравственное падение общества — это факты. Должных мер, адекватных ситуации, не принималось. Думаю, для вас это тоже очевидно. Хотя все понимали, что нужно делать. Я подчеркиваю — все!

Рано или поздно кто-то должен был взять ответственность на себя. И это не логика путча, как это хотят преподать, это суровая необходимость...»

Из сделанных в тексте купюр особое внимание следствия привлекли относящиеся к М. С. Горбачеву. В результате внесенной правки в проекте не осталось ни одного упоминания о президенте или какой-либо ссылки на него. В частности, зачеркнуто следующее:

«Сейчас все страшно возбуждены — не случилось ли чего плохого с Михаилом Сергеевичем. Хочу успокоить — с ним все в порядке.»

«Еще раз подчеркиваю, это мой друг!»

«Задачи, стоящие перед страной, надо решить любыми, даже жесткими мерами. Как только эти задачи будут решены, я уступлю штурвал корабля любому, кого сочтет достойным страна. В том числе и, еще раз повторю, своему другу Михаилу Сергеевичу.»

Маршал, видимо, уже и сам понял, насколько неуместны в данной ситуации декларации о дружбе и преданности.

В ноябре 1991 года российская прокуратура прекратила уголовное дело в отношении С. Ф. Ахромеева по факту его участия в деятельности ГКЧП ввиду отсутствия состава преступления. Следствие пришло к выводу, что, хотя С. Ф. Ахромеев принял участие в работе ГКЧП и выполнил по заданию заговорщиков ряд конкретных действий, нельзя судить о том, что его умысел был направлен на участие в заговоре с целью захвата власти.

Однако маршал предпочел сам себе быть следователем и судьей. И суд его оказался беспощадным. Маршал, отказавшийся от своей Судьбы, обрек себя на страшную, особенно для военного человека, смерть — ведь издавна в армии петлей карали лишь изменников да шпионов...

«Все это — ошибка!»

«Совершил совершенно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению.

Да, это ошибка, а не убеждения. Знаю теперь, что обманулся в людях, которым очень верил.

Страшно, если этот всплеск неразумности отразится на судьбах честных, но оказавшихся в очень трудном положении людей.

Единственное оправдание происшедшему могло бы быть в том, что наши люди сплотились бы, чтобы ушла конфронтация. Только так и должно быть.

Милые Вадик, Элинка, Инна, мама, Володя, Гета, Рая, простите меня. Все это — ошибка! Жил я честно — всю жизнь.»

Это предсмертная записка Бориса Карловича Пуго. Как правило, перед встречей с вечностью человек не кривит душой. Кроме того, есть и другие основания для того, чтобы верить в искренность оценки покойным своего участия в заговоре, который он назвал «всплеском неразумности».

Борис Карлович был крайне осмотрительным человеком, поскольку лучше многих других знал, к чему может привести неосторожность в мыслях, словах и поступках. Недаром он возглавлял в Латвии такую строгую организацию, как КГБ, а потом был председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Хозяйственные и партийные руководители на местах боялись КПК. «Прощтрафившегося», бывало, увозили прямехонько в реанимацию — сердце-то и у номенклатуры не железное.

Из показаний Инны Пуго:

«...В воскресенье, 18 августа, мы прилетели в Москву и сразу поехали на госдачу в поселке Усово, куда прибыли около 16 часов. Пуго собирался оставшиеся у него свободные дни провести на даче вместе с приехавшими родственниками.

Однако примерно через десять минут после нашего приезда зазвонил один из телефонов закрытой связи. Я в шутку предложила подойти к телефону и сказать, что Борис Карлович еще не приехал, так как мы собирались пообедать и я не хотела, чтобы он уезжал от нас. Он улыбнулся и подошел к телефону.

Я ушла на кухню и не слышала разговор, но через некоторое время он сообщил мне, что обедать не будет, так как его срочно вызывают в связи с начавшейся в НКАО гражданской войной. Впоследствии мне мой муж (сын Пуго. — *Прим. авт.*) сказал, что звонил будто бы Крючков.»

Итак, 18 августа, вместо того чтобы обедать в кругу родственников на даче, Пуго по приглашению Крючкова приехал к Язову в министерство обороны.

Из показаний Д. Т. Язова:

«...Я знаю о Пуго, что он очень осторожный человек, не бросается в авантюру, и, судя по тому, как его войска действовали в Нагорном Карабахе и всегда под ударом оказывалась армия... я вам честно говорю, за эту его осторожность, за эту его нерешительность, за эти его уходы от ответственности я его не уважал, была к нему антипатия. Мне даже показалось странным, что Пуго приехал и не возражает...».

Да, Борис Карлович не стал отнекиваться, когда ему предложили войти в состав ГКЧП, хотя не мог не сознавать, что это означает прямое участие в государственном перевороте и что одно дело — требовать чрезвычайных

полномочий, как незадолго до того они трое, Язов, Пуго, Крючков, требовали их от Верховного Совета СССР, и совсем другое — взять эти чрезвычайные полномочия силой, вероломно отстранив от власти ее законного обладателя — Президента.

Утром 19 августа по приказу Пуго милицеские экипажи встречали войска, поднятые против законной президентской власти, и провожали их к местам дислокации, чтобы те не заблудились в незнакомой им Москве. В 9.00 19 августа у Пуго состоялось совещание, на котором были его заместители, кроме находившихся в отпусках, все начальники главков, а также другие работники министерства, возглавляющие подразделения.

Из показаний Владимира Александровича Гуляева, начальника Главного управления уголовно-исполнительных дел МВД СССР:

...Пуго на совещании 19 августа сказал, что в стране идет тихий государственный переворот, захватывается собственность, разрушается налоговая система, поголовно заменяются кадры и идет их избиение, что в советских органах происходит тихая революция, то есть Советы заменяются неконституционными органами власти — мэриями и префектурами...»

Пуго позвонил на Гостелерадио СССР и отругал его председателя Л. П. Кравченко за то, что не была отключена трансляция ленинградских программ. Вообще все то время, пока действовал ГКЧП, Пуго крайне строго контролировал работу Центрального телевидения. Л. П. Кравченко в своих показаниях утверждает, что Пуго даже

грозил ему и другим руководителям «Останкино» привлечением к ответственности по закону о чрезвычайном положении в случае отказа выполнять его указания.

Из показаний Б. В. Громова:

20 августа на утреннем заседании ГКЧП Пуго предложил ввести в Москве комендантский час. Это подтверждается показаниями обвиняемых Стародубцева и Тизякова. В полдень Пуго направил Громова на совещание в министерство обороны, где выработывался план вооруженного захвата Дома Советов РСФСР. Вернувшись оттуда, Громов высказался за неучастие внутренних войск в этой операции, на что Пуго ответил: «Поставленную задачу надо выполнять. Это приказ».

Пожалуй, самым трагическим для путчистов заблуждением была их слепая вера в чудодейственную силу приказа. Затеявая «чрезвычайку», они думали, что стоит только приказать — и страна послушно замарширует вспять. Но уже на второй день путча стало ясно: приказы ГКЧП массово игнорируются, местные телерадиостанции рвут информационную блокаду, а запрещенные Чрезвычайным комитетом газеты продолжают жить в ротапринтных изданиях. И что самое опасное: глухая к указам ГКЧП Россия ловит каждое слово своего правительства.

Пуго боролся как мог. Он обязал своего заместителя Шилова принять участие в работе оперативного штаба при ГКЧП и ежедневно предоставлять сводки о поддержке либо противодействии власти Комитета в стране. Дал указание подчи-

ненным подготовить и направить Болдину проект постановления ГКЧП, отменяющего указы Ельцина. Текст этого проекта лег в основу изданного в тот же день, 20 августа, указа Янаева.

Вечером Пуго подписал и отправил две шифрограммы: всем подчиненным органам МВД СССР об ответственности за невыполнение постановлений ГКЧП и начальнику российских школ милиции о запрете выполнять приказ МВД России, согласно которому курсанты должны были прибыть в Москву для защиты правительства РСФСР. На вечернем заседании ГКЧП Пуго поддержал Крючкова, настаивавшего на штурме «Белого дома». Однако на расширенное заседание по этому вопросу, состоявшееся в КГБ в 3 часа утра 21 августа, он не поехал — послал Громова.

Штурм, как известно, не состоялся. Курсанты милицейских школ, несмотря на строжайшие, грознейшие запреты Пуго и жесткое противодействие военных, прибыли в Москву вовремя. Во второй половине дня 21 августа всем уже было ясно, что ГКЧП агонизирует. Но Пуго продолжал приказывать. В 15.30 он подписал шифротелеграмму в адрес министерства и управлений внутренних дел с требованием усилить охрану телерадиоорганизаций и немедленно докладывать обо всех нарушениях постановления ГКЧП о контроле за информацией. Иначе как акт отчаяния этот приказ расценить невозможно.

Из показаний И. Ф. Шилова:

«...22 августа около 9 часов утра мне по городскому телефону позвонил Пуго, спросил, какая обстановка. Я поинтересовался, придет ли он на

работу, на что Пуго ответил: «Зачем?». Потом он сказал, что всю жизнь старался жить честно, и попрощался. Попросил еще только передать привет Громову...

...Сейчас нас упрекают: «Как же вы так промахнулись с Пуго? Неужели нельзя было сделать все почетче, поаккуратнее?». Но те, кто задает такие вопросы, просто не представляют тогдашней обстановки. У нас было слишком мало возможностей действовать «почетче и поаккуратнее». Утром 22 августа мы даже не знали, на кого можно положиться в системе КГБ и МВД. Мы опирались лишь на узкий круг лиц и даже не знали, где находится Пуго. На работе его не было, на даче — тоже, к телефону в квартире никто не подходил. Пока искали, время шло. И вдруг Виктор Федорович Ерин, первый заместитель министра ВД России, говорит: «Мы вот звоним Пуго домой по «кремлевскому» телефону, а он, возможно, отключен. Надо по городскому позвонить».

Виктор Валентинович Иваненко, он тогда был шефом Российского КГБ, узнал в справочном номер городского телефона Пуго и позвонил. Ответил ему сам Борис Карлович. Иваненко представился и очень вежливо попросил о встрече. Пуго согласился. Разговаривал он спокойным, абсолютно естественным тоном. Кто-то из нас даже удивился: «Надо же, как будто его на грибы приглашают...».

В квартиру Пуго Ерин вошел первым и с порога спальни сказал: «Ребята, здесь кровь».

В спальне на одной из кроватей навзничь лежал Пуго. Руки его были вытянуты вдоль тела,

глаза закрыты, рот и правый висок окровавлены. На прикроватной тумбочке мы увидели пистолет «вальтер». Возле другой кровати на полу сидела жена Пуго, Валентина Ивановна. Она была вся залита кровью, лицо багровое, опухшее. Впечатление было такое, что она страшно избита. Экспертиза потом показала, что впечатление было ошибочным.

Валентина Ивановна ко времени нашего появления была еще жива и в сознании: Она реагировала на вопросы, но отвечать не могла и все время делала какие-то жутко медленные, непривольные движения головой, руками — словно силилась встать.

Очень быстро приехавшие по нашему вызову врачи констатировали смерть Пуго и, оказав срочную помощь Валентине Ивановне, увезли ее в больницу, где она скончалась после операции.»

Из показаний Инны Пуго:

21 августа около 22 часов Пуго вместе с женой пришел к нам домой. У нас у всех было очень плохое настроение, но он своим поведением старался нас развлечь и приободрить. Он смеялся, шутил и очень много рассказывал о своей встрече с Питиримом (митрополит Волоколамский и Юрьевский, глава издательского отдела Патриархии. — *Прим. авт.*). Пуго был очень доволен этой встречей. Они разговаривали с Питиримом об иконах, их живописцах, об их создании.

В этот вечер Пуго сказал нам: «...умный у вас папочка, но оказался дураком». Кроме того, он

сказал, что в Риге жить было лучше, и еще посоветовал нам, чтобы мы не совершали ошибок таких, как он, и не доверяли людям.»

Из показаний В. Пуго:

«...Вечером 21 августа отец и мать пришли к нам. Мы накрыли на стол, решили выпить вина, просто посидеть. Женщины были очень взволнованы, плакали, а отец их успокаивал, что все нормально, что он поедет встречать Горбачева.

Выпив одну рюмку, он отказался пить еще. Был в хорошем, оптимистическом настроении, и, глядя на него, складывалось впечатление, что все действительно не так уж страшно. Он так уверенно говорил и так хорошо выглядел.

Мы посидели еще, потом мать пошла домой, и тогда отец подошел ко мне, обнял и сказал, что все кончено — у него отключили правительственные телефоны, прокуратурой возбуждено дело. Я у него спросил, как он, настолько осторожный человек, мог так ошибиться. Он ответил, что сам не знает и не может понять, как случилось, что он вляпался в это дело.

Утром, перед уходом на работу, я зашел к отцу и увидел, что он что-то пишет, сидя за столом. Судя по всему, это была предсмертная записка. Я спросил у отца, увижу ли его сегодня, он ответил: «Да, вечером увидимся». В коридоре я встретил мать. Она в подавленном состоянии, заплаканная...

У меня нет сомнений, что они покончили жизнь самоубийством, и я также думаю, что они это делали порознь, т. е. сначала застрелился

отец, а потом мать, увидев это. Они очень любили друг друга, и я знаю, что мать не смогла бы жить без отца...»

Следствие установило, что утром 22 августа из пистолета «вальтер», принадлежавшего Борису Карловичу Пуго, были произведены два выстрела. Оба раза стрелял Пуго: сначала в жену, потом в себя. Медицинские эксперты заключили, что после выстрела он еще жил в течение десяти — двадцати минут.

Валентина Ивановна тоже оставила записку: «Дорогие мои! Жить больше не могу. Не судите нас. Позаботьтесь о деде. Мама».

Дж. Кушинг Гранвил. Советские военные интервенции в Венгрии, Чехословакии, Афганистане. — Бостон. 1991, Москва, 1993.

Грант Н. Конфликты XX века. Иллюстрированная история. — М.: Физкультура и спорт, 1995.

Россия, которую мы не знали. — Челябинск, 1995.

Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор (версия следствия). — Пермь: Урал-Пресс, 1993.

Бакланов Б. Как убивали Амина // Аргументы и факты. — 1990. — № 4.

Вавилов Л. Новые подробности о скандале «Иран-контрас» // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 23—24.

Гозман Л. О Горбачеве // Огонек. — 1991. — № 49.

Документы Архива внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь. — 1992. — Август—сентябрь.

Мельников Е. Корейская война 1950—1953 годов // *Международная жизнь*. — 1995. — № 8.

Митаева В. США — Никарагуа: хроника необъявленной войны // *США. Экономика. Политика. Идеология*. — 1989. — № 2.

Лури С. Семь дней, которые потрясли мир // *Международная жизнь*. — 1992. — Февраль.

Позиция руководства США в связи с вводом Советских войск в Афганистан в 1979 году // *Новая и новейшая история*. — 1997. — № 3.

Смирнов К. Иван Васильевич меняет профессию // *Огонек*. — 1991. — № 1.

Хрущев Н. Корейская война // *Огонек*. — 1991. — № 1.

ЧАСТЬ VII

ТИРАНЫ И ДИКТАТОРЫ

ИДИ АМИН

Амин — один из трех африканских правителей, режимы которых отличались такой бессмысленной жестокостью, что главы государств производили впечатление не совсем нормальных людей. Их всех отстранили от власти в 1979 году. (Двое других были из Центральной Африканской империи и Экваториальной Гвинеи). Во время восьмилетней тирании Амина было жестоко убито 500 тысяч человек.

Потускневший свет фонарей на улицах Кампалы теплыми тропическими ночами всегда служил точным барометром морального состояния жителей Уганды.

Привилегированные гости столицы, торговцы оружием и зарубежные дипломаты, населявшие два образцово-показательных отеля, громко выражали свое недовольство, когда фешенебельные бары неожиданно погружались во тьму и лифты замирали между этажами.

Однако в то же самое время безропотные жители Кампалы покидали темные кинотеатры и дешевые маленькие кафе в тревожном молчании и расходились по домам, чтобы провести очередную бессонную ночь под сомнительной защитой забаррикадированных дверей.

Судорожные перепады напряжения свиде-

тельствовавали о том, что для президента Уганды Иди Амина завершился еще один день массовой резни. Перебои в электроснабжении обычно случались только по одной причине. Гидроэнергетический генератор дамбы водопада Оуэна снова засорен гниющими трупами.

Несмотря на постоянное патрулирование озера Виктория, истока Нила, инженеры по техническому обслуживанию электростанции не в состоянии были выловить все тела, сносимые течением к водным фильтрам. У них имелись верные помощники, вносящие немалый вклад в дело очищения озерных вод: обширные колонии крокодилов. Но кровожадные рептилии сделались ленивы от обжорства. Добычи кругом было слишком много.

Время от времени генератор приходилось отключать и очищать стоки от набившихся за день трупов. В среднем за сутки скапливалось от сорока до пятидесяти мертвых тел.

За восемь лет правления Иди Амин безжалостно уничтожил пятьсот тысяч своих соотечественников. Он приказал зверски изуродовать одну из собственных жен, убивал протестующих священников, докучливых журналистов, своих же дипломатов. Он распорядился убить престарелую, беспомощную заложницу воздушных пиратов. Ему доводилось даже пробовать жертвы на вкус во время каннибальских ритуалов.

Для того чтобы оставаться у власти, он убивал политических оппонентов, реальных и вымышленных, и, конечно же, помимо всех выше перечисленных, он истреблял бесчисленное множест-

во людей — чаще всего ради наживы, иногда из-за нескольких сот фунтов.

Он лично руководил работой Государственного сысканого бюро Уганды — организации сродни приснопамятному гестапо, занимавшейся санкционированными государством пытками, заказными убийствами, торговлей наркотиками и валютной контрабандой.

Без малого пятьсот лет плодородные земли Уганды были частью Британской империи. Колонизаторы называли страну «Африканской жемчужиной». Раскинувшись на холмах и равнинах высокого плато, Уганда благодаря своему мягкому климату напоминала сад, расцветший у самого экватора. Она также имела огромное стратегическое значение, но пронесшийся над Африкой «ветер перемен» привел к тому, что бывшая колония сделалась независимым государством.

Ловкий адвокат и профессиональный политик, Мильтон Оботе стал первым премьер-министром, одержав триумфальную победу на спешно организованных выборах в 1962 году. Его главной задачей было объединение страны в некое подобие целостной державы, ведь до сих пор 14 миллионов угандийцев с неизмеримо большим почтением относились к вождям своих племен, нежели к какому-то далекому правительству в Кампале. Именно поэтому Оботе, сам принадлежавший к малочисленному племени Ланги, президентом страны сделал могущественного вождя племени Буганда короля Фредди. В Уганде насчитывалось сорок различных племен. Подданные короля Фредди представляли собой са-

мое большое племя, в значительной мере англо-зированное колонизаторами и миссионерами. Бугандийцы считали себя элитой.

Возвысив их еще больше, Мильтон Оботе вызвал тем самым растущее недоверие к себе со стороны других племен. Как бы то ни было, вскоре Оботе принялся постепенно урезать полномочия короля Фредди.

В 1966 году представители племени Буганда повели широкую агитацию за отстранение Оботе от власти. Премьер-министру понадобилось продемонстрировать силу своим избирателям. Его выбор пал на заместителя командующего армией Иди Амина.

Амин обладал всеми необходимыми качествами. Он считался чужаком, поскольку родом был из племени Каква, проживавшего в самой отдаленной провинции Уганды, граничившей с Суданом. К тому же он исповедовал ислам, практически не говорил по-английски и был полуграмотен. Такой человек вряд ли погнушается преподавать бугандийцам урок сурового правосудия.

В прошлом Амин был сержантом Королевских Африканских стрелков и чемпионом Уганды среди боксеров-тяжеловесов. Его рост составлял почти два метра, а весил он более ста двадцати пяти килограммов, превосходя габаритами любого другого офицера из штаба угандийской армии.

Офицер-британец, под началом которого Амин служил до провозглашения независимости, с энтузиазмом отзывался о своем бывшем подчиненном, как о «превосходном парне». С виду он был

крепок и внушительен, но недалек и, что особенно важно, не выказывал ни малейшего интереса к занятию политикой.

Миссию, возложенную на него премьером, Амин выполнял быстро и энергично. Погрузив 122-миллиметровый пулемет в личный «джип», он наделал дырок в резиденции короля Фредди. Бугандийский лидер, предупрежденный об опасности накануне атаки, едва успел покинуть дворец и в конце концов бежал в Англию. Там он вскоре и умер одиноким изгнанником.

За последовавшие четыре года Иди Амин сделался доверенным лицом премьер-министра, его правой, очень сильной рукой. Мильтон Оботе был абсолютно спокоен, отправляясь в Сингапур, чтобы присутствовать на Конференции Содружества в январе 1971 года. Он уже собирался вылететь обратно в Уганду, когда услышал новость, переданную по радио... Иди Амин мобилизовал армию и объявил себя новым правителем страны.

Деревенский бычок-переросток, превратившийся в военачальника, решил, что раз уж ему приходится выполнять всю грязную работу в Уганде, ничего не мешает ему стать заодно и главным авторитетом в стране.

Мильтон Оботе отправился в изгнание вслед за своим президентом, на собственном горьком опыте постигая неприятные политические уроки. Однако народу Уганды, осторожно ликовавшему по поводу переворота, предстояло получить куда более горький опыт, чем низложенному премьер-министру.

Первым шагом Амина в новой должности было

примирение враждующих племен. Он убедил лидеров Буганды в том, что это именно он предупредил короля Фредди и дал ему время бежать. Затем он освободил политических заключенных, арестованных при Оботе, и вернул на родину тело короля для церемониального погребения.

Ритуальная церемония получилась роскошной. Щедрость бугандийцев произвела неизгладимое впечатление на Иди Амина.

Мир был восстановлен, и узурпатор взялся за устранение главной потенциальной угрозы своей власти — а именно за офицеров угандийской армии.

Он объявил о новой программе реструктурирования армии и для начала приказал тридцати шести старшим офицерам, представителям племен Ланги и Ачоли, прибыть в тюрьму Макиндие на учения по внутренней безопасности. Офицеры были недовольны, но, соблазненные надеждой сформировать хотя бы часть правительства из военных, а не из политиков, все-таки повиновались и прибыли в Макиндие. Там их заперли в камерах и закололи штыками.

Бывший начальник штаба армии, бригадир Сулейман Хуссейн, был арестован и доставлен в другую тюрьму, где его забили ружейными прикладами. Голову бригадиру отсекли и доставили в новый роскошный дворец Амина в Кампале. Президент поместил ее в морозильную камеру своего холодильника для лучшей сохранности.

В казармах городов Мбарара и Джинджа элитные части офицерских корпусов выстрои-

лись на парадном плацу, чтобы принять салют вооруженной колонны. Проходившие мимо них танки неожиданно развернулись и задавили большую часть собравшихся офицеров. А те, что уцелели, послужили мишенью для пехотинцев. В других казармах оставшихся штабных офицеров пригласили в актовЫй зал слушать лекцию самого Амина. Но вместо Амина подъехал черныИ «мерседес», двери заперли снаружи, а в окна кто-то бросил несколько гранат.

В течение пяти месяцев Амином было уничтожено подавляющее большинство лучших офицеров армии. Однако от народа Уганды эта новость держалась в секрете. Официально было заявлено, что некоторые неверные офицеры преданы военному суду и казнены. На освободившиеся армейские должности Амин назначил людей из родного племени Каква. Повара, водители, дворники и телеграфисты превратились в майоров и полковников.

Но слухи о невиданной резне все же просочились наружу, и двое любопытных американцев, один из которых, Николас Стро, сын богатого детройтского пивовара, бывший сотрудник газеты «Филадельфия Баллетэн», работал вольнонаемным журналистом в различных африканских странах, а другой, Роберт Сидл, был социологом при университете Макере в Кампале, объединенными усилиями принялись наводить справки о достоверности страшных рассказов.

В казармах Мбарары им позволили взять интервью у нового командующего, майора Джумы Айга, бывшего таксиста. Когда расспросы американцев стали слишком настойчивыми, майор Ай-

га позвонил президенту Амину. Ответ был коротким: «Убей их». После этого обоих мужчин расстреляли на месте, а несколько дней спустя Айга уже открыто разъезжал по Кампале на «фольксвагене» Стро. Американское посольство затеяло расследование по факту исчезновения двух граждан Соединенных Штатов, но выяснить ничего не удалось. Расследование зашло в тупик.

Таким образом, отправляясь в первую зарубежную поездку в качестве главы государства, Амин уже сломил хребет угандийской армии. Вся власть в республике сосредоточилась в его руках, но ни в Израиле, ни в Британии он не получил запрошенных миллионов фунтов стерлингов наличными. В тесном кругу международной дипломатии распространилось мнение, что новый президент Уганды невежествен, к тому же весьма опасен.

В течение года Уганда сделалась банкротом. Не трудно предугадать ответные действия Амина. Национальный банк получил распоряжение печатать миллионы не имеющих ценности банкнот. Ими глава государства затыкал бреши в экономике, а оставшиеся долларовые и стерлинговые ресурсы стали доступны исключительно для его личных нужд.

Цена куска мыла в Кампале подскочила до шести фунтов, составлявших двухнедельный заработок среднестатистического рабочего с кофейных плантаций, оставшихся среди немногочисленных статей дохода Уганды.

Временное спасение предложил другой экстравагантный диктатор, ливийский полковник

Муамар Каддафи. Амин с готовностью согласился на сделку. Ливия обязалась снабжать Кампалу денежными средствами, необходимыми для поддержания страны «на плаву», Амин же в свою очередь разразился гневными тирадами и яростными выпадами против Израиля и Штатов, театрально выставив из страны небольшую группу израильских инженеров. Строительные объекты, на которых они работали, представляли собой ту ограниченную помощь, которую Израиль согласился-таки оказать Уганде.

Разгневанные и уязвленные израильтяне забрали с собой все свои бульдозеры и кипу бумаг с детальными разработками и чертежами незаконченных зданий. Среди прочих документов была подшивка, сыгравшая позже свою роль в истории. Она содержала планы последнего дара Израиля Уганде — нового пассажирского терминала, башни радиоконтроля полетов и чертеж взлетно-посадочной полосы аэропорта в Энтеббе.

Амин старался доказать Каддафи, что является стоящим союзником. В этих целях он открыл в Кампале представительство Палестинской Организации Освобождения и присвоил ему дипломатический статус. Не желая останавливаться на достигнутом, президент пошел дальше — публично заявил о своем восхищении политическим кумиром Каддафи — Адольфом Гитлером. Когда Амин выдвинул проект возведения мемориала Гитлеру в самом центре Кампалы, мир начал понимать, что на маленькую африканскую страну обрушилось страшное несчастье. Под-

тверждения самых мрачных прогнозов ждать пришлось недолго.

Материальная поддержка Ливии окончательно развязала Амину руки. Из нескольких сотен своих отборных прихвостней он создает новый полицейский орган — Государственное сыскное бюро. Верность помощников Амин покупает щедрыми подарками — дорогими машинами, видеомагнитофонами, одеждой, привезенной из Лондона и Парижа.

Однажды жарким августовским вечером 1972 года гости Амина, собравшиеся на обед в его резиденции в Энтеббе, были поражены и шокированы, когда хозяин неожиданно вышел из-за стола и вернулся из кухни с обледевшей головой бригадира Хуссейна в руках. Охваченный приступом ярости, Амин принялся выкрикивать оскорбления отрубленной голове, швырять в нее ножами, а затем приказал гостям уйти.

Двумя днями позже президент неожиданно возник в Восточной Уганде. Он объявил, что Бог являлся ему во сне и сказал, что пятидесятитысячное азиатское население Уганды — в основном торговцы, доктора и медсестры — является причиной всех экономических проблем страны. Им было приказано покинуть пределы республики в течение девяти дней.

Последовавшие три месяца голос Амина ежедневно звучал по угандийскому радио, отсчитывая отпущенный срок. Азиаты издавна жили в Уганде. У многих из них в этой земле было похоронено не одно поколение предков. Эти люди составляли основу национальной коммерции,

и теперь все они в ужасе бежали, бросая дома, магазины, плантации.

В ноябре того же года Амин принялся предлагать своим друзьям и приятелям любой налаженный бизнес на выбор. Фармацевтика и хирургия были переданы в ведение автомехаников из Государственного сыскного бюро, текстильные склады отошли к телефонным операторам из того же Бюро и к армейским капралам. За считанные недели опустели полки магазинов, все товары были проданы, а новых не поступало... людям из Государственного сыскного бюро снова нужно было платить.

Не имея более денег для их содержания, Амин предложил своим людям последнее, что у него осталось, — жизни своих соотечественников.

Это был самый чудовищный в истории контракт на массовое убийство. Амин разрешил своим верным палачам убивать ради выгоды.

Он знал традиции угандийцев, их глубокое почтение к останкам умерших родственников и готовность отдать последний угандийский шиллинг за возможность получить тела своих близких для погребения. Во многих племенах существовали так называемые «искатели тел», которые получали деньги, прочесывая местность в поисках трупа чьего-нибудь отца или сына, сгинувшего при перегоне скота, или утонувшего в нильских водах.

Сотрудники государственного Сыскного Бюро сделали и убийцами, и, по совместительству, искателями тел.

Разъезжая по улицам Кампалы в импортных машинах, разряженные в безвкусные шелко-

вые рубашки и брюки клеш, они запросто арестовывали прохожих горожан. Арестованных свозили в штаб-квартиру, помещавшуюся в двух шагах от дворца Амина, и там безжалостно убивали.

Когда в подвалах трехэтажного здания Бюро скапливалось слишком много трупов, в скорбящие семьи посылали делегации с сообщениями, что их родственник был арестован, но исчез после ареста и, к несчастью, вероятнее всего, умер. За розыск тела взималась плата в размере ста пятидесяти фунтов. Если семья не имела таких денег, ей следовало отдать государству все самое ценное. В обмен на это убийцы из Государственного сыска везли вдов, рыдающих сыновей и дочерей в лес на окраине Кампалы.

Мертвые тела скрывались почти что в каждом овраге, почти под каждым кустом. Много ночей подряд сотни семей совершали эти жуткие поездки. Тела, не востребованные родственниками, сбрасывались в озеро Виктория как ненужный хлам и плыли по течению до тех пор, пока не застревали в фильтрах гидроэлектростанции водопада Оуэн.

28 июня 1976 года авиалайнер компании «Эйр Франс», захваченный палестинскими террористами, приземлился в аэропорту Энтеббе. Самолет направлялся в Париж. Вскоре после промежуточной посадки в Афинах пилоту было приказано лететь в Уганду. На борту самолета находилось около трехсот пассажиров.

Оказавшись в сердце африканской страны, управляемой поклонником Гитлера, несчастные не имели ни малейшей надежды на спасение.

Самоуверенные палестинцы выдвинули свои требования. Амин ликовал, наблюдая за происходящим. Еще бы, ведь Уганда неожиданно привлекла внимание всего мира!

В обращении террористов, составленном без помощи Амина, говорилось, что все заложники погибнут через сорок восемь часов, если пятьдесят три палестинских заключенных не будут к этому времени выпущены из тюрем Израиля и Европы. Международное напряжение увеличивалось. В результате переговоров удалось перенести последний срок на 4 июля, были оставлены пассажиры только еврейской национальности, а остальных отпустили.

Оставшиеся заложники, перепуганные до смерти, содержались под неусыпной охраной в помещении пассажирского терминала. За два дня до назначенного срока пожилая уроженка Лондона Дора Блонш, имевшая двойное, британско-израильское, гражданство, нечаянно подавилась и была доставлена в клинику в Кампале, располагавшуюся в 32 километрах от аэропорта.

В эти дни Иди Амина и заложников часто показывали по телевизору. Израильские инженеры, высланные в свое время из Уганды, узнали помещение аэропорта, которое сами когда-то помогали строить. Спешно были подняты архивы и найдены нужные планы.

По всему Восточно-Африканскому побережью тайно рассредоточились объединенные силы международных спецслужб. Вскоре после полуночи 3 июля над озером Виктория внезапно появились самолеты израильских военно-воздуш-

ных сил с командос на борту. Согласно секретной договоренности им было разрешено дозаправиться и лететь в зоне действия радаров Кении, соседствующей с Угандой.

Израильские самолеты, руководствуясь планами, быстро и точно приземлились у терминала, в котором удерживались заложники. Менее чем через час они снова поднялись в воздух со спасенными заложниками на борту, оставив двадцать трупов солдат армии Иди Амина и семерых застреленных на месте террористов. Тела двух своих товарищей, попавших под перекрестный огонь, израильтяне забрали с собой.

Но престарелая Дора Блонш осталась в больнице в Кампале, дрожащая от страха и едва способная дышать. Амин решил выместить на ней свою злобу.

Спустя шестнадцать часов после спасательной операции в Энтеббе британскому специальному уполномоченному Питеру Чандли было разрешено навестить миссис Блонш. Он попытался приободрить напуганную женщину и ненадолго покинул больницу, чтобы приготовить для нее еду.

Вскоре после его ухода два представителя Государственного сыскального бюро вломились в больничную палату. Угрожая пистолетом, они заставили дрожащую вдову подняться и стащили ее вниз по лестнице с третьего этажа. Полчаса спустя ее тело, изрешеченное пулями, выкинули на пустынной окраине Кампалы.

Когда специальный уполномоченный вернулся в больницу, Амин объявил, что миссис Блонш выписалась днем раньше и была под охраной до-

ставлена в аэропорт еще до начала воздушного налета на Энтеббе.

Последняя отчаянная, авантюрная попытка Иди Амина удержать бразды правления провалилась в апреле 1979 года. Желая запугать угандийцев, чтобы они не вышли из повиновения, диктатор придумал легенду о якобы нависшей угрозе кровавого вторжения с юга, из соседней Танзании.

Ради того чтобы добыть доказательства, он отдал распоряжение ограниченному контингенту своих войск нарушить танзанийскую границу, якобы отражая наступление захватчиков. Провокация переполнила чашу терпения президента Танзании Джулиуса Нирере. Его солдаты дали решительный отпор непрошеным гостям и погнали их обратно, продолжив преследование по территории Уганды. Измученные жители с распростертыми объятиями встречали танзанийскую армию, быстро приближавшуюся к Кампале.

В одном из своих последних радиовыступлений Иди Амин призвал верные ему войсковые части занять оборону в городе Джинджа близ водопада Оуэн и стоять до последнего. Однако ни один солдат в Джиндже не появился, как, впрочем, и сам Иди Амин. На своем личном самолете он бежал в Ливию под защиту верного союзника полковника Каддафи.

Через пять лет бывший угандийский диктатор поселился в роскошной гостинице в Саудовской Аравии в качестве гостя мусульманских правителей этой страны и зажил там спокойной, вальяжной жизнью. Время от времени он раздражал

ся напыщенными тирадами о своей роли в международной политике, однако его больше никто не слушал.

Премьер-министр Мильтон Оботе вернулся в Кампалу и вновь возглавил правительство. Уганда до сих пор еще не вполне оправилась после многолетней тирании Амина, но электричество бесперебойно поступает с генераторов дамбы водопада Оуэн, а крокодилы с берегов озера Виктория могут теперь поживиться только птичьими гнездами на ближайших болотах.

ЖАН-БЕДЕЛЬ БОКАССА

Огромная бронзовая статуя, валяющаяся на земле, полуразрушенные дворцы императора и императрицы, ворота из кованого железа, изъеденные ржавчиной, сквозь которую еще можно разглядеть полустершийся герб — орел на фоне солнца. Вот и все, что осталось от некогда блестящей резиденции самого гротескного и экзотического правителя постколониальной Африки Жана-Беделя Бокассы. Дворец в Беренго, что в 80 километрах от столицы Центральноафриканской Республики Банги, покинут, разграблен, забыт и брошен на произвол всепобеждающей тропической зелени. Лишь два гигантских сейфа, развороченных взрывчаткой, валяются в этих покосившихся стенах.

И так же неумолимо, как тропические растения пожирают это царство запустения, время уносит от нас подробности тирании некогда все сильного правителя Центральноафриканской Ре-

спублики, а затем и империи. Дворец как бы разделил судьбу экс-монарха.

Пожалуй, в чем-то Бокасса был честнее своих коллег диктаторов из других африканских государств. Во всяком случае, провозгласив себя императором, он очень четко вычертил роль авторитарного правителя в Африке времен «холодной войны», обладавшего бесконтрольной единоличной властью. Действительно, титул императора куда точнее определяет статус такого деятеля, нежели, скажем, пост лидера единственной партии.

Сегодня приют этого пострадавшего человека — маленький, тщательно охраняемый домик на территории резиденции нынешнего президента ЦАР Андре Колингбы. Раз в неделю его навещают родственники, приносят еду, напитки и книги. Любовь к чтению проснулась в экс-императоре внезапно и только в застенках.

А пока перенесемся в июль 1987 года. То был час самого главного поражения Бокассы. Верховный судья, поправив пурпурную мантию, огласил вердикт: «Жан-Бедель Бокасса признан виновным по 14 пунктам обвинения и приговаривается к смертной казни». Лишь несколько месяцев спустя этот приговор был заменен пожизненным заключением. В сгорбленном, сморщенном человеке, выслушавшем решение суда, трудно было узнать прежнего триумфатора.

Час взлета в этой запутанной судьбе пришелся на декабрь 1977 года. Праздничная иллюминация, гирлянды цветов, национальные флаги, портреты монархов. В ту пору проходила коро-

нация Бокассы, с детства мечтавшего о славе Наполеона.

Некоторое время перед «коронацией» самопровозглашенного императора Жана-Бедея Бокассы казалось, что нечто человеческое все-таки затеплилось в душе этого безумствующего тирана. Важные дипломаты, влиятельные бизнесмены со всего мира готовились присутствовать на красочной церемонии в Банги, столичном городе Центральноафриканской Республики, бывшей некогда французской колонией в самом сердце континента.

В начале декабря 1977 года Бокасса заперся в своем дворце в пятидесяти милях от столицы и в качестве репетиции перед великим событием бесконечное количество раз просматривал пленку, специально для этого случая доставленную из Лондона. На пленке была заснята величественная и роскошная коронация королевы Великобритании Елизаветы. Бокасса, вспыльчивый, безобразный коротышка, казалось, был глубоко тронут сценами спонтанной, неподдельной радости и почтения, которые оказывали королеве ее подданные.

Он решил, что его собственная коронация должна стать не менее важным историческим событием. Конечно, он не мог надеяться завоевать сердца своего народа, но пусть хотя бы гости удивятся. Очевидно, повинувшись сиюминутному капризу, Бокасса приказал начальнику бангийской тюрьмы отобрать дюжину заключенных для более гуманного содержания. Их перевели в более просторные камеры, кормить стали лучше, чем остальных, и разрешили дышать све-

жим воздухом во время прогулок по тюремному двору. Некоторые охранники возбужденно поговаривали об амнистии в честь коронации. Заключенные, как пообещал Бокасса, не будут больше содержаться в тюрьмах.

Будущий император тем временем занялся последними приготовлениями к церемонии. Правительство Франции, которое тогда возглавлял президент Валери Жискар д'Эстэн, частенько гостивший у Бокассы во время отпусков, щедро снабдило его кредитом в один миллион фунтов для покупки нескончаемого потока «мерседесов» и двухсот новых мотоциклов «БМВ» для личного эскорта.

Пятидесятивосьмилетнего диктатора мало волновало, что его страна считается одной из беднейших в мире, что едва ли десять процентов от двухмиллионного населения умеют читать и писать и что более четверти всех новорожденных умирают от различных болезней, не дожив до своего первого дня рождения. Экстравагантный спектакль стоимостью в десять миллионов фунтов должен был продолжаться 48 часов и затмить помпезностью коронацию кумира президента Бокассы — императора Наполеона. Бокасса сам принимал титул императора, а его обанкротившаяся страна автоматически получала новое гордое название «Центральноафриканская империя».

У большинства крупных политиков безумные чудачества Бокассы не вызывали ничего, кроме безразличия, и они отослали назад написанные золотыми буквами приглашения, приложив скупые извинения. Даже известное своей подчерк-

нутой официальной вежливостью британское министерство иностранных дел в необыкновенно резкой форме отказалось прислать своих представителей на церемонию. Американский президент Джимми Картер, взбешенный наполеоновскими замашками центральноафриканского лидера, прекратил всякую помощь его стране.

Бокасса был невозмутим. Солдаты его армии составили большую часть зрителей, без энтузиазма взиравших на триумфальный парад по улицам Банги, куда новый император собирался въехать, сидя в позолоченной карете, запряженной восьмеркой белых лошадей. Следует заметить, что весь город насчитывал в общей сложности всего лишь три километра мощеных дорог.

Коронация прошла с соблюдением всех возможных формальностей. Не отказались даже от горностаевой мантии, невзирая на одуряющую африканскую жару. По завершении официальной части гостей препроводили на императорский банкет во дворец Бокассы в Беренго.

Там, защищенные экранами из пуленепробиваемого стекла, посреди живописного сада, украшенного фонтанами и нарядной резьбой по кости, они попали в заботливые руки слуг, одетых в ливреи. На золотых и фарфоровых тарелках, заказанных специально у знаменитого лиможского мастера Берардо, гостям подали изысканно приготовленные деликатесы.

Французские и американские дипломаты, итальянские и немецкие бизнесмены очень скоро освоились с окружающей их абсурдной роскошью. Они вряд ли чувствовали бы себя так сво-

бодно, если бы знали, что за еду подают им на лиможских тарелках.

Бокасса сдержал обещание, данное начальнику тюрьмы. Заключенные, которых хорошо кормили и выводили дышать свежим воздухом, недолго пробыли в тюремных стенах. Как только их здоровье достаточно восстановилось, они были убиты, мастерски разделаны и поданы к столу в качестве угощения для ничего не подозревавших гостей Бокассы.

Помешательство хозяина пиршества на веке Наполеона льстило важным французским деятелям, присутствовавшим на церемонии. По крайней мере, они считали вполне объяснимой любовь диктатора ко всему французскому. Долгие годы он служил солдатом во французской колониальной армии, где каждый новичок накрепко усваивал славные вехи французской истории и жутковатые деяния лучшего ее солдата — Наполеона Бонапарта.

В 1960 году, когда французы предоставили независимость республике, такой же по размерам, как сама Франция, большинство из них было радо избавиться от бремени забот о громадной, но бесполезной территории. В 1966 году полковник Бокасса отобрал власть у гражданского правительства республики и, к немалому веселью французов, принялся поклоняться бывшему колонизатору. Он поклялся в нетленной любви президенту Франции Шарлю де Голлю, которого нежно называл «папа». Французское правительство ответило щедрой материальной поддержкой в обмен на размещение своей военной базы в стратегически важной части Африки.

В 1975 году новый французский президент Валери Жискар д'Эстэн воспользовался приглашением Бокассы и несколько раз приезжал поохотиться в огромных владениях диктатора, занимавших всю восточную половину Центральноафриканской Республики.

Бокасса никогда не скупился на подарки для своих гостей, буквально осыпая их горстями бриллиантов, которые являлись одним из немногих природных ресурсов его страны и должны были бы идти на преодоление вопиющей бедности его народа.

К тому времени, когда имперская мания целиком захватила Бокассу, залежи урановой руды, найденные в Центральноафриканской Республике, разбудили коммерческие фантазии французов. На очевидные признаки прогрессирующей склонности Бокассы к жестокости они смотрели сквозь пальцы. Спустя два года после нелепой коронации дружба с новоявленным императором стала позором для Парижа. Он оказался опасным и кровожадным союзником.

Вознамерившись превратить свою пыльную столицу в некое подобие французского провинциального городка, Бокасса издал указ, чтобы все босоногие школьники, посещавшие единственную школу, являлись на занятия в единой дорогостоящей униформе. Родители едва могли осилить учебники, необходимые их детям для получения среднего образования. Не остался незамеченным и тот факт, что единственная фабрика, осуществлявшая пошив форменной одежды, находилась в собственности императора. Его подданные даже при всем желании не могли вы-

полнить новый указ. О последствиях никто не догадывался.

Президент Бокасса требовал создать национальную оперу, балет и художественно образованное общество. Измученный народ уже не обращал на это внимания. Однако император Бокасса, последователь Наполеона, ожидал, что его требования будут исполняться немедленно и беспрекословно.

«Императорская гвардия» собрала двести нечесаных, оборванных школьников и выстроила их в тюремном дворе. Бокасса важно прошелся мимо них, опираясь на трость с золотым набалдашником. Напуганные дети притихли.

— До тех пор, пока вы находитесь в тюрьме, вам не понадобится школьная форма! — выкрикнул император.

Угрожая малышам пистолетами, охранники распихали их по переполненным камерам.

Через несколько недель начались убийства. Одного за другим детей уводили на «осмотр школьной формы»... и безжалостно забивали до смерти.

В конце концов новость о массовых убийствах достигла ушей официальных лиц из французского посольства в Банги. Сперва они не могли заставить себя поверить, несмотря на доказательства, но затем появились свидетели из тюрьмы, повторявшие один за другим одну и ту же историю, и Париж наконец-то очнулся. Французам пришлось признать, что Жан-Бедель Бокасса был не просто комическим оперным императором с бутафорской короной и скипером. Он был чудовищем.

За этой вычурной, почти театрально-сказочной декорацией в стране, недра которой всегда были богаты алмазами и золотом, скрывался один из самых жестоких режимов личной власти. Позже, на процессе в Банги, прозвучат многие факты, от которых волосы встанут дыбом. Самое нашумевшее обвинение — каннибализм.

Тогда на суде выяснились фамилии по меньшей мере 10 человек, украсивших стол властителя. Среди них были оппозиционеры и министры, сотрудники собственных секретных служб и простые граждане. Эту печальную участь разделил единственный в государстве профессор математики. Впрочем, стоит привести в качестве одного из доказательств слова человека вполне компетентного, а именно — повара монарха Филиппа Лингвиссы. «Как-то ночью, — вспоминал он, — император повелел приготовить ему завтрак. По его приказу солдаты открыли секретный замок огромного холодильника. Я чуть было не свалился в обморок — там, в морозильнике, лежало разрубленное тело. Я очень хотел отказаться, но меня припугнули. Тогда я выполнил строгий заказ в точности: удалил внутренности, нафаршировал тело рисом и хлебом, поперчил. Жарил, как было велено, на огромном противне, поливая блюдо джином. Утром подал все это императору, который всю ночь до этого пил. Он начал с рук, ел, жадно причмокивая.»

Гастрономическими аномалиями, конечно же, не исчерпывались преступления Бокассы. На суде были доказаны обвинения и в убийствах, и в пытках заключенных, и в изнасилованиях, и в расхищении бюджета.

«По приказу Бокассy я каждую неделю привозил ему во дворец 17 млн. африканских франков, — рассказал на процессе экс-министр экономики и финансов Бартелеми Канда. — А как-то после того как Международный валютный фонд предоставил стране заем в 70 млн. долларов для того, чтобы выдать зарплату госслужащим, Бокасса просто-напросто присвоил все эти деньги.»

Впрочем, общую сумму похищенных средств на процессе выяснить так и не удалось. Западные журналисты насчитали где-то около 3 млрд. долларов. Конечно, Бокасса, полюбивший роскошь, не мог пропустить мимо своих рук и алмазы, золото, которые добывались в ЦАР.

Сейчас, когда волна демократизации, прокатившаяся над Африкой, приоткрыла страшные тайны многих режимов, считавшихся куда более добропорядочными, чем тирания Бокассy, его преступления как-то поблекли. Хотя в чем-то он явно сохранил первенство.

В числе жертв Бокассy оказался и его собственный годовалый внук, отравленный по приказу монарха. Как говорили в окружении Бокассy, тот опасался, что внук, когда подрастет, отомстит за смерть своего отца, казненного по обвинению в заговоре.

Можно долго живописать ужасы в ЦАР, где Бокасса с перепоя как-то даже издал приказ поджечь собственную столицу. К слову, солдаты выполнить это распоряжение диктатора не сумели, так как тоже были изрядно пьяны. Но все же интереснее другое: как становятся тиранами? Судьба Бокассy, познавшего и побе-

ды, и поражения, дает своеобразный ответ на этот вопрос.

Да, его кумиром с детства был Наполеон. 18-летний щуплый паренек, сын деревенского старосты из народности мбака, т. е. вождя, в конце 30-х годов без франка в кармане шатавшийся по улицам административного центра французской колонии Убанги-Шари, мечтал о славе. И потому он сразу же с радостью принял предложение французского вербовщика послужить в колониальной армии. Затем была служба в Индокитае, учеба во французских военных школах, причем весьма прилежная, снова служба во Вьетнаме. Независимость Убанги-Шари, переименованной в Центральноафриканскую Республику, Бокасса встретил в чине капитана французской армии. Впрочем, и тогда, и позже, уже став маршалом, он всегда называл себя «солдатом Франции».

По чину он оказался самым высокопоставленным военным из числа жителей Убанги-Шари. И его дядя Давид Дако, с благословения Франции ставший первым президентом страны, предложил Бокассе пост начальника Генерального штаба новой республики. Бокасса предложение принял. И в первые годы он неустанно демонстрировал самые теплые родственные чувства к главе государства.

Эта идиллия продолжалась до 1965 года, когда в новогоднюю ночь Жан-Бедель преподнес своему покровителю и родственнику неожиданный «подарок». После довольно вялой перестрелки с немногими верными президенту охранниками племянник взял власть в свои руки, предупре-

дительно разрешив родственнику отъехать во Францию.

А затем уже началось правление Бокасы, неожиданно утратившего прежнюю скромность и возлюбившего награды, почести, звания, ордена и прочие атрибуты всеобщего признания. Вряд ли его восхождение к власти могло произойти без одобрения Парижа. Франция все годы независимости ЦАР сохраняла самые тесные, особые отношения с правительством африканской страны. И всегда рядом с президентом и до, и после Бокасы маячила неприметная фигура полковника Мансьона. Впрочем, став императором, Бокасса разлюбил быть послушным солдатом Франции.

...Недолго пришлось Бокассе Первому нежиться на троне. Сообщения о его похождениях и злодеяниях, пьянстве на собственной яхте, пытках и казнях все чаще оказывались во французских левых газетах.

Ради чести Франции, ради соблюдения приличия император должен был исчезнуть.

Благоприятная возможность представилась месяцем позже, когда сумасшедший самодержавец отбыл из Банги в Ливию с визитом к другому диктатору, полковнику Каддафи. Когда Бокасса сошел с трапа самолета в Триполи, Франция наглядно продемонстрировала ему и всему миру, что такое настоящее искусство силовой политики. Сам Наполеон, наверное, был бы доволен своими потомками.

Африканский политик Давид Дако, некогда смещенный со своего поста честолюбивым Бокассой, проживал с тех пор в Париже. Однажды

ночью к нему в дом нагрянули агенты французской спецслужбы, подняли с постели, сунули в руки текст обращения к народу и приказали зазубрить. Затем Дако запихнули в ожидавшуюся у дверей машину. Десять часов спустя он уже покидал борт французского истребителя в аэропорту Банги и призывал войска французского иностранного легиона, приземлившегося вслед за ним, помочь в осуществлении «спонтанной» гуманистической акции по отстранению от власти кровожадного Бокассы.

В течение двадцати четырех часов все было кончено, и бывшая «империя» благополучно вернулась под контроль Франции. Смещенный император уехал в изгнание из Ливии на Берег Слоновой Кости в Западной Африке, а оттуда перебрался в полуразвалившуюся виллу в сером промышленном пригороде Парижа.

И здесь начинается спокойный период жизни в собственном поместье Адрикур, близ Парижа. Как каждый уважающий себя свергнутый император, Бокасса принялся разводить капусту. Журналистов и визитеров к замку не подпускали. Исключение составляли какие-то таинственные личности, видимо, из спецслужб. Да, экс-император вполне мог мирно окончить свой век во Франции. Но тут что-то произошло. Возможно, Бокасса отважился на возвращение к оставшимся без его благодеяний подданным, надеясь на свои «100 дней». Французский еженедельник «Эвенман дю жеди» считает, что возвращение монарха стало результатом конфликта между различными спецслужбами. Небезызвестный повар объяснил все куда примитивнее: по его мне-

нию, во Франции экс-монарх просто-напросто не мог есть человечины. Как бы то ни было, но осенью 1986 года Бокасса спустился с трапа самолета в Банги, где его встретил все тот же полковник Мансьон. Он то и отвез экс-императора в тюрьму.

ФРАНСИСКО ФРАНКО БОАМОНДЕ

Все больше золота на погонах

Личность Франко не может не представлять исторического интереса. У нас она мало известна или известна однобоко.

Каким же он был, последний диктатор в Западной Европе? Каждый раз иной в меняющемся мире или же он в чем-то все-таки оставался верным своим принципам и своему прошлому?

«Образ Франко тускнеет на монетах, печатях, в памяти», — это суждение, высказанное мадридским корреспондентом «Ассошиэтед Пресс» Ф. Уиллером в ноябре 1976 года, в первую годовщину со дня смерти Франко, тогда вряд ли кто оспаривал. Но прошли годы, и картина изменилась. К десяткам прижизненных биографий, многократно переизданных, прибавились новые, как апологетические, так и критические.

Король Испании Хуан Карлос I, отвечая на вопрос Хосе Луиса де Вилалльонга, как Испания могла перейти от более чем сорокалетней диктатуры к демократии с конституционным королем во главе и все это произошло без больших волнений и потрясений, ответил, что, когда он взшел на трон, у него на руках были две

важные карты. Первая — несомненная поддержка армии. В дни, последовавшие за смертью Франко, армия была всесильна, но она повиновалась королю, поскольку он был назначен Франко. «А в армии приказы Франко даже после его смерти не обсуждались.» Вторая карта — мудрость народа. «Я унаследовал страну, которая познала 40 лет мира, и на протяжении этих 40 лет сформировался могучий и процветающий средний класс... Социальный класс, который превратился в становой хребет моей страны.»

Так кто же был тот, чья воля являлась законом для испанской армии даже после его смерти, и какое отношение он имел к экономическому подъему страны, в результате которого сформировался могучий и процветающий средний класс?

Франсиско Франко Боамонде родился в городе Эль-Ферроль 4 декабря 1892 года в день св. Варвары, покровительницы артиллерии, чему впоследствии биографами придавалось большое значение. Его деды и прадеды по линии отца были либо моряками, либо служащими портовой администрации. Казначеем в порту работал и его отец — Николас Франко. Молодой Франко хотел стать моряком, но по семейной традиции в морское училище отправился его брат Николас. Франсиско, или Пако, поступил в пехотное училище в Толедо, основанное еще императором Карлом V. Самый низкорослый (155 см) и самый юный кадет не блистал успехами в военных науках — он был 251-м из 312.

Испанские историки считают Франко «человеком 98 года». В 1898 году Испания потерпела сокрушительное поражение в войне с США, утратив все заокеанские владения — Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины. Летальная атмосфера, в которую было погружено испанское общество, потрясенное поражением и окончательным крахом испанской империи, способствовала охватившему его чувству глубокого пессимизма. Не стал исключением и молодой Франко, мечтавший о военных подвигах. Утешение он искал в истории: славные времена обороны

Сагунта против войск Ганнибала (210 год до н. э.), католических королей и Филиппа II, героическая эпопея 1808—1812 годов казались ему залогом того, что «униженная Испания», «Испания без пульса», возродится, для этого надо обрести веру в самих себя. Он рано поверил в свое высокое предназначение. «Важнейшая задача моей жизни, — любил позднее повторять Франко, — вернуть испанцам гордость быть испанцами.»

Поначалу ничто, казалось, не предвещало блестящей карьеры 17-летнему младшему лейтенанту, направленному в 1910 году в 8-й пехотный полк в Эль-Ферроле, если бы не возобновление военной кампании в испанской зоне Марокко. Честолюбивый лейтенант, вступивший в 1912 году в колониальные войска, тяжело раненый в июне 1916 года в сражении при Биутце, в феврале 1917 года «за особые заслуги» становится самым молодым майором в испанской армии. Но все еще, как говорится, впереди.

31 августа 1920 года был создан иностранный

добровольческий легион «Терсио», командиром первой бандеры которого месяц спустя стал Франко. Он был замечен королем Альфонсом XIII, который назначил его членом Королевской палаты, что приблизило его к знати страны. Награжденный «Военной медалью», в чине подполковника, присвоенного ему за особые заслуги в войне против независимого государства Рифф, Франко в июне 1923 года стал командиром «Терсио».

Диктатор генерала Примо де Ривера, совершивший с согласия короля государственный переворот 13 сентября 1923 года, неизменно покровительствовал Франко: задолго до выслуги положенного срока, в 1926 году, в возрасте 33 лет тот становится бригадным генералом. На следующий год — начальником только что созданной Высшей военной академии Генерального штаба. На этом посту он встретил падение монархии. 12 апреля 1931 года состоялись муниципальные выборы. И хотя монархисты получили 22 150 мест, а республиканцы всего 5875, решающее значение, как оказалось, имели результаты выборов в столицах провинций, где соотношение было иным: 602 против 953. 14 апреля возбужденные толпы народа стали захватывать муниципалитеты и самочинно провозглашать республику.

Вечером того же дня новоиспеченный республиканец, в недавнем прошлом консерватор, Алькала Самора обратился по радио к народу, объявив, что республика провозглашена «без малейших беспорядков».

14 апреля наблюдалось и первое проявление враждебности армии к новому режиму: дирек-

тор Высшей военной академии в Сарагосе генерал Франко отдал приказ, категорически запрещающий курсантам выходить из ее стен, дабы не присоединиться к ликующему народу. «Мы уже захвачены вихрями урагана», — днем позже напишет епископ Таррагоны Исиодоро Гома кардиналу Видалю.

«Две Испании» — два контрастных видения мира. Что это было: историческая память, диктующая избирательность восприятия информации, несовместимую с приоритетными ценностями, или пророческое предвидение того, что новый режим — это не более чем интермедия, которых немало было в истории, и надо вновь собирать силы, готовясь к реваншу?

Для Франко всегда имели значение личные обстоятельства, на этот раз неблагоприятные: 12 июня новый глава правительства Асанья отдал приказ о закрытии академии, а 22 июля — новое назначение: командование 5-й дивизией в Сарагосе. Затем — новое понижение: с 13 февраля 1932 года Франко — командир 15-й пехотной бригады в Ла-Корунье. Эти обстоятельства повлияли на выбор Франко, какую сторону принять в будущей схватке: пока у власти находилось правительство левых республиканцев и социалистов, у Франко было мало шансов взять личный реванш. Но времена менялись, менялись и обстоятельства...

Нация ожидала многих свершений от Учредительных кортесов. Законодатели сделали решительный шаг к всестороннему возрождению страны. Но нельзя «насадить» фундаментальные изменения вечером, чтобы уже утром они дали

ощутимые плоды. Те, кто долгие десятилетия был жертвой социальной несправедливости, все же проявляли нетерпение. Их критика сливалась с возмущенными голосами других, кого больно задела реформа. Ими оказались не только аграрии-латифундисты, коммерсанты и предприниматели, но и те, кого относили к «другой Испании» — Испании традиционной культуры, основу которой составляла католическая религия и церковь. На выборах в ноябре 1933 года правительственный блок потерпел поражение. Для Франко настало время надежд.

В феврале 1934 года мать Франко решила совершить паломничество в Рим. Франко сопровождал ее до Мадрида. Дальше ехать не пришлось — Пилар Франко умерла, ее сын задержался в столице. Ему удалось произвести хорошее впечатление на военного министра-радикала Д. Идальго. Позднее он напишет: Франко «был предан до конца своей профессии и был в совершенстве наделен всеми достоинствами профессионального военного; он много работал, ясность его мышления, понимание и общее образование — все было поставлено на службу армии... Он был педантичен в выполнении своего долга, что, возможно, заслуживает критики». Результат — повышение в чине: в марте 1934 года он стал самым молодым дивизионным генералом не только в Испании, но и в Западной Европе — ему был тогда «всего» 41 год. Скоро для него нашлось и дело.

В ночь на 5 октября 1934 года началась всеобщая политическая стачка в Астурии, переросшая в вооруженное восстание. В Мадриде в во-

енном министерстве с нетерпением ожидали Франко. Он оправдал ожидания министра: Астурия была залита кровью. Несколько месяцев спустя Франко назначили начальником Генерального штаба. Но скоро его карьера вновь оказалась под угрозой. 20 октября 1935 г. лидер оппозиции Асанья на 200-тысячном митинге произнес свою знаменитую фразу: «Вы должны выбрать между демократией со всеми ее недостатками, заблуждениями или ошибками и тиранией со всем ее ужасом». В начале января 1936 года президент распустил кортесы и назначил выборы на 16 февраля 1936 года.

На этих выборах Народный фронт одержал победу. Вечером, еще до окончательного подсчета голосов, Франко по телефону тщетно попытался убедить военного министра объявить военное положение. Тот отказался. Тогда Франко вместе с генералом Молой становится ключевой фигурой заговора против правительства. Новое назначение Франко — Канарские острова.

16 июля 1936 года агент Молы направил из Байонны зашифрованные телеграммы. Текст их гласил: «17 в 17. Директор». Это был сигнал к мятежу. Он вспыхнул 17-го пополудни в Марокко, а 18-го охватил все гарнизоны страны. Вскоре мятеж не только перерос в гражданскую войну. В тревожной атмосфере предвоенной Европы произошла интернационализация конфликта.

Франко прилетел в Марокко 19 июля, 25 июля его письмо было передано Гитлеру. Тому понадобилось не более двух часов, чтобы принять решение о помощи Франко. Между 28 июля и 1 ав-

густа в Тетуане приземлилось 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52», а транспортное немецкое судно «Усамо» находилось в это время на пути к Кадису. 27 июля Муссолини дал согласие на передачу Франко 12 бомбардировщиков «Савойя-81». К началу августа африканская армия мятежников была переброшена на Пиренейский полуостров. Юго-западная группировка под командованием Франко начала марш на Мадрид.

Ощущая себя хозяином положения, Франко решил, что пришел его час: он добился поста главнокомандующего, а затем и звания генералиссимуса и главы правительства. 1 октября в своем первом декрете он назначил себя «Главой государства».

Посол Германии генерал Фаунель не скрывал, что хотел бы видеть Испанию «политически унифицированной». 11 апреля 1937 года в беседе с Фаунелем Франко заявил о своем намерении слить фалангу с монархическими группами и лично самому возглавить партию. Но новая фаланга так и не стала прочным блоком. Сам Франко неоднократно заявлял, что Испания должна стать католическим государством.

Между тем гражданская война стремительно приближалась к трагической развязке. Военные операции вначале планировались как колониальные карательные экспедиции, и лишь после их провала началась позиционная война на подступах к Мадриду. Мадрид выстоял, но в Каталонской битве 1938 года Франко объявил, что война закончена. С тех пор он много лет не уставал повторять, что «победила Испания, поражение понесла анти-Испания».

Победители не знали пощады. Не смогли смягчить жестокие репрессии даже просьбы Ватикана и испанской церковной иерархии, поддержкой которых Франко так дорожил. Одним из самых отлаженных механизмов франкистского государства стала система государственного террора.

Вместе с побежденной «анти-Испанией» были отсечены и институты, государственные и общественные, ее олицетворяющие: конституция, кортесы, правительство, ответственное перед ними, все политические партии и добровольные профессиональные союзы.

Он отвергает давление Гитлера

Через пять месяцев после поражения Республики началась вторая мировая война. 4 сентября 1939 года Франко, выступая по радио, дал указание испанцам «сохранять строгий нейтралитет». В меморандуме, подписанном в тот же день, он напомнил об ужасах разрушений, о трагедии, пережитой испанцами в годы войны. Франко не стал марионеткой Берлина и Рима. Это отчетливо проявилось в 1940 году, когда Берлин особенно на это рассчитывал.

«Я, с тех пор как стал главой государства, посетил только Португалию и во время войны был в Бордигере, чтобы присутствовать на переговорах с дуче», — вспоминал Франко. Что же касается единственной встречи с Гитлером, то она произошла на франко-испанской границе, в Эндайе, 23 октября 1940 года 15 лет спустя Франко

припомнил, как на вопрос Гитлера «полагает ли он, что война будет долгой и это создаст большие трудности» ответил, что не сомневается в этом ни в малейшей степени. Хотя он и верит в победу Германии, но не в состоянии вступить в войну, не разрешив прежде многих проблем, в первую очередь снабжения населения. Но «фюрер, как бы в озарении, постоянно твердил, что война уже выиграна и что окончательная победа будет уже скоро». Тогда Франко прибег к другим аргументам: он не может гарантировать, что история не повернется вновь, в связи с чем сослался на восстание против Наполеона. «Не вся Испания на стороне «оси»... Кроме того, зимой горы покрыты снегом, что создаст затруднения для продвижения танков. К тому же изложенный Гитлером план затрагивает чувство национального достоинства.»

Как вспоминал далее Франко, «фюрер не был удовлетворен встречей, что было естественно». Еще бы: ведь она оказалась его первым крупным дипломатическим поражением. Не оправдались надежды Берлина и после нападения Германии на СССР: Франко попытался отделаться от настойчивых требований Берлина объявить о вступлении в войну, направив на советско-германский фронт «голубую дивизию» и эскадрилью «Сальвадор». 12 октября 1943 года диктатор отдал приказ о возвращении дивизии, вернее, того, что от нее осталось. Наступили новые времена, и каодильо, всегда пытавшийся держать нос по ветру, стремился продемонстрировать западным союзникам свое твердое намерение придерживаться нейтралитета.

9 ноября 1944 года Франко дал интервью корреспонденту Юнайтед Пресс Интернэшнл, в котором уверял, что «присутствие испанских добровольцев из «голубой дивизии» не несло в себе никакой идеи завоевания или ненависти к какой-либо стране, а было лишь проявлением антикоммунистического духа... Поскольку идеологические принципы режима на протяжении восьми лет концентрировались на понятиях «Бог», «родина» и «справедливость», Испания не могла быть связана идеологически ни с кем, кто отрицает католицизм как принцип», то есть с нацизмом.

Победа держав антигитлеровской коалиции принесла Мадриду новые тревоги. Но Франко не терял веры в возможность участия Испании в создающемся мировом сообществе. Однако 20 июля 1945 года в Потсдаме было заявлено, что правительства Великобритании, США и СССР не будут поддерживать просьбу о принятии в ООН, заявленную испанским правительством. Испания не смогла вступить в эту организацию. Резолюция, принятая 9 декабря 1946 года, рекомендовала членам ООН отозвать своих послов из Мадрида. Франко отреагировал на это с возмущением: «Если наша добрая воля не понята и мы не можем жить, глядя на внешний мир, мы будем жить, глядя внутрь». Экономическая блокада страны всей тяжестью легла на плечи простого испанца. Выступая, Франко теперь говорил уже не об империи и величии, а о голоде, нищете и бедности.

В ноябре 1948 года корреспондент «Нью-Йорк Таймс» К. Сульцбергер так описывал свою беседу

с Франко в его резиденции Эль-Пардо: «Меня встретил невысокий плотный человек в аккуратной военной форме, с полным бледно-оливковым лицом и принужденной улыбкой. Во время беседы его маленькие нервные руки все время находились в движении. Франко высказал убеждение, что существуют лишь две альтернативы в мире социального кризиса — марксизм и путь решения проблем, на которых покоятся принципы западной цивилизации». Он заявил, что Испания не намерена участвовать в плане Маршалла, предпочитая прямые отношения с США. Заключение 26 сентября 1953 года испано-американского соглашения об обороне, экономической помощи и обеспечении помогло «приоткрыть дверь» в западное сообщество. Но и отношения с Востоком все еще занимали Франко. Как явствует из рукописной пометки, 17 февраля 1947 года Франко начертал: «Ни Восток, ни Запад». Он любил повторять свои критические замечания относительно Запада: «...одряхлевший мир... экономические мифы... материализм... терроризм». Менее известны его суждения о Востоке, а точнее, о русских: «Простодушные русского народа, различие между русским народом и коммунизмом, реализм русских, величайшие ошибки в строительстве государства и общества. Будущее русских — демократия против тоталитаризма, анархия и рационализация». СССР он всегда предпочитал называть Россией.

Интересовали его и условия, на которых могли бы вернуться пленные «голубой дивизии», а также те испанцы, «которые удерживались в России против их воли». До смерти Сталина

все попытки наладить торговые отношения с СССР, равно как и добиться возвращения пленных, не были успешными. И только в апреле 1954 года в порт Барселоны прибыл корабль «Семирамида», на борту которого находились 296 бывших военнопленных из «голубой дивизии».

Он готов был признать, что «Россия хочет мира», что «она ушла далеко вперед, что ею уже нельзя управлять, как в эпоху царизма или в годы, предшествовавшие второй мировой войне», что «власти Хрущева оказывается сопротивление, как и раньше оно оказывалось Сталину, Берии и Ленину».

«Долина павших» — символ примирения

И все же Франко пришлось поддаться ветру перемен. Историк М. Туньон де Лара назвал «выход на авансцену тех, кто не участвовал в гражданской войне» наиболее примечательной чертой второй половины 50-х годов. Франко со свойственной ему интуицией решил перехватить носившуюся в воздухе идею примирения «двух Испаний». Материальным воплощением того, как диктатор представлял себе преодоление пропасти между «двумя Испаниями», служит мемориальный комплекс в «Долине павших», сооруженный в 1959 году в горах в нескольких милях от Эскориала, где был перезахоронен прах «победителей» и «побежденных». Но все же оставалось то, через что Франко так и не смог переступить.

«Поколение, которое участвовало в испанской гражданской войне или которое формировалось под его непосредственным влиянием, жило в ус-

ловиях глубокого разделения между правыми и левыми, голубыми и красными, реакционерами и сторонниками прогресса», — писал в свое время Р. Кальво Серрер. Теперь этому приходил конец. приметой новых веяний стало решение всеиспанской ассамблеи епископов и священников в 1971 году со склоненной головой церковь «просила прощения у своего народа за то, что в годы братоубийственной войны не смогла играть роль инициатора примирения враждовавших сторон». Франко не готов был идти так далеко. Он простил мертвых, но не живых.

К этому времени режим приобрел почти респектабельный вид: после того как на референдуме 6 июля 1947 года из 17 178 тысяч его участников 14 145 тысяч высказались за монархию, Испания стала королевством. Но королевством без короля.

«Операция Принц»

Путь к 23 июля 1969 года, когда Испания обрела будущего монарха, был сложен и извилист. Еще в феврале 1946 года, давая интервью Сульцбергеру, Франко сказал, что по его мнению, большинство испанцев предпочитает монархическую форму правления, как более устойчивую, нежели республиканскую, что он сам монархист и традиционная форма правления в Испании монархическая. Современная монархия, он полагает, может подняться до президентской формы правления.

3 марта кардинал Спеллман (США) проездом

из Рима имел в Мадриде встречу с Мартино Артахо. Кардинал сообщил испанскому министру иностранных дел, что Ватикан склоняется в пользу восстановления монархии в Испании, ибо полагает, что это наилучший выход. В связи с этим ему, Спеллману, Папой Пием XII дано поручение оказать соответствующее воздействие на окружение Франко.

Фалангисты всегда открыто выступали против монархии вообще и династии Бурбонов в особенности. 28 февраля 1941 года умер Альфонс XIII. Летом 1942 года его сын Хуан де Бурбон, граф Барселонский, впервые заявил о своем праве на престол, а 19 марта 1945 года обратился с манифестом к испанскому народу. В нем претендент на престол осудил режим Франко, созданный по образу тоталитарных систем держав «оси», как противоречивший самому духу и традициям испанского народа. Именно монархия, полагал дон Хуан, может стать надежным средством примирения и достижения согласия между всеми испанцами, к тому же приемлемым путем решения испанского вопроса для внешнего мира.

Автор манифеста призывал к восстановлению традиционного, т. е. парламентарного, режима, обещал гарантии демократических свобод, широкую политическую амнистию, созыв законодательной ассамблеи, проведение политико-социальных мер в духе времени. Близкий к графу Барселонскому политолог и философ Кальво Серрер, переправивший этот манифест в Испанию из Лозанны, где в то время находился дон Хуан, охарактеризовал его «как разрыв с Франко, как настоящий заговор».

Франко никогда не мог простить дону Хуану приверженности либерализму, в течение всей своей жизни он не переставал повторять, что его воцарение было бы истинной катастрофой для испанцев. Тем не менее вопрос о монархии привел генерала к тому же графу Барселонскому: 25 августа 1948 года во время встречи с Франко на яхте «Асор» дон Хуан дал согласие на то, чтобы его сын Хуан Карлос выбрал местом своего жительства Испанию. Так в стадию реализации вступил план, который американский историк С. Пейн назвал «Операция Принц». Монархия должна была стать первым опорным камнем будущей Испании.

Утром 18 января 1955 года принц Хуан Карлос прибыл в Мадрид. Ему было тогда 17 лет. Франко сам составил учебный план будущего монарха: военные училища, Академия Генерального штаба. В 1959 году Хуан Карлос получил звание лейтенанта пехоты и авиации и старшего лейтенанта флота. Но более всего Франко был озабочен воспитанием будущего монарха.

14 марта, вскоре после прибытия принца в Испанию, он прочел ему «настоящую лекцию по моральному воспитанию», как заметил присутствовавший при этом Салгадо-Араухо. Он внушал Хуану Карлосу, что «короли должны находиться в контакте с народом, как можно более непосредственном, для того, чтобы знать его нужды и попытаться разрешить их», «принц должен иметь в виду, что вся нация смотрит на него, и он должен представлять доказательства своей абсолютной моральности».

В 1962 году состоялась свадьба Хуана Карлоса

и греческой принцессы Софии. Молодая чета посетила Эль-Пардо. После завтрака Франко с удовольствием отметил, что принцесса говорит достаточно хорошо по-испански, очень мила, кажется разумной и очень культурной. С одобрением он отнесся и к предстоящему визиту супругов к Папе Иоанну XXIII.

Франко полагал, что Хуану Карлосу следует продолжить изучение различных предметов в сфере экономических и политических наук. «Это можно осуществить только в Испании, посещая различные университеты и школы для специалистов, возможно чаще присутствуя в аудиториях... Для этого жить в стране как можно больше.»

23 июля 1969 года Хуан Карлос был назначен Франко и утвержден кортесами будущим королем Испании в соответствии с Законом о наследовании.

Последний год жизни Франко был бурным. Страну охватили террористические акты и, как ответ на них, — смертная казнь. Без ответа остался призыв Папы Павла VI, глав правительств, просьба Хуана Карлоса остановить ее.

1 октября 1975 года Франко в последний раз появился на публике. Огромная толпа, надлежащим образом руководимая, собралась на площади Ориенте, чтобы оказать поддержку диктатору. Генерал приветствовал толпу трясущейся от спазмов паркинсонизма рукой, он превратился в старичка, чьи щеки казались сделанными из воска. 14 октября Франко почувствовал сильную боль в сердце и удушие — инфаркт. 20 ноября 1975 года его не стало.

Верил ли сам Франко в то, что монархия сохранит режим? В последние годы жизни — сомнительно. Как сказал король в беседе с Вилальонгой, «Франко очень редко говорил со мной о политике и никогда не давал мне советов. Иногда, когда я спрашивал его, как надо будет поступать в той или иной ситуации, он отвечал: «Не знаю, Ваше Высочество. Во всяком случае, Вы не сможете поступать так, как это делаю я. Когда Вы станете королем, времена сильно изменятся и люди будут не такими, как сегодня». Хуана Карлоса, кстати, спросили: «Какими были последние слова Франко, обращенные к королю на пороге смерти?». Он ответил: «Когда я увидел Франко в последний раз, тот уже не был в состоянии говорить. Последняя связная фраза, вышедшая из уст генерала, когда он находился практически в агонии, касалась единства Испании». Король по-своему выполнил волю Франко, став государем «всех испанцев», объединив «победителей» и «побежденных».

Франко оказался провидцем. 22 ноября 1975 года Хуан Карлос был коронован. Испания начала свой путь к демократии. Конституция, принятая в декабре 1978 года, определила политическую форму правления Испании как парламентскую монархию.

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ

Родился Юзеф Пилсудский 5 декабря 1867 года в Зулове, повет Свенцяны в Литве, подданным императора всероссийского и короля польского

Александра II. При крещении четвертый ребенок Юзефа-старшего (1833 — 1902) и Марии (1842—1884) из Биллевичей Пилсудских был наречен Юзефом. Близкие звали его Зюком. Род Пилсудских принадлежал к полонизированной литовской шляхте. Сторонники Пилсудского, обосновывая его право властвовать, выстраивали связи Пилсудских с полумифической великокняжеской династией Довспрунга. Сам Юзеф всегда называл себя «литвином» и никогда — поляком. Его противники доказывали, что сия генеалогия — обоснование для претензий на корону: Пилсудскому дважды — в 1919 и 1926 годах — предлагали называться королем. Он и сам предавался мечтам о возобновлении унии Литвы с Польшей и королевском сане в Литве.

Супруги Мария и Юзеф Пилсудские были кузенами. Этим объясняют «странности» психики некоторых из их детей. Болезнь (туберкулез) и частые роды, 12 детей за 18 лет супружества, свели не старую еще женщину в могилу. Дети остались на попечении отца и бонн, француженки и немки: Юзеф говорил на пяти языках — польском, русском, немецком, французском, английском. Вероятно, уроженец Жмуди был знаком и с литовским. Отец, Юзеф-старший, был незаурядным человеком. Печатался в газетах, имел музыкальные способности, сочинял музыку. Окончил сельскохозяйственный институт, но в управлении имениями оказался человеком непрактичным. Приданое жены — 12 тыс. га земли и несколько сот тысяч рублей наличными — повысило благосостояние Юзефа — старшего. Но неудачные экономические мероприятия

привели к разорению. Имение за имением шло за долги. Семья, конечно, не стала нищей, но трудности испытывала. Брат Бронислав (1866—1918) записал в дневнике в марте 1883 года: «Зюк не ходит в школу, потому что не имеет штанов, а новых Морель еще не принес». Почему-то с этой принадлежностью мужского гардероба связано не одно любопытное воспоминание о Пилсудском. Писатель С. Жеромский говорил, что как-то в Закопане зашел к Зюку и застал того в хибаре без брюк: единственные были отданы в починку к портному. Их владелец, а это было в 1912 или 1913 году, вел речь о том, что он будет диктатором независимой Польши. 14 февраля 1883 года Бронислав Пилсудский записал, что «счастье всегда способствовало Зюку; поэтому Зюку безумно везет, у него все получается хорошо, все потому, что он выдвигает себя на первый план и много болтает (а делает мало), а дураки верят ему и восхищаются им».

Еще в гимназии, а также под влиянием матери, фанатичной польской патриотки, начал формироваться ярый его антирусизм.

Первую скрипку в гимназии играли царские педагоги, последовательно и жестко проводившие политику русификации края. Это не могло не вызвать у школяров-мальчишек ответной реакции. «Все мои мечты, — писал спустя десятилетия Пилсудский, — концентрировались в то время вокруг восстания 1863 года и вооруженной борьбы с москалями, которых я всей душой ненавидел, считая каждого из них подлецом и вором. То последнее было в конце концов оправданным.» Но хоть многие гимназисты изгоня-

лись за неблагонадежность и мечтать не могли о среднем образовании, гимназию Пилсудский все-таки окончил. Встал вопрос: что дальше? Семье оказалось по карману отправить сына для продолжения образования в дешевом провинциальном университете Харькова. Год проучился там на медицинском факультете, побывав, кстати, два дня под арестом за участие в студенческой демонстрации. Харьков ему надоел, и юноша вернулся в Вильно, намереваясь потом возобновить учебу в Дерптском университете. Но обстоятельства сложились иначе. Зимой 1886/87 года Юзеф остался в Вильно. Как он утверждал впоследствии, задержался перевод бумаг из Харьковского в Дерптский университет. Документы первого судебного процесса Юзефа свидетельствуют, что он обеспечивал квартиры — явки для эмиссаров «Народной воли» из Петербурга и содействовал доставке из Вильно в Петербург револьверов и химических компонентов для бомбы, предназначенной для покушения на царя. Очередной заговор «Народной воли» провалился. В ходе следствия вскрылись виленские связи и участие братьев Пилсудских в этом деле. 22 марта 1887 года Юзефа с бумагами брата Бронислава арестовывают у аптекаря Т. Пашковского, который и поставлял химикаты.

Бронислав Пилсудский — активный участник заговора и организации «Народной воли», как и Александр Ульянов, и ряд других, был осужден на смертную казнь. Бронислава царь помиловал на 15 лет каторги. Зюк, как несовершеннолетний, прошел свидетелем и был за государст-

венное преступление административно выслан на пять лет в Восточную Сибирь. Киренск, затем Тунка, районы Прибайкалья и Иркутска. Так, по делу 1 марта 1887 года оказались пострадавшими представители двух семей — Пилсудских и Ульяновых.

В Сибири Юзеф подрабатывал уроками, читал, охотился. К ссыльным, кстати, кровожадный царь-батюшка относился по-божески, определяя им денежное содержание, которого худо-бедно, но хватало на плату за жилье и более-менее сносное питание. Но как бы там ни было, а пять лет в Сибири есть пять лет в Сибири. И молодой поляк отрубил их от звонка до звонка. И возвратился на родину уже зрелым двадцатипятилетним мужчиной. Как раз в это время затухшее было из-за временных неудач рабочее движение начало мало-помалу возрождаться. В Париже был создан заграничный Союз польских социалистов. В январе 1893 года парижскому эмиссару удалось создать Польскую социалистическую партию и ее филиал — литовскую секцию. Это событие явилось фундаментом дальнейших тридцати лет жизни будущего диктатора Польши. Партия прокламировала национальные и социалистические лозунги — борьбу за независимость и ликвидацию социального угнетения на воссоединенной родине. Заезжий парижанин предложил Юзефу стать корреспондентом «Пшведсвита» — печатного органа ППС, издававшегося в Лондоне. Пилсудский взялся за дело с рвением, характерным для любого новичка, печатался в каждом номере и скоро убедил всех в своем публицистическом мастерстве. Это поз-

волило быстро выдвинуться. В начале 1894 года на втором съезде партии он вошел в состав ее высшего органа — Центрального рабочего комитета, состоявшего из четырех членов, а вскоре стал там и номером первым. Так в течение лишь одиннадцати месяцев он сумел достичь поста руководителя партии. Десять лет спустя в статье «Как я стал социалистом» он писал: «Социалист в Польше должен стремиться к независимости страны, а независимость — основное условие победы социализма в Польше». Эти задачи, считал он тогда, неразделимы. Цель, которую поставили перед собой «товарищ Виктор» — такова была его подпольная кличка — и руководимая им партия, казалась, как пишут исследователи, выше человеческих возможностей. Ведь невольницу Польшу стерегли три могущественных охранника, три империи — Российская, Германская и Австро-Венгерская, противостоять которым не мог никто. Выдвинув лозунг национального, Пилсудский стал прорабатывать возможные пути восстановления Польши. Верный себе — никогда не ставить на что-либо одно, он рассмотрел две возможности. Первый путь — национальное восстание, в связи с чем необходимо изучить ход, исход и опыт восстания 1863—1864 годов в Царстве Польском. Ему он посвятил в итоге несколько работ, при этом как-то упустил роль и позиции русских демократов накануне и в ходе восстания. Второй возможностью восстановления независимой Польши он считал войну. Тогдашний социалистический анализ системы исключал возможность долговременного мира внутри капиталистической системы. Но как социалист, Пил-

судский к рубежу XX века все-таки больше рассчитывал на социальную революцию (национальное восстание), чем на войну.

Пока же он занимался текущей партийной работой. Пилсудский взял на себя ключевые (не только для подпольной партии) посты: управление ее финансами и издательскую деятельность. Пилсудский считал, что главную роль в завоевании сторонников, сплочении их в партию должно иметь печатное слово. Став профессиональным революционером, он основное внимание уделял прессе, центральному органу партии газете «Robotnik» в особенности. Им лично отредактированы 37 первых номеров газеты. Труд редактора он делил с наборщиком, видным деятелем тогдашней ППС С. Войцеховским (1869—1953), президентом Польши в 1922—1926 годах. Тридцатилетняя дружба главного редактора газеты и ее сотрудника завершилась беседой на мосту Понятовского в дни майского переворота 1926 года. Войцеховский встал на сторону закона и... окончил свою политическую карьеру.

Именно раскрытие типографии повлекло за собой арест Пилсудского в феврале 1900 года в Лодзи. Пилсудскому вновь грозила ссылка на 10 лет. Он решил бежать. Из X Павильона Варшавской цитадели исчезнуть было трудно. После консультации с «волей» через надзирателя А. Сидельникова решили симулировать болезнь, лечить которую можно было только в больничных условиях. Выбрали сумасшествие с признаками идиосинкразии к жандармскому мундиру и неприятие ничего из рук тюремщиков. Голодовка — как проявление и результат. Об-

следовавший больного психиатр — директор варшавской больницы для душевнобольных И. Шабашников прикрыл симуляцию. Пять месяцев провел Пилсудский в сумасшедшем доме в Петербурге, пока не удался побег. Русский литературовед С. Венгеров так отозвался об этом: «Вообще ловкач необыкновенный».

Восстановив действительно расшатавшееся здоровье, осенью 1901 года Пилсудский вернулся к партийной работе. Первоначально, по соображениям безопасности, в Лондоне (до 10 апреля 1902 года).

Там Пилсудский заметил появление в ППС тенденции предпочтения социальных целей национальным и кооперации с социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и даже Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП). Решив восстановить свое лидерство в ППС, он 21 апреля 1902 года пересек границу Царства Польского.

Свои позиции в партии Пилсудский восстановил.

Фактор будущего внешнего союзника Польши все более занимал Пилсудского. После начала в феврале 1904 года русско-японской войны его эмиссары вступили в контакт с японскими дипломатами в Лондоне, Вене и Париже. Японское правительство пригласило в Токио представителей Царства Польского. Пилсудский в июле 1904 года вручил сотруднику МИД Японии Памятную записку и проект соглашения. Польские исследователи считают, что Пилсудский действовал втайне от партии. Японской стороне в обмен на финансирование и предоставление оружия Пил-

судский предложил создать легион из военнопленных русской армии польского происхождения для участия в войне на стороне Японии, а также обещал сорвать в Царстве Польском мобилизацию, вести разведку, совершать акты террора и саботажа. ППС будет возбуждать недовольство в Польше и вести к созданию напряженности путем устной и печатной пропаганды, активизирует создание тайных организаций, будет содействовать укреплению их связей с Австро-Венгрией и Германией, вне Царства Польского провоцировать сепаратистские стремления покоренных Россией народов, поддержит антиправительственные выступления в коренной России. Главной целью является отрыв Царства Польского и ряда других областей от России. Если не удастся сил осуществить разрыв с Россией, то предлагаемые мероприятия обеспечат победу русской оппозиции, что гарантирует предоставление народам России (и Польше) политических и национальных свобод.

Японское правительство не отреагировало на меморандум Пилсудского, но 20 тысяч фунтов стерлингов он от Японии все же получил.

Революция 1905 года обострила споры в ППС. Сторонники Пилсудского (старики) считали, что революцию надо использовать для антирусского национального восстания. Подготовить его должна тайная военная организация ППС (появившаяся после японского вояжа Пилсудского), которую в решающий момент поддержат рабочие массы. Союз с сепаратистскими движениями угнетенных народов империи и соглашение с несоциалистическими партиями и группировками об-

легчат успех восстания за независимость Польши. В русском оппозиционном движении Пилсудский наиболее высоко оценивал эсеров. Он был знаком с В. М. Черновым, Евно Азефом и Г. Гапоном. Пилсудский восхищался публицистической кампанией «Искры» под лозунгом «война войне» и называл ее великолепной.

Проекты Пилсудского в ППС встретили в штыки. Раскол стал фактом. На IX съезде партии в ноябре 1906 года Пилсудский и его сторонники оказались в меньшинстве. Покинув съезд, они создали в ППС революционную фракцию. ППС исключила Пилсудского из своих рядов.

Ревизия Пилсудским склада оружия «боювок» партии в Варшаве в мае 1906 года оставила нам описание внешности Юзефа в бытность его членом Единой ППС: «среднего роста, широкоплечий, с тонкой талией. В его жестах было много изящества и элегантности, что он, впрочем, сохранил до конца жизни. У него была такая легкая походка, что казалось, будто он не идет, а плывет... Голова небольшая, уши правильной формы, слегка остrokонечные, прислушивающиеся, глаза глубоко посажены, умные, пронзительные, серо-голубые. Живое лицо отражало чуть ли не каждую его мысль. Самым интересным, однако, был контраст между его правой и левой руками. Левая ладонь — узкая, нервная, изящная и тонкая, кончалась почти женскими пальцами. Это была рука артиста и мечтателя. Правая была значительно больше, как бы другого человека. Сильная, даже грубая, с ровными, квадратно кончающимися пальцами, столь сильная, что казалось, он мог ею гнуть подковы. Это

была рука солдата и человека действия». Так его описала Александра Щербитская (1882—1963), хранительница оружия.

Пилсудский был убежден, что вот-вот должна разразиться война, и ждал ее как дара Божьего, уверяя себя и сподвижников, что она принесет на своих крыльях, пусть и окровавленных, возрождение Польши. В предвидении ему не откажешь. И вот еще одно подтверждение тому. Известный эсер Виктор Чернов рассказывает в своих мемуарах о лекции Пилсудского, которую тот прочитал в Париже в зале Географического общества в феврале 1914 года. Лектор уверенно заявил: «Победа пойдет с Запада на Восток. Что это означает? Россия будет разбита Австрией и Германией, а те в свою очередь — англо-американо-французскими силами. Восточная Европа потерпит поражение от Центральной, а Центральная от Западной. Это подсказывает полякам направление их действий».

К грядущей мировой войне он начал готовиться загодя, избрав союзником Австро-Венгрию, на территории которой стал создавать основу будущей польской армии — союзы и отряды стрелков, которые вскоре были легализованы австрийскими законами. А в начале 1913 года временная комиссия национально-освободительных партий назначила его на пост главного коменданта польских военных сил. Политический деятель, никогда не служивший в армии, стал военачальником и любую свободную минуту днем и в ночные часы употреблял на изучение военных дисциплин, восполняя самообразованием отсутствие военно-академических «корочек». И весьма преуспел в этом.

Впрочем, ни Троцкий, ни Сталин, ни Чапаев тоже генштабовских «академиев» не кончали.

В создании движения стрелков он изрядно преуспел, и в самом начале великой войны, как назвали первую мировую, 6 августа 1914 года их кадровая рота пересекла границу Российской империи.

Пилсудский особо не скрывал, что австро-фильское направление лишь временная мера, средство для объединения земель и рождения независимой Польши. А ежели теперешние покорители станут вставлять ему палки в колеса, то оружие легионеров обратится против них. И хотя война поглотила его без остатка, с течением времени он все больше и больше внимания уделял политическим вопросам.

В годы первой мировой войны три империи, в XVIII веке разделившие Польшу, противостояли друг другу. Фронт проходил по польским и украинским землям. Сотням тысяч поляков, призванных обеими сторонами в армию, надо было объяснить, почему поляки сражаются против поляков. Обе стороны объявили, что они сражаются за Польшу. Германия и Австро-Венгрия не могли выдвинуть территориальных программ единого государства, не желая расставаться со «своей» частью Польши. Воззвание от 9 августа 1914 года утверждало, что их войска принесут полякам свободу и независимость. Юзеф согласен был, что, с польской точки зрения, независимое государство, даже из одной российской части Польши, — это лучше, чем ничего. Российское воззвание призывало поляков бить — как при Грюнвальде — общего врага во

имя объединения под скипетром русского царя всех трех частей Польши, свободной в вере, языке и самоуправлении. В декабре 1916 года Россия дополнительно обещала полякам автономию, собственные законодательные органы и армию. Союзницы России по Антанте были согласны на «польские» требования России, в том числе на включение в состав последней Галиции (соглашение от 11 марта 1917 года).

В 1915 году германские войска оккупировали Царство Польское, поделив его на австрийскую и германскую части. Кризис системы оккупации заставил губернаторов одновременно в Варшаве и Люблине 5 ноября 1919 года издать прокламации о создании польского государства — наследственной монархии с конституционным строем, находящейся в военном союзе с Центральными державами. До избрания короля во главе государства был поставлен Регентский совет.

Первой задачей новой монархии являлось создание армии. Немецкий губернатор Х.-Х. фон Безелер пытался привлечь к ее формированию и Пилсудского, но неудачно. Пилсудский понял, что идея легионов не оправдала себя, что население Царства Польского отвергает легионы — части, созданные на немецкий кошт. Понял также, что Центральные державы войну проигрывают и что сотрудничество с ними политически невыгодно. От сотрудничества с оккупантами Пилсудский перешел к маневрам, направленным не только на углубление кризиса легионов, но и ведущим к прямому их разгрому. Поводом стал призыв не принимать присягу, содержащую клятву верности военному союзу с Германией

и Австро-Венгрией. За этим последовал роспуск легионов, перевод легионеров в австрийские и германские части и интернирование подданных России.

Расправа кайзера была скорой и жестокой: бунтовщиков интернировали в лагеря, а самого главного, коменданта, заточили в военную крепость в Магдебурге, где он и просидел почти полтора года, вплоть до окончания войны.

Спустя четыре года после возвращения Пилсудского из магдебургского узилища Регентский совет Польши, созданный два года назад, передал ему диктаторскую власть над страной, провозгласив Начальником государства, и самораспустился. Приняв бразды правления, Пилсудский назначил премьером социалиста Енджея Морачевского, а сам заявил, что он выше партийных интересов и полностью подчинил себя интересам государственным. И, не цепляясь за свое диктаторство, начал ускоренную подготовку к выборам в сейм, которому, как он сообщил, будет подчиняться. Слова эти оказались не пустым звуком. Когда выборы состоялись, в обращенной к депутатам приветственной речи Начальник государства поставил крупную точку над «i»: «Я считаю, что после сформирования сейма моя роль окончилась. Я счастлив, что, оставаясь верным солдатской присяге и своим убеждениям, могу передать в распоряжение сейма свою власть, которую до сих пор осуществлял в народе». Сейм в свою очередь выразил ему благодарность за «полное лишений и невзгод осуществление своих функций во благо Родины». После взаимного обмена любезностями Пилсудский

остался Начальником государства с начисто урезанными полномочиями, но сохранил за собой полноправный пост Верховного Главнокомандующего. С партией же социалистов он расстался навсегда, заявив, что «вышел из партийного поезда на остановке, которая называется Независимость».

После окончания советско-польской войны 1920 года армия преподнесла Пилсудскому маршальский жезл и звание Первого Маршала, что соответствовало званию генералиссимуса. Сделано это было вопреки мнению сейма. И до этого отношения Начальника государства с высшим органом страны становились все более и более натянутыми, а после этой акции испортились вконец. Устав от жизненных, военных и политических передряг, Пилсудский почувствовал неодолимое желание удалиться от бурного людского водоворота. В конце 1922 года, когда было решено заменить пост Начальника государства постом президента, он обратился к своим сторонникам с просьбой не выдвигать его кандидатуру, хоть и шансы на избрание были у него почти стопроцентными. Просьбу Пилсудского удовлетворили, и вскоре он передал власть первому президенту Польши Нарutowичу.

Через день после ухода Пилсудского с поста Начальника государства первый президент страны погиб от пули террориста. Сторонники Пилсудского сразу же предложили ему взять на себя диктаторские полномочия. Но маршал отнесся к предложению сдержанно и отказался. А летом 1922 года подал в отставку и с поста начальника Генерального штаба, который все еще

занимал. Отставка была принята, и бывший диктатор окончательно превратился в обычное частное лицо. Уходя, он сказал в интервью: «Мои дорогие, я солдат. Ратный труд — тяжелое призвание, когда порой вступаешь в противоречие со своей совестью, со своими мыслями и чувствами. Как только подумаю, что, как солдат, я должен буду защищать этих панов, все протестует внутри меня. Поколебавшись, я принял решение, что не могу быть солдатом. Поэтому подал в отставку...».

Под «панами» подразумевались правительство и сейм, которых Пилсудский презирал и вот теперь во всеуслышание заявил об этом. С этих пор началось их открытое противостояние, продолжавшееся до самой кончины маршала. Удалясь на три года в небольшую свою усадьбу Сураюки под Вильнюсом, он демонстративно отказался от маршальского жалованья, перечисляя его до последнего грошика на благотворительные цели и содержа свою семью на гонорары от писательского труда, которым серьезно занялся.

Новоиспеченное польское государство скатывалось тем временем под знаменами псевдodemократии в трясины финансового разложения, коррупции, интриг, распрей и воровства. И Пилсудский решил твердой солдатской рукой остановить это омерзительное, по его словам, падение. В последнем перед решающей схваткой интервью отшельник из Сураюки сказал: «Пренебрежение своими прямыми обязанностями, неуважительное отношение к служению государству — характерная черта подхо-

дов, демонстрируемых господами депутатами, сенаторами и министрами. Из сейма и правительства на страну разливается волна грязи и нравственной гнили. Я поднимаюсь на борьбу с главным злом: господством разнузданных партий над Польшей, забвением всего, что не касается денег и благ».

12 мая 1926 года верные экс-начальнику войска двинулись из пригородов Варшавы на столицу. После трехдневной борьбы правительственные части были сломлены. Юзеф Пилсудский стал вновь диктатором Польши вплоть до своего смертного часа. Но, получив абсолютные полномочия, он сразу же вернул государство к действительному до переворота формальному праву, то есть главенству законов, и стал гарантом их выполнения. Жертвы боев с обеих сторон — а их было около трехсот — вчерашние противники хоронили сообща. В своем первом после переворота приказе Пилсудский писал: «В одну и ту же землю впиталась наша кровь, землю, которая столь дорога и тем, и другим, любима обеими сторонами. Так пусть же эта горячая кровь, самая ценная в Польше кровь солдата, будет под нашими ногами новым посевом братства». Многие ожидали репрессий в отношении офицерского корпуса, но таковые не последовали. Наоборот. Командира гарнизона Варшавской цитадели, давшего мятежникам легко себя разоружить, диктатор выпроводил на пенсию, а полковника, двинувшего согласно приказу свой полк на помощь правительственной стороне, даже повысил в должности. Зато гражданская администрация подверглась серьезнейшей (но отнюдь не крова-

вой) чистке: в течение месяца были заменены одиннадцать из семнадцати воевод и около одной трети старост. «Я совершил единственный в своем роде исторический акт, — заявил Пилсудский через две недели после 12 мая, — сделал нечто вроде революции без всяких революционных последствий.» Его подход к реформированию общества зиждился на стремлении усилить исполнительную власть в ущерб законодательной. И когда сейм подавляющим большинством голосов избрал Пилсудского президентом, он отказался принять эту почесть из рук парламентариев, в очередной раз продемонстрировав свое пренебрежение к ним.

После майского переворота польское государство вступило в так называемый период «санаций», что в переводе с латыни означает «оздоровление». По спекулянтам-дельцам и коррумпированным чиновникам были нанесены мощнейшие удары, и водопады золотых, льющихся в их карманы, изрядно поиссякли. В первые три года «санации» Польша переживала резкий экономический подъем, обусловленный, правда, и благоприятной в то время для страны мировой экономической конъюнктурой. Но вскоре в Европе и Соединенных Штатах разразился глобальный и многолетний экономический кризис, сильно ударивший и по Польше. Преодолеть его удалось лишь в 1993 году.

В созданной системе власти Пилсудский становился премьер-министром в 1926—1928 и 1930 годах, в периоды трудных политических кампаний, например выборов 1930 года. Он неизменно сохранял за собой посты военного министра и ге-

нерального инспектора вооруженных сил, которые обеспечивали реальную власть и полный контроль над внешней политикой.

Очередные выборы доказали шаткость и узость политической базы пилсудчиков. В 1928 году за них проголосовал только каждый пятый избиратель, а попытки расширения этой базы вели Пилсудского к почти открытому союзу с правыми. Объединившаяся оппозиция — Цетролев — в 1920 году имела 40% мест в сейме.

И тогда Пилсудский решил добиться созыва нового сейма, абсолютно послушного диктатору. Выборы 1930 года были переломными в карьере Пилсудского. Его личная организационная, политическая, публицистическая кампания принесла победу. Сторонники диктатора получили 55% мандатов. Для достижения успеха все было поставлено на карту, даже личный авторитет кандидата № 1. Они не гнушались делать подкупы нужных лиц, подтасовки списков. Коммунистов, всех смутьянов и лидеров оппозиции отправили в тюрьмы или на скамью подсудимых. Тюремным заключением по приговорам суда в Бресте он отомстил руководителям Центролева Витосу и левым лидерам «родной» ППС, всем, кто мог оказаться опасным. Доверенному собеседнику в 1932 году он сказал: «Если бы я тогда проиграл, не правил бы вами дурнями больше. Но перед этим повесил бы сотню».

1930 год был годом его личного триумфа и одновременно все более прогрессирующего физического упадка. Слабое сердце и болезнь печени приносили постоянные страдания. Зюк не терпел врачей, не верил им. Сам себе предписывал

диеты, в основном голодовки. Жизнь маршала уже близилась к концу. В последние годы он часто терял сознание и испытывал приступы бешеной ярости. Но работал по — прежнему много и исключительно по ночам, отдавая иногда сну не более двух часов в сутки. За две недели до кончины вердикт светил подвел черту: прогрессирующий рак печени, операция бессмысленна.

Юзеф Клеменс Пилсудский скончался 12 мая 1935 года в 20 часов 45 минут. В стране был объявлен официальный шестинедельный траур. Официальные трауры были объявлены во Франции, в Германии и даже в СССР.

Умер интересный, большой человек. Изменчивый как ртуть, менявший свою личность, убеждения, поведение, политику, даже культуру и речь. Неизменным оставалось только одно — стремление к независимости Польши. Представлявшаяся нереальной в начале его жизненного пути идея оказалась созвучной социальным и политическим процессам начала XX века в Европе, периоду создания новых национальных государств. Неважно, что события развивались не так, как он предполагал. Неверно, что независимая Польша возникла благодаря ему. Но он много сделал для осуществления своей мечты. Стечением обстоятельств он по сей день остается символом воскрешения Польши, восстановления ее суверенитета. В переломные для истории моменты рождаются личности исторического масштаба. Польше необходим был вождь, герой, идея национального единения. Таковым стал Юзеф Пилсудский.

ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ЭФИОПИИ

«Лев-победитель из колена Иудова» — так звучал титул последнего императора Эфиопии, одной из самых колоритных фигур африканской политической сцены XX века.

Хайле Селассие I происходил из боковой ветви династии, которая, согласно легенде, считавшейся в Эфиопии историческим фактом, ведет свой род от царя Соломона и царицы Савской. Сын властителя провинции Харэр пришел к власти после того, как в 1916 году император Лидж Ясу был свергнут в результате дворцового переворота. В возрасте 24 лет его избрали регентом, а в 1930 году он провозгласил себя императором, взяв тронное имя Хайле Селассие («Сила Троицы»).

До конца своего 46-летнего правления он верил в Божественное происхождение самодержавной власти и правил как средневековый властитель, охраняемый во дворце прирученными львами и многочисленной челядью. Император был и фактическим главой эфиопской православной христианской церкви. В 30-е годы африканская монархия Хайле Селассие являла собой почти классический образец феодализма с удельными князьями — «расами», служилым дворянством и крепостными крестьянами.

Кульминацией придворной жизни были ежегодные банкеты, «гыбжа»: под открытым небом лучшие повара империи жарили сотни бараньих туш и варили острейший перечный соус. В такие дни на угощение в Аддис-Абебу съезжалась

знать со всей страны, чтобы выказать преданность властителю. Здесь раздавались чины, должности, ордена и другие знаки милости. Правда, в последние годы императорские подарки были вполне в духе времени: «мерседесы» для наиболее приближенных, «пежо» — для царедворцев поскромнее.

И тем не менее в историю Хайле Селассие желал войти не как восточный деспот, а как просвещенный реформатор. Он учреждал школы, больницы и фабрики, строил дороги, посылал молодежь учиться за рубеж. Его целью было, не отказываясь от системы власти и традиций, приобщить Эфиопию к современной цивилизации и таким образом оградить ее от посягательств извне.

Мировую известность Хайле Селассие впервые получил в 1935 году, когда в страну вторгся экспедиционный корпус фашистской Италии. Отчаянное обращение за помощью к Лиге наций результатов не дало. Стоя в Женеве на трибуне перед европейскими дипломатами, император произнес пророческие слова: «За пределами Царства Божия нет нации, которая была бы выше другой. Неужели поставленные перед фактом агрессии государства склонятся перед силой? Сегодня жертва мы, завтра наступит ваша очередь».

Эфиопия тогда была завоевана войсками Муссолини, но не надолго. В 1941 году английская армия и местные партизаны изгнали итальянцев, а Хайле Селассие вновь занял место на троне. После второй мировой войны он приобрел международный авторитет как поборник деколо-

низации Африки, стал одним из «отцов-основателей» Организации африканского единства.

Однако роковым для Хайле Селассие оказалась не внешняя угроза, а внутренняя политика, принесшая неожиданные для императора плоды. Именно из среды новой интеллигенции и получивших западное образование военных вышли те, кто сверг монархию в 1974 году. Первая попытка ликвидировать абсолютизм делалась еще в 1960 году и была жестоко подавлена. Вторая оказалась успешной. Голод, унесший жизни 100 тысяч человек, растущее движение сепаратистов в провинции Эритрея, коррупция чиновников, обвинения царской семьи в тайном переводе миллионов долларов в зарубежные банки — все обернулось против пожилого монарха. В сентябре 1974 года потерявшего контроль за событиями Хайле Селассие затолкали в обычный «фольксваген» и увезли из дворца в неизвестном направлении...

Император скончался при загадочных обстоятельствах через год после того, как потерял власть. Долгое время все, что связано с его смертью, было тайной за семью печатями. Никто не знал даже, где его могила. И лишь недавно точно установили, что Хайле Селассие стал жертвой пришедших к власти военных, вернее, их радикальных лидеров во главе с Менгисту Хайле Мариамом.

У входа в здание, где расположилась штаб-квартира монархического движения «Мо-анбесса» («Всепобеждающий лев»), развевается зелено-желто-красный флаг со львом и короной в центре. Этот стяг был государственным в древ-

ней африканской стране вплоть до революции 1974 года. На стенах в офисе — портреты покойного императора, наследника эфиопского трона Асфау Воссена, живущего ныне в Великобритании, фотографии и герб царской фамилии. Сразу же после бегства Менгисту Хайле Мариама, устранившегося отрядов вооруженной оппозиции, которые подошли к столице в мае 1991 года, именно «Мо-анбесса» потребовало отыскать и перезахоронить останки императора и провести расследование обстоятельств его гибели.

Действительно, обстоятельства смерти императора всегда вызывали вопросы. Вскоре после того, как Хайле Селассие I был низложен, он «внезапно заболел». Императора поместили в больницу, где держали под неусыпным и сверхстрогим контролем военных. А вскоре последовало сообщение, что он скоропостижно скончался. Однако в официальной версии не было ни слова ни о диагнозе, ни о данных вскрытия. Не проводилось и официального расследования причин смерти. Подозрительно и то, что во время «болезни» Хайле Селассие власти так и не допустили к нему личных врачей.

Благодаря показаниям бывших партийных функционеров удалось найти могилу императора и 62 его ближайших соратников. Их останки были спрятаны под туалетным полом в канцелярии Менгисту.

Провели эксгумацию и экспертизу. После чего «Мо-анбесса» сообщило, что Хайле Селассие I задушили подушкой.

Сделал это Эндале Гелан, личный врач Менгисту. А помогали ему шестеро офицеров безо-

пасности. Решение умертвить императора, по данным движения, приняли руководители «Дерга» (Координационного комитета вооруженных сил, полиции и территориальной армии) на специальном заседании. Сразу после преступления Менгисту вместе со своим заместителем Атнафу Абате побывали в больнице, дабы воочию убедиться, что приговор приведен в исполнение.

Движение добилось решения властей торжественно перезахоронить останки Хайле Селассие на кладбище собора святой Троицы в центре Аддис-Абебы. С давних пор в соборе хоронили представителей царской семьи, княжеских родов, видных политиков, военных и священников. Покоится там и супруга последнего императора.

АУГУСТО ПИНОЧЕТ

История Пиночета так же сложна и неоднозначна, как и его личность. По крайней мере, в привычный стереотип классического диктатора-тирана она не укладывается. Но он и не из той когорты героев-победителей, которых «не судят». Судите сами...

9 сентября 1973 года командующий чилийскими ВВС генерал Густаво Ли неожиданно посетил командующего сухопутными войсками генерала Пиночета, чтобы сделать последнюю попытку склонить его на поддержку государственного переворота. Идея путча принадлежала главному ВМС Хосе Мерино Торибио. После некоторых раздумий к адмиралу присоединились Густаво

Ли и заместитель генерального директора корпуса карабинеров Сесар Мендоса. Выступить против конституционного строя, не имея на своей стороне сухопутные войска, составлявшие костяк вооруженных сил страны, было опасно. Пиночет же, которого заговорщики ввели в курс дела, упорствовал.

«Выслушав меня, — вспоминает Густаво Ли, — Пиночет начал размышлять. «Видишь ли, — сказал он, — это может плохо кончиться и стоить нам жизни». Генерал продолжал колебаться, что-то говорил о конституции. Неожиданно наш разговор прервал звонок в дверь. Это был посыльный адмирала Мерино с посланием Пиночету. Командующий флотом извещал о твердом намерении выступить 11 сентября в 6 часов утра и просил Пиночета подписать врученное ему послание, скрепив подпись личной печатью. Генерал снова заколебался, стал делать вид, что усиленно ищет свою печать. Я заявил, что ВВС готовы выступить в назначенный час и что нас поддерживают некоторые армейские части. Видимо, эти доводы убедили Пиночета, в конце концов он подписал документ. Подготовка к заговору была завершена».

Аугусто Пиночет Угарте родился 25 ноября 1915 года в Вальпараисо, крупнейшем чилийском порту. Он был старшим из шестерых детей в семье таможенника. Прадед будущего генерала прибыл в Чили в прошлом веке из Франции, своим потомкам он передал исключительное честолюбие и упорство в достижении цели. В Чили тех лет юноша из мелкобуржуазной семьи мог пробиться наверх только благодаря армейской

службе, что и предопределило жизненный выбор Аугусто. Правда, от природы Пиночет был парнишкой хилым, и ему пришлось основательно подзаняться спортом, чтобы поправить здоровье и пройти медкомиссию. Курсантом военного училища он стал в 1933 году. В 1951 году окончил Военную академию.

Пиночет честно «тянул лямку» и не гнушался службой в самых отдаленных гарнизонах. Позже перешел на штабную работу, где, по собственному признанию, почувствовал себя «более уверенно». Был военным атташе в Вашингтоне, читал лекции в штабном колледже в Эквадоре. Вернувшись на родину, преподавал географию в Военной академии. Его карьера продвигалась медленно, главкомом он стал в 58 лет.

Перу генерала принадлежат две солидные монографии — «Геополитика» и «Война на Тихом океане 1879 года». По своей инициативе Пиночет окончил одну из ведущих школ бизнеса в США, прослушал курс лекций в Чилийском университете.

Судьба генерала сложилась так, что своим выдвижением на командные посты он был обязан Сальвадору Альенде. В 1971 году президент ставит Пиночета во главе столичного гарнизона, через год генерал поднимается еще на пару ступенек, и под его началом оказывается Генштаб Сухопутных войск. В августе 1973-го Пиночет получает кресло армейского главкома. До большой политики остается крохотный шаг протяженностью в месяц.

Сальвадор Альенде по результатам всеобщих выборов 1970 года лишь на 29 тысяч голосов опе-

редил своего ближайшего соперника. В сложившейся ситуации право выбора главы государства переходило к Национальному конгрессу. После длительных переговоров и сложной закулисной борьбы между тремя ведущими политическими партиями парламентарии сошлись на кандидатуре Альенде, но с условием, что новый президент будет проводить политику в полном соответствии с действующей конституцией и законодательством. Межпартийное соглашение на этот счет было зафиксировано официально «Статутом конституционных гарантий».

До тех пор пока правительство Народного единства придерживалось положений «Статута», его политике была обеспечена поддержка большинства депутатов парламента. Однако постепенно Альенде стал все больше подпадать под влияние радикального крыла Социалистической партии и отдаляться от своих прежних союзников в Христианско-демократической партии, компромисс с которыми открыл ему дорогу в президентский дворец. Фактически Альенде отвернулся от основной массы собственных избирателей — средних слоев населения, мелких предпринимателей, лавочников.

В начале 70-х годов в Чили обычной практикой стали насильственные захваты мелких и средних частных предприятий, земельных участков. На языке левых экстремистов это называлось «народной приватизацией». Все чаще стали заявлять о себе незаконные вооруженные формирования. Грубо нарушая «Статут», социалисты повели активную агитацию в вооруженных силах, призывая солдат и младших офице-

ров к неподчинению. Все это, естественно, не могло не вызвать крайне негативной реакции со стороны военного командования.

Неоднократные призывы Национального конгресса взять ситуацию в стране под контроль Альенде оставлял без ответа. 22 августа 1973 года оппозиционное большинство парламента приняло «Соглашение палаты», которое фактически объявило правительство Народного единства вне закона. Президент обвинялся в нарушении конституции и превышении полномочий. В документе содержался призыв к вооруженным силам не подчиняться президенту и правительству, если они не вернутся на путь законности. «Соглашение палаты» было принято по инициативе христианско-демократической партии, которую в то время возглавлял Патрисио Эйлвин.

Пытаясь сохранить власть, вечером 10 сентября президент принял требование оппозиции. Но было поздно, до военного переворота оставались считанные часы.

Сальвадор Альенде не только способствовал военной карьере Аугусто Пиночета — своими непоследовательными и непродуманными действиями он подготовил благодатную почву для прихода к власти диктатора.

С самого начала Пиночет гневно отвергал все обвинения в свой адрес по поводу жестокости переворота. Репрессии он назвал «социальной ценой, которую общество заплатило за преступления Народного единства, за восстановление мира в стране». По нынешним оценкам чилийских экспертов, участвовавших в работе комиссии «Правда и примирение», за 17 лет пребыва-

ния военных у власти от их преследований погибло 2279 человек (Альенде, согласно выводам комиссии, покончил с собой).

Пиночет — профессиональный военный. Планируя крупную операцию, он даже по логике вещей не мог оставлять своему противнику шансов на противодействие. Если же учесть, что сторонники правительства Народного единства были весьма неплохо вооружены и могли оказать реальное сопротивление армейским подразделениям, то избранная заговорщиками тактика внезапного массированного удара вполне отвечала их целям.

Наиболее жестокими и кровопролитными (вспомним забитые до отказа стадионы-концлагеря, ночные облавы, массовые пытки) были первые трое суток путча. В дальнейшем обстановка несколько смягчилась. И наоборот, наибольшее раздражение у населения вызывали террористические акции левых сил, которые пытались досадить режиму убийствами младших офицеров, солдат, карабинеров, взрывами линий электропередачи, налетами на банки, актами саботажа на предприятиях. Режим Пиночета, если говорить честно, не до такой степени и не во всем был кровожадный, как его часто представляли средства массовой информации. К примеру, в сентябре 1986 года после неудачной попытки покушения на диктатора массовых арестов не последовало, схватили лишь непосредственных участников террористической акции. Немногим известно также, что генеральный секретарь ЦК КПЧ Луис Корвалан, находясь в концлагере «Трес аламос», регулярно давал интервью кор-

респонденту Московского радио Эдуардо Лабарке, которые затем транслировались на всю Латинскую Америку, включая Чили.

Постепенно из тюрем были выпущены практически все видные деятели Народного единства, им предоставили возможность выехать из страны. Уже в начале 80-х годов большой группе сторонников Альенде было возвращено чилийское гражданство, и они смогли беспрепятственно вернуться на родину, где вопреки запрету стали заниматься политической деятельностью. В последние годы в Чили практически свободно действовали различные партии, в Сантьяго открыто продавалась коммунистическая газета «Сигло».

Чуть ли не на следующий день после переворота Аугусто Пиночет обещал, что вернет армию в казармы, «как только спокойствие будет восстановлено, а экономика выведена из состояния коллапса». Он даже установил срок для реализации этих целей — около 20 лет, после чего «Чили вернется к демократии». В июле 1977 года генерал определил время возврата к гражданскому правлению — 1991 год.

Вот еще несколько штрихов к политическому портрету «нетипичного диктатора». Глава военной хунты (а с 17 декабря 1974 года — президент страны) разработал конституцию Чили и вынес ее на всенародное утверждение путем плебисцита. 5 октября 1988 года в строгом соответствии с конституцией был проведен еще один всенародный референдум, который решал дальнейшую судьбу Пиночета. Генерал на нем проиграл (хотя 46 процентов отданных за него голо-

сов — это убедительное свидетельство, что чилийский народ не склонен видеть в нем только лишь «тирана», «палача» или «убийцу»). Любопытная деталь: опросы общественного мнения выявили одну из основных причин, по которой чилийцы голосовали против Пиночета, — он им надоел, хотелось обновления. (За всю историю Чили ни один лидер не правил так долго.)

Поражение генерал принял достойно, никаких попыток оспорить или отменить результаты референдума (как это сделал в 1989 году панамский диктатор Норьегга) не предпринимал. Была определена дата проведения всеобщих президентских выборов — 14 декабря 1989 года. При этом от выдвижения своей кандидатуры Пиночет отказался.

Когда же на выборах победил лидер оппозиции Патрисио Эйльвин, обеспечил ему цивилизованную передачу власти.

Нынешний президент унаследовал от Пиночета страну, которая по экономическому развитию опережает весь Латиноамериканский континент.

Пиночет проводил свой курс решительно, последовательно, порой жестоко. Он чувствовал себя свободным от любых политических обязательств, у него не было легальной оппозиции и были влиятельные международные покровители в лице США.

Но факт остается фактом: экономическая политика Пиночета вела к ограничению его личных полномочий и постепенной ликвидации диктатуры как института управления государством.

«Дело вовсе не в том, какая система властвует, авторитарная или демократическая, а в ее

способности принимать правильные решения, способности ее руководителей стать подлинными лидерами. Дело, повторяю, не в типе системы. Уверен, что в условиях демократии не хуже, чем при диктатуре, можно осуществить радикальные реформы. Тут в демократии даже есть преимущества, поскольку население воспринимает ее как законную власть, включая все ее декреты, в том числе касающиеся порядка.» Это сказал не кто иной, как весьма близкий к Пиночету политический деятель, министр финансов в правительстве генерала Эрнан Бучи.

Но по-настоящему Пиночета не знает никто. Есть и другие черты к его портрету.

Было время, когда его не принимали всерьез. Курсанты, из тех, кто побойчее, и преподаватели Военной академии за глаза называли его «никчемностью», отмечали противоречивость натуры. Впрочем, где они теперь, его сокурсники и соратники? Кого оставил в живых скромный «спаситель отечества»? А ведь в 1948 году, будучи начальником гарнизона в Писагуа, Пиночет не гнушался дружеским общением с арестантами из числа коммунистов, приглашал их к себе домой отобедать. Один из сослуживцев от возмущения даже накатыл на командира донос в Генштаб.

Профессор Пиночет имел обыкновение третировать своих слушателей. Поощрял «стукачество» и особо старательного в этом плане курсанта Мануэля Контрераса приблизил к себе, поручив создать среди слушателей училища сеть тайных осведомителей. После путча Пиночет сделал Контрераса шефом секретной службы ДИНА.

Руками благодарного ученика из биографии диктатора были убраны все «темные» пятна, касавшиеся, в частности, его связей с видными деятелями Народного единства — Пратсом, Тоа, Летельером. Последние знали о Пиночете многое, поэтому чилийская охранка позаботилась, чтобы они никому ничего не успели рассказать.

Генерал Пиночет звезд с неба не хватал и сверхамбициями не выделялся. Последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в его выдвижении предводителем военной хунты. Главные заговорщики, не сумев поделить власть между собой, надеялись, что менее честолюбивый армейский главком будет без возражений проводить их линию. Через пять лет после переворота он, однако, настолько укрепил свои позиции, что без труда сместил почти всех, кто мог стать его потенциальным соперником. Первым, кстати, Пиночет убрал своего старейшего друга и соратника генерала Лутса, который руководил агентурной сетью среди членов Народного единства и составил списки лиц, подлежащих репрессиям. В ноябре 1974 года цветущий генерал за две недели скончался в госпитале от «язвы».

Схожая судьба постигла министра внутренних дел генерала Бонилью, которому в день путча Пиночет говорил: «Оскар, если я погибну, ты заменишь меня». Бонилья погиб в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах. В 1976 году был «случайно» застрелен военным патрулем личный адъютант покойного министра.

Скорая отставка ждала и одного из инициаторов переворота Густаво Ли, того самого, который

так долго уговаривал Пиночета присоединиться к заговору. Адмирала Мерино, который возглавлял подготовку к путчу, диктатор «задвигать» опасался, но довольно быстро лишил реальной власти.

Страстный игрок на скачках и в покер (прославившийся на этом приличные деньги), генерал в рискованных ситуациях не боялся блефовать по-крупному или идти ва-банк.

Солдат, если не солдафон, Пиночет, судя по всему, в те годы воспринимал мир только в двух измерениях — черном и белом, полутонов для него не существовало.

Оставив президентский пост, бывший диктатор не ушел в тень. Он остался главнокомандующим сухопутными войсками и сохранил за собой не только огромный политический авторитет, но значительное государственное влияние. Он много разъезжает по стране, посещает воинские гарнизоны, оборонные предприятия. Без него не обходится ни один крупный праздник, да и в президентском дворце он по-прежнему частый гость.

Джоис Б., Блэндфгфорд Н. Величайшие в мире злодеи. — М.: Крон-пресс, 1997.

Есманов А. Последний император // Эхо планеты. — 1992. — № 11.

Иванов И. Жан-Бедель Бокасса // Эхо планеты. — 1992. — № 47.

Круль М. Жизнь и смерть Юзефа Пилсудского // Советская Белоруссия. — 1996. — 30 апреля.

Крюков В. Эта была казнь // Эхо планеты. — 1992. — № 11.

Медведенко А. Аугусто Пиночет // Эхо планеты. — 1993. — № 39.

Пожарская С. Франсиско Франко Бамонде // Российская Федерация. — 1994. — № 18.

Пожарская С. Генералиссимус Франко и его время // Новая и новейшая история. — 1990. — № 6.

Трушин А. Лицо под маской // Эхо планеты. — 1993. — № 39.

ЧАСТЬ VIII

СУДЬБЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

УБИЙСТВО ТРОЦКОГО

«Во время пребывания в Барселоне я впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио, молоденьким лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Обаятельный молодой человек — в ту пору ему исполнилось всего двадцать лет. Его старший брат, как мне рассказали, геройски погиб в бою: обвязав себя гранатами, он бросился под немецкий танк, прорвавшийся к позициям республиканцев. Их мать Каридад также пользовалась большим уважением в партизанском подполье республиканцев, показывая чудеса храбрости в боевых операциях. Тогда я и не подозревал, какое будущее уготовано Меркадеру: ведь ему было суждено ликвидировать Троцкого, причем операцией этой должен был руководить именно я.

В течение 1936—1939 годов в Испании шла, в сущности, не одна, а две войны, обе не на жизнь, а на смерть. В одной войне схлестнулись националистические силы, руководимые Франко, которому помогал Гитлер, и силы испанских республиканцев, помощь которым оказывал Советский Союз. Вторая, совершенно отдельная война шла внутри республиканского лагеря. С одной стороны, Сталин в Советском Союзе,

а с другой — Троцкий, находившийся в изгнании: оба хотели предстать перед миром в качестве спасителей и гарантов дела республиканцев, чтобы тем самым стать в авангарде мирового коммунистического движения.

В Испанию мы направляли как своих молодых, неопытных оперативников, так и опытных инструкторов-профессионалов. Эта страна сделалась своего рода полигоном, где опробовались и отработывались наши будущие военные и разведывательные операции. Многие из последующих ходов советской разведки опирались на установленные в Испании контакты и на те выводы, которые мы сумели сделать из своего испанского опыта. Да, республиканцы в Испании потерпели поражение, но люди, работавшие на Советский Союз, стали нашими постоянными союзниками в борьбе с фашизмом. Когда гражданская война в этой стране завершилась, стало ясно: в мире не останется больше места для Троцкого». (П. Судоплатов. Разведка и Кремль. — М., 1996).

22 августа 1940 года по каналам ТАСС было передано сообщение со ссылкой на Лондонское радио — в Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа.

В перечне действительных и мнимых прегрешений Льва Давидовича — злодейский заговор с целью физического уничтожения Ленина, Сталина и Свердлова. Троцкий изобличается как международный шпион, ревностно служивший разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Японии.

Незавидная участь второго по значимости при жизни Ленина человека в стране.

Он обладал широчайшей эрудицией, публицистическим талантом, превосходным ораторским даром. Революция стала его судьбой, смыслом жизни. По мере развития болезни Ленина Запад прочил его в преемники на посту лидера партии и государства. И вдруг — освобождение от всех постов, исключение из партии, высылка в Алма-Ату, изгнание в далекой Мексике.

Вынужденный покинуть Советский Союз в 1929 году Троцкий сменил несколько стран (Турцию, Норвегию и Францию), прежде чем обосновался в 1937 году в Мексике. Еще до своей высылки он, по существу, проиграл Сталину в борьбе за власть и, находясь в изгнании, предлагал немалые усилия для того, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение, вызывая брожение в рядах коммунистов, ослабляя позицию Советского Союза в Западной Европе и в особенности в Германии в начале 30-х годов.

Троцкий ни на один день не прекращал работу. Он написал огромное количество книг, статей, памфлетов. Конечно же, главный персонаж его произведений — победивший соперник.

Характеристики — уничтожающие: тактик, но не стратег; проницателен на небольших расстояниях, а исторически близорук. Короче, посредственность.

Кремлевский победитель тщательно прочитывал все, что выходило в мировой печати за подписью униженного, но не ставшего на колени злейшего врага. Специально подобранные люди готовили для Сталина переводы новейших публикаций Троцкого в одном экземпляре. Дорого

обходилась изгнаннику его полемика — за книги и статьи, направленные против Сталина, он расплачивался жизнями своих родных и близких, оставшихся в России.

Первая жена Троцкого, жившая в Ленинграде с внуками, Александра Львовна Соколовская, с которой он девятнадцатилетним юношей обвенчался в Бутырской тюрьме, была сослана в Сибирь. Она кончила свои дни в лагере. От первого брака у Троцкого осталось две дочери — Зинаида и Нина. Нина умерла от туберкулеза еще во время алма-атинской ссылки отца. Зинаида была выслана из СССР и покончила жизнь самоубийством в Германии в 1933 году. Погибли в лагерях и их мужья, участники Гражданской войны, Волков и Невельсон. Первый из них был преподавателем, второй — инженером, в прошлом комиссаром Красной Армии. Не избежала заточения в лагерь и сестра Троцкого Ольга, бывшая замужем за Л. Б. Каменевым, и даже сестра его первой жены Александры — Мария Соколовская.

От второго брака, с Н. И. Седовой, у Троцкого было два сына — Лев и Сергей. Седова — дочь купца, замужняя женщина, изучала в Женеве естественные науки и познакомилась там с искровцами, среди которых тогда, в начале 1900-х годов, находился Л. Троцкий. Младший сын, Сергей, профессор технологического института, ушел из дома, когда Троцкие жили еще в Кремле, заявив, что ему претит политика, увлекался гимнастикой, цирком, хотел даже стать цирковым артистом, потом занялся техническими дисциплинами, много работал, выпустил книгу о двигателях.

Отказавшись ехать с отцом в изгнание, он был обречен. В январе 1932 года в «Правде» появилась заметка «Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих». Сосланный к тому времени в Красноярский край, он был объявлен врагом народа и погиб в лагерях. Такая же участь постигла и его жену, с которой он развелся за полтора года до ареста.

Мечь генсека не имела границ! Она распространялась не только на территорию страны, где в лагерях и тюрьмах страдали десятки тысяч людей только за то, что они были знакомы с теми, кого объявили сторонниками Троцкого. Мечь находила своих жертв и в чужих краях. При загадочных обстоятельствах в Париже скончался старший сын Троцкого Лев. По утверждению зарубежной печати, Лев Седов (он взял фамилию матери) стал в изгнании одним из помощников Троцкого и тем самым навлек на себя гнев Сталина.

Лев Седов принял неосторожное решение лечь на операцию аппендицита в клинику на парижской улице Мирабо, которую содержали русские белоэмигранты. Там он и погиб 16 февраля 1938 года. Льва Седова оперировал известный хирург, и операция прошла успешно. Тем не менее медики на следующий день застали его в коридоре клиники полураздетым, с высокой температурой и обширным кровоподтеком в области разреза. Немедленно была проведена операция. Но она не помогла, пациент скончался.

Троцкий сразу же делает заявление по поводу смерти сына — ее подлинные причины ему ясны, хотя он и предупреждает: у него пока нет

прямых улик, которые позволили бы утверждать, что смерть Л. Седова есть дело рук ГПУ. Он приводит косвенные доказательства, и они заставляют задуматься.

«Бедная, бедная моя Наташа!» — в отчаянии восклицает убитый горем отец в дневниковых записях. В кровавом водовороте погибли все его дети. Из многочисленных родных и близких у него остались только жена да восьмилетний внук Сева.

Эстебан Волков родился в 1926 году в России, все звали его Севой. Его мать, дочь Троцкого Зина, в состоянии тяжелой депрессии покончила с собой. Севу усыновил сын Троцкого — Лев Седов. В детском возрасте его вывезли за границу. Он долго странствовал по Европе и Америке, пока наконец не оказался в 1939 году в тринадцатилетнем возрасте в доме деда в Койоакане. Так он стал Эстебаном. По образованию инженер-химик, он работал в фармацевтической промышленности, занимался научными исследованиями, сейчас — на пенсии. Руководит работой дома-музея Л. Троцкого, созданного в Койоакане.

Жена переживет Троцкого на двадцать два года и умрет во Франции в 1962 году. Ее похоронят в Мексике рядом с прахом мужа.

Предчувствовал ли Лев Давидович, что смерть сына — это последний звонок ему, что следующий на очереди он сам? Безусловно.

Охота за ним велась давно. Еще в Осло группа неизвестных лиц напала на дом, пыталась похитить архивы, а может, и его самого. В Париже вскрыли сейф и уничтожили семьдесят килограммов бумаг.

Приехав в Мексику, он поселился сначала в доме художника Диего Риверы, а затем перебрался на виллу в Койоакане, пригороде Мехико.

Здесь непременно следует сказать несколько слов о Диего Ривере, строптивом, но и душевном человеке, очень нервном политическом деятеле и мятежном художнике. Ривера был в 1922 году одним из организаторов в Мексике компартии и членом ее ЦК, весьма рьяным и активным. Однако в ноябре 1927 года по приглашению ЦК ВКП(б) он находился в Советском Союзе и там стал свидетелем разгрома оппозиции, что его чрезвычайно удивило и озаботило. Ривера возвратился из Москвы настолько озадаченным, что вскоре вышел из рядов Мексиканской компартии. На этой почве Ривера порвал дружеские отношения и с Давидом Альфаро Сикейросом, однозначно принявшим сторону Сталина.

Виллу, расположенную на улице Вена, окружала высоченная стена. Последнее убежище Троцкого охранялось днем и ночью. Войти в него можно было только через единственную дверь в массивных воротах, предварительно нажав кнопку электрического звонка. Всех входящих и выходящих проверяла наружная и внутренняя охрана. Незаметно проникнуть на виллу было практически невозможно.

И тем не менее 20 мая 1940 года военные и полицейские — группа около двадцати человек под командой пехотного майора — приблизились к воротам, и майор нажал на кнопку звонка. Почти тут же за воротами послышался голос: «Кто там?». Один из пришедших ответил, и дверь отворилась. Расположение дома им было

известно до мельчайших подробностей, хотя никто из них прежде там не бывал, и каждый знал, что ему следовало делать.

Спальня... Там, на широкой кровати, укрывшись с головой легкими одеялами, лежали два разбуженных выстрелами человека. Появившиеся у открытого окна снаружи и в дверях, ведущих в спальню и детскую, чужие люди принялись стрелять по укрывшимся под одеялами из автоматического оружия. Было выпущено множество пуль. Этот поток свинцового дождя не вызвал у пришельцев ни малейшего сомнения — те, кто до их прихода спал сном праведников, теперь уже спят вечным сном.

Можно и надо было уходить, и майор — плотный, умевший носить форму и командовать твердым голосом, в котором ликование било через край, — отдал короткий приказ.

Стрельба прекратилась. Убийцы поспешили оставить двор. Ворота распахнулись, и две автомашины — старый «форд» и новый «додж», — стоявшие внутри двора и теперь битком набитые нападавшими, вместе с охранником, впусившим их в дом, помчались прочь, обдавая тротуары брызгами и жидкой грязью.

На этот раз Троцкому повезло. Он и его жена спаслись чудом. Огонь из автоматов велся перекрестный, сразу из трех точек — со стороны комнаты внука Севы, кабинета и открытого окна спальни. Супруги ни за что бы не уцелели, останься они в постели. Оба вовремя забились в угол и упали на пол без движения. Пострадал только внук — пулей задело кожу ноги.

Сбежались охранники, помощники. Осмотрели

двери. Ни одна не была взломана. Как злоумышленники оказались в доме? У дверей спальни обнаружили замаскированную бомбу. Ее немедленно обезвредили. Зачем бомба? Прибывшие полицейские полагали — для того, чтобы замести следы. Иначе думал потерпевший. Хозяин Кремля знал, что Троцкий работает над его биографией и располагает компрометирующими документами. Уничтожению подлежали и они, и автор.

Охранника звали Роберт Шелдон Харт. Его труп нашли примерно через месяц захороненным в саду дома одного из нападавших.

Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. В группе Сикейроса не оказалось никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов. Членами его группы были крестьяне и шахтеры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий. (Давид Альфаро Сикейрос — мексиканский художник, руководитель группы ликвидации Троцкого, ветеран гражданской войны в Испании, один из организаторов мексиканской Компартии).

Первая попытка устранения Троцкого не удалась. Но его убийство должно было состояться.

20 августа 1940 года убийца проник в кабинет Троцкого, и когда тот склонился над принесенной статьей, оказался за спинкой его стула. Отступив на шаг, он вынул из-под перекинутого через руку плаща альпинистский ледоруб и нанес его острым концом страшный удар по голове.

Троцкий вскочил, издал душераздирающий вопль и бросился на убийцу, пытаясь схватить его за руку, чтобы помешать нанести второй удар. Оттолкнув нападавшего от себя, Троцкий выскочил из кабинета, но обессиленно прислонился к косяку дверей между столовой и террасой. В кабинет ворвались охранники. Оттуда снова донеслись крики — на этот раз избиваемого убийцы. Превозмогая боль, Троцкий приказал, чтобы террориста оставили в живых: пусть скажет, кто его подослал.

Вызвали врача. Осмотрев пострадавшего, он встревожился и распорядился немедленно отвезти его в клинику «скорой помощи». Собрался консилиум. Лучшие врачи Мексики делали операцию на черепе, но мозг оказался сильно поврежденным, и Лев Давидович Троцкий скончался 21 августа в девятнадцать часов двадцать минут.

Детали операции по устранению Троцкого одним из первых приоткрыл Юрий Папоров, работавший в 50-е годы атташе по вопросам культуры в советском посольстве в Мексике. Он встречался и дружил с непосредственными участниками тех событий. Например, художник Диего Ривера по этому поводу сказал следующее (в пересказе Ю. Папорова):

«В нашей прессе много говорили, что главным в неудавшемся покушении на Троцкого был некий Филипп, французский еврей. Теперь мы знаем, что за именем Филипп скрывается доктор Григорий Рабинович, представитель советского Красного Креста в Нью-Йорке. У него в подчинении находился испанский эмигрант по имени

Карлос Контрерас, человек русско-итальянского происхождения. С ним я познакомился в Мехико в двадцать восьмом году, когда он приезжал от Коминтерна помогать в работе партии. Настоящая его фамилия Витторио Видали, но его у нас в Испании знали как Энеаса Сарменти. У Контрераса, в свою очередь, находились в подчинении прибывшие специально из Москвы под вымышленными именами с заданием привести приговор Сталина в исполнение трое бывших испанских военных, в то время слушатели московской военной академии, — Мартинес, Альварес и Хименес. Вот этим четверым и подчинялся Давид Альфаро Сикейрос со своей группой. Рабинович же получал необходимые указания от двух имевших специальные полномочия москвичей. Главным из них был известный в Испании «товарищ Пабло». Его там называли еще «товарищ Котов» и «генерал Леонов». Настоящее его имя Леонид Эйтингон, и он возглавил в Москве специальный отдел, созданный для ликвидации Троцкого. (Леонид Исаакович Эйтингон, один из видных руководителей советской разведки в 20—50-е годы, родился 6 декабря 1899 года в Белоруссии, в городе Шклове. На Лубянке и среди друзей его звали Леонид Александрович, так как в 20-х годах еврей-чекисты брали себе русские имена, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей национальности как среди осведомителей и информаторов из кругов дворянства и бывшего офицерства, так и коллег, с которыми они работали.) Рамон Меркадер был в том деле простой пешкой. Ему следовало проникнуть в дом Троцкого и подтвердить имев-

шийся у Сикейроса план расположения комнат. Что он и сделал. Это потом Меркадеру пришлось, когда Сикейрос не справился, стать главной фигурой».

Кто такой Меркадер? Его настоящее имя было установлено только в 1950 году криминологом Куароном. Оно звучало так: Хайме Рамон Меркадер Дель Рио. В Мексику он приехал за полгода до теракта против Троцкого с паспортом на имя Тони Бабича, уроженца Югославии. Местным властям назвался Фрэнком Джексон. Сражался в Испании в рядах республиканской армии, дослужился до звания майора.

20 августа 1940 года, когда Рамон ушел на «дело», в ста метрах от дома Троцкого в двух разных машинах его ждали мать и «товарищ Пабло» — Леонид Эйтингон. Однако расчет на бесшумную ликвидацию не оправдался, и это смешало карты. По показаниям телохранителей Троцкого, которые избивали террориста в кабинете рукоятками револьверов, пытаюсь воспользоваться ситуацией и узнать, кто его подослал, убийца выкрикнул: «Один человек! Я его плохо знаю! Они... Я повязан по рукам и ногам! Они держат в заложниках мою мать!».

«От Меркадера так и не узнали, кем он был послан (это одна из причин, по которой Сталин отличил его, а вот Рихарда Зорге он бросил на произвол судьбы: тот, как считал «вождь народов», «запятнал себя тем, что признал свою связь с советской разведкой»). На следствии было доказано, что Меркадер вовсе не Фрэнк Джексон из Канады, были опровергнуты приведенные им мотивы убийства — разочарование

в Троцком, который хотел превратить его в пешку, ревность» (П. Судоплатов).

Всех участников удачного покушения отметили высокими государственными наградами СССР. Орден Ленина получили мать террориста, Каридад, и генерал Эйтингон, что впоследствии, впрочем, не уберегло его от тюрьмы. Эйтингон был арестован после отстранения Берии от власти в 1953 году. В 1964 году его выпустили на свободу. Эйтингон скончался в 1981 году, не будучи реабилитированным — официально он считался просто выпущенным на свободу преступником. Лишь в апреле 1992 года семья получила свидетельство о его посмертной реабилитации.

Меркадер — главный исполнитель теракта — получил высшую меру наказания по законам Мексики — 20 лет тюрьмы. Подробности проникновения его в дом-крепость Троцкого таковы: умело сыгранная роль влюбленного в близкую сотрудницу Льва Давидовича, симпатии к IV Интернационалу, статьи на эту тему, которые по просьбе секретарши иногда просматривал Троцкий. Охрана пропускала его как своего, проверенного человека.

После освобождения из тюрьмы Меркадер жил в Москве. Вскоре после приезда он был удостоен звания Героя Советского Союза. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двоих детей: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву,

а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, схвачен франкистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов. Меркадер, как профессиональный революционер, гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году. Тело его тайно доставили в Москву. На траурной церемонии присутствовал Эйтингон. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза.

И еще об одной, неизвестной до 1944 года, ключевой фигуре этой акции. По иронии судьбы он тоже отсидел свой срок, только в советской тюрьме, в отличие от Меркадера. Павел Судоплатов провел в камере-одиночке 15 лет.

21 августа 1953 года генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов был арестован в своем служебном кабинете на седьмом этаже известного здания на Лубянке. Ему предъявили обвинение в бериевском заговоре, имевшем целью уничтожение членов советского правительства и реставрацию капитализма. В тюрьме Судоплатов перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность второй группы. После отсидки он не мог сделать больше двух-трех шагов — именно столько позволяла «жилплощадь» его камеры.

Полностью его реабилитировали лишь в 1992 году. А в апреле 1994 года в Нью-Йорке вышла его нашумевшая книга «Особые задания: воспомина-

ния нежелательного свидетеля — магистра советского шпионажа».

Именно Судоплатов разрабатывал в Москве операцию по уничтожению Троцкого. Вступив в 12-летнем возрасте в Красную Армию, Павел Анатольевич от рядового сотрудника Иностранного отдела ВЧК вырос до одного из руководителей того управления МГБ СССР, которое занималось тайными операциями за рубежом.

В 1940 году он возглавил специально созданный на Лубянке отдел, которому Сталин поручил разработку акции по уничтожению Троцкого.

Из записок Серго Берии

* * *

Серго Лаврентьевич Берия — сын Л. П. Берии — работал в разведке, сопровождал Сталина в Тегеран. Главный конструктор и научный руководитель Киевского НИИ «Комета». Ракетой С. Берии над Свердловском в 1960 году был сбит американский самолет-шпион «У-2», пилотируемый Ф. Пауэрсом).

* * *

«Троцкий был выслан за пределы СССР в ноябре 1929 года... Никакой необходимости в политическом убийстве, совершенном впоследствии, не было. Какого-то влияния Троцкий уже не

имел, хотя и был последователен в своей борьбе с бывшими соратниками. Его авторитет заметно возрос как раз из-за этого убийства. Умри он своей смертью, его скорей давно бы забыли.

Шпионом он не был, конечно, но на содержании иностранных разведок, хотел он того или нет, был. Есть документы, которые это подтверждают. Компромиссы такие в политике, наверное, вещь обычная. Не считаем же мы Ленина немецким шпионом, хотя он и принял предложение немецких спецслужб о его переброске в Россию.

Отец с Троцким был знаком в начале 20-х; еще до смерти Ленина тот приезжал в Закавказье. Бывал и позднее. По словам отца, это был жестокий человек и с непримиримыми амбициями. Сейчас такими принято считать фундаменталистов. Троцкий был абсолютно убежден в правоте своих воззрений. Мировая революция — на меньшее он был не согласен. Такие масштабы...

Отец характеризовал его и как очень заносчивого человека, который никогда не спускается со своего Олимпа и не утруждает себя общением с «чернью». Митинги — это одно, но судьбы людей Троцкого, как и большевистских вождей вообще, интересовали мало. Троцкому нужен был целый мир. Наверное, в этом и была его ошибка. Будь он ближе к массам, еще не известно, как бы все повернулось в двадцатые... но, мне кажется, окажись на месте Сталина Троцкий, мир содрогнулся бы еще больше. И наверняка раньше... О том, что концлагеря создавались по указанию Троцкого и Ленина, впервые я тоже узнал

от отца. Десятки тысяч расстрелянных заложников — ни в чем не повинных людей — тоже на совести Троцкого. Институт комиссаров — тоже изобретение Льва Давидовича. Это был его собственный карательный аппарат в Красной Армии. Невероятно, но в тот период с этим боролся не кто иной как Сталин. Сегодня об этом предпочитают не вспоминать... Впоследствии Сталин пойдет тем же путем, но тогда предложения Троцкого он встречал в штыки.

Борьба между ними продолжалась годами. Выиграл соперничество Сталин, потому что опирался в этой борьбе на «чернь», к которой издевательски относился Троцкий. Сталин просто оказался умнее и дальновиднее. Позднее, когда увидел, что Троцкий и за границей не может угомониться, спецслужбы получили известный приказ.

Из последней статьи Льва Троцкого, опубликованной в 1940 году в «Либерти лайбрэри корпорейшн»: «Мечь истории страшнее мести самого могущественного Генерального секретаря».

Слова оказались пророческими...

Попыток покушения на Троцкого было много, 10—12. Отец, как нарком НКВД, допускаю, каким-то образом был причастен к этому делу. Потому что была задействована советская разведка. Одну из таких операций проводила группа, которую возглавлял знаменитый мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос. В мае сорокового года вместе со своими людьми он обстрелял и атаковал виллу Троцкого, но нападение было отбито.

20 августа 1940 года испанский коммунист Ра-

мон Меркадер проник на тщательно охраняемую виллу, представился бельгийским последователем Троцкого и тогда же в его кабинете смертельно ранил ледорубом опального вождя. На следующий день Троцкий скончался в больнице.

Организатором этой операции был кадровый разведчик генерал Наум Эйтингон. С Меркадером и его матерью Каридад он познакомился еще в период гражданской войны в Испании.

Судьбы участников покушений на Троцкого сложились по-разному. Генерал Эйтингон незадолго до смерти Сталина был арестован и освобожден в 1953 году, как и многие другие. А после убийства моего отца Эйтингона снова арестовали, и ему пришлось 12 лет провести во Владимирской тюрьме.

Участник одного из покушений на Троцкого — это он вместе с Сикейросом штурмовал виллу в Койоакане — Иосиф Григулевич закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красной Звезды. В 70-е годы бывшего разведчика-нелегала избрали член-корреспондентом Академии наук СССР. Он известен как видный ученый-латиноамериканист, автор нескольких книг из серии ЖЗЛ о Че Геваре, Сальвадоре Альенде, Боливаре. Слышал, что он воевал в Испании в одной интербригаде с Сикейросом и там был завербован советской разведкой. По некоторым источникам, он несколько лет проработал в Ватикане, откуда и возвратился в СССР.

Я не могу согласиться с утверждениями, что все эти люди — а в Мексику была направлена

большая группа разведчиков, владевших испанским, — «преступники, организовавшие самое громкое в нынешнем столетии политическое убийство», как написала одна популярная газета. Все они шли на самопожертвование добровольно и, конечно же, не ради денег. Сикейрос, например, считал, что поступал совершенно правильно. Исходя из своих убеждений действовали и Меркадер, и Эйтингон, и другие.»

*Из семейной хроники
Луиса Меркадера*

* * *

Луис Меркадер родился в 1923 году, шестнадцатилетним оказался в СССР, где прожил значительную часть жизни. Потом вернулся в Испанию.

«Я хорошо, насколько мог, поработал в СССР тридцать лет: как коммунист, как инженер, и выполнял важные исследовательские работы для Советской Армии, с первых же дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, воевал два года, храню свои боевые награды, — пишет Меркадер. — Думаю, я заслужил внимание, которое оказывалось мне в СССР, хотя и отдаю себе отчет, что во многом оно объяснялось тем, что я был братом Рамона и сыном Каридад Меркадер: они-то сделали для Советского Союза гораздо больше меня. Никогда не следует забывать, что Рамон был Героем Совет-

ского Союза, что до самой смерти он с гордостью носил великую Золотую Звезду — так же, как мать носила на груди орден Ленина. Оба они рисковали жизнью во имя лишь одного идеала, ради Советского Союза, который в ту пору считался родиной всех коммунистов мира.»

* * *

«Насчет «операции Троцкий» могу сказать то, что я узнал от самого Рамона, а это существенно отличается от всего, что было понаписано по данному поводу.

Операцией руководил Эйтингон, и главной задачей было вести слежку за Троцким, то есть сообщать советскому правительству обо всем, что происходило в его окружении. Рамона направили туда вовсе не для убийства. Он должен был лишь пробраться в Койоакан в качестве секретаря, чтобы собирать и отправлять информацию. Как-то в одной из бесед со мною в Москве Рамон сказал: «Не забывай, что все происходило в 1940 году. Уже шла мировая война, и было ясно, что со дня на день Гитлер нападет на СССР. Он уже покорил Данию, Голландию и Бельгию, Франция была оккупирована с помощью Лаваля, а Норвегия — Квислинга. Мы узнали, что Троцкий вел переговоры с германским консулом в Мехико, явно намереваясь тоже стать Квислингом, когда фашистские войска войдут в СССР.

А откуда были все эти деньги у Троцкого? Ты рассуждай: он жил в настоящей крепости, а она стоила очень недешево. У него было 27 телохра-

нителей с пулеметами, винтовками. Все средства он получал от германского консула. И каждый четверг, когда дома оставалась лишь малая группа самых близких к Троцкому людей, приезжал консул, с которым велись многочисленные переговоры. И только когда мы поставили советское правительство в известность об этом, был получен приказ об уничтожении...

Все это чушь, будто Сталин так уж ненавидел Троцкого и боялся его. К концу 30-х Троцкий был уже полностью дискредитирован и не представлял никакой опасности для коммунизма и СССР. О нем уже никто не вспоминал. За ним следили просто для того, чтобы он не натворил каких-нибудь глупостей...»

Тут на мгновение стоит прервать повествование, ибо в нем прерывается логика. Итак, только слежка, но не физическое устранение. Однако без всякой паузы Луис Меркадер продолжает: «Приказ убить Троцкого получил Сикейрос (справка: Давид Альфаро Сикейрос, 1896—1974, известный мексиканский художник-монументалист, член компартии, почетный член Академии художеств СССР, лауреат Международной Ленинской премии. — *Прим. ред.*), но он повел себя как болван. Рамон так буквально и говорил: «Этот козел ворвался в Койоакан с полчищем убийц и стал, как истый мексиканец в детективном фильме, палить во все стороны, а потом удра, даже не проверив, убил ли кого-нибудь. Сотни выстрелов, шум страшный, а ни одного раненого. Котов был в отчаянии. У него был приказ Сталина убить Троцкого, и его следовало выполнить. Уклониться было невозможно. Котов

даже стал вести переговоры с одним американским летчиком, чтобы тот сбросил бомбы на жилище Троцкого, но это оказалось весьма сложным, дорогим и рискованным предприятием». Они были близкими друзьями, и Рамон понимал, что без выполнения приказа Котову в СССР грозит смерть. Свой рассказ Рамон закончил так: «Котов был в таком отчаянии, что я сказал: не беспокойся, это сделаю я. Пошел и убил Троцкого».

Все это, повторяю, мне рассказал сам брат. Мы вели очень откровенный разговор, и я высказал предположение (это было уже при Хрущеве), что Рамон совершил ошибку, что вся эта «операция» могла рассматриваться как личная месть Сталина Троцкому, а Рамону отводилась лишь роль пешки, принесенной в жертву Сталину. Брат тогда сильно обиделся и сказал мне, что думать так просто глупо, что все предыдущие и последующие события доказывали обратное... И я бы очень хотел, чтобы КГБ когда-нибудь опубликовал документы по этому делу. Уже пришло время сказать, что же произошло тогда. Я уверен, что Рамон рассказывал мне все так, как оно и было. Но доказать этого ничем не могу. Кстати, в книге американца Роберта Конквеста о красном терроре в России есть краткий абзац, где сказано, что Троцкий был связан с немецкими секретными службами. Прочитав это, я поверил, что все рассказанное мне братом — правда.

Может, самым лучшим доказательством этого был тот факт, что Рамон очень неловко совершил покушение. Вот если бы его тренировали для убийства... Я спросил однажды: «А как по-

лучилось, что ты легко проник туда, а уйти не смог?». И он дословно ответил: «Я ведь никогда никого не убивал и не знал вообще, как это делается. Когда я ударил его киркой по голове, он завизжал, как резаная свинья. А на меня все навалились, и я уж ничего поделывать не мог». Кстати, моя мать сидела в машине вместе с Эйтингоном метрах в ста от дома Троцкого, ожидая Рамона, чтобы умчаться вместе. Никто не мог предположить, что удар физически сильного Рамона будет столь слаб, что Троцкий не потеряет сознания. Впрочем, именно он приказал не убивать Рамона, когда охранники стали колотить его рукоятками пистолетов по голове.

Моя мать и Эйтингон быстро покинули Мексику. Из США она вскоре уехала в СССР, а где находился он, не знаю. В общем, не сомневаюсь, что Рамон, Каридад и Эйтингон организовали покушение под влиянием своих коммунистических убеждений. Они верили, что совершают нечто крайне необходимое для защиты СССР, и были готовы ради него пожертвовать жизнью... Но я убежден, что все они — и троцкисты, и сталинисты — грешили нетерпимостью, фанатизмом, да и на совести у них — многочисленные убийства».

БЕЖЕНКА ИЗ ГДР

Тело мертвой женщины нашли в реке Рио-Гранде, неподалеку от Вадо-дель-Йесо, рассказывали друг другу индейцы из деревни Валье-Гранде 7 сентября 1967 года. У нее почти нет во-

лос, нет глаз, ее едва ли можно опознать. Но все понимают, кто она. На ней брюки и сапоги военного образца.

Таня. Каждый знает Таню. И никто ее не знает.

Солдаты знают Таню. Своим громким голосом во время боя она уговаривала их сдаться. Крестьяне знают Таню. Ее облик сбивал их с толку, когда в составе вооруженного отряда среди бородатых мужчин мимо них проходила и женщина. Женщины знают Таню. Они много о ней слышали: она красива, она сурова, она умеет стрелять.

Никто не знает, кто такая Таня, как ее зовут на самом деле, откуда она.

Теперь она лежит на носилках посреди военного лагеря Валье-Гранде. Речная вода измочила ее зелено-голубую полосатую майку. С десятков женщин стоят вокруг нее. Они добились от солдат доступа к покойной. Не потому, что они Таню любят, не потому, что они ее ненавидят, а просто потому, что каждому мертвому телу нужна почетная охрана, чтобы душа не осталась навсегда бродить в этой местности.

Они сшили ей саван и поставили свечи, которые то и дело задувает ветер. Солдаты требуют, чтобы женщины ушли. Но безуспешно. Только когда появляется командир и обещает, что партизанка будет похоронена по христианскому обычаю, женщины возвращаются в деревню.

Когда весть о смерти Тани приходит в боливийскую столицу, многие чиновники в окружении президента узнают в погибшей его многолетнюю сотрудницу Лауру Гутьеррес. Когда в кубинской столице Гаване газеты публикуют

фотографии Тани, многие студенты, изучающие журналистику, видят, что их сокурсницы Тамары Бунке больше нет в живых. Когда посланец с Кубы в Берлине на Карл-Маркс-аллее звонит в дверь Нади и Эриха Бунке, они слышат, что их давно пропавшая дочь погибла.

Через 22 года, к моменту конца ГДР, имя Тамары Бунке носили 242 школы, молодежные бригады и детских сада. СЕПГ и Союз свободной немецкой молодежи сделали из покойной благородную героиню из книжки, революционерку, заслуживающую поклонения, но не подражания. Будьте, как Таня, но не предавайтесь мечтам, не исчезайте из дому и не бегайте по джунглям.

В последний раз родители видели Тамару за шесть лет до ее смерти. Тогда 23-летняя девушка распрощалась с ними, чтобы быть там, где революция и Че Гевара. В 1960 году она познакомилась с этим неукротимым команданте, самым знаменитым соратником Фиделя Кастро в борьбе и в руководстве Кубой. С тем легендарным Че, который после своей гибели 8 октября 1967 года в боливийских джунглях станет кумиром левацкой молодежи всего мира. Она была приставлена к нему в качестве переводчицы, когда как президент Национального банка он вел с руководством ГДР переговоры о заключении экономического соглашения. Тамара в совершенстве знает испанский. Да и вообще она больше латиноамериканка, чем немка. В 1937 году она появилась на свет в Аргентине, там же, где и Гевара, в семье немецкого эмигранта, и жила там до 1954 года. Она давно стремится на Кубу или в Аргенти-

ну. В комитете, занимавшемся Всемирными фестивалями молодежи и студентов, она познакомилась с одним аргентинцем, влюбилась в него и захотела последовать за ним в Буэнос-Айрес. Центральный комитет СЕПГ разрешает ей выезд, вопрос об ее отплытии в Аргентину на польском пароходе урегулирован. Но тут она встречает Че Гевару, и все отменяется. Она безуспешно просит, чтобы он разрешил ей вместе с ним ехать на Кубу. Только через пять месяцев ей удается попасть в Гавану: во время европейских гастролей кубинского национального балета она работает переводчицей и получает в подарок обратный авиабилет одной танцовщицы, которая покинула труппу в Праге. «Нет ничего прекраснее, чем быть там, где пылает пламя», — пишет она с Кубы родителям. Это становится целью ее жизни в течение всех шести лет, которые у нее еще были впереди. Она живет так торопливо, как будто предчувствует, что у нее остается не так уж много времени, так бурно, что часто перегоняет сама себя и мчится параллельно по двум, трем или четырем дорожкам.

В министерстве образования на Кубе она работает переводчицей, в университете изучает журналистику, в федерации женщин выступает как агитатор, в милиции стоит на посту, по ночам переводит Маркса и Энгельса, по воскресеньям помогает в уборке сахарного тростника.

С Че она встречается на воскресниках, в гостях у ее аргентинской подруги или когда он вызывает ее как переводчицу. С сотнями тысяч человек она стоит и слушает на митинге Фиделя. Она завидует однокурсницам, у которых есть че-

хословацкие автоматы. На соревнованиях по стрельбе она занимает второе место. Эта девушка глубоко вдыхает тропический социализм, который пахнет восстанием и победой, а не дефицитом и скукой.

Два писателя из ГДР, которых она сопровождает в поездке на Кубу, удивляются, кого только из гаванской элиты она не узнала за столь короткое время. В торговом представительстве ГДР считают, что она сбежала из своей республики.

Один офицер госбезопасности ГДР в своем заключении напишет, что она выехала на Кубу нелегально. Она заявляла о своей готовности в качестве агента «штази» работать сначала в Аргентине, а затем в США. Но вылетела на Кубу и с тех пор не давала о себе знать.

Родителям в Берлин она пишет романтические письма о своей новой революционной родине, о взрывах бомб, о полуночных визитах в министерства, об «организованной дезорганизации», о море и пальмах. Через два года работы у Фиделя и Че ее письма становятся сумрачными и конспиративными.

Еще через год она упоминает о «задаче военного рода» и «специальных курсах» и обещает, что скоро посетит родителей. К этому времени она уже ведет трудную двойную жизнь. Кубинские работники секретной службы «Красная борода», «Ариэль» и «Папи» готовят ее к карьере агента. Ее обучают правилам партизанской войны, она проходит физическую подготовку и учится жить в двух и трех обличьях. Ее, дочь преподавателя физкультуры, учат по-буржуаз-

ному выглядеть, по-буржуазному одеваться и по-буржуазному себя держать.

Своим ближайшим друзьям она рассказывает, что в качестве переводчицы отправляется в Африку. Родителям пишет, что собирается замуж. В действительности под именем Тамары Лоренко она выполняет первое задание секретной службы: устанавливает радиопередатчик в кубинском городе Сьенфуэгос, налаживает контакты с «подрывными элементами», планирует диверсию в промышленном районе города.

Речь идет о фиктивной операции, которая должна показать Че Геваре и «Красной бороде», есть ли у этой умной, знающей языки немки за душой нечто большее, чем революционное воодушевление, дар конспирации и твердая рука при стрельбе. Оценивая свое первое дело, Тамара пишет о себе, что ей надо научиться работать и реагировать с большей скоростью. Но Че доволен ее работой и в конце марта 1964 года официально объявляет ее «геррильера» («геррильера» — партизанка). Ее направляют в Боливию, где она должна сделать карьеру, оказаться в высших военных и буржуазных кругах, собирать информацию о положении крестьян и горняков и ждать, может быть, годы, пока не появится связной и не разбудит ее, словно сказочную спящую красавицу.

Тамара, получившая теперь боевое имя «Таня», начинает менять свою биографию. 9 апреля 1964 года она отправляется в Западную Европу, чтобы стать другой женщиной. В ее паспорте стоит имя Хайде Бидель Гонсалес. В течение пяти недель она вырастает в биографию этой жен-

щины, чтобы потом вместе с Че и «Красной бородой» придумать другую личность: Лауру Гутьеррес Бауэр, родившуюся в Буэнос-Айресе, некоторое время прожившую в ФРГ, а в будущем студентку, изучающую этнографию в Боливии.

Предыдущую жизнь этой новой женщины ее создатели изложили на 15 густо исписанных страницах. Изобрели ее предков и подруг, поездки и увлечения, болезни и любовников, покойную мать и наследство.

У Тамары есть два месяца на то, чтобы принять новый облик. Она усваивает мышление Лауры, одевается, как она, говорит так, как стала бы говорить она, проезжает по местам, где она жила, видит Рим, Цюрих, Мюнхен, а в Восточном Берлине встречается со своим далеким прошлым. Она ходит вокруг домов, в которых жила Тамара Бунке. Никто из знакомых не узнает крашеную блондинку в элегантном плаще.

В беседах с мужчинами, которые за ней ухаживают, она испытывает свою новую биографию, сплетает из нее плотную сеть и учится ругать коммунизм. Мужчины быстро начинают внушать ей отвращение, особенно студенты и молодые люди без определенных занятий, которые окружают ее в экскурсиях по европейским городам, как она сообщает на Кубу. «Для женщины, которая в одиночку совершает туристскую поездку по Европе, — поясняет свежеепеченный агент кубинской секретной службы, — знакомства становятся трудноразрешимой проблемой.»

5 ноября 1964 года она навсегда покидает Европу, летит из Парижа в Лиму. Должна была бы

лететь дальше, в Ла-Пас, но на всякий случай въезжает в страну своей подпольной работы по обычной дороге.

Отель «Ла-Пас» становится первой базой партизанки, а художник Мойсес Чиле Баррьентос — первым человеком, который помогает ей проникнуть в круги боливийской буржуазии. Он заговаривает с ней в археологическом музее, возит на своем «фольксвагене», показывает город и горы, вводит ее в число тех, кто бывает на важнейших приемах, устраиваемых для наиболее изысканных и могущественных.

По вечерам в гостиничном номере она тщательно все записывает. Он думает, что она ведет дневник. В действительности она составляет ежедневные доклады «Ариэлю» и «Красной бороде». Подпись «Болтвар» она ставит под секретными депешами, в которых сообщает, что этот художник за ней «ухаживает и так далее», что он нашел ей работу в министерстве образования в качестве сотрудницы комитета по изучению фольклора.

Она проводит время в гостиничных барах, предлагает на продажу его картины и так устанавливает связи с богатыми иностранцами и влиятельными боливийцами. Их детям она дает уроки немецкого языка и таким образом попадает в дома верхних десяти тысяч. С помощью одного адвоката и взятки в 10 тысяч песо она получает свидетельство о благонадежности и боливийское удостоверение личности. Через три месяца после приезда Тани в светском обществе Ла-Паса у нее утверждается репутация самой обаятельной женщины.

Таня живет в трех квартирах, из которых самая полезная — апартаменты бывшего дипломата Альфредо Синхинеса. Еще одно помещение она сняла у известного адвоката и использует его репутацию, чтобы устанавливать новые связи.

Ее важнейшим знакомым становится Гонсало Лопес Луньос, заведующий информационным бюро во дворце президента. Его детей она тоже учит, как правильно писать по-немецки: «Мама говорит тихо. Касперль говорит громко». Этот чиновник использует Таню как журналистку и распространителя в своем еженедельном издании «ИПЕ», информационном бюллетене боливийской элиты.

Позже Таня воспользуется его служебными бланками и печатью, чтобы выдавать Че Геваре и другим геррильерос удостоверения «специалиста по антропологическим исследованиям». Художнику Баррьентосу с ней нелегко. С одной стороны, она относится к нему сердечно и заботится о том, чтобы у него было хорошее настроение. Но с другой стороны, она его часто покидает, целыми днями ее невозможно найти, она принимает приглашения других мужчин. По его понятиям, она стала чересчур самостоятельной, вспоминает сегодня Баррьентос. «Ее словно подгоняло паническое стремление всегда в нужное время оказываться в нужном месте.»

Секретарь аргентинского посольства приводит ее на торжество с участием президента. «Мы беседовали с президентом Баррьентосом и другими членами правительства, — сообщает она секретной службе в Гаване, — а также с некоторыми сотрудниками протокольного отдела министерств-

ва иностранных дел, с которыми я поддерживаю связи и которые оказались мне полезны.» Скоро она уже дает уроки немецкого языка детям президента Рене Баррьентоса на его вилле.

После того как она погибла, в ее квартирах было найдено множество фотографий. Глава боливийской секретной службы сначала отдал приказ арестовать всех, с кем вместе она позировала перед фотоаппаратом. Бывший министр внутренних дел Антонио Аргедас и сегодня еще с удовольствием рассказывает, что тогда пришлось бы посадить в камеру половину представителей высших кругов страны, начиная с президента.

Для одних она — аполитичный завсегда тай приемов, для других — педантичный этнолог или коварная обольстительница мужчин. Или фанатичная собирательница фольклора. Или таинственная женщина с крашеными волосами. Во всяком случае, она много ездит по стране, что нужно делать, если изучаешь жизнь индейцев. И когда ищешь информацию для лагеря герильерос.

Более года Таня изучает это изысканное общество и ждет человека из Гаваны, который должен дать ей сигнал к началу вооруженной борьбы против ее новых друзей. Когда 1 января 1966 года связник «Мерси» приезжает в Ла-Пас, он в течение целой недели наблюдает, желая убедиться, что за ней нет слежки.

Он звонит ей по телефону и спрашивает: «Девушка, это вы даете уроки немецкого языка с экономическим уклоном?». С этого момента Таня знает, что посланец с Кубы здесь. На следую-

щий день в 19.30 она должна быть у киоска перед рынком Ланса. Там ей следует что-нибудь выпить и направиться в сторону библиотеки.

«Мерси» идет за ней, перегоняет, затем пропускает мимо себя и спрашивает: «Девушка, не можете ли вы сказать, где находится кино “Боливар”?» — «Это на улице Симона.» — «Поблизости от Сукре?». Она улыбается и протягивает руку посланцу от Че.

В садовом домике ее подруги «Мерси» достает из обуви и передает ей новые инструкции с Кубы. Иногда она думала, что о ней забыли, говорит она связному.

«Ее настроения объясняются изоляцией, в которой она живет», — сообщает «Мерси» в Гавану.

За пределами города, на плоскогорье, окружающем Ла-Пас, на высоте 4 тысячи метров, Таня показывает сотруднику секретной службы, где хранит коды для расшифровки посланий из Гаваны: в кости, зарытой поблизости от поворота дороги.

В течение шести недель «Мерси» показывает ей новые приемы конспирации, учит создавать «почтовые ящики», объясняет, как ей следует одеваться, чтобы не выделяться среди буржуа. Она должна пользоваться такси и останавливаться в хороших отелях. В гостиничном номере на бразильском пляже Сан-Висенти он помогает ей осваивать все, что нужно современному революционеру. С 8 до 10 часов: слежка, умение уйти от слежки, карате; с 10 до 12 часов: тайнопись, картография, обращение со специальными инструментами; обед; с 15 до 17 часов: сбор информа-

ции, тренировка с микрофоном, шифровальное дело; с 17 до 20 часов: меры безопасности, повторение; ужин; с 22 до 24 часов: слушать гаванское радио.

31 марта 1966 года Таня летит из Сан-Паулу в Мехико. Она получает новый фальшивый аргентинский паспорт, в котором теперь находятся ее собственные отпечатки пальцев. Кубинскому агенту она дает письмо для своих родителей, последнее: «Как видите, у меня все хорошо, работаю и, кроме того, учусь. Как любит говорить мама, учусь всему, чему можно научиться. Знаю, что вам еще придется проявить терпение, но теперь это будет легче, потому что вам известно, что я выполняю свой долг».

Ее существование в Ла-Пасе, городе, который так близок к небу, что в нем трудно дышать, становится сложнее еще на одну жизнь: теперь она живет как «городская геррильера». У нее контакты с «Паки», отвечающим в кубинской секретной службе за работу в Боливии, с «Иваном», «Родольфо», «Лойлой».

Лойлу Гусман она обычно ожидает перед университетом. Если мимо нее проходит молодая студентка философского факультета с газетой в левой руке, это означает: иди за мной. На скамейке в зоопарке они обмениваются информацией и заданиями. Таня знает лишь, что эта 22-летняя девушка с 12 лет состоит в рядах коммунистической молодежи. Лойле же известно только, что Таня родилась в Аргентине и более года живет в Ла-Пасе.

Она не знает, где Таня работает. Не знает и того, что та замужем. Но у нее задание угово-

рить студента по имени Марио Мартинес, Таниного мужа (о чем она не знает), поехать учиться в Болгарию. Он должен исчезнуть из страны, чтобы его жена могла без помех быть партизанкой. Таня вышла замуж за этого молодого человека, чтобы быстрее получить боливийское гражданство, но на людях появляется с ним только тогда, когда ее фольклорной группе требуется еще один танцор. Своему начальству в Гаване она предложила побыстрее увлечь его идеей учиться за границей. Лойла справляется с этой задачей. 7 октября 1966 года Таня с ним разводится.

У нее большие актерские способности, сообщает Таня на Кубу о себе самой, она великолепно играет свои роли. Иногда собственную жизнь видит как «фильм». То она жена, то служащая у президента, то преподавательница немецкого языка, то беженец-нелегал. «Порой я думаю, что скоро сама поверю в свои истории, и если кто-нибудь скажет мне истину, я сочту его сумасшедшим».

Ее начальница в министерстве образования после разоблачения Тани будет удивляться, что женщина, которая слишком разболтана для того, чтобы организовать собственную жизнь, которой случалось забывать в поезде кошелек или терять папку с документами, что именно она могла жить несколькими жизнями одновременно.

Жизнь Тани изменилась, когда в начале ноября в Боливию приехал Че Гевара. Она должна прекратить все опасные операции и ограничиться сбором политической и военной информации среди государственного руководства.

В радиостудии города Камири, находящегося в 60 километрах от главного лагеря подпольщиков, она теперь иногда ведет передачи с советами для женщин; слушательницы порой удивляются ненаучным словесным оборотам и фразам в этой весьма популярной передаче. На самом деле это шифрованные указания повстанцам в горах.

Только два раза Таня посещает основную базу с 49 геррильерос, находящуюся у реки Ньяканасу. Первый раз — в декабре 1966-го. Че приветствует ее как своего друга. Всем партизанам она принесла новогодние подарки — шейные платки, фонарики, коробки конфет. Праздник она оживляет кубинскими песнями с магнитофонной ленты. И с огромным удовольствием фотографирует празднующих товарищей.

В ближайшие недели Таня должна отправиться в Аргентину, чтобы там установить для Гевары связь с партизанами, которые под его руководством готовы начать борьбу.

Во второй раз — в начале марта — Таня попадает в главный лагерь не по своей воле. Она должна привести Геваре французского философа Режи Дебре, потому что в Ла-Пасе он не нашел связного и Таня единственная, кто знает путь длиной в 400 километров.

Когда с Дебре и одним аргентинским художником она добирается до штаб-квартиры, Гевары в лагере нет. Только через 15 дней он возвращается из разведывательного похода и сердится, найдя своего лучшего агента среди повстанцев. Таня так долго умоляла его заместителя, что тот согласился отрядить ее в караул

и дать ей оружие. Она, собственно, хотела пробыть здесь только один день, объясняет она Че. Но поскольку его не было, пришлось остаться на две недели.

Не только Таня портит команданте настроение. «Весь лагерь производит впечатление ужасающего хаоса», — записывает он вечером в свой дневник. Два человека дезертировали. Философ Дебре непременно хочет принять участие в боях, хотя Че предпочел бы избавиться от него, послав с ним письма Жан-Поллю Сартру и Бертрану Расселу.

Мало того, аргентинский художник Сиро Бустос, который приехал с ними, чтобы подтолкнуть революцию в соседней стране, «не имеет нужных данных и характера, чтобы быть партизанским руководителем», сообщает Че в Гавану. Но он заранее просит 60 тысяч долларов. «Я ему, пожалуй, дам 30 тысяч, а с остальными подожду до их восстания.» Приехал и вождь повстанцев из Перу, требующий 50 тысяч долларов на десять месяцев партизанской борьбы.

Возмущение Че по поводу Тани еще более возрастает, когда по гаванскому радио он получает шифровку, что она, по-видимому, раскрыта. Дезертиры из отряда Че Гевары рассказали военным, что на партизан работает женщина по имени Таня. В «джипе», который она оставила в Камири, работники секретной службы нашли женскую одежду и записные книжки, полные телефонных номеров чиновников всевозможных министерств. «Пропали два года тщательной, кропотливой работы», — с горечью записывает Че в дневник.

«Путь назад для Тани отрезан, — сообщает он Фиделю, — потому что она пренебрегла указаниями.» Армия напала на главную базу, геррильерос приходится уходить, они не видят никакого способа вывести Таню из зоны боев.

Несмотря на это, французский философ и аргентинский художник пытаются бежать, потому что, как Че сообщает в радиограмме Фиделю, Дебре не хочет сражаться и мечтает как можно скорее оказаться на Кубе. Обоих беглецов военные хватают, пытаются и допрашивают. Они рассказывают агенту ЦРУ, что Таня известна им под именем Лауры Гутьеррес. Художник сверх того рисует своим палачам портреты большинства геррильерос.

Секретная полиция перерыла одну из Таниных квартир, но нашла только пару безобидных фотографий и письмо ее бывшего мужа: «Кем ты теперь командуешь, мой сержант?». Специалисты ЦРУ обнаружили много странных магнитофонных лент и в течение полутора дней были вынуждены слушать народные песни с боливийского нагорья.

Че поручает Тани пришивать пуговицы, выдавать продукты и слушать передачи последних новостей. От долгих переходов ее ноги стертые: чужие сапоги слишком велики, и в содранную кожу лезут тропические паразиты.

«Мы удачно прошли до Рио-Икира, — записывает Че в свой дневник, — но Таня и Алехандро отстали. Когда померили температуру, у Тани оказалось 39 градусов.» В день они проходят от 40 до 60 километров, взбираются на горы, по канатам спускаются в ущелья, ползут через

кустарники, пробиваются сквозь чащу. Их рюкзаки весят от 15 до 25 килограммов. Кольцо окружения сжимается все больше, его поддерживают напалмовыми бомбами.

С группой в 14 человек Че уходит. Хоакина, опытного офицера из повстанческой армии Кастро, он оставляет за главного и приказывает ему водить людей по кругу, не искать никаких стычек с армейскими частями и ждать, пока он не вернется с главным отрядом — примерно дня через три. Они больше не увиделись, целыми месяцами проходим по лесам и не встретив друг друга.

Армия изгоняет группу Хоакина из зоны боев. Вертолеты преследуют геррильерос в горах, сбрасывают на них напалм. Позади остаются четверо погибших. А между беглецами разгорается спор о том, куда направляться. Таня, после двух боев признанная отличным стрелком, критикует Хоакина за нерешительность. Она кричит — не то в гневе, не то из страха. 42-летний командир группы приставляет к ней надзирателя и в свою очередь орет на мужчин, которые предлагают нести ее рюкзак. Он запрещает ей фотографировать.

В записной книжке Таня помечает все промахи командира. Его следовало бы расстрелять, говорит она Эусебио, восемнадцатилетнему партизану, с которым порой беседует. Она мечтает о том часе, когда из джунглей выйдет Че и она сможет предъявить ему весь счет.

Эусебио же не ждет строгого команданте, который обвинил его в том, что он якобы украл две банки молока. У него отобрали винтовку

и при первой же возможности выгонят. Таня вначале тоже, как и другие, не разговаривала с ним. Но чем дольше длится этот отчаянный поход, тем больше рассказывает она ему об Аргентине и Европе. Но никогда не говорит о Кубе и ГДР или о своих родителях. У нее нет гражданства, думает крестьянский сын, она человек без родины.

В его глазах она человек, который выступает против страданий и несправедливости вплоть до самопожертвования, как и он сам. «Всю свою жизнь я посвятила освобождению человечества», — написала она на первой странице своего нового дневника, остальные страницы которого из-за сплошных боев остались пустыми.

Чтобы с помощью оружия положить конец голоду и нужде, Эусебио присоединился к партизанам. Но чем дольше они бродят по Андам, тем бессмысленнее представляется ему происходящее. После одного из боев он вместе со своим ровесником Чинголо попадает в плен. Целыми днями его пытаются, охранники стреляют в него, одна пуля пробила ему плечо.

Четыре года он просидел в тюрьме. А потом снова начал борьбу против голода и нужды, на этот раз как крестьянский вождь. Удержать его может только смерть, говорит ныне этот человек, отец семерых детей.

Он все еще клянется, что не крал никаких банок с молоком, не был дезертиром и не предавал Таню и других геррильерос. Это Чинголо привел солдат к пещерам, в которых хранилось оружие, медикаменты и продовольствие.

Отрезанные от базы снабжения, в течение че-

тырех месяцев не имеющие связи с Че, геррильерос бродят по горам, как голодные, потерявшие хозяина собаки. Таня тянется за группой, отставая часа на три. Если Пако, молодой коммунист, обращается к ней, уходит от разговора. Она не хочет говорить о себе: «У нас и так хватает проблем».

Другие геррильерос много говорят о ее прошлом, но не касаются будущего. Таня носит с собой стихотворение, которое написала в мае: «Сотрется ли однажды память об имени моем? И ничего я не оставляю земле своей любимой? Быть может, зря мы появились на этот свет?».

Когда они добираются до Рио-Гранде, Хоакин запрещает бойцам мыться в реке. Он опасается, что их может выдать мыльная пена.

Крестьянин, у которого они покупают свинью, предлагает себя в проводники. Он должен в узком месте перевести их через Рио-Гранде. «У меня плохое предчувствие», — говорит Таня, обращаясь к Пако, когда они стоят на берегу быстрого потока.

Один за другим бойцы входят в воду, держа винтовки над головой. Крестьянин на прощание машет им рукой. Это сигнал для солдат, которые залегли в кустах вокруг брода. Только Пако уходит от засады, в мгновение ока бросившись в стремнину.

Шесть дней спустя в низовье реки находят рюкзак. Солдат Хосе Саласар Вильярозль хочет вытащить его из воды и замечает, что он надет на труп. На груди у женщины болтается фотокамера.

3 ноября 1967 года в газете «Нойес Дойчланд»

в ГДР появляется извещение о смерти, в котором говорится, что 31 августа на Рио-Гранде пала «храбрая дочь, сестра, тетка, племянница и свояченица товарищ Тамара Бунке». «Штази» приходит в движение, обращается к родителям, чтобы просмотреть имеющиеся у них документы. Только когда выясняется, что извещение о смерти одобрено Эрихом Хонеккером, аппарат успокаивается.

Полгода спустя «штази» снова на ногах. По всему миру разносится сообщение, что Тамара Бунке по заданию «штази» и КГБ шпионила за революционером-подпольщиком Че Геварой. Перебежчик из «штази» Гюнтер Меннель утверждает: «Я сам направил Тамару Бунке следить за Геварой».

«Мы не заинтересованы в опровержении», — письменно приказал один из руководителей министерства госбезопасности, Маркус Вольф, своим людям. Он распорядился прислать ему тонкую папку с делом Бунке, вспоминает Вольф сегодня, и нашел в ней лишь указания на ее непорочные связи со «штази».

В подчиненном Вольфу главном разведывательном управлении Меннель отвечал за латиноамериканское направление и еще в 1961 году перешел на запад после того, как дважды получил дисциплинарные взыскания за пьянство и сексуальное принуждение. Он действительно знал Тамару Бунке, говорил с ней о том, что из Аргентины она должна прислать сообщения для «штази».

Меннель сбежал за несколько недель до того, как она на свой страх и риск улетела на Кубу

и прервала контакты со «штази». Впоследствии он получил документы на другое имя и занимался шпионажем для федеральной разведывательной службы в ЦРУ и Южной Америке.

ЦРУ распространило легенду не только о том, что Тамара являлась двойным агентом, но и о том, что женщина, которая должна была следить за Че, от него забеременела: в ее теле был якобы найден трехмесячный зародыш.

Солдат и санитар Саласар Вильяроэль, который вытащил покойную из Рио-Гранде и сразу обследовал, наткнулся, однако, на использованную гигиеническую прокладку. Он велел сжечь ее нижнее белье, чтобы никто из солдат не мог хвастаться трофеем в виде дамских трусиков.

Футляр с компасом партизанки Силасар Вильяроэль взял себе. Три отснятые фотопленки получил его полковник. Бутылочки для тайнописи солдаты разобрали на сувениры. Ее камера, паспорта, книжка с шифрами и все, что еще нашлось в рюкзаке, было торжественно передано боливийскому президенту. Тот нацепил кольт 348-го калибра, который ему подарил Джон Кеннеди, и на вертолете отправился к мертвому телу.

Между остатками Таниных вещей в водонепроницаемой упаковке лежало неоконченное письмо к матери: «Я не знаю, что из меня получится. Вероятно, ничего. Я пытаюсь вспомнить, как это бывает, когда у тебя есть смелость. Я ничто. Я больше даже не женщина, не девушка, а только ребенок».

Многие девочки, которые появились на свет в Валье-Гранде после ее смерти, получили имя «Таня».

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧИЛИ И УБИЙСТВО ЛЕТЕЛЬЕРА

Впервые о вмешательстве ЦРУ в президентские выборы в Чили 1970 года открыто заговорили в 1972 году 21 и 22 марта в газете «Вашингтон пост» были опубликованы две разоблачительные статьи американского журналиста Дж. Андерсона. В них говорилось, что, согласно секретным документам Интернэшнл телефон энд телеграф (ИТТ), эта корпорация в 1970 году неоднократно оказывала помощь ЦРУ в том, чтобы не допустить прихода к власти левых сил. ИТТ поддерживала постоянные контакты с должностными лицами ЦРУ, чтобы объединенными усилиями вызвать экономический хаос в Чили и тем самым способствовать перевороту. Руководство ИТТ изъявило готовность финансировать сам переворот и предложило администрации Никсона миллионные суммы. Обвинения, выдвинутые Андерсоном против ИТТ в связи с ее вмешательством в дела другого государства и давлением на правительство США, были подкреплены вескими доказательствами. Секретные документы ИТТ — телеграммы, памятные записки общим объемом 80 страниц, которые американский журналист вскоре предал огласке, — раскрывали тайное из тайн корпорации: факт вступления руководящих деятелей ИТТ в сговор с ЦРУ с целью повлиять на исход выборов в иностранном государстве. Документы выглядели тем более убедительно, что в них шла речь об активной роли в этом сговоре Дж. Маккоуна, бывшего директора ЦРУ, ныне одного из директоров ИТТ.

В конце августа 1973 года, т. е. в канун переворота в Чили, пресса затеяла шум вокруг новой сенсации: появилась рукопись книги «ЦРУ и культ разведки», написанная бывшими американскими разведчиками В. Маркетти и Дж. Марксом, в которой содержались доказательства участия ЦРУ в подготовке заговора против правительства Народного единства. Год спустя некоторые данные об участии ЦРУ в перевороте в Чили разгласил член палаты представителей М. Харрингтон, демократ от штата Массачусетс. В начале сентября 1974 года редакции газет «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» получили из неназванных источников текст его конфиденциального письма, в котором с возмущением сообщалось о подрывной деятельности ЦРУ в Чили, на которую было истрачено 11 млн. долларов, а также указывалось на многочисленные действия США, представлявшие собой вмешательство в дела другой страны и предпринятые без предварительной консультации даже с комиссией конгресса, призванной контролировать подобные действия. Далее в изложении Харрингтона следовал схематичный перечень тайных операций, направленных против правительства С. Альенде, о которых стало известно из показаний директора ЦРУ У. Колби на совершенно секретных слушаниях в комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил США.

Разглашенные Харрингтоном факты участия США в акциях, направленных на экономический и политический подрыв законного правительства Чили, вызвали острые дебаты. Между тем администрация Никсона, несмотря на по-

вторные запросы сенаторов, все начисто отрицала. «Вся администрация, сверху донизу, твердила, что мы непричастны к этим событиям, — писал Харрингтон. — Но вот 40 страниц черным по белому... со всеми подробностями, показывающие, что мы были вовлечены в эти события по самые уши.»

Сенат вынужден был заняться изучением показаний, данных в период чилийских событий под присягой должностными лицами.

Итогом 15-месячного расследования явился доклад специальной сенатской комиссии конгресса США, которая, анализируя лишь прошлую деятельность ЦРУ, официально подтвердила то, что уже было известно: этот орган с ведома и одобрения администрации и лично президентов США на протяжении многих лет широко прибегал к проведению тайных операций по вмешательству во внутренние дела других стран, поддерживая на выборах тех или иных кандидатов или партии, провоцируя военные перевороты. Более того, военные перевороты, как зафиксировала сенатская комиссия, превратились в 60-е годы «в доминирующий вид тайной деятельности ЦРУ и по масштабам связанных с ними расходов превзошли психологические и политические акции». В рамках этой политики вмешательства, «не принимавшей в расчет никакие соображения морального порядка», осуществлялся, в частности, и план свержения законно избранного народного правительства Сальвадора Альенде, означавший посягательство на политическую независимость и суверенитет Чили.

Итак, 11 сентября 1973 года чилийская воен-

щина, поощряемая из-за рубежа империалистическими кругами, совершила злодейское преступление — убила законного президента страны, свергла правительство Народного единства и, захватив власть, установила режим фашистского типа. Во главе государства и правительства стала так называемая хунта, состоящая из представителей трех видов вооруженных сил и корпуса карабинеров. Председатель хунты генерал А. Пиночет Угарте ее указом был объявлен президентом республики. В его руках — исполнительная власть, а в руках хунты — законодательная. В правительстве ключевые посты заняли военные. Национальный конгресс и палата депутатов были распущены. Таким образом, военный переворот, при совершении которого интересы чилийской буржуазии совпали с интересами крупных североамериканских монополий, не только уничтожил конституционное правительство страны, но и покончил с самой конституцией, на которой основывалась буржуазная демократия в Чили.

Сразу же после переворота хунта создала по образцу и подобию гитлеровского гестапо свою тайную полицию — Национальное разведывательное управление (ДИНА). Этот репрессивный орган был наделен безраздельной властью — правом арестовывать людей, бросать их в тюрьмы, пытать, а если нужно, и уничтожать. Он действовал только по личным приказам Пиночета и был подотчетен лишь одному ему. ДИНА пользовалась неограниченными правительственными ассигнованиями и поэтому располагала совершенными средствами.

Главные представительства ДИНА в Европе находились в Мадриде и Женеве. Хунта, несмотря на слабые связи Чили с Испанией по военной линии, постоянно держала в своем посольстве в Мадриде более десяти военных атташе и их помощников. Столько никогда не имело даже посольство США. Под личиной военных атташе в действительности скрывались исполнители выработанного Пиночетом и его приспешниками чудовищного плана международного масштаба, направленного на физическое уничтожение их политических противников.

Европейское отделение пиночетовской охраны возглавлял генерал Педро Эвинг Одер, обосновавшийся в Мадриде. В результате публикации в западной прессе разоблачительных материалов о преступлениях ДИНА за границей он стал слишком одиозной фигурой, и его пришлось отозвать; штаб-квартиру перенесли в Брюссель. Служащие ДИНА, прикрываясь дипломатическими паспортами, вели надзор и слежку за чилийскими демократами, нашедшими убежище в странах Западной Европы и Латинской Америки, похищали и даже убивали их.

Убийство Летельера дорого обошлось чилийскому режиму. Юджин Проппер — один из ведущих сотрудников юридических служб США, взявшийся за ведение дела, размотал такой клубок заговора, что потряс даже выдавших виды американских обывателей. Нити заговора вели непосредственно в резиденцию президента. И генералу-диктатору пришлось клятвенно заверять своих возмущенных североамериканских покровителей в полной непричастности к убий-

ству. Не столь высокие участники заговора не смогли отделаться подобными заверениями: некоторые из них все же были привлечены к ответственности, а Майка Таули — технического руководителя чилийских секретных служб, выходца из США, сына главы филиала компании «Форд» в Сантьяго, прокурор Проппер вытребовал в Вашингтон, где Майк, заключенный под стражу, дал ценнейшие показания, проливающие свет на многие темные дела «тайной полиции» Чили.

Возник международный скандал, Пиночет предпринял решительный шаг — ДИНА была расформирована (правда, тотчас же возник ее близнец — Национальный информационный центр), но компрометация режима не прошла даром для чилийского диктатора. Впрочем, он тоже приложил руку, чтобы Проппер поплатился за свое служебное рвение. Здесь список приемов был обычный — распространение ложных компрометирующих слухов, шантаж, намеки на политическую неблагонадежность... Ю. Проппер оставил службу, но на досуге совместно с Т. Бранчем написал книгу «Лабиринт», ставшую серьезным обвинением политики хунты. Главы из книги мы предлагаем вниманию читателей.

Похоже на бомбу

...Агент Чарлз Кукмович, сидевший за рулем патрульного автомобиля Службы охраны должностных лиц (СОДЛ), поворачивал в момент взрыва с Р-стрит на Шеридан-серкл.

— Похоже на бомбу, — изумленно произнес напарник Кукмовича.

Затем оба увидели клубы дыма, поднимающиеся над голубой машиной в дальнем конце Шеридан-серкл. Под визг тормозов Кукмович остановил патрульный автомобиль позади искореженной дымящейся машины — остановил поперек дороги, намеренно блокируя две полосы движения.

Переднюю левую дверь голубой машины Кукмович открыть не смог: ее заклинило взрывом. Он на ощупь — весь салон был заполнен дымом — дотянулся до раненого водителя и попробовал приподнять его с пола автомобиля, но тот оказался намертво зажат между сиденьем и рулевой колонкой.

— Совсем плох! — крикнул он своему напарнику. — Его не вытащишь!

В этот момент до Кукмовича откуда-то снизу донесся булькающий звук. По бензобаку плясали огненные язычки. Он бросился к патрульному автомобилю и рванул огнетушитель. На мгновение заколебался, оценивая вероятность взрыва бензиновых паров, но все же помчался обратно и ударил пенной струей по горящему баку. К этому времени — кто пешком, кто на патрульных машинах — на место происшествия прибыли еще с десятков агентов СОДЛ, но пока Кукмовичу не удалось сбить пламя, все держались на почтительном расстоянии.

И только коренастый рыжеволосый мужчина в штатском, казалось, не замечал опасности. Он появился из-за изуродованного автомобиля и бросился к окошку водителя. Его лицо было

в копоти, сорочка свисала рваными лохмотьями, опаленные волосы завились в курчавые колечки. Он тоже попытался вытащить водителя из автомобиля, напрягая мышцы изо всех сил — насколько мог в состоянии очевидного шока. Убедившись в тщетности своих усилий, парень вскинул голову к небесам.

— Убийцы! — гневно вскричал он. — Фашисты!

Женщина-пассажирка лежала на газоне перед посольством Румынии, куда ей удалось доползти, выбравшись из взорвавшегося автомобиля.

Дана Питерсон, анестезиолог, случайно оказавшаяся у места взрыва, откинула голову раненой, открыла ей рот и извлекла сгустки крови. Каждый хриплый булькающий вдох давался ей с невероятным трудом. Дана все еще пыталась очистить дыхательные пути раненой, когда чьи-то сильные руки клещами вцепились в ее плечи и начали трясти из стороны в сторону. Питерсон оглянулась вне себя от ярости.

— Спасите ее! — кричал парень с опаленными волосами.

— Я врач, — ответила Питерсон. Один только взгляд на лицо мужчины подсказал ей, что перед ней еще одна жертва взрыва, находящаяся в состоянии тяжелого эмоционального шока.

Вмешался один из подоспевших агентов и оттащил рыжеволосого парня.

Петерсон тут же повернулась к раненой женщине, чье дыхание слабело с каждой секундой. Дана наспех осмотрела ее, пытаясь обнаружить причину кровотечения. Она увидела множество синяков и ссадин на лице, в том числе длинную рану, рассекавшую нижнюю губу. Ноги женщи-

ны также были покрыты царапинами и ссадинами, но никаких ран, могущих вызвать столь обильное кровотечение, Питерсон найти не удалось. И тут она увидела крохотные дырочки по обе стороны горла раненой...

Подроспел Кукмович с кислородным аппаратом. Питерсон начала наружный массаж сердечной мышцы, ритмично надавливая на грудную клетку раненой.

Уолтер Джонсон обогнал всех других следователей.

В окне изуродованного взрывом голубого автомобиля, чуть выше линии двери, он увидел руки, а заглянув вниз — остановившиеся глаза мужчины средних лет, который, словно рыба, беззвучно открывал и закрывал рот, глотая воздух. Вскинутые высоко вверх руки водителя непрерывно двигались — будто он пытался ошупью ухватить что-то все время ускользавшее от него. Половина тела мужчины, казалось, была затиснута под машину — его голова, вывернутая под противоестественным углом, лицом к левому заднему колесу, едва возвышалась над сиденьем.

— Потерпите, — попросил его следователь.

Дверь заклинило намертво. Джонсон прикидывал, как бы вытащить водителя, но мешала рулевая колонка. Пол у машины исчез.

Джонсон заглянул под автомобиль. И его худшие опасения подтвердились. Ноги водителя не были согнуты или сломаны: их по колено оторвало взрывом.

Скип Бингхэм прибыл на Шеридан-серкл сразу за спецмашиной № 1 и поставил свою «скорую» перед посольством Турции.

*«Чилийские фашисты?
Откуда вы знаете?»*

Следователь Джонсон в это время старался утихомирить мужчину с опаленными волосами.

— Скажите же, что произошло? — спрашивал он.

— Они подложили бомбу в машину!

— Кто «они»? Кто подложил бомбу?

— Чилийские фашисты! Подонки!

— Какие еще чилийские фашисты? Откуда вы знаете? — Джонсон достал блокнот и авто-ручку. — Рассказывайте.

Но тут мужчина увидел носилки. Он оттолкнул Джонсона и бросился к ним.

Носилки с пациенткой вдвинули в машину. Питерсон села рядом.

К тому времени, когда «скорая» умчалась прочь, пожарным удалось с помощью лома открыть дверь голубой машины и сорвать рулевое колесо. Агент СОДЛ прижимал принесенную врачом «скорой» Каталано кислородную маску к лицу водителя, а сам Каталано лежал под машиной, ощупывая страшные раны на ногах мужчины и пытаюсь зажимами приостановить обильное кровотечение. Водитель больше не дышал. Пульс остановился. Перекачивать сердцу было нечего: менее чем за десять минут он истек кровью.

Кукмович решил, что мужчина с опаленными волосами окончательно потерял голову. Не дай бог, если у него сотрясение мозга или внутреннее кровотечение. Чарлз поспешил усадить его в свой патрульный автомобиль и повез в больни-

цу: по пути туда у мужчины приступы рыданий и бессвязной брани сменялись жутким спокойствием.

Следователь Джонсон едва пробился сквозь толпу полицейских и больничного персонала, запрудившую все проходы в приемном покое больницы Университета Джорджа Вашингтона. Нужного ему человека Джонсон нашел в небольшой перевязочной: облаченный в зеленое больничное одеяние, тот лежал на операционном столе. Над ним хлопотали врачи и сестры: они уже извлекли из грудной клетки небольшой осколок и сейчас обрабатывали множественные порезы и ссадины на лице. Дожидаясь, пока медики закончат работу, следователь заглянул в регистрационные карты. На одной из них значилось: Майкл Моффит. Год рождения 1951-й, 29 июля. На другой, заведенной на раненую женщину: Ронни Карпен Моффит. Год рождения 1951-й, 10 января. Обоим было только по 25 лет.

Наконец Джонсон смог возобновить опрос свидетеля. Место работы? Что именно Моффит помнит о взрыве? Назовите имена чилийских фашистов. Следователю приходилось чуть ли не кричать Моффиту в ухо, чтобы удержать его внимание: тот то начинал говорить, то надолго умолкал. Моффит бессвязно бормотал о каких-то военных переворотах и политических убийствах, о битвах между «ястребами» и «голубями». Джонсон едва успевал строчить в блокноте, записывая все подряд. Раненый терял силы на глазах. То он требовал позвать своих друзей. То проклинал убийц. Но главным образом спрашивал, что с его женой. Джонсон старался не

позволить Моффиту отвлекаться, сначала с вежливой настойчивостью, потом просто грубо. Он был полон решимости выжать из свидетеля все сведения сейчас, пока случившееся еще свежо в памяти, особенно о тех самых важных минутах перед взрывом и сразу после него.

И единственное, что ему оставалось, — продолжать истязать вопросами и без того мучающегося раненого.

Бингхэм вышел на улицу. После 45 минут непрерывного массажа грудной клетки раненой нестерпимо ломило руки. Он пробрался сквозь толпу к знакомому репортеру.

— Слушай, что происходит? Кого это мы привезли?

— Какой-то Летельер, — ответил тот. — Посол из Чили то ли еще откуда-то.

Через несколько минут после Бингхэма из операционной вышел один из врачей. Нарочито медленно пересек вестибюль больницы, собираясь с духом...

— Ваша жена умерла, — сказал он Майклу Моффиту вдруг осипшим голосом, и следователь Джонсон понял, что допросу пришел конец.

*«Взрыв так взрыв.
Мне нужен результат»*

— Летите сегодня! — приказывает Эспиноса (заместитель начальника пиночетовской тайной полиции — ДИНА, ныне Национальный информационный центр). — Завтра в аэропорту Кеннеди встретитесь с лейтенантом Фернандесом,

который возвращается в Чили. Он передаст вам оперативные разведданные.

— Слушаюсь, полковник, — по-военному отвечает Таунли.

Они с Эспиносой сидят в автомобиле, притаившемся на окраине Сантьяго. Хотя Эспиноса и Таунли дружат семьями, постоянно видятся в штаб-квартире ДИНА, полковник, когда речь идет о серьезных делах, предпочитает такие вот конспиративные встречи.

— Вам придется разъяснить кубинцам... задание до мельчайших деталей. Они должны справиться сами: не нужно, чтобы вы оставались в Штатах, когда это произойдет. Кстати, хорошо бы все обставить как уличное происшествие: нападение грабителей, несчастный случай. Что-нибудь не очень шумное, не вызывающее подозрений.

— А вдруг не удастся? Взрывчатку вы запрещаете?

— Нет, не запрещаю. — На губах Эспиносы мелькает тень улыбки. — Взрыв так взрыв. Мне нужен результат.

— Слушаюсь, полковник, — повторяет Таунли.

Через несколько минут он пересаживается в свой автомобиль. Примчавшись домой, на бегу распоряжается, чтобы жена собрала чемодан: он летит в Нью-Йорк.

Курьер привозит из центра документации ДИНА новый паспорт и удостоверение личности на имя Ханса Петерсена. И докладывает, что изготовить кредитные карточки и водительское удостоверение не успели. Вне себя от бешенства, Таунли набрасывается на ни в чем не повин-

ного посыльного: а как прикажете арендовать автомобиль? И хотя Таунли отчаянно боится «наследить», выбора у него нет — приходится ехать в местный автоклуб самому, там у него полно приятелей. На получение международного водительского удостоверения у «Ханса Петерсена» уходит чуть больше часа.

В бюро путешествий за билетом на самолет он отправляется опять же самолично. Клерки, которые знают его как Андреса Уилсона и Кеннета Иньярта, с трудом прячут ухмылки: теперь уже Петерсен?

Из будки платного телефона в деловом центре Сантьяго Таунли звонит в представительство чилийской авиакомпании ЛАН в Нью-Йорке. Он извещает своего приятеля Фернандо Кручагу, что прибывает завтра утром. Таунли также поручает Кручаге сообщить о его прибытии Вирхилио Пасу...

Вернувшись домой, он укладывает в чемодан вырезанные из газет фотографии Орландо Летельера. Наспех перекусывает и прощается с женой и детьми. Через двенадцать часов в Нью-Йорке Таунли, прилагая немало усилий, чтобы казаться спокойным, протягивает свой служебный чилийский паспорт инспектору службы иммиграции.

Добравшись до помещения представительства ЛАН, Таунли наконец чувствует себя в относительной безопасности. После обеда листает каталог радиотоваров в кабинете Кручаги; сняв трубку зазвонившего телефона, он расплывается в улыбке: внизу спрашивают Андреса Уилсона. Таунли спускается и видит лейтенанта Фернандеса в компании двух женщин. Лейтенант изо

всех сил выдает себя за досужего туриста, из его сумки торчат теннисные ракетки. Одна из женщин оказывается его сестрой; вторая — агент ДИНА по имени Лилиана Уокер. Фернандес представляет Таунли дамам как Андреса Уилсона, и через несколько минут под каким-то предлогом мужчины покидают их и уединяются в пустующем кабинете представительства ЛАН.

Фернандес передает Таунли самодельную карту Вашингтона и несколько исписанных от руки листков:

— Его адрес. Номер его машины. Живут они с женой к северу от города, в Мэриленде. Вот, на карте помечено. Этим путем, всегда по одному и тому же маршруту ездит на работу. Машину оставляет вот здесь, в переулочке.

— В переулочке? — заинтересованно переспрашивает Таунли. — Отличное местечко, лучше не придумаешь. Ни одного, считай, фонаря, а он иногда уходит с работы затемно. Можно, конечно, попробовать как-нибудь вечером, когда он возвращается домой, но это будет много труднее. Дом его в тупике.

— А что, Лилиане не удалось втереться к Летельерам? — осторожно любопытствует Таунли (среди агентов не принято интересоваться заданиями друг друга — в ДИНА следят за этим строго).

— То есть даже на милую! — взрывается Фернандес. — Дурища этакая, хлебнешь с ней горя...

Фернандо Кручага ручается за кредитоспособность Ханса Петерсена в конторе «Авис», и вскоре Таунли гонит взятую напрокат машину

в направлении Нью-Джерси. В Манхэттене он около получаса кружит по торговым рядам, прибегая к небезопасным маневрам, специально разработанным для обнаружения слежки. Убедившись, что «хвоста» за ним нет, Таунли тем не менее повторяет на всякий случай весь набор приемов и в Нью-Джерси.

Вирхилио Пас сердечно обнимает его у себя дома и переходит к делу.

— Что у тебя?

— Есть задание. Свяжи меня с Гильермо, и поскорее.

— Работать в Европе? — спрашивает Пас.

— Нет, — Таунли переводит дыхание. — В Вашингтоне.

Пас не отрываясь пристально смотрит в свой стакан, лишь чуть дрогнула бровь — единственное движение, которым он позволил себе выдать, что дерзость идеи произвела впечатление.

— Кто?

— Один из министров кабинета Альенде, — говорит Таунли. — Некто Летельер.

— А, слышал, — кивает Пас. — Ладно, с Гильермо я договорюсь.

Больше в этот вечер Пас о деле не упоминает... Они едут обедать в «Дно бочонка». За их столик то и дело подсаживаются многочисленные приятели Паса. Многие подходят специально поприветствовать Андреса Уилсона.

Пока за шумными разговорами тянется вечер, Таунли раздумывает над планом прикрытия операции. Он предполагает задержаться в Нью-Йорке на два-три дня, уломать кубинцев взяться за выполнение задания и сразу же махнуть

в Сантьяго через Майами. Нет, не сразу, тут же решает он, надо будет по-быстрому навестить сестру — вот вам и предлог для приезда в Соединенные Штаты. Около одиннадцати часов вечера он идет к телефону в вестибюле бара, заказывает разговор с сестрой за ее счет.

Вирхилио Пас трогает Таунли за локоть. Тот извиняется перед сестрой и предупреждает, что перезвонит попозже. Когда он вешает трубку, Пас хлопает его по спине и представляет рослому кряжистому парню по имени Алвин Росс.

— А мы вроде уже как-то говорили по телефону, — вспоминает Таунли.

— Точно! — растроганно басит Росс. — Рад встрече!

Через полчаса Таунли снова звонит сестре и, как может, объясняет свое стремление непременно ее увидеть.

На следующий день Таунли и Пас сидят в ресторане, где к ним присоединяются кубинцы Гильермо Ново и Дионисио Суарес. Таунли живо вспоминает, как девятнадцать месяцев назад здесь же впервые встретился с лидером «Кубинского националистического движения». Как и тогда, Ново выслушивает предложение Таунли весьма скептически. А в конце сообщает, что не вправе принимать важные решения самостоятельно. Таунли придется изложить свое дело исполнительному комитету КНД в полном составе.

После того как они покидают ресторан, Таунли звонит жене в Сантьяго. Он просит ее передать «конторе»: вышел на связь с кубинцами и надеется, что сумеет с ними поладить.

В три часа дня Орландо Летельер и его жена

Исабель прилетают в Нью-Йорк и снимают номер в отеле «Алгонкуин». Вскоре у них собираются друзья, они обсуждают предстоящий митинг, который будет проведен в связи с третьей годовщиной военного мятежа в Чили.

На митинге Летельер говорит: «Сегодня Пиночет подписал указ, где сказано, что я лишен гражданства. Это очень важный день в моей жизни: фашистские генералы заставили меня более чем когда бы то ни было почувствовать себя чилийцем... Я рожден чилийцем, я чилиец и чилийцем умру. Они рождены предателями, живут предателями, и их навсегда запомнят как фашистских предателей.

«У нас дел невпоровот»

Сидя на кровати в своем номере мотеля «Шато Ренессанс», Таунли набирает полную грудь воздуха и приступает к сути дела: — Я прошу вас ликвидировать этого субъекта, представляющего угрозу для Чили. Мне приказано заручиться вашей помощью и выехать из страны сразу, как только вы дадите согласие взяться за это задание. Наша служба уже провела оперативную разведку. Нам известны его привычки. Мы знаем, где он живёт и каким маршрутом ездит на работу. Машину он ставит в темном переулке. Как раз там легче всего подстеречь его и бросить. Стал жертвой уличных грабителей — и взятки гладки. У вас, конечно, могут быть и другие соображения. Пожалуйста! Главное — убраться его как можно скорее.

— А чем он сейчас занимается? — спрашивает откуда-то из угла Алвин Росс.

— Насколько известно, — отвечает Таунли, — пытается сколотить правительство в эмиграции...

По команде Ново совещание заканчивается.

— Мы сообщим наше решение, — резюмирует он, пожимает Таунли руку и направляется к двери.

Спать Таунли не может. Рано утром ему звонит Пас:

— Сейчас заеду. У нас дел невпроворот.

Таунли поспешно натягивает одежду. Слова Паса он воспринимает как знак того, что кубинцы дали согласие. Но допытываться по дороге к автосалону, где работает Ново, и не пробует: сообщать такие новости — привилегия шефа. Но сегодня Пас на редкость словоохотлив и пробалтывается сам.

Ново переходит улицу и садится на заднее сиденье их автомобиля. Прикидываясь озабоченным бизнесменом, подозрительно озирается по сторонам.

— Ладно, мы беремся, — говорит он Таунли. — Но при одном условии.

— Что еще за условие? — недоумевает Таунли.

— Примешь участие, — заявляет Ново. — Тебе придется самому слетать в Вашингтон. Нам нужны доказательства равноправного сотрудничества. Работать с тобой будет Вирхилио. Приступить сможете через несколько дней, сейчас мы тут кое-чем заняты. Возникнут проблемы — дайте знать, — Ново прощается небрежным кивком головы, выскакивает из машины и спешит прочь.

На улице жарко, а у Таунли внутри все леденеет. Когда машина трогается, он говорит Пасу:

— Если так, придется делать бомбу.

— Что вдруг? — вяло интересуется Пас.

— Я помогу вам его выследить, соберу устройство, но сам, когда вы его взорвете, на том месте, как и приказано, не появлюсь.

В ответ Пас безразлично пожимает плечами.

Несколько следующих дней Таунли в квартире Паса возится с радиодетальями. Время у них есть: КНД занимается другой операцией — диверсией на русском судне «Иван Шепетков», прибывшем в Порт-Элизабет. Таунли звонит в Сантьяго и сообщает о поставленном Ново условии майору Кристофу Вильеке, отвечающему в ДИНА за зарубежные операции. Затем звонит вторично, и Вильеке передает ему, что ДИНА не возражает против изменений в планах.

— Будь что будет! — бодро завершает разговор майор.

Так Таунли узнает, что задача ликвидации Летельера ставится выше всяких соображений безопасности — как его, агента, так и всей «конторы» в целом.

Теперь, прикидывает Таунли, придется лететь в Вашингтон, но долго там оставаться нельзя — надо исчезнуть при первой возможности. Прибыть в американскую столицу чилийцем, тем более чилийцем в официальном качестве, в его случае очень рискованно. Не хочет совершать он эту поездку и как Ханс Петерсон. Поэтому Таунли звонит жене и просит переслать ему с пилотом авиакомпании ЛАН документы на имя Кеннета Иньярта.

Во вторник 14 сентября Таунли получает у Кручаги бумаги Иньярта и оставляет ему на хранение комплект документов Петерсена. Сдаст взятый напрокат автомобиль, арендует другой — на имя Иньярта — и переезжает из «Шато Ренессанс» в мотель «Либерти мотор инн».

В полночь 15 сентября (бомба на русском судне «Иван Шепетков» уже взорвалась, повредив корпус) Таунли и Пас отправляются на машине кубинца в долгое путешествие в Вашингтон. Компоненты своей бомбы они уложили в багажник. Пас усиленно выпячивает грудь, чтобы Таунли заметил спрятанный у него под рубашкой пистолет. В начале поездки Пас держит радиоприемник включенным и, когда диктор объявляет о повреждениях, причиненных «Ивану Шепеткову», раздражается торжествующими воплями. Таунли тоже выкрикивает что-то восторженно-нечленораздельное.

В Вашингтон они прибывают незадолго до рассвета. Таунли заявляет, что выпил много кофе, чтобы не уснуть, и предлагает Пасу поискать дом Летельера. Несмотря на то что у них есть нарисованная Фернадесом карта, на это уходит почти два часа. Летельер живет в тихом тупичке: свет уличных фонарей едва достигает того места, где он оставил свой автомобиль. Таунли рассматривает номерной знак и с удовлетворением убеждается, что Фернадес сказал правду: Летельер, значит, действительно редко загоняет машину в гараж. Они с Пасом решают, что начинать наблюдение прямо у дома Летельера опасно: вокруг не более дюжины особняков, и стоящий на одном месте незнакомый автомобиль

сразу обратит на себя внимание. Под руководством Таунли, сверяющегося с картой Фернандеса, Пас повторяет маршрут, которым Летельер ездит на работу. Выехав на Ривер-роуд, они сворачивают на стоянку у закусочной.

— Прихватим его здесь, — решает Таунли. Он посылает Паса за кофе и сэндвичами, а сам следит за мелькающими мимо машинами. Половина девятого утра. Возвращается Пас. Оба молчат. Им не до пустой болтовни. Они работают.

Начало десятого.

— Вот он! — произносит Таунли.

Они смотрят на приближающийся голубой автомобиль. В нем только водитель.

— Номер его. Поехали, — бросает Таунли. Пас пристраивается в хвост голубой машины. Въезжает в город.

Дорога от дома Летельера до дипломатического анклава, где расположен Институт политических исследований, должна занимать что-то около двадцати минут. По пути мелькает разросшийся парк.

— Удобное местечко, — радуется Таунли. — Обгоняй!

Пасу, однако, это никак не удается. Летельер отрывается от них, повернув налево сразу после въезда на Шеридан-серкл. Пас поворот проскакивает. В следующую улицу свернуть нельзя — одностороннее движение им навстречу. Осыпая бранью Летельера, Пас выбирается наконец к Институту политических исследований. Голубая машина, как и рассказывал Фернандес, стоит в переулке.

18 сентября Летельер возвращается в Ва-

шингтон из однодневной поездки в Нью-Йорк. Это День независимости Чили. После переворота чилийские эмигранты уже третий год отмечают 11 сентября как день траура и политических действий; через неделю по традиции устраиваются празднества.

В эту же субботу утром в Вашингтон прибыл Дионисио Суарес, доставивший последний необходимый для бомбы компонент — армейский детонатор.

Таунли с Суаресом еще раз проезжают маршрутом Летельера. Возвращаясь в мотель, останавливаются у магазина: Таунли нужны паяльник и дрель. После ужина Суарес ненадолго заходит к себе в мотель, но вскоре уже стучит в номер Паса и Таунли. Пас приоткрывает дверь, втаскивает Суареса в узкую щель и щелкает замком. Таунли уже разложил на гостиничном комодe инструменты и отдельные части бомбы, для изготовления которой он купил три жестяные коробки разных размеров.

Часа два Таунли, бормоча себе под нос, собирает «адскую машину». Пас внимательно наблюдает за всеми его действиями, то и дело задает вопросы, а Суарес валяется на кровати.

Одиннадцать часов вечера. Таунли собирает мусор, спускает его в унитаз, споласкивает руки. Садится за телефон и обзванивает автостанции и вокзалы. Он хочет сейчас же уехать в Нью-Йорк, чтобы быть как можно дальше от Вашингтона, когда Суарес с Пасом будут завершать начатое им дело. Однако обнаруживается, что служба наземного транспорта уже закрылась на ночь. Таунли названивает в авиакомпанию. С тем

же результатом. Он застрял в Вашингтоне до утра.

— Все равно ведь рядом с этой штукой не уснем. Поехали поставим ее на место, а? — внезапно предлагает Суарес. — Андрес, ты с нами?

— Я с вами, — Таунли старается, чтобы его голос звучал твердо. — Делать мне сейчас нечего.

Они прячут передатчик, декодер и антенну в машину Суареса, а бомбу Таунли укладывает в багажник «вольво» Паса.

— Я за рулем, — с жизнерадостным смешком объясняет Пас. — Кто желает на заднем сиденье?

— Я. Она не взорвется, — вызывается добровольцем Таунли. По дороге к дому Летельера они ни о чем, кроме бомбы, разговаривать не могут. Таунли принимается было объяснять Пасу и Суаресу, как надо устанавливать устройство, но Пас перебивает его:

— Да брось ты, Андрес.

Таунли умолкает, он чувствует что-то неладное.

— Бомбу поставишь ты, дружище, — ровным голосом говорит Пас, — пусть на этот раз Чили и наше движение будут по-настоящему вместе. Ты поставишь бомбу, а мы ее взорвем. Вот это будет по-честному.

Наступает долгая пауза. Таунли понимает — его перехитрили.

Вскоре они оказываются на Огден-корт, где живет Летельер.

— А вон и его машина, — указывает Суарес.

Ни одно окно в доме не светится.

Таунли прячет бомбу под свитер, она зябко холодит живот.

— Ждите меня на холме, — говорит он...

По дороге он никого не встречает и спешит юркнуть в узкий проезд, где стоит голубой автомобиль Летельера.

Таунли бросается на землю рядом с дверцей водителя, оглядывается и с облегчением отмечает, что автомобиль, толстый ствол дерева и ночная темнота почти полностью скрывают его от посторонних глаз. Он кладет бомбу возле себя, несколько секунд отдыхает, пытается унять дыхание, хриплыми толчками рвущее ему горло. И все же воздуха ему не хватает. Таунли переворачивается на спину и распластывается вдоль колеса. Достает крошечный карманный фонарик. Пытается протиснуть левое плечо под днище кузова...

Стон разочарования сдержать Таунли не может: свободного пространства остается меньше трех дюймов. Он с трудом справляется с очередным приступом паники. Протискивает голову под днище машины и пропускает между обхватившими фонарик пальцами лучики света. Это позволяет ему разглядеть место, куда надо приспособить бомбу.

И тут он слышит шум приближающегося автомобиля. Таунли прижимается к земле и пытается застыть, но грудь так и ходит ходуном. Хочет бежать — из своего укрытия он видит, что это полицейская машина, — но страх пригвоздил его к асфальту. Таунли вслушивается, как автомобиль медленно спускается к подножию холма, проезжает мимо него по Огден-корт... Обыкновенно...

венный патруль, мысленно повторяет и повторяет он, но еще долго не может прийти в себя. Потом лихорадочно начинает прикручивать бомбу черной изоляционной лентой к раме машины прямо под сиденьем водителя. Его беспокоит, что стекающий по ладоням пот может ослабить прочность крепления. Теперь остается только одно: предохранитель. Он набирает полную грудь воздуха и щелкает рычажком.

Через несколько секунд Таунли, еле переставляя ноги, бредет по улице. Забирается в «вольво» и внезапно ощущает небывалый прилив энергии. Он свое дело сделал!

В мотеле Пас моментально засыпает, а к Таунли сон не идет. На рассвете он из будки платного телефона на Нью-Йорк-авеню звонит жене в Сантьяго.

— Передай Гутьерресу, — просит он, — что изделие на месте. В полной готовности.

Пас отвозит его в аэропорт, и первым утренним рейсом Таунли вылетает в Ньюарк, а вечером в Майами, где жили его родители.

Вечером 20 сентября Майкл Моффит и Орландо Летельер — оба искушенные экономисты — решили после обеда поработать над материалом, который они готовили к публикации. Только недавно один из журналов напечатал их статью, свидетельствующую, что экономическая политика Пиночета разорила подавляющее большинство населения Чили и что подобный курс может осуществляться лишь посредством жесточайших репрессий и вооруженной силы.

В гостинной Ронни Моффит, проявлявшая жи-

вой интерес к жизни чилийцев, увлеченно слушала рассказы Исабель Летельер.

В тот день у Моффитов отказал автомобиль, и Летельер предлагает им свою машину.

Моффиты заезжают за ним во вторник около десяти утра. Летельер сбегает по лестнице, подтягивая узел галстука. Целует Исабель и обещает созвониться с ней попозже. Обычное утро...

* * *

— Вот, пожалуй, и все, — говорит Таунли.

— Нет, не все, — вмешивается Проппер. — А кто нажал кнопку?

— Там было две кнопки. Их надо было нажать в заданной последовательности: 0—4.

— Хорошо, кто нажал кнопки? — упорствовал помощник прокурора.

— Я и сам точно не знаю. Думаю, Суарес. В то утро, когда это случилось, я от родителей позвонил Пасу в Нью-Джерси. Так, на всякий случай, меня беспокоило, что ничего не происходит. А ответил, как ни странно, сам Вирхилио. Злой. Вроде я его разбудил. Так что, если Пас был в Нью-Джерси, — значит Суарес. Больше никому. Тот самый, которого вы выпустили дней за пять до того, как привезли меня, — мстительно уточнил Таунли...

Чилийская хунта, как известно, отрицала и продолжает отрицать причастность ДИНА к этой преступной акции. Но в июле 1978 года газета «Нью-Йорк таймс» предала гласности новые факты, неопровержимо свидетельствующие о том, что бывший шеф чилийской тайной

полиции Хуан Мануэль Контрерас Сепульведа лично планировал и руководил операцией по убийству О. Летельера. Контрерас в этом, как и в других случаях преследования видных чилийских общественных деятелей, активно сотрудничал с «коллегами» из военной разведки парагвайского диктаторского режима. По признанию полковника Бенито Буанеса, возглавляющего военную разведку Парагвая, в 1976 году Контрерас позвонил ему, а затем направил закодированную депешу за своей подписью, в которой просил выдать парагвайские паспорта двум чилийским секретным агентам для въезда в США. Паспорта были выданы на имя Х. Росе и А. Хара, под которыми скрывались американец М. Таунли, постоянно проживающий в Чили и являющийся платным агентом ДИНА, а также сотрудник оперативного отдела ДИНА капитан А. Фернандес. С этими фальшивыми документами Таунли и Фернандес неоднократно приезжали в США, где встречались с контрреволюционными кубинскими эмигрантами и обсуждали с ними детали заговора. Оба они действовали под непосредственным контролем Контрераса.

Позже, во время расследования, Таунли вынужден был признать, что в соответствии с планом, разработанным в дебрях ДИНА, он подложил бомбу в машину О. Летельера.

Таким образом, в руках правящей военной хунты ДИНА все эти годы была основным орудием, с помощью которого фашисты расправлялись с лучшими сынами и дочерьми чилийского народа.

Зенькевич Н. Вожди на мушке. — Мн.: Польша, 1996.

Сергеев Ф. Чили: заговор империалистов. — М.: Знание, 1978.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: Гея, 1996.

Т. Бранч, Ю. Поппер. Еще раз об убийстве на Шеридан-Серкл // Новое время. — 1986. — № 6.

Меркадер Л. Мой брат убил Троцкого // Эхо планеты. — 1992. — № 18.

О них говорят (20 политических портретов). — М.: Политиздат, 1989.

Попоров Ю. Убийство Троцкого // Огонек. — 1990. — № 37.

ЧАСТЬ IX

«БЕЛАЯ» СМЕРТЬ

МЕДЕЛЬИНСКИЙ КАРТЕЛЬ

Древние жители Анд, южноамериканские индейцы, жевали лист коки добрых две тысячи лет. Но лишь в конце XIX века европейские химики взялись за обработку коки всерьез и получили первый кокаин. До 1973 года кокаин для немедицинских целей производили в Чили в домашних условиях. Затем его очищали и отправляли в Соединенные Штаты, причем колумбийцы зачастую выступали посредниками в этих операциях. Американский спрос ограничивался горсткой богачей, которым хотелось испробовать чего-нибудь похлеще марихуаны, но избежать побочных эффектов, которыми чреват героин. Благодаря кокаину чилийцы процветали, но рынок был сравнительно мал.

Конец благоденствию положил в сентябре генерал Аугусто Пиночет Угарте, свергнувший президента-марксиста Сальвадора Альенде Госсенса. Полиция Пиночета упекла в тюрьмы и депортировала множество торговцев наркотиками. Чилийский кокаиновый бизнес угас.

И колумбийцы взяли дело в свои руки. Со временем наркосетью завладеют несколько колумбийцев, которые и станут кокаиновыми королями. Их ждут несчетные схватки: с дельцами-соперниками, с полицией и даже с прави-

тельствами, — но живучесть их беспредельна, и они неизменно остаются в числе самых богатых и самых жестоких преступников мира. Вместе эти люди известны как Медельинский картель.

Их было четверо: Пабло Эскобар Гавирия, иначе Эль Падрино, — крестный отец, променявший вполне благополучную карьеру наемного убийцы, угонщика машин и похитителя людей на торговлю кокаином, наживший на нем миллионное состояние; Хорхе Луис Очоа Васкес, иначе Эль Гордо — Толстяк, — представитель низов среднего класса, тихий паренек, мечтавший о лучшей жизни для своей семьи и нашедший ее в кокаине; Карлос Ледер Ривас, иначе Джо Ледер, — смекалистый парень, любивший «Битлз» и замышлявший развернуть крупнейшую в мире сеть для перевозки наркотиков; Хосе Гонсало Родригес Гача, иначе Эль Мехикано — Мексиканец, покупавший на кокаиновые деньги футбольные команды, скаковых лошадей и огромные земельные участки.

К середине восьмидесятых годов эта четверка возьмет под контроль пятьдесят процентов кокаинового рынка США. На них будут работать тысячи людей: крестьяне станут выращивать и перерабатывать коку, летчики — перевозить наркотики, агенты — сбывать товар; толстосумы помогут дать взятку и отмыть деньги; наемные убийцы уберут с дороги врагов. Картель будет зарабатывать два миллиарда в год, не выплачивая при этом никаких налогов. Кокаиновые короли хитры и немногословны, у них — одна цель, и ради нее они готовы на все.

Подобно многим колумбийцам, промышленяющим наркотиками, главари картеля считают своей родиной город Медельин, расположенный в отрогах Анд. Уже в 1979 году американские газеты называли Медельин «кокаиновой Уолл-стрит». Однако большинство американских полицейских, занимавшихся наркотиками, даже не знали, где находится этот самый Медельин. И напрасно. Ибо ключ к кокаиновому бизнесу следовало искать именно там. Они отлично знали контрабандные пути-дорожки и, подобно чилийцам, могли легко наладить контакты с производителями коки в Перу и Боливии. С самого начала колумбийское кокаиновое производство управлялось из треугольника Богота—Медельин—Кали. Причем Медельин сразу возглавил трио. Впрочем, поначалу распознать это было непросто. И колумбийские правоохранительные органы, и агенты американского УБН (Управление по борьбе с наркотиками) сосредоточились на вывозе марихуаны из карибских портов Барранкильи, Санта-Марта и Риоча. К кокаину эта контрабанда отношения не имела.

Истинный размах дела впервые приоткрылся 27 ноября 1975 года, когда полиция захватила небольшой самолет, приземлившийся в аэропорту Кали. В грузовом отсеке было обнаружено шестьсот килограммов кокаина — самая крупная партия наркотиков, изъятая к тому времени в Колумбии. Среди торговцев захват самолета породил цепочку убийств — первую из кокаиновых войн, которые и ныне периодически сотрясают страну. Причины войны были понятны не вполне. Зато результаты оказались яснее ясного.

За два дня — субботу и воскресенье — от руки убийц погибло 10 человек. И все — в Медельине, а вовсе не в Кали. То есть нить от захваченного кокаина неизменно вела в Медельин, именно тут вершилась кокаиновая политика.

БОЛИВИЯ, 1986

Сюжет из американской программы теленовостей. На телеэкране мелькают кадры, рассказывающие о борьбе с наркомафией в Боливии. Влажный сумрак сельвы. Силуэты в пятнистых комбинезонах с оружием наготове короткими перебежками продвигаются в направлении едва различимых в чаще сарайчиков. Сосредоточенные лица, напряженные позы. Через несколько минут операция по захвату тайной лаборатории для производства кокаина благополучно завершается без единого выстрела.

Военизированное рекламное представление развернулось вокруг давно заброшенной лаборатории. Причем накануне рейда американская военная разведка тщательно удостоверилась в том, что силы нападавших не встретят никакого сопротивления. Почему именно американская? Ну хотя бы потому, что журналисты и солдаты — тоже американские.

Под предлогом участия в совместных операциях против наркомафии в район боливийского города Санта-Крус из зоны Панамского канала были переброшены подразделения 193-й пехотной бригады вооруженных сил США — группировки особого назначения, не так давно воткнув-

шей древко своего штандарта в землю «освобожденной» Гренады. Операция «Доменная печь» началась в Боливии с большой помпой. Американцы пригнали гигантский транспортный самолет С-5А, груженный оружием, системами связи, вертолетами, штабной мебелью, «джипами». Но «беспощадная война с наркомафией» в конечном итоге свелась к налетам на заброшенные ею объекты. Лишь по истечении месяца интенсивных маневров на боливийской территории американские солдаты захватили первый трофей в виде небольшого мешка с пятью килограммами кокаина. Да и то, как выяснилось, он провалялся на складе заброшенной тайной лаборатории несколько месяцев.

В сентябре 1986 года известный боливийский ученый-натуралист Ноэль Меркадо организовал небольшую экспедицию в район непролазной сельвы, примыкающий к границе с Бразилией. Вместе со своим испанским коллегой он предполагал заняться изучением довольно специфического животного и растительного мира этих мест.

Для начала ученые вместе с проводником отправились на маленьком самолетике в поисках места для базового лагеря экспедиции. В сплошном ковре проплывавшей под ними сельвы они довольно быстро нашли то, что искали, — проплешину заброшенной посадочной полосы.

После благополучного приземления Меркадо отправил летчика и проводника осмотреть окрестности. Однако не прошло и десяти минут, как они вернулись. Да не одни, а «в сопровождении» пяти вооруженных автоматами людей. Без долгих разговоров участников экспедиции выстрои-

ли у борта самолета и расстреляли. Спасти сумел только испанец. При первых же выстрелах он бросился бежать и успел-таки скрыться в сельве. Убийцы прочесывали лес до ночи, но с наступлением темноты прекратили поиски. Наутро испанского ученого вызволил летчик одного из самолетов, направленных на поиски сгинувшей экспедиции.

Таким образом, власти узнали о трагических событиях менее чем через сутки. И что же? По распоряжению министра внутренних дел Фернандо Бартелеми поиск преступников был поручен американским солдатам и специальным частям боливийской полиции. Армейских «леопардов» на сей раз не пригласили. Но прошел день, два, наступил третий, а американские военные вертолеты, находившиеся в часе лета от места гибели экспедиции, не спешили подниматься в воздух. Остались на земле и самолеты американского Управления по борьбе с распространением наркотиков, агенты которого помогали военнослужащим США симулировать кипучую деятельность в Боливии.

Меж тем над районом трагедии кружилась стайка небольших самолетов, один за другим приземлявшихся на роковой аэродром и что-то с него вывозивших.

На четвертые сутки после гибели Меркадо командующий восьмой американской дивизией генерал Хайро Мореира на свой страх и риск (в нарушение распоряжения министра внутренних дел, согласно которому боливийской армии предписывалось не вмешиваться в поиски) отправил за телами убитых небольшой военный самолет.

Он просто был не в состоянии дольше выносить присутствие родственников убитых, измучивших его своими слезными мольбами. Каково же было удивление экипажа, когда в километре от аэродрома он обнаружил крупный комплекс лабораторий для производства кокаина, по всем признакам только что брошенный преступниками.

Как выяснилось в ходе расследования, проведенного комиссией боливийского парламента, и американское командование, и агенты УН, и местные полицейские чины были прекрасно осведомлены о существовании этого комплекса. Еще за месяц до убийства Меркадо они провели воздушную разведку, в ходе которой окончательно удостоверились в месте расположения объекта наркомафии. Но решили до поры до времени держать язык за зубами, дабы не спеша сосредоточить поблизости американское подразделение, спугнуть преступников, беспрепятственно занять комплекс и с помпой объявить об очередной триумфальной операции янки.

Есть даже точка зрения, что Меркадо сознательно использовали в качестве живца. Затем, прикрываясь всеми правдами и неправдами — в частности, якобы отсутствием необходимого запаса горючего, — выжидали, предоставляя преступникам возможность эвакуировать оборудование лабораторий. Да вот не рассчитали, засились. Образцово-показной штурм опустевшего комплекса сорвался.

В начале 80-х годов в пособничестве наркомафии особо отличился полковник Луис Арсе Гомес, министр внутренних дел Боливии в дикта-

торской хунте генерала Гарсии Месы. Удивляться тут нечему. Полковник сам был натуральным кокаиновым бароном. Помимо вполне официальной и умеренной платы за приобретение права на выращивание коки, Арсе Гомес ввел неофициальный «налог» в размере 40 долларов, взимаемых с каждого тюка подготовленных к продаже листьев. Из них четвертая часть предназначалась лично министру. Взятка вроде бы чисто символическая, но в итоге Арсе Гомес вычерпал таким образом более полутора миллионов долларов. Скромность полковника объяснялась требованиями воинской субординации. Львиная доля «налога» поступала генералу Месе, на паях участвовавшему в операциях наркомафии.

Кровавая диктатура Месы пришла к власти в результате жестокого переворота, окрещенного западной печатью «кокаиновым путчем». Подготовка к нему началась в 1978 году. Руководил ею Клаус Барбье — нацистский военный преступник, находившийся под покровительством Центрального разведывательного управления США. По протекции американских спецслужб он обосновался в Боливии в качестве консультанта местной военной разведки, — то есть в ведомстве Арсе Гомеса, до переворота возглавлявшего разведуправление штаба сухопутных войск, — и развернул бурную деятельность по свержению законно избранного демократического правительства страны. Есть основания утверждать: ЦРУ находилось более чем в курсе готовившегося переворота.

Штабом путчистов стала основанная Барбье

тайная ложа «тулий». Через нее он контролировал значительную часть боливийской военной верхушки. На заседаниях ложи преподавался курс основ теории и практики нацизма, раздавались призывы к «мировой национал-социалистической революции».

Под развернутыми в Боливии знаменами неонацистского «черного интернационала» быстро сформировалась разветвленная сеть штурмовых отрядов по образцу СС. Во главе ее встал матерый итальянский неонацист и террорист Стефано Делле Кьяйе. Причем в штабе путчистов он оказался не волею случая, а по заданию «великого магистра» тайной масонской ложи «П-2» Личо Джелли. Не стоит удивляться его неразборчивости в выборе «братьев». Магистр в годы войны верой и правдой служил Муссолини, а позже активно участвовал в укрывательстве бежавших от возмездия эсэсовцев.

В соответствии с запросами Делле Кьяйе правые террористические группировки в Италии и ФРГ командировали в Боливию лучшие кадры экстремистов. Под вывеской «летнего лингвистического института», прикрывавшего в странах Латинской Америки, включая и Боливию, операции ЦРУ, для иностранных наемников был организован лагерь военно-идеологической подготовки. Сам Делле Кьяйе легализовался в качестве советника специальной службы безопасности и пользовался особым покровительством все того же полковника Арсе Гомеса. «Кокаиновый путч» произошел 17 июля 1980 года. Основное бремя связанных с ним расходов взяла на себя боливийская кокаиновая мафия во главе с Роберто

Суаресом Гомесом — двоюродным братом полковника Арсе Гомеса.

Придя к власти, кокаиновая хунта развернула бурную деятельность. Для наркомафии наступил звездный час, и она спешила выжать этот шанс досуха. Спустя год репортер американской телекомпании «Эн-би-си» в беседе с шефом УБН Бенсингом заметил: «Кажется, производство кокаина в Боливии и его ввоз в США окончательно вышли из-под контроля.» — «Это весьма точная оценка ситуации», — лаконично ответил Бенсинг.

Но, как и следовало ожидать, звездный час оказался быстротечным. Военная хунта и транснациональные корпорации в считанные месяцы выпотрошили боливийскую экономику, и диктатура Месы превратилась в убыточное предприятие. Генерал швырнул обглоданный скелет национальной экономики назад политикам и бежал за границу. Смена власти вновь создала для наркомафии решенные было хунтой проблемы. Гражданское правительство возобновило борьбу с кокаиновыми баронами буквально с первых часов действия своего мандата.

Гражданское правительство Боливии повело решительное наступление на действовавших рука об руку неонацистов и наркомафию. В ответ наркомафия повела решительное наступление на гражданское правительство.

Президент Боливии Эрнан Силес Суасо проснулся в половине шестого утра от ударившего по глазам луча сильного фонаря. За слепящим кругом света угадывались силуэты людей. Окружив президента плотным кольцом, одетые в по-

левую армейскую форму без знаков различия и вооруженные пулеметами похитители вывели его из президентского дворца. Площадь перед зданием погружена в предрассветный полумрак. За некоторое время до того, как отряд из 60 штурмовиков начал операцию по захвату президента, другая ударная группа заговорщиков овладела зданием национальной телефонной компании. Третья прервала энергоснабжение дворца и прилегающих кварталов.

Угрожая главе государства физической расправой, мятежники потребовали немедленной отставки демократического правительства. Они строили расчет прежде всего на благожелательном нейтралитете боливийских вооруженных сил, которые, оставаясь в казармах, не препятствовали бы действиям находившихся в распоряжении заговорщиков штурмовых отрядов профессиональных убийц.

Планы переворота включали молниеносную ликвидацию наиболее влиятельных сторонников Силеса Суасо. В условиях искусственно созданного таким образом политического вакуума государственная власть перешла бы к реакции.

Действия заговорщиков во многом повторяли сценарий «кокаинового путча» 1980 года. А что удивительного? Штабом мятежа осталась ложа «тулий», загнанная в подполье, но до конца не уничтоженная. Ударной силой заговорщиков опять были неонацисты Делле Кьяйе, временно рассредоточившиеся после падения диктатуры, но затем вновь собранные в кулак чьей-то невидимой рукой. Экс-полковник и экс-министр Арсе Гомес рискнул нелегально проникнуть в страну

в качестве «кандидата» в президенты от путчистов. Всю его аферу с очередным заговором опять финансировал из кассы наркомафии уже известный нам богатый родственник.

«Путч похитителей» провалился. Но вскоре после него был раскрыт еще один заговор, потом еще один... В чем же причина упорства кокаиновых баронов? Что заставляет их, не считаясь с расходами, безудержно рваться к власти — и где, в бедной стране, шатающейся на грани финансового краха? Картину существенно проясняют две цифры. Совокупный доход Боливии от внешней торговли ежегодно составляет около 700 миллионов долларов. Для сравнения: экспорт кокаина — притом в условиях преследования преступников властями — приносит за тот же период 6 миллиардов долларов. А если наркомафия получит возможность заниматься своим бизнесом беспрепятственно?..

НИКАРАГУАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В конце 1986 года газета «Эспектадор» — одно из двух основных колумбийских периодических изданий — опубликовала серию сенсационных материалов, вызвавших в стране весьма бурную реакцию.

В номере от 4 декабря газета посвятила целую полосу скандалу, вспыхнувшему в Коста-Рике. Там стало известно, что один из главарей Медельинского картеля Хорхе Луис Очоа предложил 4 миллиона долларов в качестве вознаграждения за убийство посла США в Коста-Рике

Тэмбса. Американский дипломат «провинился» тем, что, непродолжительное время возглавляя посольство в Боготе, якобы успел крепко насолить наркомафии.

Такую версию купили многие латиноамериканские газеты. В досье «Эспектадора», однако, имелись любопытные факты, придавшие ей несколько иное измерение. И уже на следующий день, 5 декабря, колумбийская газета опубликовала крупный материал под рубрикой «Специальное расследование», называвшийся «Империя кокаина, смерти и долларов». В нем поднимался вопрос о так называемом «никарагуанском контракте».

«Эспектадор» получил информацию, согласно которой важный маршрут перевозки кокаина из Колумбии в США проходил через территорию Коста-Рики. А обслуживали его отряды никарагуанских контрабандистов. Командир одного из них подтвердил: за содействие благополучному транзиту 100 килограммов кокаина через коста-риканскую территорию он получал от людей Очоа вознаграждение в размере 50 тысяч долларов. Причем партии шли с завидной регулярностью.

Никарагуанские контрреволюционеры самым непосредственным образом участвовали в заговоре против Тэмбса, но его мотивы далеко не исчерпывались мстительностью наркомафии. Даже сама идея покушения родилась вовсе не в Медельине, а в Вашингтоне. Сценарий заговора, раскрытый в начале 1987 года специальными корреспондентами нью-йоркского журнала «Вилледж войс», якобы сводился в общих чертах к следующему: наркомафия тайно объявляет в преступ-

ном мире охоту на Тэмбса; выполнить контракт подрываются контраст и тем самым получают возможность заработать 4 миллиона долларов.

По предположению американских журналистов, истинная цель заговора состояла в «подкачке» контрреволюционеров, бедствующих без американской помощи. Наркомафия играла роль ширмы, через которую предполагалось протянуть бесстыжую лапу с пачкой долларовых купюр. Такая версия подтверждается американскими секретными документами, которые, по данным «Вилледж войс», предусматривали весьма неординарное использование факта насильственной смерти Тэмбса, намеченной на второй квартал 1986 года. Один из вариантов покушения предполагал его инсценировку в ходе нападения «сандинистских агентов», которое предполагалось использовать в качестве предлога для прямой военной интервенции в Никарагуа.

По признанию входившего в число конспираторов английского наемника Питера Глиббери, автором заговора был сотрудник государственного департамента США Роберт Оуэн, тесно связанный с сотрудником американского Совета национальной безопасности Оливером Нортм.

Напрашивается вопрос — зачем, скажите на милость, сотруднику внешнеполитического ведомства планировать убийство собственного посла? Во-первых, Оуэн был не столько госдеповцем, сколько агентом Норта. Во-вторых, в период, когда оказание помощи контраст на законных основаниях было блокировано конгрессом США, Норт имел четкую задачу — любыми средства-

ми обеспечить непрерывное секретное финансирование их террористической деятельности. В этой «игре» на кону стояли личные амбиции президента Рейгана, и потому ставки в ней были, видимо, куда выше, чем жизнь посла.

Американские журналисты затронули крайне серьезную тему. Предание широкой гласности связей Медельинского картеля с американскими официальными лицами и его содействие ползучей агрессии наемников ЦРУ против Никарагуа могло скрасить реноме и картеля, и официальных лиц, и ЦРУ. В самих США публикацию дальнейших разоблачительных материалов удалось предотвратить. Остановить колумбийскую печать оказалось, как это ни странно, сложнее. Она сконцентрировала внимание на медельинской ветви скандала и, в первую очередь, на фигуре Очоа. Вновь всплыла оставившая незаживающую рану история с судом над кокаиновым бароном.

К осени 1984 года Медельинский картель отчасти вернул себе былую власть и могущество. Пабло Эскобар и Гонсало Родригес Гача спокойно занимались восстановлением сети производителей и сбыточников. Карлос Ледер, который прежде имел дурацкую привычку болтать лишнее и пытался тягаться с картелем в качестве поставщика, сослал себя в Льяное и сидел там тише воды, ниже травы. Но Эскобар и Родригас Гача все же приставили его к делу: надзирать за растущим производством кокаина в джунглях. Ледер был также посредником между картелем и «Движением 19 апреля» (М-19) — левацкой партизанской группой, которую наркодельцы на-

нимали порой для выполнения отдельных заданий. Партизаны служили любому, кто щедро оплачивал наемных убийц. Что же до Хорхе Очоа, то с мая месяца о нем не было ни слуху ни духу. Очоа словно испарился, как только никарагуанское дело получило широкую огласку.

На самом деле приблизительно в июле или в начале августа Очоа эмигрировал в Испанию. И объявился в Мадриде под именем Мойсес Морено Миранда. Путешествовал с женой и производил исключительно респектабельное впечатление.

Вскоре после приезда супруга Очоа начала вносить в местные банки крупные долларовые вклады. В одном из самых фешенебельных предместий Мадрида Очоа купил дом площадью 750 квадратных метров с бассейном, теннисными кортами, складом и дискотекой. В гараже стояли четыре «мерседеса». Своего пятилетнего сына Очоа записал в американскую школу с обучением на двух языках.

В конце августа к Особому прокурору Испании по предотвращению и искоренению наркобизнеса по тайным каналам поступили сведения, что Морено Миранда не тот, за кого себя выдает. Провели расследование и вскоре поняли, что Морено Миранда — контрабандист, который хочет обосноваться в Испании. К 25 сентября полиция выяснила его настоящее имя и подслушала пять телефонных разговоров: Очоа звонил в Колумбию, Лондон, Панаму и Бельгию.

Полиция сообщила об этом резиденту УБН в Мадриде, а он телеграфировал в Вашингтон. Министерство юстиции подготовило запрос о вы-

даче Очоа в связи с никарагуанским делом. Запрос отослали в посольство США в Мадриде, а 17 октября посол передал экземпляр документа в министерство иностранных дел Испании. США требовали ареста Очоа.

Испанские полицейские следили за ним несколько месяцев. Размах его деятельности был пугающе велик. В ноябре стало известно, что Очоа собирается купить более четырех тысяч гектаров угодий на юге Испании. Полиция опасалась, что он использует это ранчо для превращения Испании в международный центр по распространению кокаина.

15 ноября 1984 года испанская полиция арестовала Очоа с женой и заморозила все их банковские счета. Агенты УБН проследили, чтобы сына Очоа забрали из американской школы.

Для администрации Рейгана арест Хорхе Очоа казался подарком судьбы. Не прошло и четырех месяцев с тех пор, как правительство США назвало Очоа и других членов Медельинского картеля преступными партнерами сандинистского правительства Никарагуа. Теперь представлялась отличная возможность заполучить Очоа в Соединенные Штаты для суда.

Испанцы с готовностью пошли им навстречу. Пускай они никогда не сталкивались с международным наркобизнесом, но они устали от всякого рода терроризма и идеологического экстремизма, и связи Очоа с марксистским правительством Никарагуа имели в их глазах понятную политическую окраску. Соединенные Штаты обрисовали испанцам и связь Очоа с Транкландией, которая охранялась партизанами «М-19». Все

это — кокаин, терроризм, марксизм — связывалось для испанцев воедино, в тройной кошмар свободного мира.

В Испании объявили, что Очоа задержан согласно специальным законам по борьбе с террористами; это влекло за собой пересмотр предъявленных обвинений.

Вскоре после ареста и заключения Очоа в тюрьму в Мадриде Соединенные Штаты официально запросили о его выдаче по обвинению в никарагуанском деле. А несколько дней спустя Колумбия попросила выдать Очоа ей — по обвинению в подлоге документа, а именно — лицензии на ввоз быков в Мартахену в 1981 году. Таким образом, Очоа опять обвиняли в контрабанде. Борьба продолжалась.

Поначалу больше шансов получить Очоа было у США. Контрабанда наркотиков посерьезнее, чем контрабанда быков. Да и требование о выдаче США представили раньше Колумбии. Испанское правительство отдавало явное предпочтение США.

Защитникам Очоа предстояло либо свести эти преимущества на нет, либо обойти противника как-то иначе. Не прошло и полгода, как Колумбия вторично потребовала выдачи Очоа. На этот раз запрос пришел из Медельина: «земляки» пожелали осудить его все за ту же никарагуанскую операцию, на основании которой на Очоа уже завели уголовное дело в Майами. На самом деле произошло следующее: закадычный дружок Хорхе Очоа нашел доступ к судебным протоколам, снял фотокопию с никарагуанского обвинения и отправил в медельинский окружной

суд. В результате на одной чаше весов оказался один американский, а на другой — два колумбийских запроса. Очоа обвиняла родина, причем одно из обвинений полностью совпадало с майамским! Кроме того, государственные обвинители серьезно просчитались, свалив в одну кучу терроризм, коммунизм и наркотики. И защита не преминула этим воспользоваться. Многие испанцы считали свою, испанскую, полицию и уж тем более рейгановское УБН ярыми антикоммунистами, которые припишут сандинистам что угодно, даже в наркобизнесе уличат, — лишь бы дискредитировать. И адвокаты Очоа быстро поняли, что политическими симпатиями присяжных можно воспользоваться. Они осудили Рейгана за развязывание грязной войны против Никарагуа и изобразили своего подзащитного пешкой в бесчестной политической игре.

Впрочем, обвинители тоже пускались на различные мелкие хитрости. Однажды страну молнией облетела весть, что друзья Очоа предприняли дерзкую попытку выкрасть его из тюрьмы, втянув на борт вертолета. Еще через пару дней некие «полицейские источники» сообщили Испанскому информационному агентству, что Очоа пытался подкупить полицейских, ведущих расследование. В этой истории Очоа изображался «вице-королем мирового кокаинового бизнеса», вторым человеком после Эскобара.

Дело Очоа слушалось в уголовной палате Национального суда Испании (Audiencia Nacional). Суд изучал представленные материалы почти девять месяцев. Очоа признал себя виновным в незаконном ввозе быков в Колумбию, но кате-

горически отрицал свое участие в контрабанде наркотиков и заявил, что по обвинению в наркобизнесе не сядет на скамью подсудимых ни в Колумбии, ни в США. Защитники Очоа упорно подчеркивали политическую подоплеку обвинений и всячески старались дискредитировать иск США. Они утверждали, что обвинение смехотворно, так как оно основано на свидетельствах Берри Сила, отъявленного преступника и лжеца. По сути, Сил был главным и единственным свидетелем обвинения. Защите, однако, пришлось признать показания еще двух агентов УБН, связанных с Берри Силом. Они всего лишь пересказали показания Сила, но по испанским законам свидетельства из вторых рук имеют юридическую силу. Таким образом, обвинение теперь располагало показаниями трех свидетелей, один из которых был преступником.

Слушание дела о выдаче Очоа в Национальном суде Испании было назначено на 17 сентября 1985 года. Во время судебного заседания испанцы обращались с Очоа как с арестованными баскскими сепаратистами: он считался особо опасным преступником с особо опасными друзьями. На то, вероятно, имелись веские причины. В зале суда публика была отделена от судей, защитников и прокурора метровой деревянной панелью и стеклянной пуленепробиваемой перегородкой — от пола до потолка. Обычно это отбивало у политических активистов охоту пострелять или побросать гранаты во время судебных заседаний. Трое судей обзревали зал заседаний с деревянного возвышения. Обвиняемый сидел перед ними на низкой скамье, спиной к стеклу, разделявшему зал.

В день суда на галерке толпились колумбийцы, в том числе и члены семейства Очоа. Поначалу стоял шум и в воздухе витало смутное недовольство, но едва вышли судьи, публика тотчас притихла. Очоа, одетый в темный костюм, спокойно сидел между двумя полицейскими в беретах. Он сильно похудел и неплохо выглядел. Холеный, аккуратно подстриженный — ну чем не молодой преуспевающий колумбийский бизнесмен?

Слушание дела длилось дольше обычного — около трех часов. Открыв заседание, судьи пригласили обвинителей изложить суть дела. После них выступил защитник; затем, для опровержения его доводов, снова поднялся обвинитель; и, наконец, защитник выступил «с вторичным возражением». Судьи задали несколько вопросов, но это уже было чистой формальностью. Все отчеты содержались в толстых томах судебных архивов, ознакомиться с которыми судьям предстояло позже.

Закрыв заседание, судьи совещались целую неделю. И 24 сентября вынесли решение. Иск США был единогласно (3—0) отклонен из-за его «политической подоплеки». Очоа надлежало отправиться в Колумбию и предстать перед судом за ввоз быков.

В решении говорилось: «При удовлетворении ходатайства США на оценку степени виновности подсудимого могут повлиять политические мотивы». Суд также нашел неубедительными доводы США «о причастности к делу правительства Никарагуа», поскольку «вражда между правительством США и правительством этой

центральноамериканской республики общеизвестна».

Адвокаты Очоа выиграли, выставив «антиимпериалистический козырь», дискредитировав Сила и проявив стремление отдать своего подзащитного Колумбии.

Пасмурным днем в июне 1986 года Хорхе Луис Очоа, широко улыбаясь, спустился из бело-красного «Боинга-747» авиакомпании «Авианка» на бетон боготинского аэропорта. Газетчики не поспешили на детали, подробно описав безупречный серый костюм, красный галстук и черные туфли преступника. Не пропустили они и факт отсутствия наручников на его запястьях.

До здания аэропорта Очоа шел в полном кольце колумбийских секретных агентов — и своих телохранителей. Перед тем как сесть в машину, преступник помахал встречавшим ручкой и послал им воздушный поцелуй.

Впервые за всю историю борьбы с наркомафией один из четырех наиболее могущественных кокаиновых баронов попал в руки правосудия. Но обвинение ему предъявлялось, право слово, пустячное: незаконный ввоз в Колумбию из Испании 128 быков для корриды и подделка сопровождающего их медицинского сертификата. По первому пункту обвинения ему грозило от года до десяти лет тюрьмы, по второму — от года до восьми лет.

Процесс вышел быстротечным. Он начался в городе Картахена 2 августа, а завершился уже 15-го числа того же месяца. Судья Фабио Пастрана Ойос приговорил обвиняемого к 29 месяцам тюрьмы и штрафу в один миллион песо. Причем

исполнение приговора было тут же отложено на два года при условии внесения залога в 2 300 000 песо (что эквивалентно совершенно несерьезной для Очоа сумме в 10 500 долларов) и согласия отмечаться в полиции через каждые 15 дней. Очоа немедленно внес залог, получил заранее подготовленную справку об освобождении — и поминай как звали.

Но обвинители подали апелляцию, и — невероятно, но факт! — 21 января 1986 года суд пересмотрел свое решение и согласился выдать Очоа Соединенным Штатам. На этот раз напряженные отношения между США и Никарагуа уже «не являлись юридически обоснованным препятствием для выдачи преступника». Очоа обвинялся в контрабанде наркотиков, а это «не политическое преступление». Защита тут же обжаловала решение суда.

Поиски Очоа вылились в настоящий ураган полицейских операций. Отдельные районы Колумбии сильно напоминали ошпаренный муравейник. За каких-то две недели было арестовано 2462 человека, конфисковано 2 тонны кокаина, 9,5 тонны кокаиновой пасты, 48 тонн листьев коки, 11 самолетов, 213 единиц автоматического оружия, 38 тысяч патронов, 4,5 тонны эфира, 11 тонн ацетона, 100 тонн сыпучих химикатов, 1 тысяча динамитных шашек, 377 метров бикфордова шнура... Но своей суетливостью власти только размазали полученную от наркомафии пощечину.

Самым потрясающим в «деле Очоа» оказалось даже не то, что матерый преступник вышел сухим из воды.

Продемонстрированное судьей Пастраной не-

желание соблюсти хотя бы видимость приличия было столь вызывающим, что, казалось бы, не могло не возмутить журналистов. Так вот, самым невероятным в «деле Очоа» было отсутствие с их стороны не то что возмущения, а хотя бы элементарного удивления.

Журналисты просто-таки поперхнулись наглостью наркомафии.

(Спустя несколько месяцев, когда вскрылась история с заговором против Тэмбса, затаенное возмущение «делом Очоа» сильно добавило журналистам из «Эспектадора» обличительного пафоса.)

Но вернемся к публикации «Эспектадора». В конце материала, напечатанного 5 декабря, значилось: «Продолжение специального расследования читайте завтра». Однако на следующий день продолжение не состоялось. Началась напряженнейшая закулисная борьба за судьбу второй разоблачительной статьи. С этого момента главный редактор «Эспектадора» и один из авторов «специального расследования» Гильермо Кано более не был властен над своей судьбой. Уступить давлению наркомафии он считал позорным, унижительным, равнозначным предательству своего журналистского авторитета. Не уступить означало погибнуть.

Заключительный материал был опубликован 11 декабря. Он содержал подробный рассказ об основных операциях Медельинского картеля за 1978—1985 годы, раскрывал организационную структуру колумбийской наркомафии, очерчивал сферы интересов образующих ее кланов, уточнял характер взаимоотношений между ни-

ми. И вновь центральное внимание и место уделялось Очоа. Вечером 17 декабря по дороге домой Гильермо Кано был застрелен за рулем своей машины автоматной очередью, выпущенной «асесинос дель мото». Убийцы поджидали его в сотне метров от здания редакции, на развороте посередине широкого бульвара. Кано неизбежно должен был здесь притормозить, чтобы пропустить идущий навстречу поток машин. Мафиози не испытывали судьбу. Стреляли с гарантией — из автомата, в упор, по почти неподвижной мишени. Восемь пуль попали в цель.

Если бы кокаиновые бароны уничтожали всякого журналиста, осмелившегося написать о наркомафии, газеты в Колумбии пришлось бы закрыть еще лет десять назад. В действительности гибнут в основном те, кому своими публикациями удалось нанести мафии ощутимый ущерб. Писания остальных не только не вредят баронам, но нередко играют им на руку, рекламируя их неограниченное богатство и одновременно запугивая обывателя историями об их безграничной жестокости. Убийство Кано вызвали чрезвычайные обстоятельства. Какие же? Единого мнения на сей счет нет. Но по очень распространенной точке зрения, «специальное расследование» «Эспектадора» коснулось абсолютно запретной темы — взаимосвязей наркомафии и американских спецслужб.

Вспомним длившееся много месяцев «перетягивание каната» между Колумбией и США по поводу выдачи Очоа из Испании. В ходе предварительного следствия кокаиновый барон под присягой показал, что прямо в камере испанской

тюремны имел беседу с руководящим сотрудником американского УБН Уильямом Моклером и сотрудником испанской полиции Фернандо Мартинесом Гайоном. Они сделали преступнику деловое предложение: США отказываются от своих притязаний на Очоа, если тот согласится помочь американским спецслужбам скомпрометировать правительство Никарагуа, «признав», что он пользовался его покровительством и помощью для транспортировки кокаина в США. Очоа согласился. После этого США ослабили давление с целью добиться его выдачи, и кокаиновый барон вскоре был отправлен в Колумбию.

Сама идея провокации выглядела очень перспективной. До победы сандинистской революции территория Никарагуа действительно служила кокаиновым баронам важным транзитным центром. Перечень активно сотрудничавших с мафией высокопоставленных сановников из окружения Сомосы содержал бы сотни имен. Коррупция буквально пропитывала разлагающуюся диктатуру. Понятно, что разом порвать все многочисленные ниточки, связывающие наркомафию с ее агентами внутри Никарагуа, революции было не по силам. Преступники затаились, ушли в подполье. Постепенно их раскрывали и вылавливали, но для этого потребовались годы, ведь борьба с наркомафией была и остается далеко не единственной заботой сандинистского правительства.

Заручившись согласием Очоа, ЦРУ распространило фотографию, на которой колумбийский мафиози вместе со своим коллегой по преступному бизнесу грузил якобы кокаин на борт кате-

ра якобы в одном из никарагуанских портов. Так родился миф о «никарагуанском контакте». Сандинистское правительство направило Белому дому официальную ноту протеста, обвинив администрацию США в провокационном подлоге.

Прошло полгода, и грянул скандал. Американское информационное агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило: американские официальные лица, в том числе следователи УБН, признали, что по указанию Белого дома пытались раздуть пропагандистскую кампанию против сандинистского правительства, безосновательно обвинив его в участии в контрабанде наркотиков. По их словам, эта операция была задумана для прикрытия тех широких контактов, которые наладили с Медельинским картелем никарагуанские контрасты.

Например, четыре американских военных советника, натаскивавших контрасты в лагере на территории Коста-Рики, подтвердили участие в кокаиновом трубопроводе своих подопечных — кубинских наемников, завербованных в ряды никарагуанских контрреволюционеров из числа ветеранов «бригады 2506». Она была создана, обучена и вооружена ЦРУ для осуществления вторжения на Кубу в заливе Кочинос. Те из наемников, кому удалось унести ноги с Плая-Хирон, объединились впоследствии в организацию ветеранов «бригады 2506». ЦРУ продолжало активно использовать наиболее «профессионально зрелые» кадры из их числа. Один из них — Луис Посада Каррилес — руководил диверсией, завершившейся взрывом лайнера кубинской авиакомпании на Барбадосе. Другой — Фе-

ликс Родригес — курировал тайное снабжение контрас оружием. Перечень можно продолжать...

Через банковскую «стиральную машину» наркомафии была отмыта и выручка от поставок американского оружия Ирану, предназначенная для никарагуанских контрас.

Скандал с тайными поставками оружия в Иран и использованием части выручки на приобретение оружия для контрас потряс Вашингтон до основания. Со стороны политический тайфун выглядел впечатляюще: специальный прокурор, специальная комиссия, специальное расследование. Американские средства массовой информации, словно гигантский пылесос, вытягивали драгоценные крупницы сенсаций из, казалось бы, самых потайных уголков вашингтонских коридоров власти. Вихрь скандала срывал погоны военных, головы чиновников, «крыши» глубоко законспирированных агентурных сетей...

Казалось бы, тема контактов американских официальных лиц с наркомафией лежала в самом центре урагана и не могла не привлечь внимания журналистов. Но они ограничились тем, что робко отгрызли у лакомого куска лишь уголок, касавшийся «ирангейта».

Важно понять: иранская сделка и контакты с наркомафией были разными операциями.

Иранская сделка осуществлялась с ведома правящей верхушки американской администрации с целью получения неподотчетных конгрессу средств, которые можно было бы употребить на приобретение оружия для контрас.

Контакты же с наркомафией имели место преимущественно на уровне отдельных офици-

альных лиц, а не правительственных ведомств. И формально ограничивались содействием попыткам контраст самостоятельно заработать себе на оружие. То есть в первом случае американские деятели выступали как одна из договаривающихся сторон, а во втором — больше как посредники. Эта деталь весьма важна, ибо доказывает: США поддерживали контраст сразу по нескольким каналам, и средства, поступавшие в их распоряжение, отнюдь не исчерпывались иранскими миллионами.

Обе операции, проводившиеся независимо друг от друга, имели общую цель — снабжение бандитов оружием — и потому использовали общую транспортную инфраструктуру. Оружие, купленное на выручку от иранской сделки и на гонорары кокаиновых баронов, попадало к контраст скорее всего через одни и те же каналы.

Американец Стивен Карр и англичанин Питер Глиббери встретились в Майами в 1985 году. Оба через штаб «бригады 2506» завербовались служить контраст. На армейском складе неподалеку от Майами они по предварительной заявке получили шесть тонн оружия и перевезли его на грузовике в расположенный поблизости город Форт-Лодердейл. Оттуда на борту ожидавшего их транспортного самолета без опознавательных знаков наемники вместе с оружием перебрались в Коста-Рику. Самолет приземлился на аэродроме обширного поместья, принадлежавшего гражданину США Джону Холлу. Место оружия в грузовом отсеке самолета быстро заняли упаковки кокаина. Холл не скрывал своих связей с ЦРУ и «по большому секрету» позже выболтал

Карру, что контролирует важную тайную операцию, в ходе которой контрас получали из США оружие, а назад отправляли кокаин. Гонорар, выплачиваемый наркомафией за эту транспортную услугу, шел на оплату оружия.

Тянущиеся от контрас ниточки держал в кулаке упомянутый Оливер Норт, сотрудник Совета национальной безопасности США, «теневого» или, как его еще называют, «подвального» кабинета президента Рейгана. Вне всяких сомнений, Норт точно знал, какой груз возят в Коста-Рику задействованные им в этой операции самолеты.

И неужто был не в курсе происходящего высокопоставленный сотрудник ЦРУ Дуэйн Клэрридж, отвечавший за снабжение контрас оружием по линии шпионского ведомства? Вопрос чисто риторический. Клэрридж — профессионал до мозга костей. Иначе не был бы он вхож в Овальный кабинет Белого дома, где два раза в неделю в конфиденциальной обстановке — то есть с глазу на глаз, без свидетелей — подробно информировал президента Рейгана о ходе операции.

Наконец, неужто ни о чем не подозревал советник государственного департамента США Роберт Оуэн, выполнявший обязанности «дипломатического» связника между Нортом, главарями контрас и, вероятно, кланом Очоа?

Американские журналисты разыскали один из экипажей, регулярно выполнявших рейсы в Коста-Рику. Колумбийский эмигрант Хорхе Моралес имел во Флориде небольшую частную авиакомпанию. Время от времени он звонил пилоту сельскохозяйственной авиации американцу Гэри Бетцнеру, и на самолете Моралеса они от-

правлялись в Коста-Рику. «Я перевез изрядное количество оружия для контрабанды. А в обратную сторону я перевез через американскую границу изрядное количество наркотиков, — рассказал Бетцнер корреспондентам журнала «Ньюсуик». — Все это происходило при полной осведомленности агентов УБН и ЦРУ. Они нам сильно помогали.»

Известна судьба другого экипажа, выполнявшего рейсы с оружием для контрабанды. Все его члены — за исключением одного по имени Юджин Хазенфус — погибли, когда их пиратский полет в воздушном пространстве Никарагуа был прерван сандинистскими зенитчиками.

Согласно официальной версии американской стороны, сбитый над Никарагуа самолет с оружием якобы принадлежал частной компании «Корпорейт эйр сервисиз». По «легенде» она имела контору в Майами, которую арендовала на паях с другой частной компанией — «Сазерн эйр транспорт», известной своими прошлыми связями с ЦРУ. В действительности «Корпорейт» служила не более чем фасадом для особо щекотливых операций «Сазерн», которой и принадлежал сбитый над Никарагуа самолет. Это удалось установить по серийному номеру, обнаруженному на одном из обломков.

По аналогичной схеме действовала и частная авиатранспортная фирма «Эйр марш». Коллеги Хазенфуса нередко звонили из Сан-Сальвадора ее президенту Ричарду Гэдду, полковнику ВВС США в отставке, согласовывая сроки переброски очередной партии смертоносного груза. Колумбийские журналисты достоверно установили, что

и Хазенфус, и его коллеги были агентами ЦРУ, а фирма Гэдда — чистой фикцией. В действительности ее сотрудники во главе с Гэддом осуществляли общее руководство операцией, были ее штабом.

Как сообщила американская телекомпания «Си-би-эс», часть средств, вырученных от иранской сделки, осела на счетах «Сазерн эйр транспорт» в уплату за предоставленные ею услуги. По данным телекомпании, самолеты без опознавательных знаков, но с экипажами «Сазерн» брали в Лиссабоне военный груз, получателем которого в накладных выступало правительство Гватемалы. Однако гватемальские власти факт получения оружия из Португалии отрицают, да и в министерстве транспорта США имеются убедительные доказательства того, что рейсов в Гватемалу «Сазерн» не совершала. А вот из Португалии в США и Сальвадор (где по распоряжению Норта действовал перевалочный арсенал) — совершала, и не раз.

В разгар «ирангейта» колумбийский торговец наркотиками обратился к американской юстиции с просьбой защитить его от Медельинского картеля, с которым он что-то не поделил. Преступник обещал оплатить услугу документальной информацией, раскрывающей механизм связей картеля с «Сазерн». Его предложением заинтересовались. Беглый мафиозо подтвердил, что лично наблюдал за погрузкой кокаина в самолет этой компании в аэропорту колумбийского города Барранкилья. Он дал эти показания под присягой, после чего прошел испытание на «детекторе лжи». Достоверность его слов подтвержда-

ют и данные летных журналов, найденных среди обломков самолета, сбитого в Никарагуа. В соответствии с ними самолеты «Сазерн» регулярно летали в Барранкилью.

Постепенно всплыли и другие факты. Например, президент «Сазерн» Уильям Лэнгтон по указанию Гэдда лично приобрел два транспортных самолета для челночных рейсов в Центральную Америку. В начале 1986 года он слетал в Канаду и за миллион долларов купил «воздушные извозчики» приличной грузоподъемности типа ДНС-4 «Карибу».

Достоверно установлено, что на самом деле панамский филиал «Сазерн» был такой же фикцией, как и ее дочерняя авиакомпания «Корпорейт». Филиал не имел ни помещения, ни штабта — только счет в банке.

Занимавшийся расследованием связи между поставками оружия для контраст и контрабандой кокаина в США сенатор Джон Керри без обвиняемых заявил: «Я абсолютно уверен, что получаемые контраст деньги прямо связаны с продажей кокаина в США».

Существование такой связи подтверждает не только сама жизнь... но и смерть. Словоохотливый Стивен Карр в декабре 1986 года погиб при очень загадочных обстоятельствах. Его разговорчивый коллега Гиббери попросту бесследно исчез.

Не менее впечатляюще выглядит и хроника государственных переворотов, совершенных «с легкой руки» американских служб: Чили, 1973; Уругвай, 1973; Аргентина, 1976; Боливия, 1980; Гренада, 1983...

Американские рыцари плаща и кинжала имели дело с неонацистами в Боливии, террористическими группировками в Колумбии, кровавыми диктатурами в Аргентине, Уругвае и Чили, «тиранозавром» Альфредо Стреснером в Парагвае. Теперь вполне достойное место в столь блистательной компании заняли колумбийские кокаиновые бароны.

НА ЗЕМЛЕ АФГАНИСТАНА

Мухаммад Насим Ахунд Зада не мог уснуть. Сейчас его занимала одна мысль: зачем он, «главнокомандующий фронтом» моджахедов Движения исламской революции Афганистана (ДИРА) в провинции Гильменд, столь срочно понадобился амиру (вождю) ДИРА Мухаммаду Наби Мухаммади, по совместительству «министру обороны» в «исламском переходном правительстве Афганистана» (ИППА), обосновавшемся в Пешаваре. «Наверно, опять будет укорять за «аморальную» торговлю наркотиками, — усмехнулся про себя Насим. — А ведь тысячи долларов, которые я ему за это даю, без особых угрызений совести складывает себе в мощну.» Впрочем, Насим понимал своего начальника: за последние месяцы посольство США в Пакистане, агенты американского Управления по борьбе с распространением наркотиков стали уж очень настойчиво требовать от «борцов за чистоту ислама» прекратить выращивание опийного мака и производство героина в Афганистане, откуда значительная его часть попадает прямехонько в Европу и за океан. Вот

и президент Буш затеял очередную кампанию борьбы с «белой» смертью, сосредоточившись, правда, на южноамериканском кокаине. Отзвуки кампании докатились и до Пешавара, создавая трудности для «героев джихада» и их руководителей, почти поголовно погрязших в наркобизнесе.

Но Насиму и его спутникам не было дано узнать о причинах столь неотложного вызова в Пешавар. Когда «джип» приближался к поселку Пабби, сумеречную тишину прорезали звуки автоматных очередей. Насим и пятеро его спутников, в том числе начальник политического отдела ДИРА в провинции Сарипуль «маулави» (преподобный) Джамадар, также контролирующий там производство опийного мака, были убиты на месте, один тяжело ранен.

Выстрелы в Пабби получили широкий резонанс в мировой печати. Казалось бы, что особенного: очередное сведение счетов между группами моджахедов, чьи командиры всегда были готовы резать глотки своим политическим противникам.

Дело в том, что убийство Насима Ахунда Зада — лишь ниточка в клубке сложных переплетений политических, национальных, кланово-племенных и прочих противоречий между главарями пешаварской оппозиции, куда органично вписывается кровавая борьба за крупнейший источник дохода — производство и продажу наркотиков. И ниточка эта позволяет распутать многое из того, что содержится в глубокой тайне, проследить связь между «героиновыми баронами» мятежников и их главными покровителя-

ми в антиафганской деятельности — ЦРУ США. Известно, что в некоторых мусульманских странах ведется ожесточенная борьба против изготовления и потребления наркотиков. В Иране, например, за это прегрешение полагается смертная казнь. Тем не менее буквально у всех последователей «маулави» Наби Мухаммад рыльце в густом героиновом пушку. Особенно у теперь уже покойного Насима. У него был своего рода «семейный подряд» огромного масштаба. Плодороднейшие поля в верхнем течении реки Гильмед, в уезде Муса-Кала, «опекали» два его брата, один из которых также мулла. Характерные черты семейки — жестокость к политическим противникам, особенно к тем, кто решился посягнуть на многомиллионный фамильный бизнес, безжалостная эксплуатация и террор в отношении производителя опиума — простого крестьянина.

Корреспондентка английской газеты «Гардиан» Кэти Эванс называла эти владения «империей Ахунда Зада». «О его маковых полях в Гильменде среди специалистов по борьбе с наркотиками ходят легенды, — писала она. — Говорят, что это самые крупные плантации такого рода в мире, простирающиеся далеко миля за милей.» Кроме того, гильмендский наркогангстер, явно не без помощи из-за рубежа, во-первых, наладил мощную сеть вооруженной охраны путей переброски опийного сырья в Пакистан и Иран, включая строгий контроль за стратегически важными мостами и перекрестками дорог. Во-вторых, он позаботился о собственной системе лабораторий по дистилляции опиума в героин,

как известно, более «компактный» и насыщенный (на производство 1 килограмма героина требуется 10 килограммов опиума), но и неизмеримо более дорогостоящий вид дурмана. Именно в этом рафинированном виде он и поступает на улицы западных городов. С целью защиты своих интересов Ахунд Зада держал высокооплачиваемую «частную» армию в 10 тысяч боевиков, прятавшихся за вывеской ДИРА. Он был практически независим в своих действиях, откупаясь от Наби Мухаммада легким оброком.

Многие главари пешаварских «партий» пускали слюнки, глядя на империю гильмендского «героинового барона». В ноябре—декабре 1988 года в ходе кровопролитных боев его банды вытеснили из провинции заклятого врага — полевого командира Исламской партии Афганистана (ИПА) Абдула Рахмана Хана, попытавшегося прибрать к рукам часть выгодного бизнеса. А в августе прошлого года такая же судьба постигла другого соперника — Мухаммада Яхью из Исламского союза за освобождение Афганистана (ИСОА), во главе которого стоит «премьер-министр» ИППА святоша Расул Сайяф. Развязав себе руки, Ахунд Зада установил прямые связи с лагерем Гарди-Джангал, где власти пакистанского Белуджистана дали приют афганским беженцам, и основал там несколько лабораторий для переработки опиума. Оттуда чистый героин перебрасывался через пакистанский порт Карачи и другими путями в Европу и США. Он имеет долю и в крупном производительном центре героина в Рабати-Джали (провинция Нимроз), как раз на стыке границ Афганистана, Ирана и Пакистана, где

действует в одной упряжке — деньги не пахнут! — с насквозь коррумпированными представителями пакистанской и иранской администрации.

Ход следствия по делу об убийстве выявил, что длинная рука Хекматиара, лидера ИПА, все-таки достала Ахунда Зада. Был арестован некий Нурулла, который показал, что награду за ликвидацию неудобного политического и экономического противника он должен был получить от Абдула Рахмана Хана, того самого, который столь «обижен» более удачливым соперником.

Ахунд Зада находился в течение долгого времени под пристальным вниманием посольства США в Исламабаде, пакистанской агентуры ЦРУ и Управления по борьбе с распространением наркотиков США. Никто, вероятно, под таким тройным «колпаком» уютно чувствовать себя не смог бы. Когда в начале прошлого года американские агентства и ведомства в Пакистане потряс очередной припадок активизации борьбы с производством наркосредств, адресуемых непосредственно за океан, одним из их главных объектов стал именно Ахунд Зада. В конце марта 1989 года газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что посол США в Исламабаде Роберт Оукли на встрече с «президентом» ИППА С. Моджаддеди и «премьером» Сайяфом высказал озабоченность тем, что главари афганской оппозиции занимаются грязным бизнесом, и потребовал его прекращения. Те заверили чрезвычайного и полномочного, что выпустят соответствующую «фетву» (решение религиозного лидера), на чем собеседники и разошлись.

Разговор там, несомненно, шел и об Ахунде Зада как ключевой фигуре афганской наркомафии. «Нью-Йорк таймс» приводит слова, как всегда, «не пожелавшего назвать свое имя» представителя госдепартамента о том, что США начинают «привлекать внимание моджахедов к тому, что контрабанда наркотиков может нанести ущерб перспективам американской помощи, направленной на восстановление Афганистана». Заметьте, не поставок оружия, а экономического содействия в будущем, что пешаварских воротил миллионами волнует крайне мало.

Будучи в Лондоне, Наби Мухаммади получил на пресс-конференции упрек от одного из журналистов в том, что его люди заняты производством героина, от которого страдает молодое поколение стран Европы и США. Извиняющимся тоном «министр обороны» пояснил, что афганские крестьяне чрезвычайно бедны и другими способами сводить концы с концами не могут, им нужна солидная дотация, чтобы перейти на другие культуры. За океаном намек поняли правильно. Лондонская «Гардиан» в конце октября прошлого года сообщила, что американцы предложили Ахунду Зада 2 миллиона долларов отступного с тем, чтобы он вышел из игры. Поскольку, по некоторым данным, годовое производство опиума этим «героиновым бароном» составляло до 600 тонн, столь грошовая сумма вызвала у многих недоумение. Выяснилось, что речь шла о 2 миллионах в месяц, или 24 миллионах в год, которые должны были идти на дотации крестьянам, согласившимся выращивать другие культуры. Ахунд Зада при этом оставался вроде бы

и не у дел. Но вся эта немалая сумма должна была проходить через его руки. Кроме того, он и не собирался строго следовать условиям сделки, прекрасно зная, что полному контролю она не поддается. Соглашаясь на предложение, пусть во многом для него и ущербное, Ахунд Зада намеревался выиграть в престиже, политическом весе — полевой командир, которого признает за партнера сам Вашингтон.

«Золотой полумесяц» изготовителей наркосредств, включающий в себя турецкую Анатолию, Иран, Афганистан, части пакистанского Белуджистана, Северо-Западной пограничной провинции и Кашмира, — это единая взаимосвязанная территориальная единица, где правят делами турко-иранская наркомафия, а также главари моджахедов и пакистанский военно-административный спрут. Последний вышел на первые роли в регионе с точки зрения заключения сделок и укрепления связей с международными наркоконцернами в Европе, США, на Дальнем Востоке. По некоторым подсчетам, 85 процентов героина, потребляемого в западноевропейских, и 70 процентов в американских городах произведены в Афганистане и Пакистане. «Пакистан таймс» сообщала, что из 50-миллиардного (в долларах) героинового оборота в США 20 миллиардов приходится на пакистанских «торговцев смертью».

«После апрельского переворота 1978 года в Афганистане, — писала та же газета, — США, которые присоединились к борьбе за свержение нового режима в Кабуле, решили, как считают, использовать для этой цели давно сложившиеся структуры наркомафии. В 1980 году практичес-

ки все профессиональные работники Управления по борьбе с распространением наркотиков США в Пакистане были заменены на офицеров секретных служб, которые под видом борьбы с наркобизнесом начали закладывать инфраструктуру для тайной войны против кабульского режима.» Создавалась привычная сейчас модель тайных операций в районе «линии Дюранда». Используя традиционные караванные пути и тропы, контрабандисты забрасывали оружие в Афганистан, а оттуда вывозили наркотики. Вооруженная охрана караванов и мафиози рядились под моджахедов. Тогда же к этой обновленной структуре подключились и дельцы мирового наркобизнеса. Лагеря афганских беженцев на территории Пакистана стали рассадниками «героиновой культуры», а главари моджахедов в самых широких масштабах приступили к подключению своих вооруженных формирований к наркобизнесу как для личного обогащения, так и для финансирования на вырученные «грязные» деньги «борьбы за чистоту ислама» против неверных — сначала советских войск, а ныне «коммунистов» из Кабула.

Еженедельник «Индепендент он санди» (Лондон) писал: «В семи милях от Пешавара любой может купить десятки килограммов героина и тонны гашиша. Множество подобных рынков действует в Северо-Западной пограничной провинции. Местные «наркобароны» считают доходы от гашиша «карманными деньгами». Главный же бизнес делается на очищенном героине, цена которого в Европе и США в 20 раз выше, чем в Пакистане. Программу борьбы с наркоти-

ками президента Буша здесь называют не иначе как фарс. США за годы войны в Пакистане предоставили мятежникам оружия более чем на 2 миллиарда долларов.

По данным Главного управления уголовного розыска МВД Афганистана, банды Хекмариара выращивают коноплю, Исламское общество Афганистана имеет плантации в семи провинциях, Исламский союз за освобождение Афганистана — в четырех провинциях, а Движение исламской революции Афганистана — в двух провинциях.

Семья С. Моджаддеди, главы Фронта национального спасения Афганистана, напрямую связана с пакистанскими производителями героина. Она имеет собственные лаборатории в районах Гилгит и Хадж вблизи пакистано-китайской границы. В целом, как свидетельствует доклад госдепартамента США о международной стратегии контроля над наркотиками, в 1987 году на территории Афганистана содержащие наркотические вещества культуры выращивались на 18,5 тысячи гектаров, в Пакистане — на 11,3 тысячи гектаров. Каждый акр площади дает несколько килограммов сырого опиума. Ныне эти площади значительно выросли, и будущее обещает самые отличные перспективы, поскольку возвращающиеся из Пакистана беженцы видят в чарсе (конопле) и опийном маке самый прочный мостик к спасительному благополучию.

Именно на этом и играют пешаварские лидеры, получающие от труда простого дехкана колоссальные прибыли. Они распоряжаются густой сетью производителей наркотиков, системой

транспортирования в пункты вывоза из страны. Ахмад Гейлани, например, имеет широкие связи с Саудовской Аравией и Египтом, пользуется покровительством США и, как один из «умеренных» пешаварских лидеров, получает от них деньги и оружие. Интересно, что тот же Гейлани занимает пост верховного судьи при «исламском переходном правительстве».

70-летний Юнус Халес, возглавляющий отколовшуюся в свое время часть ИПА, придерживается самых консервативных исламских концепций, что не мешает ему, однако, контролировать производство наркотиков в его родной провинции Нангархар и в ряде уездов Кандагара.

Но наиболее мрачной фигурой пешаварского «наркоклуба» был и остается главарь ИПА Хекматиар. Его отличают полная политическая беспринципность, исключительная жестокость к политическим противникам, как, впрочем, и к временным попутчикам и союзникам, религиозный фанатизм и безграничное честолюбие. Урожай опийного мака из 11 провинций Афганистана стекаются в принадлежащие ИПА 11 героиновых лабораторий на территории Пакистана. Они действуют под контролем его друга Хазрата. Брат жены Хекматиара, — Мухаммад Хашем, управляет аналогичными предприятиями в Дэжадни, Чамкани и Тери-Мангале. Упомянутый М. Хашем выступает и как главный торговец очищенным героином, который направляется через Гонконг в США, а через порты Северной Африки в Европу, естественно, с помощью пакистанской наркомафии.

Главное управление уголовного розыска МВД

РА любезно предоставило советским журналистам результаты изучения контрабандных путей, по которым героин, гашиш и опиум вывозятся за пределы страны. Характерно, что все маршруты ведут к Пакистану. Это и понятно: афганское сырье в основном перерабатывается в зоне так называемых «свободных племен» по ту сторону «линии Дюранда». Для вывоза задействованы все возможные средства: современные воздушные и морские лайнеры, караваны волов и верблюдов, «джипы» и грузовики.

Карачи используется как крупнейший исходный пункт для контрабанды наркотиков в страны Запада при помощи самолетов компании «Пакистан Интернешл эйрлайнз», получившей на Западе печальную известность как «Героин-эйр». «Пакистан шиппинг компани» на своих судах развозит наркотики по адресам в Индии, Гонконге, Дубаи, откуда они попадают в Европу и США.

НА ПУТИ В БЕЛЫЙ ДОМ

В Арканзасе Клинтонам доставались «легкие деньги». Со времени его возвращения на губернаторский пост и до начала борьбы за пост президента Клинтон получил от своих щедрых друзей свыше десяти миллионов долларов на предвыборные кампании. Кроме того, всегда находились жертвователи, если губернатору требовались деньги на пропагандистскую кампанию с целью поддержки каких-либо его шагов.

Нет сомнения, что из тех же источников появ-

лялись деньги, которыми во время предвыборной борьбы подкупали, например, черных проповедников. Взамен благочестивые слуги Божьи порой гарантировали, что в негритянских избирательных округах число голосов, поданных за Клинтон, достигнет чуть ли не 90 процентов.

Следует упомянуть и о «карманных деньгах». Ежегодно тысячи долларов поступали нужным людям, в которых возникала потребность. Этими деньгами Клинтон, например, оплачивал деятельность партийных активистов. Или же давал их телохранителям, обеспечивавшим множество его подружек кружевным бельем и другими подобными мелочами.

Время от времени губернатор Арканзаса проводил громкие кампании против «тех, кто наверху», с которыми частным образом очень хорошо ладил. «Он знал, что нападки на них очень популярны, но и до и после своих выпадов висел на телефоне, чтобы объяснить этим людям: все делается лишь из тактических соображений», — рассказывает один из сотрудников той поры. Клинтон знал, что помогает выиграть выборы, а что — нет, сообщает другой сотрудник. «Политика на основе каких-то принципов могла бы ему только помешать.»

Умение справляться с кризисами становилось все более необходимым, прежде всего тогда, когда, как это часто случалось у Клинтона, проблемы близких к нему людей ставили под угрозу его карьеру, например успех на выборах в 1984 году. В разгар лета, незадолго до начала предвыборной борьбы, Клинтон узнал от шефа полиции, что прокуратура намерена предъявить его свод-

ному брату Роджеру обвинения в торговле наркотиками.

Губернатор ясно видел надвигающуюся угрозу. Уже в начале года, согласно докладу ФБР, он отправил своего брата во Флориду на ферму одного друга, чтобы обеспечить его безопасность. Наркодельцы, которым Роджер задолжал, подбились к нему слишком близко.

Но во Флориде Роджер не смог освободиться от своего пагубного пристрастия. Каждый день он употреблял около четырех граммов кокаина, «почти смертельную дозу», как позже показал в суде один врач. Деньги на кокаин он зарабатывал тем, что сам торговал наркотиками. Арканзасская полиция наблюдала его за этим занятием, подслушивала его разговоры и даже засняла на видеопленку продажу им наркотиков.

Брат Роджера в губернаторской вилле приложил все усилия, чтобы доказательства остались под замком, — конечно, прежде всего исходя из собственных интересов, утверждает Роджер Моррис.

Контроль со стороны Клинтона оказался весьма действенным. Местных полицейских, которые вели расследование против Роджера, отстранили от участия в следствии. Под залог в 5 тысяч долларов обвиняемого отпустили на свободу. Заседание суда было назначено на 9 ноября — через несколько дней после ожидаемого переизбрания Клинтона.

Судебное заседание оказалось коротким, а приговор мягким. Роджер признал себя виновным и выразил готовность выступить главным свидетелем по делам некоторых незначительных

сообщников. Опасные видеопленки вообще не извлекались из коробок.

Для Билла Клинтона это оказалось не последним знакомством с торговлей наркотиками.

В 160 милях на запад от Литл-Рока, в долине, расположенной в труднодоступной горной местности, находится аэропорт Мена. Вскоре после того, как Клинтон вступил в должность президента, его противниками стали распространяться слухи о том, что этот маленький аэропорт является якобы главными воротами, через которые поступают наркотики из Южной Америки. Клинтон, как утверждали воинственно настроенные правые и христианские радикалы, представляет собой «продукт» антикультуры 70-х годов и хочет испортить новое поколение наркотиками. Дикие нападки выглядели столь абсурдными, что серьезные газеты даже не пошли по подсказанному следу.

А жаль, утверждает Роджер Моррис. Он доказывает, что в 1982—1985 годах через Мэну в США и в самом деле попало много тонн героина и кокаина. По оценкам генерального прокурора соседнего штата Луизиана, стоимость контрабандного товара составляла от 3 до 5 миллиардов долларов.

Полиция, налоговые и таможенные органы собрали толстые папки документов о поставках наркотиков. Политики в Литл-Роке и Вашингтоне знали об этом. В свое время губернатор Клинтон публично пообещал на пресс-конференции: следователи из Арканзаса «сделают все», чтобы разобраться в том, что происходит в Мене. Однако ничего сделано не было.

Правда, ничего удивительного с этим нет. Человек, который при каждом полете из Центральной Америки привозил примерно 300 фунтов (фунт = 454 граммам) кокаина и сбрасывал их в удаленных районах Арканзаса, был необходим правительству США. Даже когда он доставил в Мену колумбийского наркобарона Хорхе Очоа, чтобы с гордостью показать ему, как организована контрабанда, сыщики не стали вмешиваться.

Бэрри Сил, гигант весом в 230 фунтов, был одним из важнейших поставщиков оружия никарагуанским контрастас и в глазах президента Рейгана — самым ценным борцом за свободу. Он снабжал оружием и боеприпасами антисандинистские отряды. Все это он перебрасывал на самолетах, которые прежде принадлежали фирмам, тайно контролируемым ЦРУ.

Клинтон знал, что через Мену в страну поступали наркотики, но не предпринимал никаких действий. В этом вопросе для Морриса главным свидетелем является арканзасский полицейский Лэрри Дуглас Браун. Тот был телохранителем губернатора и с согласия Клинтона подал заявление о приеме на работу в ЦРУ. Дважды он принимал участие в операциях Бэрри Сила по поставке оружия для контрастас и дважды был свидетелем того, как на обратном пути контрабандист доставлял наркотики. Браун, сторонник тогдашнего вице-президента Джорджа Буша, больше не хотел заниматься темными делами. Он доложил Клинтону о контрабанде наркотиков.

Губернатор вовсе не был поражен. Пожав плечами, он спокойно воспринял известие и даже сказал своему телохранителю: «Твой герой Буш

тоже об этом знает». Посмеявшись, он добавил так, словно речь шла о самом естественном объяснении в мире: «Это торговля Лэсэтера».

Дэниэл Раймонд Лэсэтер — второй по важности друг Клинтона в Литл-Роке. Мультимиллионер и финансовый маклер, он, подобно Макдугалу, был одним из основных сборщиков пожертвований на предвыборные кампании губернатора и частым гостем на его вилле. Во время предвыборных поездок он охотно предоставлял в распоряжение Клинтоних свой самолет.

В ответ финансовый маклер получал государственные заказы, которые приносили ему все новые миллионы долларов. Однако любовь к кокаину, которым он угощал участников своих приемов и которым, упаковав наркотик в маленькие пакетики, однажды даже украсил свою рождественскую елку, привели к его падению.

Клинтон тоже нередко бывал в гостях у Лэсэтера. Но когда поздним вечером на свет появлялся обязательный сверкающий поднос с «дорожками» кокаина на нем, телохранители подталкивали своего шефа к выходу.

На судебном процессе, отличительной чертой которого снова было то, что работники правоохранительных органов не стали разбираться, куда ведут следы, финансового маклера за нарушение закона о наркотиках приговорили к 30 месяцам тюремного заключения. Через 10 месяцев он был помилован губернатором. В первый раз — но не в последний — Клинтону пришлось публично выразить сожаление о том, что его близкий друг заслужил наказание. От этого он почувствовал себя «совсем больным» и крайне

«опечаленным» тем, что наркотики разрушили карьеру его столь важного помощника. Губернатора спросили, не нюхал ли он сам когда-нибудь кокаин. «Нет, — ответил Клинтон. — По-моему, я даже не знаю, как эта штука выглядит».

Но как объяснить странную, несовместимую с губернаторским долгом терпимость по отношению к употреблению наркотиков в его окружении и — более того — по отношению к процветающей торговле ими в Арканзасе?

Кувшинников А. В. Кокаиновой петле. — М.: Советская Россия, 1987; Билл и Хиллари на вершине пирамиды // За рубежом. — 1996. — № 30.

Польстта Г., Лин Д. Кокаиновые короли // Иностранная литература. — 1991. — № 3.

Тыссовский Ю. Плантации «белой» смерти на земле Афганистана // За рубежом. — 1990. — № 24.

ЧАСТЬ X

ЖЕНЩИНЫ В ИХ ЖИЗНИ

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Наверное, правы те, кто уверяет, что женщины превыше всего любят успех. Ведь в Гитлере не было ничего от записного соблазнителя.

Но их слабость к нему превосходила все мыслимые пределы... Этот странно застенчивый человек приводил женщин в иступление: «Я сделала бы для него все», — говорила его секретарша Т. Юнге. Сестра Евы Браун, Ильза, как-то призналась: «Я чувствую, что таю в его присутствии».

Жена знаменитого певца фон Моноварда, которой он рассеянно поцеловал руку, приказала своему ювелиру изготовить из серебра пластинку с гравированной геральдической свастикой, которую четырьмя цепочками намертво прикрепила к заветному месту на правом запястье, чтобы таким образом навсегда сохранить от прикосновения профанов освященный губами Адольфа кусочек кожи. Другие несчастные жертвы безнадёжной страсти застывали в истерическом экстазе, когда проезжал кортеж их фюрера, и, несмотря на сигналы клаксонов и крики, не двигались с места. Этих окаменевших, растрепанных и в слезах женщин (часто потерявших свою обувь) давили неудержимо катившие машины их идола, которые, естественно, даже не останавли-

вались из-за такого пустяка. По пути следования они бросали цветы, часто устилавшие всю дорогу его автомобиля. Когда он произносил фантазмагорические речи, впавшие в экзальтацию дамы срывали с себя драгоценности и швыряли их по направлению к трибуне или на эстраду, где выступал их оракул...

Первой и, говорят, единственной настоящей любовью Гитлера была красавица брюнетка Анджела Раубаль, 20-летняя дочка его двоюродной сестры. Роман начался в сентябре 1929 года, когда она приехала из Вены к своей матери, работавшей экономкой в роскошных апартаментах Гитлера на площади Принца-регента в Мюнхене.

«Дядюшке Адольфу» было уже сорок лет, он проявил здоровую инициативу — взял на себя функцию покровителя и поселил Анджелу в соседней спальне под плотной охраной. Дядя появлялся с племянницей на общественных мероприятиях, оказывал ей знаки внимания, однако по ночам... Горничные, убиравшие спальню, обменивались сплетнями об «очень странных и невыразимо аномальных» отношениях, но об истине могли только догадываться. Кроме того, считая себя большим художником и коллекционируя порнографию, Гитлер рисовал Анджелу в самых непристойных позах. Говорят, она в слезах жаловалась подружкам: «Вы не представляете, какое чудовище мой дядя! Трудно вообразить, что он заставляет меня делать!».

Перепуганная племянница терпела эти притязания целых два года, а в 1931-м пустила себе пулю в сердце из пистолета «вальтер», принад-

лежавшего лично фюреру. Говорили, что для Гитлера ее смерть была большим ударом, и близкие боялись, что он сам может покончить жизнь самоубийством.

В середине 30-х годов Гитлер встретил 29-летнюю немецкую киноактрису Ринату Мюллер, ладно скроенную голубоглазую блондинку — образец арийской красоты. Ее свидания с Адольфом закончились драмой: Рината выбросилась из окна своего дома в Берлине. Другая версия — ее выбросили гестаповцы, обнаружившие, что попутно она имела любовника-еврея. Несчастливо сложились судьбы и других любовниц Гитлера.

Англичанка Юнити Митфорд выстрелила себе в голову в 1939 году, однако не погибла и прожила в полубезумном состоянии еще 9 лет. После любовного свидания с фюрером повесилась Сюзии Липтауэр, пыталась покончить с собой Мария Рейтер.

Что стояло за этими смертями и попытками самоубийства? Сексуальные отклонения Гитлера? Или женщин убирало гестапо, охранявшее репутацию фюрера?

Еще при жизни Гитлера ходили слухи, что он гомосексуалист, но его близкий коллега Альберт Шпеер утверждал: «Эти обвинения лживы. Заботы Гитлера и долгие часы работы зачастую обостряли его сексуальные желания, ему даже приходилось принимать успокоительные таблетки... но гомосексуалистом он не был!». Исследователь жизни фюрера Гленн Инфилд писал: «Свидетельства многих женщин, с которыми он спал, — многие еще живы — доказывают, что он

ценил женское тело. Они смеются над заявлениями, что Гитлер был гомосексуалистом, и их свидетельства убеждают».

Он принимал визиты дам: штурмбаннфюрер СС Ганс Линге проставлял в таких случаях в графе «личное» своего еженедельника дату и два инициала. Этот удивительно хорошо вышколенный слуга одного господина — как его ни просили со всех сторон — так и остался с «защитым ртом», не раскрыв инкогнито и секреты своего хозяина. Однако наблюдательная жена адъютанта личной охраны фюрера Шаубе, фрау Вильма Шаубе, оказалась менее скромной и охотно цитирует имена и даты. С ее слов, между прочим, Гитлер в 24 года ублажал еврейку Иоганну Ваксман, пробыв с нею целых три месяца, в 25 лет познал, но не задержал возле себя Хелену Рокштайн, а в 29 лет у него была замужняя медсестра Грета Шмидт, та самая, которую ревнивый муж вместо того, чтобы бросить, застрелил 6 апреля 1920 года прямо на вокзале Шарлоттенбурга.

Политик Гитлер сознательно, и не только тогда, когда еще шел к власти, поощрял романтический ореол вокруг своей персоны; к тому же было приятно слышать рядом со своей фамилией имена из высших кругов: Лиль Дагобер, Тианы Лемниц, Паулы Вессели, Маргарет Слезак, Ольги Чеховой, Лени Рифеншталь и многих, многих других...

Зарубежным историкам удалось раздобыть немало сведений об интимных отношениях фюрера с особами, состоявшими между собой в родстве через Эрнста Ханфштенгля — аристократа,

ценителя искусств и коммерсанта, который в начале 20-х попал под воздействие национал-социализма. Это — жена Эрнста Хелен и его сестра Эрна. Среди предков Эрны и Эрнста Ханфштенглей были полководец Мольтке, композиторы Шуман, Лист и Вагнер, а их родители находились в приятельских отношениях со знаменитым американским писателем Марком Твенем, поскольку жили в США. Впечатления о своей первой встрече с Адольфом в мюнхенском трамвае Хелен зафиксировала в дневнике: «На остановке вошел стройный, застенчивый молодой человек с отсутствующим взглядом пронзительно голубых глаз. Одет он был почти убого: дешевая белая сорочка, черный галстук, поношенный темно-синий костюм, поверх которого была надета совсем не подходящая темно-коричневая кожаная куртка». Следующую фразу — «И тут мой муж познакомил меня с ним» — Хелен зачеркнула. Вероятней всего, она сделала это много лет спустя, после развода с Эрнстом, когда тот в свою очередь порвал всякие отношения с Гитлером и вернулся в США.

«Мы обменялись несколькими фразами, — продолжает мемуаристка, — и я предложила этому человеку приходить к нам обедать, когда у него будет время. С этого дня он стал у нас постоянным гостем, наслаждавшимся тихой и уютной атмосферой нашего дома. Время от времени Адольф играл с моим сыном Эгоном или излагал свои политические воззрения. Я думаю, он любил бывать у нас чаще, чем у других, потому что мы общались с ним не как со знаменитостью, а как с равным.»

Жена Эрнста Ханфштенгля была настоящей светской дамой, каких Гитлер прежде не встречал. Ее аристократическая простота, женское обаяние и утонченные манеры пленили будущего фюрера, чувствительного к людям «голубых кровей». Спустя десятилетия Хелен не без гордости отметит, что она была чуть ли не единственной женщиной в окружении лидера национал-социалистской партии, способной «высечь из него случайную искорку веселья». Однако она же находила в нем талант подлинного лицедея. Особо магическое воздействие, по мнению фрау Ханфштенгль, оказывал на людей голос фюрера. По всей видимости, об этом догадывался и сам Адольф, который, ухаживая за Хелен, подкреплял свое красноречие «демоническими» взглядами. Тем не менее ее интеллигентный муж, наблюдавший за этим флиртом с легкой иронией, не видел в Гитлере соперника.

Так продолжалось до ноября 1923 года, пока Гитлер не потерпел провала со своим «пивным путчем». В панике он примчался в дом Ханфштенглей, где Хелен укрыла незадачливого «спасителя нации» от преследовавших его полицейских в платяном шкафу. На утро ей едва удалось выхватить из его рук пистолет, посредством которого путчист хотел свести счеты с жизнью. Она же впоследствии убедила его прекратить голодовку в тюрьме, куда он угодил по обвинению в попытке государственного переворота. Именно к тому времени, когда отношения между Хелен и Адольфом приобрели наибольшую доверительность, относится эпизод, о котором вспоминал ее сын Эгон.

Однажды вечером Гитлер и фрау Ханфштенгль уединились на софе в гостиной. «Он испытывал душевное и физическое влечение к моей матери, — пишет Эгон. — Было в ней что-то такое, что вызывало в нем трепет. Момент был подходящий: вместе, одни, в сумерках. Когда я переступил порог комнаты, я увидел человека, ползавшего на коленях у ног моей матери. Зарывшись головой в складки ее платья, он стонал, как в бреду: «О, если б нашлась душа, которая могла бы меня приголубить!»».

Завидев меня, мать тотчас оттолкнула гору-ухажера и принялась успокаивать его, разревевшегося, словно мальчишку. Гитлера шатало, его руки повисли как плети, он едва не рухнул на пол, садясь на софу. Теперь я понимаю, что сердце моей матери разрывалось от влечения к этому человеку, но, будучи дамой высшего света, она не могла себе позволить слабости в моем присутствии, поэтому, овладев собой, она задала ему вопрос:

— Почему же вы тогда не женитесь?

В ответ Гитлер сделал протестующий жест и произнес фразу, которая запала мне в память:

— Я никогда не смогу жениться! Вся моя жизнь отдана Германии...»

Другой мемуарист описывает эпизод, когда Хелен пыталась научить Адольфа вальсировать, но тот наотрез отказался:

— Венские вальсы слишком женственные! — отчеканил он. — Настоящий мужчина не может их танцевать. Именно они и довели до упадка Австрийскую империю!

Итак, классического треугольника в отноше-

ниях между Гитлером и четой Ханфштенглей не получилось: муж Хелен отказывался воспринимать такого соперника всерьез.

Симпатизируя идеям национал-социализма, он, по всей видимости, иронически относился к деятелю, намеревавшемуся воплотить их в жизнь. Однако между Гитлером и семейством Ханфштенглей вскоре возникла другая связь — на сей раз через сестру Эрнста, Эрну.

Биографы фюрера сообщают о неизгладимом впечатлении, которое произвела на него эта женщина в тот момент, как он впервые увидел ее на светском рауте в Байрейте. Был разгар инфляции, Германия сидела на комбижире и эрзац-кофе, но большинство высокопоставленных дам явились на прием в бриллиантах. И только на Эрне их не было, хотя именно она затмила собой весь свет в глазах Гитлера. Эта дама была красавицей блондинкой с пышной копной волос; одевалась она провоцирующе: простая короткая белая юбка и блузка, никаких украшений или ярко покрашенных ногтей.

О том, что чувства восходящей на тогдашнем политическом небосклоне звезды не остались без взаимности, свидетельствуют высказывания самой сестры Эрнста Ханфштенгля. Вот как описывает Эрна день, когда она решилась пригласить к себе на завтрак нацистского лидера:

«Мне удалось раздобыть через одного знакомого из деревни несколько яиц и наскрести достаточно жира, чтобы приготовить яичницу. Кроме того, я сделала салат; мне очень хотелось произвести на этого мужчину впечатление, поэтому я сделала все, что могла... После

еды Гитлер несколько расслабился. Я помню, он много и с увлечением говорил о политике, внимательно выслушивая мои контрдоводы. И, надо признать, совершенно не пугал меня, девушку, происходившую из некогда богатого дома, в котором было 14 слуг, лошади и английская гувернантка. В тот день я подумала: вот молодой человек, получивший диплом за хорошую учебу подобно многим другим выходцам из простых семей».

Аристократическое происхождение и воспитание не позволяли Эрне кривить душой даже перед нацистом № 1.

«Откажитесь от антиеврейской и антирелигиозной направленности своей программы, и тогда с вами не случится ничего худого, — порекомендовала ему она. — Поезжайте в Америку, и вы увидите, как образцово решены там эти проблемы!». В ответ Гитлер лишь покачал головой.

«Я узнала, что он стал ненавидеть евреев, еще когда жил в Вене, — продолжает Эрна. — В то время венское общество находилось под их господством: их женщины имели лучшие бриллианты, меха и духи. Было нетрудно не любить их. Мы же в Германии отчаянно бедствовали. Такие, как я, не имели даже нижнего белья и зачастую вынуждены были обходиться одним-единственным платьем. Мы должны были беспомощно взирать на миллионы брошенных на произвол судьбы немецких солдат, у которых не было ни хлеба, ни работы. Вот почему слова Гитлера доходили до наших сердец: он давал обездоленным шанс получить корку хлеба, молоко для детей и даже какую-то работу. В то время он был тще-

душным, но забавным человечком, ниже меня. Но он пробуждал в нас надежду, ради которой каждый был готов идти за ним.»

Особый резонанс у современников приобрел флирт Адольфа с Мартой Додд, дочерью посла США в Германии Уильяма Додда. Этот ученик Вильсона и декан исторического факультета Чикагского университета бледно играл свою роль представителя великой страны. Он даже плохо говорил по-немецки, хотя год проучился в Лейпциге. Зато его чрезвычайно хорошенькая дочь, закончившая один из лучших колледжей Штатов, как это называется, очень любила жизнь. Кокетливая, легкомысленная и обворожительная, она эпатировала общество своими смелыми чарльстонами и суперкороткими (для всех времен) платьями. Она сначала испытала чувство удивления и возмущения, когда, несмотря на то, что была минимально одета, фюрер якобы даже не соизволил ее заметить. На самом деле Марта попала ему на глаза еще в Байрете, на одном из представлений его любимого «Парсифаля», и показалась похожей на Гели. Фюрер пригласил ее в Кайзерхоф и после этого стал с ней встречаться. Видя, как Ханфштенгль зачастил в американское посольство, кое-кто начал поговаривать о немецко-американском сближении; Марта со своей стороны также старалась вовсю: она провозгласила, что испытывает пылкую страсть и в любовном томлении мечтает только об одном — почаще видеть своего фюрера. Увы, в романтические отношения вмешались вечно подозрительные спецслужбы: Геринг внезапно добыл документы, из которых неопровержимо

следовало, что веселая Марта Додд, так хорошо танцевавшая современные танцы, не только алкоголичка, наркоманка и замешана в преступлениях, но и, что гораздо серьезнее, является агентом НКВД!

Гитлер был испуган и шокирован. Он отказался ее видеть и бойкотировал даже на крупных дипломатических приемах.

Поговаривали, что она в отчаянии пыталась вскрыть себе вены, но этому никто не верил.

Так ли это, и была ли девушка супершпионкой?

После войны госпожа Додд вышла замуж за миллионера Штерна, а в пресловутые времена маккартизма им обоим было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу СССР. Супруги бежали в Чехословакию и стали жить в Праге.

Хорошо известен самый долгий роман Гитлера — с Евой Браун, с которой он сочетался браком 29 апреля 1945 года, за день до того, как дать ей цианистый калий и застрелиться самому.

Ева стала его любовницей в 1932 году, она была на 23 года моложе Адольфа. Интеллектом баварская красотка не блистала, зато покорила фюрера своей спортивной фигурой — сексуальная близость превалировала в их отношениях. Правда, Еве пришлось подвергнуться операции, а вскоре после ее полного выздоровления хирург-гинеколог погиб в автокатастрофе, унеся с собой еще одну тайну, связанную, хотя и косвенно, с фюрером...

Иногда Ева появлялась со своим любовником на общественных сборищах, ей хотелось призна-

ния, и она писала с болью в своем дневнике: «Я ему нужна только для определенных целей... это идиотизм!».

Однажды она рассказала Отто Скорцени, первому диверсанту рейха: «Он даже не снимает свои ботинки, и иногда мы не успеваем добраться до постели. Мы ложимся на пол, там он очень эротичен».

Гитлеру нравилось любоваться обнаженной Евой, он предпочитал раздевать ее сам, одну часть туалета за другой, — этот ритуал приводил его в экстаз. Даже на отдыхе он просил Еву загорать и плавать обнаженной, порой делал ее фотографии для большой порноколлекции. Самое пикантное, что фюрер снимал ее ягодицы и объяснял это боязнью, что фото могут попасть в чужие руки.

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ

В судьбу Юзефа Пилсудского жемчужинами вкраплены женщины, к которым он испытывал особую привязанность. Первую любовь познал он в сибирской ссылке. К Леонарде Левандовской, тоже ссыльной. Ее срок окончился на два года раньше. Леонарда уехала на родину, полтора года слали они друг другу страстные письма. Но в последнем послании он написал слова, оказавшие роковыми для бедной девушки: «Я, хотя и люблю тебя, отдал себя другому человеку... Забудь обо мне, я не достоин тебя. Если можешь, прости. Прощай навсегда». Ескоре Леонарда наложила на себя руки.

По возвращении из Сибири глава польских социалистов влюбился в Вильно в известную красавицу Марию Юшкевич. Его соперником оказался будущий лидер польской национальной демократии Роман Дмовский. Победу одержал социалист. Сыграл с Марией свадьбу, заполучил в виде Дмовского извечного врага как в политическом, так и в личном плане. Счастливая, но полная тревог супружеская жизнь конспираторов-подпольщиков продолжалась семь лет, пока отважный боевик в Киеве во время разработки плана ограбления банка не встретил «товарища Олю» — Александру Щербинскую, чьи молодость и обаяние сразу покорили его. Но Мария согласия на развод не дала, и Пилсудский полтора десятка лет метался между этими двумя женщинами: формальной супругой и женой истинной, пока, наконец, смерть Марии в 1921 году не развязала любовникам руки. На похоронах Начальник государства демонстративно отсутствовал и спустя два месяца повел Александру под венец. Они нажили двух дочерей — Ванду и Ядвигу, которых отец просто обожал. В конце двадцатых годов новое, подобное лебединой песне чувство постигло Пилсудского — к студентке Варшавского университета Евгении Левицкой, с которой он познакомился на отдыхе в Друскенинкае. Покрытая тайной связь длилась несколько лет, вплоть до 1930 года, когда диктатор взял с собой в отпуск Евгению на Мадейру.

Что между ними произошло — неизвестно, но Евгения одна и скоропалительно покинула Мадейру, а через месяц ее нашли мертвой с яв-

ными признаками химического отравления. Так трагически оборвалась и первая и последняя любовь этого человека.

ХУАН ДОМИНГО ПЕРОН

Красавец мачо, выросший среди аргентинской пампы в отцовском поместье, был высок, строен, черноглаз и румян. Представительный юноша выбрал ремесло военного. Карьера шла как по маслу — Хуан Доминго отлично учился, стал штабным офицером, рос в чинах, женился на музыкантше, блистал среди золотой молодежи Буэнос-Айреса.

Через десять лет умерла от рака жена. Убитый горем Перон покинул Аргентину — поехал служить военным атташе в Италию. Муссолини ему понравился. В Европе перед войной было на что посмотреть — он съездил в Германию, Испанию, Португалию. Хотел даже в Россию (не пустили). Домой вернулся с идеей «особой миссии Аргентины в Латинской Америке» и проектом «Группы объединенных военных».

Страну сотрясали военные перевороты. Способный полковник рвался к власти. Он стал лидером «Хунты обновления». В 1943 году, после очередного путча, — вице-президентом, министром обороны и министром труда. Ходил в народ. Хорошо смотрелся в расшитом мундире, неплохо в рабочей блузе. Женщины вешались ему на шею. Он не отказывался — не мог жить один. В одну прекрасную ночь в его объятиях оказалась молодая белокурая актриса Ева Дуарте.

Ей было за 20, Перону 50. Ева была из низов — внебрачный ребенок, позор семьи, — но была хороша собой и честолюбива. Без денег и связей пробивалась наверх. Играла в радиосериале великих женщин. Роман с вице-президентом открыл для нее политическую сцену.

Вскоре случился очередной переворот. Перона арестовали. В тюрьме он пал духом — решил бросить политику, жить как частное лицо. Предлагал подруге уединиться в сельской местности. Ева не хотела тихих радостей. «Ты нужен народу Аргентины. Мужайся!» — заклинала она. Народ Аргентины устроил всеобщую стачку. Через неделю Перона освободили. Толпы полуголых гаучо стекались в город из окрестностей — приветствовать своего героя. Перон снял мундир, закатал рукава рубашки: «Я хочу слиться с моими безрубашечниками!». Он оформил гражданский брак с Евой и начал борьбу за президентское кресло.

Это был их звездный час. Ева оказалась блестящим режиссером — избирательная кампания превратилась в сплошную фиесту. Люди пели, плясали, спали на площадях. Дневные шествия, ночные шествия, всенародные трапезы. Ева шла в первых рядах, почти без охраны, разбрасывала деньги, раздавала еду. Она всегда улыбалась (верхние зубы слишком выдавались вперед, улыбка это скрывала).

Вершиной избирательной кампании стала их свадьба. Они вышли к многотысячной толпе из костела — красавец и красавица. Могучий воин и кроткий ангел. Правитель и заступница. Аристократ и «безрубашечница». Союз военных и на-

рода. Объединение нации. Перон получил на выборах абсолютное большинство.

Ева навела порядки железной рукой — Женская партия, Союз молодежи, Конфедерация труда. Перонизация страны. Элита ее ненавидела, в народе считали святой. «Хустисиалиста» — справедливая — так ее называли. Перон пытался сделать ее вице-президентом, но воспротивились военные. Культ Евиты не успел превратиться в фарс — пробыв у власти 7 лет, она ушла из жизни, не дожив до 33-х. Рак крови сжег ее за несколько месяцев. Ей хватило духу сделать из своей болезни прощальное шоу. Она продолжала выступать на митингах. Чтобы скрыть страшно исхудавшие ноги, ей пришлось надевать брюки. Скрыть лицо было невозможно — толпы рыдали. В последней речи она сказала: «Умрите за Перона!».

Тело Евиты забальзамировали. Еще при ее жизни между врачами разгорелось соперничество за этот почетный заказ. Эскулапы интриговали: «Доверьтесь мне, и я сделаю из вас мумию XX века!» — писал ей один из претендентов. Согласно ее завещанию, саркофаг с телом выставили для публичного обозрения в штабе профсоюзов.

После ее смерти Перон впал в прострацию. Без особого сопротивления он дал себя свергнуть и удалился в изгнание. Хунта вытащила мумию Евиты из саркофага и захоронила за океаном — в Италии. Осиротевший Перон скитался по дружественным диктатурам. Гостил у Стресснера, Сомосы.

Наконец, осел у Франко. Боязнь покушения

превратилась в манию. На банкете в день своего 60-летия он не мог заставить себя есть — ему казалось, что еда отравлена. Неожиданно одна из танцовщиц вызвалась попробовать блюда — она готова была «умереть за Перона».

Через месяц Мария-Эстелла Мартинес (партийная кличка «Исабель») стала его женой. А также его ближайшим доверенным лицом и политическим советником. Перон начал борьбу за свое возвращение.

Они вернулись через 18 лет. Перон стал к тому времени дряхлой развалиной, с простатитом, подагрой и болезнью сердца. Он вернул на родину мумию Евиты. Исабель привезла знахаря Реги. Бывший лакей (изначально он выгуливал собачку Исабель) колдовством лечил Перона от мужской немоци. На правящую чету пала тень «аргентинского Распутина». «Исабель — дешевка, фальшивка, Ева вела бы себя не так!» — был общий приговор. Любовь к Евите была ревнивой и неподкупной. (Когда Мадонна, готовясь к роли Евиты, посетила Аргентину, перонисты закидали бесстыжую тухлыми яйцами.) Через год Перон умер. Исабель продержалась у власти еще два года. Следующая хунта перезахоронила Евиту в третий раз.

ФРАНСИСКО ФРАНКО

Детство, отрочество и юность Франсиско Франко прошли в казарме. Сын портового казначея не мог рассчитывать ни на семейные связи, ни на протекцию. Он был тщедушен, мал ростом,

до крайности замкнут и усерден. Однокашники над ним потешались — пока они кутили в барах и бегали за девчонками, строгий юноша сидел в библиотеке.

Окончив колледж, Франко отправился воевать в Марокко. Молодой офицер оказался бесстрашен, набожен и трудолюбив. Шумихи не любил. Крови не боялся. Приказы выполнял не раздумывая. Быстро продвигался по службе.

Вернувшись в Испанию, застенчивый плебей влюбился в аристократку. 15-летняя Кармен Мария Поло э Мартинес Вальдес принадлежала к лучшему семейству в городе Овьедо. Как водится, она воспитывалась в монастырской школе. Началось ухаживание, церемонное и страстное. Чтобы увидеть милую, Франко ежедневно выстаивал заутреню. Под церковными сводами посылал ей пламенные взгляды и ловил ответные взмахи кружевного платочка. Вслед за ней опускал руку в чашу со святой водой. Следуя в отдалении, как подобает истому идальго, сопровождал ее на прогулках по городу. А через несколько месяцев встретил с букетом у школы и сделал предложение. Потрясенная «решимостью столь робкого человека», она дала согласие. Семья Кармен отказала. Выходить за «ничтожество без будущего», за «жалкого армейского майора», когда вокруг полно женихов из высшего общества! Франко снова отправился на войну в Марокко — становиться человеком из высшего общества. Кармен решила его ждать.

Через шесть лет тридцатилетний подполковник, командир Иностранного легиона, кавалер «Военной медали», придворный с титулом по-

стельничего, приближенный короля Альфонса XIII мог не бояться отказа — он стал более влиятелен, чем семья невесты.

Счастливым молодожен не изменил своим привычкам — на людях держался с ритуальным высокомерием испанского гранда. Его «ни разу не видели улыбающимся, любезным или проявляющим хоть какое-то чувство». Набожная Кармен ходила в глухом черном платье, усыпанном бриллиантами. Это была безупречная католическая чета. Друзья Франко не сомневались, что до свадьбы он оставался девственником и после не знал других женщин, кроме своей жены. Такой непомерной строгостью Франко добился неприятностей: поползли слухи, будто он импотент. Передразнивали его тонкий голос. (Раз, услышав это, он вышел-таки из себя — наорал на обидчика. Но до мести не снизошел.) Сплетники жалели Кармен, которая с таким достоинством несет свой крест. Поговаривали, что их дочь Карменсита не от Франсиско, а от его младшего брата Рамона.

По Рамону сходила с ума вся Испания — обаятельный шалопай, первый авиатор страны, герой перелета через Атлантику. Любимец армии и женщин имел внешность благородного бандита и полковую кличку Шакал. Юноша был строптив и непокорен. Романтический семейный темперамент брал свое — Рамон был против короля, против диктатуры, против церкви, против брата. Называл его фашистом и реакционером, разбрасывал с самолета листовки, призывая свергнуть монархию. Но своя кровь не вода: когда Франко поднял мятеж, Рамон встал под знамена старше-

го брата и погиб в воздушном бою над Средиземным морем.

В память обо всех погибших в гражданской войне Франко прикажет потом воздвигнуть в горах гигантский крест. Под ним перезахоронили прах «двух Испаний» — победителей и побежденных. Патриотизма ему было не занимать — в свое время на требование Гитлера пропустить немецкие войска к Гибралтару союзник ответил: «В случае иностранного вторжения испанцы поднимут восстание». (Гитлер его вообще терпеть не мог — говорил, что предпочитает пойти к дантисту и вырвать три или четыре зуба, чем полчаса проговорить с этим нестерпимым занудой.)

Он действительно был занудой и жмотом — из-за стола диктатора гости вставали голодными. Жена копила бриллианты. Каудильо мучил молодого короля нескончаемыми беседами о морали и долге — у Франко не было сына. Заботу о католическом воспитании народа он считал своим первейшим делом. Разводы были запрещены, контрацептивы тоже, за супружескую измену полагался штраф, за сводничество — тюрьма.

Испанцы очень уважали каудильо, но запреты обходили. В последние годы его правления число внебрачных детей росло неудержимо, поездки в соседнюю Францию «на аборт» вошли в привычку, а испанские проститутки считались самыми дешевыми в Европе. Путешественники с ужасом описывают аптеки, лавочки и бары тогдашней Барселоны как гадкие, грязные притоны. Стены подпольных борделей украшали

официальные плакаты «Храни тебя Господь!». (Кого хранить, не писали — и так ясно.) Диктатор с ледяным взглядом и старушечьим голосом ушел из жизни, любимый своим народом.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

Испанцам нравился ледяной гранд Франко, аргентинцы любили крутого мачо Перона, итальянцы обожали развязного Муссолини. А заносчивого Троцкого следует считать, видимо, секс-символом безродного космополитизма.

Лев Троцкий был, несомненно, самым интересным мужчиной русской революции. Железный наркомвоенмор — черная кожанка, маузер на боку, стрельба без промаха. Личный бронепоезд с баней и типографией, личная гвардия революционных матросов, личное знамя. Первый оратор партии, вождь армии, изобретатель трудармии. Юлий Цезарь перманентной революции.

Потом повадка короля в изгнании, надменный близорукий взгляд из-за стекол пенсне. Бешеная жестикуляция южнорусского провинциала, торопливая речь на шести европейских языках. Книги, статьи, памфлеты. Толпы поклонников во всем мире (до сих пор). Смерть романтического героя от рук злодеев.

Но сначала 17-летний сын еврейского арендатора попал с отцовского хутора в революционную тусовку города Николаева. Реальное училище, коммуна народников. Пылкий мальчик нуждался в женском руководстве. Аня Соколовская, «де-

вущка с нежными глазами и железным умом», посвятила наивного коммунара в марксизм. Она была старше его и опытнее — и в революционных делах, и в сердечных. Роман продвигался, подпольная работа тоже. Вскоре организаторов «Южнорусского рабочего союза» арестовали. Раввин оформил их брак в Бутырской тюрьме. Молодоженов сослали в Иркутскую губернию. За два года родились две дочери. Когда младшей шел четвертый месяц, Троцкий, заручившись согласием и одобрением жены, бросил ее с детьми в Сибири и бежал в Европу — продолжать дело революции.

Свою судьбу он нашел в Париже — Наталья Седова скучала замужем за вяловатым и умеренным социал-демократом. Она была дамой тонкой и образованной, сочувствовала идеям переустройства мира. Но скверные манеры русских социалистов приводили ее в уныние — грязные ногти, несвежие рубашки, лоснящиеся пиджаки. Ленин, посещая Гранд-опера, не выпускал из рук парусинового портфеля с партийными бумагами.

22-летний Троцкий был неотразим — местечковая пылкость, растрепанные кудри, голубые глаза. Седова бросила мужа и занялась воспитанием способного провинциала — учила одеваться, вести себя в обществе. До этого случались анекдоты — проездом в Вене он заявился в 6 утра к корифею европейской социал-демократии Фридриху Адлеру — представиться. Потребовал разбудить: «Я бежал из ссылки!». Добился, разбудили — напора Троцкому было не занимать.

Седова водила его по музеям, подсовывала

книжки, показывала Париж. Париж показался «вроде Одессы, но Одесса лучше». Рубенс был слишком сытым, Пюви де Шаванн слишком блеклым, Люксембургский сад слишком ухоженным. С литературой тоже были проблемы — не нравился Бальзак, нравились комиксы про Фантомаса.

Так или иначе, Троцкий обтесался в Европе на диво быстро — обзавелся приличными манерами, недурным вкусом и даже некоторыми понятиями об искусстве. Его считали снобом — на заседаниях Политбюро Троцкий читал французские романы.

Все 38 лет жизни с Седовой он оставался мужем любящим, но не то чтобы верным. Библейский темперамент толкал его в объятия женщин артистических, авантюрных и странных.

Роман с Ларисой Рейснер закрутился в самый разгар гражданской войны. В ходе боев под Казанью туда прибыла волжская флотилия. На капитанском мостике стояла в реквизированном бальном платье «валькирия революции» — жена и адъютант командующего Федора Раскольниковова.

Лариса слыла женщиной лихой даже по тем временам. Красавица аристократка, слегка потесса, немного актриса. Блок и Гумилев говорили ей комплименты, матросы рассказывали похабные байки. Приказ о знаменитом залпе 25 октября привезла на «Аврору» она. Она же стала комендантом захваченного большевиками Зимнего. Говорили, что она принимала любовников в постели последней императрицы и обчистила дворцовый гардероб.

Вишневский воспел ее в «Оптимистической трагедии».

Портрет оказался слабее оригинала — Лариса не собиралась умирать. Утомясь в боях, она принимала в захваченных поместьях ванны из шампанского и писала родственникам письма — приглашала погостить.

Раскольников, по-видимому, знал об измене жены, но сохранял лояльность всесильному наркомвоенмору. Зато в 23-м году он поддержал Сталина в партийной дискуссии против Троцкого — с нее началось падение диктатора.

Троцкий обидел в своей жизни многих мужей. Последним из них был Диего Ривера. Спасаясь от ГПУ, Троцкий прибыл в Мексику. Ривера принял его в своем доме как великий человек — великого человека. Знаменитый художник слыл заговорщиком, мистификатором и вообще опасным типом. Любил шутки. Желая развеселить Троцкого, рассказывал ему, что сидел в Париже на специальной диете — ел человеческое мясо. Троцкий верил, с ужасом говорил Седовой: «Ривера — чудовище, хуже Сталина».

Жена была ему под стать. Она ходила на костылях — ноги, позвоночник и женские органы Фриды Кало были искалечены в автокатастрофе. Риверу она приворожила — пришла в мастерскую и часами неотрывно смотрела на него. Диего бросил жену, Фрида стала художницей и коммунисткой. Временами она сбегала от него в Нью-Йорк и, преодолевая боль, отдавалась за неделю десятку мужчин — брала реванш за увечье. Пропустить «красного Бонапарта» она не могла. Ей было 29, Троцкому 57.

Троцкий потерял голову. Сказав жене, что едет собирать кактусы, он уединился с любовницей на горной фазенде.

Конспиратор он был плохой. Седова немедленно все узнала и потребовала объяснений. Она заявила, что не станет мешать счастью мужа и покинет его. Испуганный Троцкий, не решаясь показаться на глаза, писал ей: «Умоляю, перестань состязаться с женщиной, которая значит для меня так мало... я полон желаний обладать моей Натой... я полон стыда и ненависти к себе. Твоя старая верная собака». Седова простила, но замазала лицо Фриды на всех фотографиях.

Через три года Троцкого убили. Глаза диктатора закрыла старая верная жена. Ривера, рассказывая позднее о своей странной дружбе с Троцким, напускал на себя таинственный вид: «Я выполнял специальное задание», — и разглаживал воображаемые усы.

БЕНИТО МУССОЛИНИ

14-летний Муссолини подписывал любовные письма к подружкам так: «Преданный тебе и социальной революции Бенито». В социальной революции ему больше всего нравилось прямое действие и насилие пролетариата. В любви — тоже. «Я схватил ее на лестнице, затолкал в угол и овладел ею. Поднявшись, вся в слезах, она оскорбила меня, сказав, что я отнял у нее честь. Это невысказано! Спрашиваю вас, какую такую честь она имела в виду?»

Молодой пролетарий, сын сельского кузнеца

не церемонился с подружками. Во всяком случае, так он писал позднее в автобиографии. «Я приучал ее к своей исключительной тиранической любви... Она слепо мне повиновалась и позволяла располагать собой, как мне заблагорассудится... Как и все прочие, она любила меня до безумия.»

Жестокий тиран деревенских девок, похоже, не надеялся, что ему дадут добром. Поэтому применял банальную уловку: обещал жениться. Во всяком случае, своих подружек он называл «невестами». Когда же нашлась девушка, которая и в самом деле согласилась выйти за него, Муссолини готов был своротить горы.

Ракеле была не чужая — дочь любовницы его отца. В деревне поговаривали даже, будто жених и невеста брат и сестра. Родители девушки отказали. Бенито был не из тех, кому говорят: «Нет». Он явился к ним в дом с револьвером и пригрозил: либо ему отдадут Ракеле, либо он убьет ее и себя. «Похороны или свадьба.»

Родители выбрали свадьбу.

Муссолини проявил себя настоящим Отелло. Уходя, запирал жену на замок. Не позволял ей одной выходить из дома. Себя он, впрочем, связанным брачными узами не считал. Если жена пыталась ревновать, попросту колотил ее.

Семейная жизнь надоела Муссолини довольно быстро. Оставив жену в деревне воспитывать троих детей, он перебрался в Рим.

В столице скромный учитель из провинции сделал блестящую карьеру журналиста. Его стиль был неотразим: «Мы удавим последнего аристократа кишками, выпущенными из брюха

последнего священника!». Муссолини избрали редактором «Аванти!» — главной газеты итальянских социалистов.

Изменился круг женщин, которые «любили его до безумия», — Муссолини потянулся к интеллектуалкам. Анжелика Балабанова, дворянка из Черниговской губернии, профессиональная революционерка, получившая образование в Сорбонне, стала его любовницей и заместителем по «Аванти!».

Примерно в то же время он сошелся с Ледой Рафанелли, экстравагантной уродиной, анархисткой-экстремисткой. Из мазохизма и любви к справедливости она приняла ислам. Характер у нее был не сахар — она дразнила Муссолини выскочкой, издевалась над его наполеоновскими замашками и, хуже того, — считала никчемным любовником: он слишком торопился. В 14-м году Муссолини вышел из соцпартии и стал фашистом. Оскорбленная Леда выставила предателя за дверь. Он таких вещей на забывал — через много лет Рафанелли оказалась под надзором полиции.

Экзальтированная австриячка Ида Дальсер принесла Муссолини сына. И требовала на этом основании, чтобы он на ней женился. Устраивала публичные сцены (почему-то все женщины устраивали ему сцены). Став диктатором, он упрятал настырную в сумасшедший дом.

Художественным образованием Муссолини занималась Маргерита Сафатти — элегантная еврейка из профессорской семьи. Маргерита работала критиком в «Аванти!», затем стала под влиянием любовника фашисткой (итальянский

фашизм на первых порах не был антисемитским) и редактировала влиятельный интеллектуальный журнал «Иерархия». Эта связь продолжалась 20 лет. Считалось, что именно Маргерита определила стиль Муссолини.

Со стилем были проблемы. В годы пролетарской юности Муссолини ходил как гопник — ему нравилось эпатировать буржуа. Став диктатором, полюбил побрякушки — шляпы с перьями, золотые сабли, расшитые мундиры. Униформа фашистов была скорее опереточной, чем устрашающей: черные рубашки, зеленые галифе, белые краги, желтые ботинки.

Стиль определился только к началу 30-х годов — Муссолини подражал римским императорам вульгарно, но доходчиво. Он выпячивал подбородок, как Нерон, и брил голову — ему льстило, что Цезарь тоже лысел. Занимался культуризмом, охотно позировал с голым торсом. Носился с огромной скоростью на мотоцикле, скакал на лошади, управлял аэропланом. Любил холодное оружие. В официальной биографии указывалось огромное количество дуэлей: фашисты — люди чести. (Насчет дуэлей не врут — еще в 11 лет он серьезно пырнул одноклассника ножом.) Римские солдаты когда-то пели про Цезаря: «Прячьте жен, ведем мы в город лысого развратника». Муссолини завел специальную службу — письма поклонниц сортировали, фотографии придирчиво просматривали. После тщательной полицейской проверки желающие получали «доступ к телу». Позднее в Италии выходили воспоминания его многочисленных мимолетных любовниц. Вспоминать,

по сути, было нечего — кроме того, что дуче был необъяснимо груб. Видимо, он не придавал большого значения чувствам своих наложниц. Но с одной из них суровый диктатор оказался сентиментальным слабаком.

Клара Петаччи бросилась ему на шею прямо на улице. Точнее, на автостраде. Высунувшись из встречной машины, юная девушка в экстазе махала рукой правительственному кортежу.

Муссолини приказал развернуться и догнать автомобиль. Во дворце «Венеция» ей отвели покой с отдельным входом. Дуче прятал ее, но не очень тщательно. Он годился ей в отцы. Над ними смеялась вся Италия. Это была настоящая итальянская страсть — как в кино. Она закатывала ему истерики, упрекала в многочисленных изменах, грозила покончить с собой, если он ее разлюбит.

После каждого скандала у Муссолини открывалась язва. Месяцами он питался одной рисовой кашкой, не спал ночами, окончательно облысел. Через десять лет такой жизни обессиленный диктатор решил — баста! В один прекрасный день охрана не пустила Клару во дворец. Разъяренная женщина расшвыряла карабинеров и прорвалась к Муссолини. Она рыдала, рвала на себе волосы и пыталась исцарапать ему лицо. Она хотела, чтобы он ее любил. Дуче сдался.

Итальянский фарс закончился античной трагедией. После падения фашистского режима Муссолини с любовницей пытались бежать в Швейцарию. Машину, в которой они ехали, перехватили партизаны-коммунисты. Муссолини

поставили к стенке. Петаччи выскочила из машины и бросилась к нему. Ей приказали отойти. Она молча обняла Муссолини. Трупы дуче и его любовницы были подвешены вверх ногами на главной площади Милана.

ДЖОН КЕННЕДИ

Всеми миру 35-й президент США Джон Фицджералд Кеннеди — Дж. Ф. К. — казался любимцем богов. Для молодежи он был кумиром. Лишь без малого три года — с января 1961 года по ноябрь 1963-го — Кеннеди находился у руля крупнейшей мировой державы. Сын мультимиллионера, ставший самым могущественным человеком западного мира, он провозгласил выход на новые рубежи, сделал возможным согласие с Советским Союзом и полет на Луну, в течение 1000 дней своего правления воплощая надежду на свободу, прогресс и мир. Но 22 ноября 1963 года в 12 часов 21 минуту в Далласе, штат Техас, пуля оборвала его жизнь. Спустя много лет Дж. Ф. К. предстает в глазах всего мира не только как утонченный интеллектуал, кумир средств массовой информации, блестящий оратор, а также обладатель улыбки, годной для рекламы зубной пасты, и аккуратной короткой стрижки. За это время из сотен публикаций стало многое известно и о его личной жизни. В результате его называли сексуальным «гигантом», чья безудержная чувственность заставила по-новому, с моральной точки зрения, взглянуть на него как на защитника новой политической этики. Постепенно рассе-

ивается туман вокруг этого человека, который, по выражению американского писателя Трумэна Капоте, пользовался услугами массы «девочек по вызову», через апартаменты которого прошли девицы из всех заведений Лас-Вегаса (как явствует из документов министерства юстиции США) и которому, по словам Питера Лоуфорда, «поставлял их Фрэнк Синатра». Лоуфорд, актер, близкий друг Синатры, зять Кеннеди, незадолго до своей смерти от пьянства в 1983 году говорил: «Теперь это звучит ужасно, но тогда мы получали уйму удовольствия».

В лучах прожекторов неоднократно оказывалась не только страсть Кеннеди к слабому полу. Можно считать вскрытыми и его связи с мафией, осуществлявшиеся через певца и актера Фрэнка Синатру. Большой материал об этом собрала в свое время известная американская журналистка Китти Келли, погибшая несколько лет назад при странных обстоятельствах. В написанной ею биографии Синатры под названием «Его путь» она показала, как этот италоамериканец, появившийся на свет 12 декабря 1915 года в Хоубокене, штат Нью-Джерси, стал «Орфеем уголовного мира». Более того, она попыталась доказать существование долго хранившихся в тайне связей Синатры с мафией и с кланом Кеннеди.

После трех лет расследования, на основе более 800 бесед с политиками, бывшими мафиози, актерами и полицейскими Келли установила, что Синатра, Фрэнки-бой, «голос Америки», развлекался не только с китайскими или цветными девушками легкого поведения, но и крутил любовь

с такими «звездами», как Мэрилин Монро, Ким Новак, Лорен Бейколл, Ширли Маклейн и Лиз Тэйлор (последняя от Синатры вроде бы даже забеременела).

Еще более предосудительным с моральной точки зрения было то, что Синатра — голливудская «звезда» мировой величины, чья песня «Большие надежды» послужила в 1960 году демократам своего рода девизом на президентских выборах, — привлек на свои пирушки, к своим друзьям и женщинам Джона Ф. Кеннеди. К тому же, образно говоря, мафия наставила президенту рога. Спустя много лет после смерти Кеннеди люди с удивлением узнали, что одна и та же женщина была одновременно любовницей президента США и чикагского супергангстера Сэма Джанканы по кличке Муни.

Вот строки из книги Келли: «Среди женщин, с которыми Фрэнк свел Кеннеди, была фантастически красивая 25-летняя брюнетка по имени Джудит Кэмпбелл (позже Джудит Кэмпбелл Экснер). Синатра имел с ней короткую интрижку. Фрэнк познакомил ее с Кеннеди в Лас-Вегасе, предоставив в их распоряжение свои апартаменты, чтобы они могли позавтракать вместе в постели, что те и сделали 8 февраля 1960 года».

Так началась связь, длившаяся два года. Каждый день они по два раза звонили друг другу, в Нью-Йорке жили в отеле «Плаза», проводили романтические часы в Палм-Бич, Чикаго, Лос-Анджелесе и в доме Кеннеди в Джорджтауне, когда там не было его жены Джекки.

Хотя Фрэнк знал, что у Джудит Кэмпбелл ин-

тимная связь с Кеннеди, он познакомил ее и со своим хорошим другом Сэмом Джанканой.

Спустя годы Джудит с удовольствием вспоминала обоих своих любовников: «Джек (как называли Кеннеди его друзья) знал о нас с Сэмом, мы часто о нем говорили. Джек был в бешенстве от того, что я встречалась с Сэмом. Да, он ревновал». Понятно, что красотка Джудит открывала свое сердце также перед «крестным отцом» из Чикаго и после любовных утех болтала с ним о Кеннеди. В постели Джанкана, естественно, узнавал и интимные стороны жизни Белого дома.

Маленький хмурый мафиози, который, по словам одного агента ФБР, «отдавал приказы убивать с той же небрежностью, с какой заказывал себе зубную пасту», до своей смерти в 1975 году отправил на тот свет (или приказал отправить) около 200 человек. В качестве преемника легендарного Аль Капоне Сэм Джанкана (родом с Сицилии), которого арестовывали более семидесяти раз, но так толком не осудили, контролировал в районе Большого Чикаго рэкет, залы игральных автоматов, проституцию, игорные клубы, торговлю наркотиками, шантаж, ростовщичество, а также фальшивомонетчиков и букмекеров.

Джудит проводила ночи, кочуя между Вашингтоном и Чикаго, от Кеннеди к Джанкане. Но, несмотря на общую с Джоном постельную партнершу, гангстер ненавидел клан Кеннеди. И не без оснований. Потому что с тех пор, как брат Джека, министр юстиции США Роберт («Бобби») Кеннеди, объявил войну организован-

ной преступности, шеф мафиози Джанкана оказался в черном списке властей штата Невада.

Ему пришлось избегать показываться на публике в игорных домах. А когда, несмотря на запрещение появляться в городе, он приехал в Лас-Вегас, чтобы проконтролировать, как обстоят дела с его долей в «Ривьере», «Дезертинн», «Стардаст» и «Сэндс», Синатра прятал своего друга Сэма от полиции в собственном гардеробе.

Но Джанкана умел спасти свою шкуру. Он слишком много знал, чтобы просто исчезнуть за решеткой. Гангстер не только делил с Джоном Кеннеди подружку — Сэму были известны также детали провалившегося покушения ЦРУ на кубинского руководителя Фиделя Кастро. Доказано, что через третьих лиц Сэм Джанкана пытался шантажировать президента.

В результате Бобби Кеннеди распорядился установить за главой мафиози постоянное наблюдение. Агенты ФБР так плотно опекали Джанкану на площадке для гольфа, что тот позже жаловался: из-за этого он-де сделал 20 неудачных ударов, чем здорово огорчился, потому что считался прекрасным игроком.

Однако Джудит была не единственной любовницей президента, которая ставила его в двусмысленное положение, оставаясь при этом неизвестной.

Без страха и сомнения Джон наслаждался сексом в чистом виде. Джон воспитывался в сознании того, что может заполучить любую женщину, какая ему понравится. Он был плейбоем. Его собственная жена говорила: «Не думаю, что

существуют мужчины, которые верны своим женам».

Впоследствии, уже став президентом, Дж. Ф. К. умело сохранял дистанцию между собой и «первой леди». Будучи мультимиллионером, он тут же приобрел просторный загородный дом в Вирджинии, куда почти каждую неделю посылал Джекки отдыхать.

И в то время как та искала душевного спокойствия, катаясь верхом на породистых лошадях, президент развлекался ночами. То с супругой иностранного промышленника, то со срочно заказанной «девушкой по вызову», то с итальянской актрисой, то с женой некоего дирижера. То вдвоем, а то и втроем.

Даже престарелому английскому премьер-министру Гарольду Макмиллану он в приливе откровенности как-то сказал: «Если у меня долго нет женщины, то начинаются сильные головные боли».

Выбор дам у президента, обладавшего прекрасной внешностью и огромным состоянием, имелся вполне достаточный. Он ценил не качество, а количество. Ибо, как вспоминает о Кеннеди одна его случайная 19-летняя знакомая, «секс был для него чем-то вроде обязанности, с которой следовало побыстрее справиться». При этом «ласки ему не требовались».

Как и его отец Джо, Джек тоже использовал женщин для удовлетворения своей сексуальной потребности, так что его сердце оставалось холодным. Причем, как обычно в этих кругах, очередная любовница ему быстро наскучивала, и, одарив ее неременной норковой шубой, он охотно передавал ее дальше — своим друзьям.

Начиная с первого сексуального контакта в возрасте 17 лет (вроде бы в одном борделе в Гарлеме) он всегда, несмотря на занятость, находил время для женщин.

Вот некоторые эпизоды из его амурной жизни:

— Когда Джон, находясь на военной службе, размещался в Вашингтоне, то проводил ночи с датской журналисткой Ингой Арвад. Он любовно называл ее «Инга Бинга» и покинул лишь тогда, когда американская секретная служба довела до его сведения, что «Инга Бинга» — нацистская шпионка.

— Когда Кеннеди было уже за двадцать, его отец Джо ввел сына в эротический мир западного побережья, точнее Голливуда. Оставив далеко позади порог своего 60-летия, отец, как и сын, не оставлял без внимания ни одну юбку. Первым голливудским завоеванием была актриса Джин Тьерни. Между Голливудом и Джорджтауном развернулся самый настоящий секс-туризм.

— В Лондоне будущий американский президент тоже вскоре приобрел широкую известность. Вместе с сыновьями других богатых американцев спортивный морской офицер обнаружил там злачные места и показывал неплохие результаты на межконтинентальных «сексуальных состязаниях».

— За годы, проведенные в конгрессе, Кеннеди приобрел прозвище «жизнерадостный холостяк». Правда, среди некоторых женщин Джорджтауна прошел слух, что в постели сенатор — сплошное разочарование и, кроме того, у него есть неприятная привычка то и дело смотреть на часы.

— В ресторане конгресса в Вашингтоне он од-

нажды громко расхвалил своему другу Бобби Бейкеру восхитительные качества красотки, сидевшей рядом: «Бобби, посмотри на эту роскошную кошечку! Она обеспечит тебе самый великолепный оргазм во всех штатах».

— Во время предвыборной кампании будущий президент всегда останавливался в Голливуде на отдых, где ему скрашивали время такие дамы, как Джейн Мэнсфилд, Лиз Тэйлор, Ким Новак, Энджи Дикинсон и Ширли Маклейн.

— Самый могущественный человек в мире увлекся красавицей немкой по имени Эллен («Элли») Ромеч. Черноволосая стройная Элли ростом 165 см и весом 113 фунтов в 1961 году считалась «звездой», блистая в изысканном «Кворум клубе», где любили отдыхать сенаторы и правительственные чиновники. Но эта девушка имела один недостаток. Она была замужем за фельдфебелем немецкого бундесвера и состояла в связи с одним из советских атташе. Заподозрив, что в Вашингтоне она представляет собой немецкий вариант скандально известной лондонской девицы Кристины Киллер, Элли выдворили из Соединенных Штатов. Но ее размеры — 88—63—85 — известны в Вашингтоне и поныне.

— Бурная связь завязалась у хозяина Белого дома с исполнительницей стриптиза Темпест Сторм. «Одежда полетела прочь, политика забыта», — признавалась танцовщица в 1976 году, давая интервью телевидению.

— С Мэри Мейер Кеннеди курил в Белом доме марихуану и между прочим смеялся в спальне вместе с ней над тем, что получилось бы, если

бы в состоянии такого «кайфа» ему надо было нажать на ядерную кнопку.

«Кеннеди любил групповуху», — рассказывал его коллега по сенату Джордж Смазерс, который устраивал для Джека, страдавшего от болей в спине в результате полученного во время войны ранения, встречи с молодыми женщинами.

Все происходило особенно бурно, когда его жена Джекки в очередной раз удалялась в загородный дом. Секретная служба заботилась о прикрытии свиданий, а из Голливуда во множестве слетались «звезды» и «звездочки».

К тем временам относится и известное высказывание вице-президента Линдона Джонсона, которому после Дж. Ф. Кеннеди предстояло стать 36-м президентом США: «Джек разъезжал по стране и целовал малышей, в то время как я должен был протаскивать законы». При этом под словом «малышки» можно понимать и нечто другое, например «блондинки».

От случая к случаю секс в Белом доме и в самом деле обеспечивали две блондинки из секретариата, которых Джек называл «Фиддл» и «Фэддл», а его жена Джекки презрительно — «пуделями». Когда Джекки в очередной раз обнаруживала в постели чужие трусики, то на ее вопрос: «Ты не мог бы сказать, чьи они? Это не мой размер» — Джек не находил ответа. Как говорится в биографии Кеннеди, написанной Кальером и Горовицем, «Джеку было неинтересно запоминать имена женщин. На следующее утро он называл их только “красавица” или “малышка”».

Постельная карьера Кеннеди действительно

заслуживает внимания. Где бы ни охватывало его желание, он тут же его удовлетворял. Так, в прошлом исполнительница стриптиза Блейз Стар и поныне любит вспоминать о минутах, проведенных ими в шкафу. Дело происходило в 1960 году. Будущий президент США занимался с мисс Стар любовью в большом стенном шкафу в новоорлеанском отеле «Хилтон». Об этом не стоило бы упоминать, если бы в соседнем помещении жених Блейз Стар — губернатор Эрл Лонг — в это же время не давал прием в честь Кеннеди.

Но самой, вероятно, важной любовницей донжуана из Белого дома и певца, имевшего друзей-мафиози, была Мэрилин Монро.

Много месяцев, хотя и с перерывами, она поддерживала сексуальные отношения как с президентом, так и с его братом, министром юстиции Робертом Кеннеди. С президентом Монро познакомил все тот же Фрэнки-бой, Синатра.

Если верить словам последней экономки Мэрилин Монро, летом 1961 года Синатра даже хотел жениться на актрисе, но все-таки передал ее Дж. Ф. К. А когда Мэрилин стала все больше надоедать Джону, он передал ее своему брату Роберту. Причем биограф М. Монро Энтони Саммерс полагает, что «министр юстиции, который в отличие от брата никогда не питал слабости к женскому полу, свои отношения с Мэрилин рассматривал скорее как некую акцию по спасению».

Правду о ее жизни, любви, смерти и связях с мафией унесли с собой в могилу по крайней мере четыре человека — Джон и Роберт Кеннеди, Сэм и она сама.

Тело Мэрилин Монро под номером 609 5 августа 1962 года было доставлено в морг Беверли-Хиллз.

Джон Кеннеди убит в возрасте 46 лет 22 ноября 1963 года. Его брат Роберт 5 июня 1968 года застрелен на предвыборном собрании в Лос-Анджелесе иорданским иммигрантом Сирханом Б. Сирханом.

Сэм Джанкана умер под градом пуль в 1975 году.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА МАО (По свидетельству личного врача Мао)

Насколько я мог разобраться, Мао, несмотря на внешнее проявление дружелюбия, был полностью лишен каких-либо человеческих чувств. Он казался не способным ни на любовь, ни на дружбу, ни на проявление душевной теплоты. Однажды, это было в Шанхае, я сидел рядом с председателем на представлении, во время которого с одним ребенком — акробатом произошел несчастный случай. Толпа замерла в ужасе, а мать ребенка рыдала в отчаянии. Мао же продолжал разговаривать и смеяться, словно ничего не случилось. Мне так и не удалось разобраться в истоках столь откровенного бездушия. Может быть, Мао так часто видел, как умирают люди, что у него выработалась нечувствительность к человеческим страданиям? Его первую жену Ян Кайхуэй казнили гоминьдановцы. Та же участь постигла и двух его братьев. Старший сын погиб во время корейской войны. Несколько других детей потерялись во время «Великого по-

хода» 1930-х годов и так и не были найдены. Тот факт, что он выжил тогда, когда так много других людей погибло, казалось, укреплял его веру в то, что ему суждено прожить долгую жизнь.

Мао жил врозь со своей последней женой Цзян Цин. Она была актрисой в Шанхае. В 1937 году переехала к коммунистам, обосновавшимся в Яньане, и вскоре поселилась у Мао. К середине 50-х годов она окончательно перестала жить интересами мужа. Их разделяла двадцатилетняя разница в возрасте, а вкусы и склонности были совершенно отличны. Мао был жаден до чтения. У Цзян на книги не хватало терпения. Мао гордился своим здоровьем и физическим состоянием, Цзян же вечно жаловалась на болезни. Мао очень любил острые, напичканные специями хунаньские блюда, Цзян предпочитала отварную рыбу с овощами и мнила себя великим знатоком западной кухни, которую Мао презирал.

Цзян Цин занимала несколько должностей: сначала в отделе пропаганды, а потом в политическом секретариате, но вела себя там так бесцеремонно, что Мао был вынужден заставить ее подать в отставку. После этого он сделал ее одним из своих секретарей, в обязанности которого входило чтение информационного бюллетеня «Справочные материалы» и составление по этим материалам докладов. Но Цзян в бюллетени заглядывала редко. Она предпочитала смотреть иностранные фильмы, и это занятие стало для нее главным способом ухода от действительности.

Постепенно я начал понимать, что именно не-

прекращающееся распутство Мао больше всего действовало на нервы Цзян Цин. Сначала Мао как-то пытался скрывать от нее свои любовные похождения, но с годами перестал осторожничать. Она неоднократно заставляла мужа в обществе других женщин.

Зимой 1966 года я увидел совершенно другую Цзян. Она двигалась стремительно, походка выравнилась. Прежние жалобы прекратились полностью. Ее больше не беспокоили ни яркий свет, ни шум, ни сквозняки. От головных болей не осталось и следа. Шум в ушах прекратился. Доктор ей больше был не нужен. Чудодейственным целителем оказалась государственная власть. Тем летом Цзян Цин, ставшая вершительницей судеб культуры, совершенно изменила свой внешний вид. Эта когда-то очень модная женщина вдруг облачилась в мешковатый пиджак и брюки такого размера, что в них уместился бы, пожалуй, сам председатель. Ее туфли погрубели, лишились каблуков и стали похожи на мужские ботинки. Она держала в своих руках судьбы миллионов людей. Ею овладело неудержимое влечение к моральной чистоте. К концу августа она уже добилась того, чтобы Мао прекратил свои танцевальные вечера. «Я стал монахом», — жаловался мне он. Однако через несколько недель молодые женщины появились опять. Постель Мао в личных апартаментах в здании ВСНП превратилась в приватное «ложе удовольствий». Даже в самый разгар «культурной революции», когда на площади Тяньаньмень и прилегающих улицах бесновались толпы хунвэйбинов, Мао продолжал наслаждаться императорскими

привилегиями, забавляясь любовными играми со своими наложницами. Чем к большей моральной чистоте взывали партийные лозунги, тем глубже председатель погружался в пучину разврата. Именно в это время Мао начал приглашать к себе в постель по три, четыре и даже пять женщин одновременно.

ТРИ СЕСТРЫ

В Китае популярна была, ставшая притчей. Жил-был Чарльз Сун, человек неординарный, хороший бизнесмен, истый христианин, да и революции помогал финансами. Было у него три дочери. Каждая выбрала свою, тоже неординарную дорогу.

Старшей, Айлин, приглянулось богатство, и она вышла за наследника влиятельного банкирского дома, к тому же прямого потомка Конфуция. Средняя, Ценлин, предпочла служение родине, связав судьбу с Сунь Ятсеном, основателем партии Гоминьдан, первым президентом Китайской Республики, пришедшей на смену монархии. До самой кончины в 1981 году она жила в континентальном Китае, была одной из самых почитаемых политических фигур. Младшая, Мэйлин, выбрала власть за кулисами. Пять лет за ней ухаживал Чан Кайши, главком вооруженных сил, претендовавший на роль единственного наследника Сунь Ятсена и объединителя Китая. Время было смутное. Революция, к сожалению, не принесла мира государству и процветания народу. Наступила затяжная пора соперничества

милитаристских клик, противоборства Гоминьдана и компартии, борьбы с японской агрессией. Мать невесты (отец к тому времени умер) не сразу согласилась на брак: у амбициозного политика была дурная слава ловеласа, волочившегося за особами легкого поведения, к тому же он был женат. Но Чан Кайши предъявил документ о разводе и поклялся быть прилежным христианином — и мать сдалась. В церемонии бракосочетания 1 декабря 1927 года был политический привкус. Молодые трижды поклонились портрету Сунь Ятсена, а супруг заверил соратников: «Мы полны решимости отдать все, что в наших силах, делу китайской революции.» Для мадам революция ассоциировалась с мужем, и она служила ему долгие годы исправно, создавая образ героя и искусного политика. В годы японской агрессии на свободном английском обращалась по радио к американцам, умоляя о помощи. Биографы отмечают ее красоту, тонкие манеры, порой горячность. В 1938 году журнал «Тайм» объявил супругов Чан самой популярной парой. Этому во многом способствовало их христианское вероисповедание. В 1942 году по приглашению президента Рузвельта мадам приехала в Штаты формально на лечение, но вскоре была принята в Белом доме и выступала на заседании конгресса со страстной речью в защиту Китая. Не занимая официального поста, она фактически в дальнейшем курировала американское направление внешней политики Гоминьдана. Тайваньская газета «Ужунго шибао» поведала историю о том, как Чан Кайши при содействии супруги направлял внушительные денежные пожертвования

американским конгрессменам и их предприятиям, дабы быть уверенным, что США обеспечат их безопасность в конфликте с Пекином. Доверенные люди по записке генералиссимуса снимали суммы со счетов в Центральном банке, предназначенные на закупки реактивных истребителей, и затем мадам Чан через родственников направляла их политикам.

Ананий. Адольф и Бенит // Совершенно секретно. — 1996. — № 1.

Глоггер Гельмут-Мария. Женщины Кеннеди // За рубежом. — 1996. — № 14.

Жвания Д., Колдобская М. Влюбленные диктаторы // Новое время. — 1997. — № 7.

Круль М. Жизнь и смерть Юзефа Пилсудского // Советская Белоруссия. — 1996. — 30 апреля.

Ли Чживуэй. Цзян Цин // За рубежом. — 1994. — № 44.

Савенков Ю. Столетняя мадам Чан, или судьба китайских трех сестер // Известия. — 1997. — 20 марта.

Хлебников Г. Чекистка в донжуанском списке Гитлера // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 1.

Хлебников Г. Не только Ева Браун // Эхо планеты. — 1993. — № 33.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андропов Юрий Владимирович (1914—1984). Государственный и политический деятель СССР. В 1940—1944 гг. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ Карело-Финской ССР. В 1944—1957 гг. — на партийной и дипломатической работе. С 1957 г. — заведующий отделом ЦК КПСС и одновременно секретарь ЦК КПСС с 1962 г. В 1967—1982 гг. — председатель КГБ СССР, с ноября 1982 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС. Одновременно с июля 1983 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Герой Социалистического Труда (1974).

Арафат Ясир (Абу Ясимор) (1929). Президент Палестины.

Асад Хафец (1930). Президент Сирийской Арабской Республики. Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

Ахромеев Сергей Федорович (1923—1991). Маршал Советского Союза (1983). Герой Советского Союза (1982). С 1983 г. — член ЦК КПСС. С сентября 1984 г. начальник Генштаба ВС, 1-й заместитель министра обороны СССР.

Барриос де Чаморро Виолетта (1929). С апреля 1990 г. — Президент Республики Никарагуа.

Бейкер Джемс Эддисон (1930). Государственный секретарь США.

Берзин (Кюзис Петерис) Ян Карлович (1889—1938). — Член РСДРП(б) с 1905 г. Участник трех российских революций и Гражданской

войны. Начальник Разведуправления РККА (1924—1935, 1937). Репрессирован.

Берия Лаврентий Павлович (1899—1953). Государственный и политический деятель СССР. В 1921—1931 гг. — в органах разведки, председатель Закавказского ГПУ. В 1931—1938 гг. — на партийной работе. В 1938—1946 гг., в марте—июне 1953 г. — нарком (министр) внутренних дел СССР, одновременно в 1941—1946 гг. заместитель Председателя Совнаркома СССР. С 1946 г. — заместитель, а в марте—июне 1953 г. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Член Политбюро ЦК КПСС с 1946 г. Маршал Советского Союза (1945). Герой Социалистического Труда (1953). В июне 1953 г. снят со всех постов и арестован, а в декабре расстрелян по приговору Верховного суда СССР.

Бжезинский Збигнев (1928). Государственный и политический деятель США. В 1977—1981 гг. — помощник президента по национальной безопасности в администрации Дж. Картера.

Блюхер Василий Константинович (1890—1938). Маршал Советского Союза. Летом 1938 г. командовал Дальневосточным фронтом. Репрессирован.

Борман Мартин (1900—1945(?)). Ближайший советник Гитлера, руководитель его канцелярии (1941—1945).

Борхе Мартинес Томас (1930). Член Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) Никарагуа.

Брандт Вилли (Герберт Фрам) (1913). Пред-

седатель Социалистического интернационала, почетный председатель Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982). — Партийный и государственный деятель СССР. С 1937 г. — на советской и партийной работе. В 1941—1946 гг. — в Советской Армии. В 1946 — 1950 гг. — первый секретарь Запорожского и Днепропетровского обкомов партии. С 1950 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии, в 1952—1953 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1953—1954 гг. — заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. С 1954 г. — второй, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. В 1956—1960 гг., 1963—1964 гг. — секретарь ЦК КПСС. С 1964 г. первый, с 1966 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1977 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС с 1957 г. Маршал Советского Союза (1976). Четырежды Герой Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981). Герой Социалистического Труда (1961).

Буденный Семен Михайлович (1883—1973). Военный, партийный и государственный деятель СССР. Маршал Советского Союза (1935). Трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968).

Булганин Николай Александрович (1895—1975) Государственный и партийный деятель СССР. Председатель Совнаркома РСФСР (1937—1938). В 1939—1941 гг. и 1947—1953 гг. — заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) СССР. В 1941—1943 гг. — член Военного Совета ряда

фронтов. С 1944 г. — заместитель наркома обороны СССР. В 1947—1949 гг. и 1953—1955 гг. — министр Вооруженных Сил (обороны) СССР. С 1953 г. — первый заместитель, а в 1955—1958 гг. — Председатель Совета Министров СССР. Член Политбюро, Президиума ЦК КПСС (1948—1958 гг.). Генерал-полковник (в 1947—1950 гг. имел воинское звание Маршал Советского Союза). Герой Социалистического Труда (1955).

Буш Джордж Герберт Уокер (1924). В 1981—1989 гг. — вице-президент США в администрации Р. Рейгана. В 1989—1993 гг. — 41-й Президент США.

Вильсон Гарольд (1916). Член палаты лордов парламента; Премьер-министр Великобритании в 1964—1970 и в 1974—1976 гг.

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969). Советский государственный деятель. После войны работает заместителем Председателя СНК (Совмина) СССР, где «курирует» культуру. В 1953—1960 гг. — Председатель, с мая 1960 г. — член Президиума Верховного Совета СССР. Поддерживал Маленкова и Хрущева при смещении Берии, однако в июне 1957 г. выступил против Хрущева. Когда убедился, что Пленум ЦК КПСС не поддержит решение своего Президиума, вновь встал на сторону Хрущева. После XXII съезда КПСС практически отошел от общественной и политической деятельности, хотя на XXIII съезде КПСС в 1966 г. после пятилетнего перерыва вновь был избран членом ЦК. Дважды Герой Советского Союза (1956, 1968). Герой Социалистического Труда (1960). Похоронен в Москве на Красной площади.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954). Советский государственный деятель. Родился в Одессе. В 1931 г. перешел на работу в правоохранительные органы, где занимал должности прокурора РСФСР, заместителя наркома юстиции РСФСР, заместителя Генерального прокурора СССР. Наибольшую известность получил на посту Генерального прокурора СССР (1935—1939). В этот период выступил государственным обвинителем на политических процессах в стране, преуспел в фальсификации дел против Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского и других известных большевиков. Виновен в гибели многих тысяч советских людей. Под грубейшие нарушения законности и прав человека пытался подвести «теоретическую» основу. В 1940 г. — заместитель министра иностранных дел, а в 1949 г. — министр иностранных дел СССР. После смерти Сталина — заместитель министра иностранных дел, постоянный представитель СССР в ООН. Похоронен в Москве на Красной площади.

Вэнс Сайрус Робертс (1917). Государственный деятель США, дипломат, юрист.

Гавел Вацлав (1936). Писатель; Президент Чехословацкой Социалистической Республики.

Геббельс Иозеф (1897—1945). Министр пропаганды Германии при Гитлере. Участвовал в подготовке войны против СССР. Покончил жизнь самоубийством в мае 1945 г.

Геншер Ганс-Дитрих (1927). Политический деятель ФРГ. В 1969—1974 гг. — министр внутренних дел ФРГ в правительстве В. Брандта. С мая 1974 г. — заместитель Федерального канц-

лера ФРГ и министр иностранных дел в правительствах Г. Шмидта и Г. Коля.

Гиммлер Генрих (1900—1945). Рейхсфюрер СС. Один из инициаторов создания системы концлагерей. В войне с СССР разрабатывал и осуществлял программу истребления и угона в Германию народов. В мае 1945 г. после ареста войсками союзников покончил жизнь самоубийством.

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (1889—1945). Фюрер (главарь) Национал-социалистической партии. С 1933 г. — глава фашистского государства. 21 июля 1940 г. отдал приказ о войне против СССР. Вдохновитель и один из главных организаторов массового истребления мирного населения на оккупированных территориях. 30 апреля 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

Гомес Уртдадо Альваро (1910). Политический деятель Колумбии, журналист. Один из лидеров Социал-консервативной партии (СКП).

Горбачев Михаил Сергеевич (год рождения 1931). Государственный и партийный деятель СССР. Член КПСС с 1952 г. Второй, первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС (1968, 1970), секретарь ЦК КПСС (1978—1985), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985—1991). Народный депутат СССР (1989—1990), Председатель Верховного Совета СССР (1989—1990). Президент СССР (1990—1991).

Гоц Абрам Рафаилович (1882—1940). Один из лидеров партии эсеров, член ее ЦК. Сын богатого московского коммерсанта. После Февральской революции — лидер фракции эсеров в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Товарищ (заместитель) председателя ВЦИК Советов первого созыва, член предпарламента — совещательного органа при Временном правительстве, образованного 20 сентября (3 окт.) 1917 г. Стронник А. Ф. Керенского. В Октябрьские дни председатель контрреволюционного Комитета спасения родины и революции, один из организаторов юнкерского мятежа в Петрограде. Выступал за вооруженные и террористические методы борьбы против Советской власти. В 1920 г. арестован, в 1922 г. привлечен к суду по процессу ЦК партии эсеров. Амнистирован. В последующие годы на хозяйственной работе. Неоснованно репрессирован, скончался в лагере.

Громыко Андрей Андреевич (1909—1989). Советский государственный деятель, дипломат. Возглавлял МИД СССР с февраля 1957 г. по июль 1985 г., причем в 1983—1985 гг. являлся одновременно первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Дипломат сталинской школы, сторонник жесткой дипломатической линии. Участник Крымской и Потсдамской конференций глав государств, создания Организации Объединенных наций. С июля 1985 г. по 1988 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК КПСС с 1956 г. Дважды Герой Социалистического Труда (1969, 1979).

Гучков Александр Иванович (1862—1936). Один из основателей и лидеров партии октябристов; крупный московский домовладелец и промышленник. Во время Февральской революции 1917 г. пытался найти пути к спасению царской монархии. Вместе с В. В. Шульгиным 2(15) марта

1917 г. принял отречение Николая II от престола. В первом составе Временного правительства занимал посты военного и морского министра (до 2(15) мая 1917). Во время апрельского политического кризиса демонстративно подал в отставку. Был одним из организаторов корниловщины. После подавления мятежа переехал на Северный Кавказ. С октября 1917 г. ушел в подполье, активно участвовал в формировании Добровольческой армии. Поддерживал, по сути, все контрреволюционные движения 1917—1921 гг. В начале 1919 г. по просьбе генерала Деникина выехал в Западную Европу с целью убедить лидеров Англии и Франции расширить финансовую и военную помощь белогвардейским формированиям. Впоследствии стал эмигрантом, поселился в Париже. Активно участвовал в антисоветских акциях эмиграции. С 1921 г. — один из руководителей Красного Креста. Во время голода 1933—1934 гг. на Украине и Кубани руководил отправкой продовольствия в СССР. Скончался от рака. Похоронен в Париже.

Дан Федор Ильич (1871—1947). Один из лидеров меньшевизма. В 1922 г. выслан из РСФСР.

Деканозов В. Г. (1898—1953) — заместитель наркома иностранных дел СССР (1939), посол в Германии (1941). Расстрелян вместе с Л. П. Берией.

Деникин Антон Иванович (1872—1947). Генерал-лейтенант царской армии, главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» (1918—1920). С 1920 г. — в эмиграции. В годы Великой Отечественной войны занял патристическую позицию.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926). Активный участник революционного движения, советский государственный деятель. В период подготовки Октябрьской революции отстаивает ленинский план восстания. В октябре 1917 г. на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) избирается в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием, а Петроградским Советом — в состав ВРК. На III Всероссийском съезде Советов Дзержинского избирают в состав ВЦИК и членом его Президиума. 20 декабря 1917 г. назначен председателем ВЧК, одновременно являлся наркомом внутренних дел (март 1919), председателем Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (январь 1921). Один из организаторов красного террора. С апреля 1921 г. — нарком путей сообщения. Похоронен в Москве на Красной площади.

Дубчек Александр (1921). Председатель Федеративного собрания Чехословацкой Социалистической Республики.

Дэн Сяопин (1904—1997). Председатель Центрального военного совета Китайской Народной Республики (КНР).

Ежов Николай Иванович (1895—1940). Советский государственный и партийный деятель. Родился в Петербурге. С именем Ежова непосредственно связано «расследование» по делу «анти-советского правотроцкистского блока», когда были исключены из партии Н. Бухарин и А. Рыков. Ежов принимал личное участие в репрессиях против М. Тухачевского, И. Якира, И. Уборевича и других высших военных руководителей. Расстрелян за нарушение социалистической за-

конности с формулировкой «за необоснованные репрессии против советского народа».

Ельцин Борис Николаевич (1931). Член КПСС с 1961 г. В 1976—1985 гг. — первый секретарь Свердловского обкома КПСС, член ЦК с 1981 г., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1986—1988), секретарь ЦК КПСС (1985—1986), первый секретарь МК КПСС (1985—1987). Народный депутат СССР с 1989 г. С 1990 г. — Председатель Верховного Совета РСФСР. Президент Российской Федерации с 1991 г.

Жданов Андрей Александрович (1896—1948). Советский партийный и государственный деятель. После XVII съезда партии — секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. В годы Великой Отечественной войны — член военных советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта. С 1944 г. — генерал-полковник. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР двух созывов. Похоронен в Москве на Красной площади.

Жискар д'Эстен Валери (1926). Французский политический деятель.

Жуков Георгий Константинович (1896—1974). Маршал Советского Союза. Четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). С 1915 г. в армии, участник первой мировой войны (1914—1918). С октября 1918 г. в Советской Армии. Участвовал в Гражданской войне 1918—1920 гг. С августа 1942 г. — первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего. От имени и по поручению Верховного Главнокомандования Г. К. Жуков 8 мая 1945 г. принял капитуляцию фашист-

ской Германии. В 1955—1957 — министр обороны СССР. Кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956—1957 гг. Депутат Верховного Совета СССР в 1941—1958 гг.

Илиеску Ион (1930). Председатель Временного совета национального собрания Румынии.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991). Советский государственный и партийный деятель. Вместе со Сталиным он несет ответственность за массовые беззакония и репрессии во второй половине 30-х годов: подпись Кагановича стоит на списках более 36 тысяч партийных, советских, военных работников и работников промышленности и транспорта, приговоренных к расстрелу. Именно Каганович внес весомую лепту в создание культа личности Сталина. После смерти Сталина возглавлял несколько министерств, решительно протестовал против намерения Хрущева выступить на XX съезде КПСС с докладом о преступлениях Сталина и его окружения. В июне 1957 г. был выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК КПСС за фракционную деятельность. В 1961 г. исключен из рядов КПСС. До ухода на пенсию (1961) работал в г. Асбесте. Затем ближайший соратник Сталина доживал свой век в Москве.

Каддафи Муамар (1942). Руководитель ливийской революции. Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАФ).

Калинин Михаил Иванович (1875—1946). Профессиональный революционер, советский государственный деятель. Не препятствовал мас-

совым репрессиям. С 1919 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), с 1926 г. — член Политбюро. С 1938 по 1946 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Герой Социалистического Труда. Похоронен в Москве на Красной площади.

Картер Джимми (Джеймс) Эрл (1924). Политический деятель США. С 1977—1981 гг. — 39-й Президент США.

Кастро Рус Фидель (год рождения 1926). Деятель кубинского и международного коммунистического движения. Первый секретарь ЦК КП Кубы с 1965 г. С 1976 г. председатель Государственного Совета и Совета Министров республики Куба. Лауреат Международной Ленинской премии (1961), Герой Советского Союза (1963).

Кейтель Вильгельм (1882—1946). Генерал-фельдмаршал (1940). Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (1943—1945). Принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении агрессивных планов фашистской Германии. Подписал ряд директив об уничтожении военнопленных и гражданского населения на оккупированной территории. Подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Керенский Александр Федорович (1881—1970). Политический деятель, эсер (с 1917). Из дворян. Во время Февральской революции 1917 г. — член Временного комитета Государственной думы, заместитель председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 2(15) марта, вопреки решению исполкома

Совета, вошел во Временное правительство (министр юстиции). В первом и втором коалиционных Временных правительствах (май — сентябрь) был военным и морским министром, а с 8(21) июля также министром-председателем; с 30 августа (12 сент.) — одновременно Верховным Главнокомандующим.

Ким Ир Сен (1912—1997). Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК). Президент Корейского Народно-Демократической Республики (с 1972 г.).

Ким Чен Ир (1942). Сын Ким Ир Сена. Партийный и государственный деятель КНДР. С 1989 после смерти отца занял все посты по наследству.

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886—1934). Деятель Коммунистической партии и Советского государства. С февраля 1926 г. — первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), одновременно с 10 февраля 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б). На X, XI съездах РКП(б) избирался кандидатом в члены ЦК, на XII—XXVII съездах партии — членом ЦК. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г., член Политбюро с 1930 г. Был членом ВЦИК, ЦИК СССР. Убит в Смольном, похоронен на Красной площади в Москве. Факт убийства Кирова был использован Сталиным для организации широкомасштабных репрессий в партии и стране.

Коль Гельмут (1930). Федеральный канцлер ФРГ, председатель Христиано-демократического союза (ХСД).

Корвалан Луис (1916—1976). Деятель Ком-

партии Чили (КПЧ). С апреля 1958 г. — Генеральный секретарь КПЧ. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1975 г.).

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918). Один из руководителей российской контрреволюции, генерал от инфантерии. После Февральской революции — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, в мае—июле 1917 г. — 81^й армией и войсками Юго-Западного фронта. С 19 июля (1 авг.) по 27 августа (9 сент.) — Верховный Главнокомандующий. В конце августа поднял мятеж. Убит при штурме Екатеринодара.

Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980). Заместитель Председателя СНК (совета Министров) (1940—1960); заместитель председателя Совета по эвакуации (1941—1942), уполномоченный ГКО в Ленинграде (1942). Председатель Совета Министров СССР (1964—1980). Дважды Герой Социалистического Труда (1964, 1974). Член КПСС с 1927 г. Член Политбюро ЦК КПСС (1948—1952, 1960—1980).

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924). Основатель Коммунистической партии и Советского государства. Один из организаторов РСДРП, вошел в состав ее центрального органа — редакции газеты «Искра». В период первой российской революции обосновал стратегию и тактику деятельности партии в новых условиях. В ноябре 1905 г. для руководства подготовкой вооруженного восстания прибыл в Петербург. Летом 1906 г. переехал в Финляндию, а в декабре 1907 г. эмигрировал в Швейцарию. В последующие годы разрабатывал различные вопросы

марксистской теории, руководил работой бюро ЦК РСДРП, большевистской фракции в Государственной думе, редакцией газеты «Правда». В апреле 1917 г. В. И. Ленин возвратился в Россию, где занялся разработкой путей мирного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, а после июльских событий — плана вооруженного восстания. Вечером 24 октября 1917 г. нелегально прибыл в Смольный и непосредственно возглавил руководство восстанием. Под руководством В. И. Ленина осуществлен переход от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, определены пути решения национального вопроса, основные направления внешней политики. По его инициативе разработан первый план развития экономики страны — ГОЭЛРО, образован Союз Советских Социалистических Республик (1922). В мае 1923 г. из-за болезни, связанной с тяжелым ранением 30 августа 1918 г. и постоянным напряжением сил, В. И. Ленин переехал в Горки. 21 января 1924 г. в 18 часов 50 минут он скончался. Похоронен в мавзолее на Красной площади в Москве.

Лукьянов Анатолий Иванович (1930) — член Государственной думы. Председатель Верховного Совета СССР (1990—1991). Был привлечен к уголовной ответственности по делу ГКЧП, амнистирован.

Маленков Георгий Максимилианович (1902—1988). Партийный и государственный деятель СССР. С 1925 г. на партийной работе. В 1939—1946 гг. и 1948—1953 гг. — секретарь ЦК партии. В 1946—1953 гг. и 1955—1957 гг. — замес-

титель Председателя, в 1953—1955 гг. — Председатель Совета Министров СССР, одновременно в 1955—1957 гг. — министр электростанций. Герой Социалистического Труда (1943).

Мехлис Лев Захарович (1889—1953). Член КПСС с 1918 г., член Оргбюро ЦК КПСС (1938—1952). Начальник Главного политического управления РККА, заместитель наркома обороны СССР (1941—1942). С 1942 г. — член военных советов ряда армий, фронтов. Генерал-полковник (1944).

Менгисту Хайле Мариам (1941). Генеральный секретарь ЦК Рабочей партии Эфиопии. Президент Народной Демократической Республики Эфиопии (НДРЭ). Председатель Государственного совета НДРЭ.

Микоян Анастас Иванович (1895—1978). Партийный и государственный деятель СССР. Был наркомом (министром) внешней и внутренней торговли, пищевой промышленности, снабжения СССР. В 1937—1955 гг. и 1957—1958 гг. — заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) СССР. В 1955—1957 гг. и 1958—1964 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1964—1965 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро, Президиума ЦК партии (1935—1966). Герой Социалистического Труда (1943).

Милюков Павел Николаевич (1859—1943). Один из теоретиков и лидеров партии кадетов, историк. Депутат III и IV Государственных дум. В дни Февральской революции добивался сохранения монархии путем передачи власти великому князю Михаилу. Министр иностранных дел

в первом составе буржуазного Временного правительства (до 2(15) мая).

Миттеран Франсуа (1916—1997). С мая 1981 г. по май 1988 г. — Президент Французской Республики.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986). Партийный и государственный деятель СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК партии (1926—1957). Секретарь ЦК партии (1921—1930). Председатель Совнаркома СССР (1930—1941). Нарком (министр) иностранных дел СССР (1939—1949 и 1953—1956). В 1942—1946 гг. и 1953—1957 гг. — первый заместитель Председателя Совнаркома (Совмина) СССР. В 1957—1960 гг. — посол в Монголии. Герой Социалистического Труда (1943).

Наджибулла Мухаммед (1947—1997). Президент Республики Афганистан. Генеральный секретарь ЦК Народно-демократической партии Афганистана.

Николай II (Романов Николай Александрович) (1868—1918). Последний самодержец Российской империи из династии Романовых. В феврале 1917 г. отрекся от престола, находился под домашним арестом. Вывезен в Сибирь, а затем на Урал. В июле 1918 г. по решению Екатеринбургского Совета по согласованию с ВЦИК Николай II и его семья, включая 14-летнего сына Алексея, были расстреляны, а их останки уничтожены.

Норьегга Морено (Мануэль Антонио) (1938). Политический и военный деятель Республики Панама, бригадный генерал.

Пельше Арвид Янович (1899—1983). Совет-

ский государственный и партийный деятель. С 1959 г. — первый секретарь ЦК КП Латвии, с 1966 г. — член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Член ЦК КПСС (с 1961), депутат Верховного Совета СССР (с 1946). Дважды Герой Социалистического Труда (1969, 1979). Похоронен в Москве на Красной площади.

Пиночет Угарте Аугусто (1915). Политический деятель Чили. Генерал-капитан. С 1973 г. глава хунты, совершившей военный переворот. С 1974 по 1990 гг. — Президент Чили. В 1990 г. передал власть гражданскому правительству.

Пуго Борис Карлович (1937—1991). Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Народный депутат СССР.

Райс Дональд (1939). С мая 1989 г. министр военно-воздушных сил США.

Рейган Рональд Уилсон (1911). Государственный и политический деятель США. В 1981—1989 гг. — 40-й Президент США.

Риббентрон Иохим (1893—1946). Министр иностранных дел Германии (1938—1945). Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924). Один из лидеров октябристов, монархист. После Октябрьской революции бежал на Юг, к генералам Л. Г. Корнилову и А. И. Деникину. В 1920 г. эмигрировал.

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968). Маршал Советского Союза (1941), Маршал Польши (1949). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В Великой Отече-

ственной войне командовал армией в Московской битве, Брянским, Донским (в Сталинградской битве), Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусским (в Висло-Одерской и Берлинской операциях) фронтами. Член КПСС с 1919 г.

Рузвельт Франклин Делано (1882—1945). 32-й Президент США (1933—1945). С начала второй мировой войны выступил в поддержку Великобритании, Франции и СССР (с июня 1941 г.) в их борьбе с фашистской Германией. Внес значительный вклад в создание антигитлеровской коалиции. Придавал большое значение ООН и послевоенному международному сотрудничеству, в том числе между США и СССР.

Савинков Борис Викторович (1879—1925). Один из лидеров партии эсеров и антисоветского подполья. Писатель. В Женеве вступил в Боевую организацию партии эсеров. После ареста Гершуни вместе с Азефом стал одним из ее руководителей и организаторов террористических актов — убийства В. К. Плеве, великого князя Сергея Александровича и др.

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989). Советский физик, академик АН СССР (1953). Совместно с И. Е. Таммом предложил применить нагретую плазму, помещенную в магнитное поле, для получения управляемой термоядерной реакции; известен трудами по ядерной физике, создатель водородной бомбы. Член Совета директоров Международного фонда за выживание и развитие человечества (1988); лауреат Нобелевской премии мира (1975), трижды Герой Социалистического Труда (1953, 1956, 1962), лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

В августе 1968 г. отстранен от секретных работ, а с 1969 г. направлен на работу в Физический институт АН СССР. В 1979—1980 гг. выступал против введения войск в Афганистан. Был лишен всех правительственных наград и без суда выслан в г. Горький. В декабре 1986 г. получил разрешение вернуться в Москву. 2 июня 1989 г. выступил на I Съезде народных депутатов с программной речью и проектом «Декрета о власти».

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919). Деятели Коммунистической партии и Советского государства.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878—1953). Партийный и государственный деятель СССР. В социал-демократическом движении с 1898 г. Нарком по делам национальностей РСФСР (1917—1923). Нарком РКИ РСФСР (1920—1922), одновременно член РВС Республики и ряда фронтов. В 1922—1953 гг. — Генеральный секретарь ЦК партии. В 1941—1953 гг. — Председатель Совнаркома (Совмина) СССР. В годы Великой Отечественной войны — Председатель Государственного комитета обороны и Верховный Главнокомандующий. В 1941—1947 гг. — нарком обороны и министр Вооруженных Сил СССР. Генералиссимус СССР (1945). Почетный член Академии наук СССР (1939). Герой Советского Союза (1945). Герой Социалистического Труда (1939).

Хуан Карлос I (1939). Король Испании. Провозглашен королем с 1975 г., после смерти диктатора Франко.

Хусейн Саддам (1937). Президент и Премьер-министр Иракской Республики. Маршал.

Тимошенко Семен Константинович (1895—1970). Маршал Советского Союза (1940). Дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). В советско-финляндскую войну командовал Северо-Западным фронтом. В 1940—1941 гг. (до июля) — нарком обороны СССР. Главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлениями (1941—1942). Командующий войсками Западного, Юго-Западного, Сталинградского и Северо-Западного фронтов (1941—1943). Член КПСС с 1919 г. Член ЦК КПСС (1939—1952).

Тито (Броз Тито) Иосиф (1892—1980). Деятель югославского и международного коммунистического движения, председатель Союза коммунистов Югославии (СКЮ) с 1966 г. В 1940—1952 гг. — Генеральный секретарь ЦК Компартии, в 1952—1966 гг. — генеральный секретарь СКЮ. Президент Югославии с 1953 г. Председатель Президиума СФРЮ с 1971 г. Маршал (1943). Трижды Народный Герой Югославии (1944, 1972, 1977).

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940). Профессиональный революционер, один из организаторов Октябрьской революции. После победы революции в первом Советском правительстве Троцкий занял пост наркома иностранных дел. В марте 1918 г. на VII съезде РКП(б), высказавшемся за заключение мира с Германией, подал в отставку. Нарком по военным и морским делам. Председатель Реввоенсовета РСФСР. Осенью 1923 г. Троцкий стал добиваться отмены резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», настаивая на свободе фракций и группировок. На январском (1925) Пленуме ЦК и ЦКК

РКП(б) был предупрежден о недопустимости ведения фракционной работы и освобожден от обязанностей наркома по военным и морским делам. В августе 1940 г. по заданию НКВД был убит испанцем Рамоном Меркадером дель Рио.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937). Маршал Советского Союза (1935). Репрессирован.

Устинов Дмитрий Федорович (1908—1984). Советский партийный и государственный деятель. Длительное время входил в состав высших партийных органов, являлся членом ЦК КПСС (с 1952), кандидатом в члены Президиума, членом Политбюро (1965—1984). Герой Советского Союза (1978), дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961). Маршал Советского Союза (1976). Лауреат Государственных премий СССР (1953, 1983) и Ленинской премии (1982).

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971). Партийный и государственный деятель СССР. В 1934—1938 гг. первый секретарь Московского горкома и обкома партии. Член Политбюро (Президиума) ЦК партии (1939—1964). В 1938—1949 гг. (с перерывом март—декабрь 1947 г.) — первый секретарь ЦК КП(б) Украины. Одновременно в 1944—1947 гг. — Председатель Совнаркома (Совмина) Украины. В годы Великой Отечественной войны — член Военного Совета ряда фронтов. С 1949 г. — секретарь ЦК партии и одновременно первый секретарь Московского комитета партии. В 1958—1964 гг. — Председатель Совета Министров СССР. Герой Советского Союза (1964), Трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1957, 1961). Генерал-лейтенант

(1943). Освобожден Пленумом ЦК КПСС 14 октября 1964 г. от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС.

Черненко Константин Устинович (1911—1985). Советский государственный и партийный деятель. В 1976 г. избран секретарем ЦК, а в феврале 1984 г. — Генеральным секретарем ЦК КПСС. С апреля 1984 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. При Черненко застой в стране продолжался, кроме того, скрытым неосталинизмом замышлялась новая волна репрессий против «инакомыслящих». Но у правящей группы, объединившейся под началом Черненко, не хватило времени, чтобы осуществить свои зловещие замыслы. Трижды Герой Социалистического Труда (1976, 1981, 1984). Лауреат Ленинской премии. Похоронен в Москве на Красной площади.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965). Британский политический и государственный деятель. Один из лидеров Консервативной партии. В 1940—1945; 1951—1955 гг. — Премьер-министр Великобритании. Стоял вместе с государственными деятелями других стран в колыбели зарождения антигитлеровской коалиции, а 22 июня 1941 г. заявил о решительной поддержке борьбы советского народа против фашизма.

Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936). Советский государственный деятель, дипломат. В составе советской делегации подписал Брестский мирный договор с Германией 3 марта 1918 г. В мае того же года назначен наркомом иностранных дел РСФСР. В 1923—1930 гг. —

нарком иностранных дел СССР. Руководил советскими делегациями на Генуэзской (1922), Лозаннской (1922—1923) конференциях. Подписал договоры о дружбе с Ираном, Афганистаном, Рапалльский договор с Германией.

Эспин Лес (1938). Политический деятель США. С 1985 г. — председатель комитета палаты представителей по делам вооруженных сил.

Янаев Геннадий Иванович (1937) Вице-президент СССР. Возглавил ГКЧП и взял на себя в августе 1991 г. обязанности Президента СССР. Был привлечен к уголовной ответственности по делу ГКЧП.

Научно-популярное издание

**ТАЙНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПЕРЕВОРОТОВ И РЕВОЛЮЦИЙ**

Автор-составитель *Малаховская Галина Цыбиковна*

Ответственный за выпуск *Т. Г. Ничипорович*

Редактор *Т. И. Ревяко*

Корректор *Н. В. Доркина*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.12.97. Формат

84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 32,34. Уч.-изд. л. 24,47.

Тираж 15 000 экз. Заказ 2666.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181 от 08.08.95.

220050, Минск, ул. Ульяновская, 39—11.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Энциклопедия тайн и сенсаций

ТАЙНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ И РЕВОЛЮЦИЙ

Трагедия в Екатеринбурге

Азеф

Гапон

Имре Надь

Убийство графа Мирбаха

Золото Албании

Нестор Махно

Последние дни Чаушеску

Шарль де Голль

Ден Сяопин

Венгрия, 1956

Чехословакия, 1968

Афганистан, 1979

Франсиско Франко

Аугусто Пиночет

Убийство Троцкого

Литература